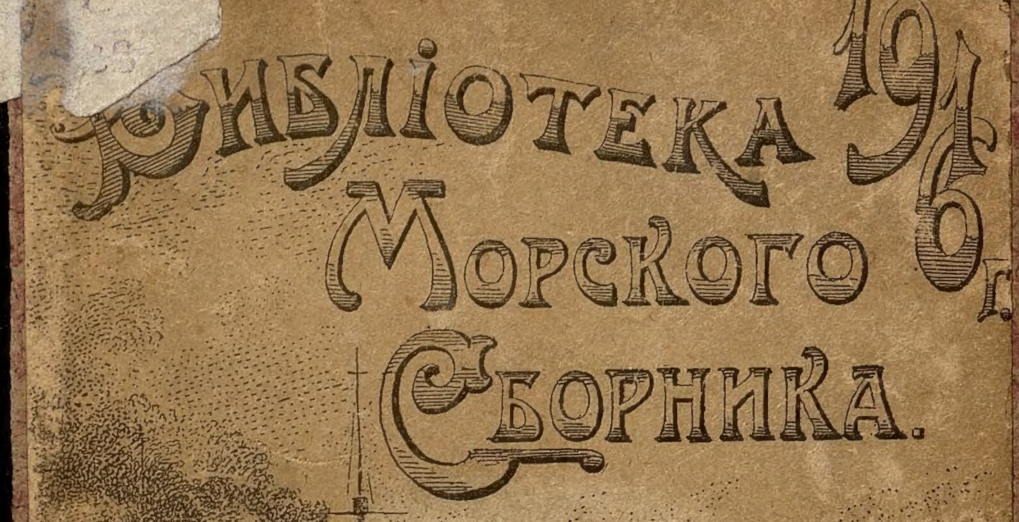

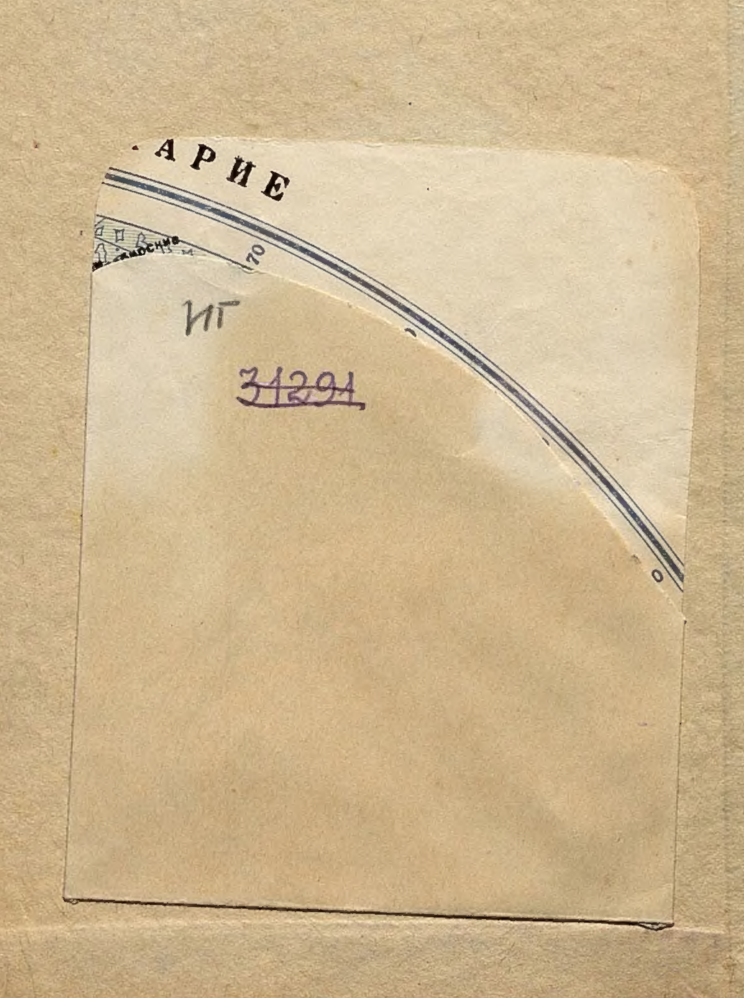
А. ШТЕНЦЕЛЬ

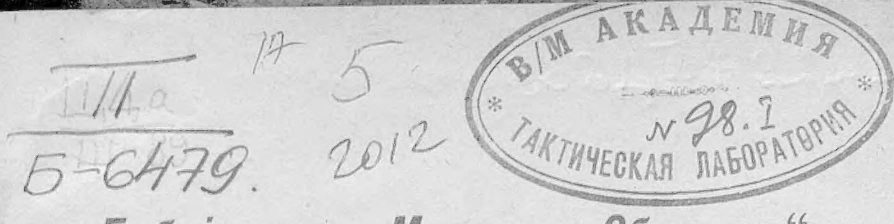
отставной капитанъ 1-го ранга.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ

съ точки зрѣнія морской тактики.

Безплатное приложеніе къ № 3
„Морского Сборника".

АРИЕ
70

Библіотека „Морского Сборника“.

№ 2.

А. ШТЕНЦЕЛЬ

отставной капитанъ 1-го ранга.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ

въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ съ точки зрѣнія морской тактики.

Безплатное приложеніе къ № 3 „Морского Сборника“.

И. д. Редактора—старшій лейтенантъ К. ЖИТКОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1916.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ

ВЪ ЕЯ ВАЖНѢЙШИХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МОРСКОЙ ТАКТИКИ.

Альфреда Штенцеля.

Свиты Его Величества Германскаго Императора отставного капитана 1-го ранга.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Съ предисловіемъ Р. Дитмара, и съ критико-біографическимъ очеркомъ о Штенцелѣ.

Съ 2 портретами, 20 рисунками и картами.

Изданоо на нѣмецкомъ языкѣ въ 1907 г.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1916.

Отъ Редакціи „Морского Сборника“.

До сихъ поръ въ русской литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія по всемірной военно-морской исторіи. Это обстоятельство создаетъ большія затрудненія для офицеровъ флота при ознакомленіи съ исторіей флота. Имъ приходится обращаться къ отдѣльнымъ разрозненнымъ монографіямъ и сочиненіямъ различныхъ авторовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Такія затрудненія естественно не могутъ ни влiять на пониженіе общаго интереса къ изученію даннаго предмета.

Желаніе восполнить этотъ пробѣлъ и заставило Редакцію „Морского Сборника“ предпринять печатаніе перевода труда нѣмецкаго военно-морского писателя Альфреда Штенцеля „Исторія войны на морѣ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ съ точки зрѣнія морской тактики“, вышедшаго въ Германіи въ 1907—11 г.г. въ 5-ти частяхъ, уже послѣ смерти автора, по матеріаламъ обработаннымъ капитаномъ 1 ранга Р. Дитмаромъ и вице-адмираломъ Кирхгофомъ.

Такъ какъ трудъ Штенцеля печатался не имъ самимъ, а лишь послѣ его смерти, по собраннымъ имъ матеріаламъ, другими, то въ немъ встрѣчается не мало *фактическихъ* ошибокъ. Такія ошибки могли оказаться и у самого Штенцеля въ виду огромной трудности при составленіи такого труда, въ особенности въ условіяхъ того времени когда работалъ Штенцель.

Въ виду этого для редакціи *фактической* части издаваемыхъ на русскомъ языкѣ трудовъ Штенцеля былъ приглашенъ ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи генералъ-маіоръ Н. Л. Кладо, которому и принадлежатъ выноски за подписью „Ред.“. Имъ же написана вводная статья „Альфредъ Штенцель. Критико-біографическій очеркъ“.

1-я часть печатается въ переводѣ лейтенанта Бундасъ.

Альфредъ Штенцель.

Свиты Его Величества Германскаго Императора капитанъ 1-го ранга въ отставкѣ.

АЛЬФРЕДЪ ШТЕНЦЕЛЬ.

Критико-біографическій очеркъ.

— —

1. Военная исторія должна быть настольной книгой каждаго офицера.

Главный источникъ для изученія военнаго искусства—это военная исторія. Въ этомъ согласны и военные теоретики и практики. Объ этомъ неизмѣнно твердятъ всѣ выдающіеся военные таланты и военные геніи.

А, значитъ, понятно какъ важно всякому офицеру имѣть подъ рукой военную исторію, ибо трудно вообразить себѣ офицера *не желающаго* изучать военное искусство, или пожалуй вѣрнѣе—не слѣдуетъ себѣ воображать офицера таковымъ.

Въ дѣйствительности таковыхъ, которые не сознаютъ важности подготовки себя къ веденію войны путемъ изученія военной исторіи и которые пренебрегаютъ таковымъ изученіемъ, на самомъ дѣлѣ очень много. Но не они въ этомъ виноваты. Повторяемъ—нельзя себѣ вообразить офицера *не желающаго* изучать военное искусство. Но не знающихъ наилучшихъ путей для этого, или знающихъ, но лишенныхъ возможности использовать эти пути—таковыхъ очень много. И причины этому: во первыхъ—малое распространеніе въ толщѣ личнаго состава офицеровъ представленія о важности изученія военной исторіи для проникновенія въ сущность военнаго искусства, а во вторыхъ—отсутствіе соотвѣтственно обработанныхъ для достиженія этой цѣли трудовъ по военной исторіи. Особенно это отсутствіе рѣзко чувствуется въ военно-морской литературѣ гораздо болѣе бѣдной вообще, по сравненію съ литературой имѣющей предметомъ веденіе войны на сушѣ.

Съ перваго взгляда кажется нѣсколько страннымъ такой фактъ. Дѣйствительно, мало-ли существуетъ трудовъ по военно-морской исторіи? Неужели нельзя сдѣлать изъ нихъ такой подборъ, который былъ бы пригоденъ для вышеуказанной цѣли?

2. Что можетъ дать изученіе военной исторіи для овладѣнія искусствомъ веденія войны.

Чтобы объяснить себѣ этотъ фактъ надо ясно себѣ представить—что именно можетъ дать изученіе военной исторіи для того, чтобы овладѣть искусствомъ веденія войны, и, значитъ, каковъ именно долженъ быть тотъ трудъ по военной исторіи, чтобы онъ былъ наиболѣе пригоденъ для наиудобнѣйшаго достиженія этой цѣли.

Почерпнуть изъ военной исторіи указаніе—какъ поступать въ различныхъ случаяхъ военной дѣятельности—очевидно невозможно. Исторія вся въ прошломъ, и тѣ *формы* военной дѣятельности, которыя годились въ послѣдней даже войнѣ, уже могутъ оказаться совершенно непригодными въ будущей войнѣ, такъ какъ *формы* эти въ огромной мѣрѣ зависятъ отъ *средствъ* войны, которыя постоянно и быстро мѣняются. Затѣмъ каждая *форма* военной дѣятельности складывается подъ вліяніемъ очень сложной комбинаціи изъ различныхъ и многихъ элементовъ обстановки, и потому, несмотря на огромное разнообразіе историческихъ прецедентовъ, подобрать такую обстановку въ прошломъ, которая достаточно точно соотвѣтствовала бы обстановкѣ того или другого конкретнаго случая въ практической дѣятельности, и искать въ этомъ прецедентѣ указаній какъ поступать въ данномъ случаѣ—немыслимо.

Цѣль изученія военной исторіи заключается не въ томъ, чтобы *подражать* историческимъ образцамъ, а въ томъ, чтобы путемъ изученія этихъ образцовъ *понять сущность военнаго искусства*, уловить въ немъ то *неизмѣнное*, что составляетъ его сущность, и что поэтому ложится въ основу рѣшенія военныхъ вопросовъ во всевозможныхъ случаяхъ, сколь-бы ни были разнообразны эти случаи.

Уловить это неизмѣнное, убѣдиться въ томъ, что уловленное именно таково и что можно на него *всегда* положиться, возможно лишь въ томъ случаѣ, если удастся выловить его въ цѣломъ рядѣ случаевъ насколько только возможно *болѣе разнообразныхъ* по обстановкѣ. Только тогда можетъ создаться *убѣжденіе*, что оно пригодно и надежно и въ той конкретной

обстановкѣ, въ которой приходится рѣшать тотъ или другой военный вопросъ.

3. Какъ должна быть изложена военная исторія долженствующая быть настольной книгой каждаго офицера.

Таковъ значитъ и долженъ быть подборъ фактовъ въ томъ трудѣ по военно-морской исторіи, о которомъ говорено выше. Значитъ, онъ не можетъ содержать описанія военныхъ событій только *послѣдняго* времени. Необходимо чтобы онъ содержалъ въ себѣ образцы *всѣхъ* эпохъ, въ которыя происходили войны на морѣ, иначе главное, что можетъ дать изученіе военно-морской исторіи для овладѣнія искусствомъ веденія войны на морѣ, не будетъ достигнуто.

Но такъ какъ войнъ на морѣ было очень много и онѣ изобилуютъ великимъ множествомъ всякихъ событій, то необходимъ строгій отборъ фактовъ —иначе этотъ матеріалъ будетъ недоступенъ и непреодолимъ для огромнаго большинства.

При этомъ отборѣ надо руководиться единственною цѣлью—давать только то, что ведетъ къ пониманію искусства веденія войны на морѣ. Но такъ какъ важнѣйшая часть этого пониманія заключается въ выявленіи и въ созданіи *убѣжденія* въ неизмѣнности основъ этого искусства, надо тщательно устранить всякую возможность подозрѣнія въ *тенденціозности* этого отбора. Такое подозрѣніе въ корнѣ бы убило возможность *убѣжденія*.

А потому при этомъ отборѣ нельзя отбрасывать *крупныя* событія морскихъ войнъ, имѣвшія рѣшительное вліяніе на ихъ теченіе. Иначе можетъ создаться впечатлѣніе, что посредствомъ *умолчанія* о рѣшающихъ крупныхъ событіяхъ, не оправдывающихъ предвзятую мысль, и путемъ подмѣны ихъ мелкими, въ виду огромнаго множества которыхъ всегда можно подобрать между ними подходящія, *искусственно* создаются какія-то основы военнаго искусства, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и не связанныя съ ними органически, не вытекающія изъ его дѣйствительной природы. Тѣмъ болѣе нельзя отбрасывать дѣянія крупныхъ военныхъ талантовъ и военныхъ геніевъ. Вѣдь такимъ титуломъ отмѣчены именно тѣ люди, которые *на дѣлѣ* показали, что они обладаютъ высокимъ пониманіемъ военнаго искусства и умѣньемъ примѣнять его на дѣлѣ. Ими собственно и создано военное искусство. А потому если нельзя фактами изъ военной исторіи убѣдить, что основы военнаго искусства это именно то, что

руководило дѣлами выдающихся военныхъ талантовъ и военныхъ геніевъ, если нельзя строго логически объяснить случаи, когда они отступали отъ этихъ основъ, если нельзя строго доказать, что они ошибались въ извѣстныхъ случаяхъ такихъ отступленій, то втуне будемъ надѣяться, что такое изложеніе фактовъ военной исторіи можетъ создать какое нибудь *убѣжденіе* въ устойчивости основъ военнаго искусства.

Такимъ образомъ никакіе умолчанія и пропуски въ области крупныхъ дѣлъ выдающихся флотоводцевъ совершенно немыслимы.

Наконецъ, мало только отобрать и изложить факты. Для большинства читателей нужно еще и освѣтить эти факты сообразно съ той цѣлью, для достиженія которой они изучаются. И притомъ это освѣщеніе отнюдь не должно не только казаться, но и на самомъ дѣлѣ не должно быть тенденціознымъ, а должно быть строго объективнымъ и безпристрастно обоснованнымъ—иначе нельзя создать *убѣжденія*.

А вѣдь именно въ этомъ то *убѣжденіи*, какъ было указано выше, вся суть.

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ конечно крайне трудно, а потому мало кто и брался за подобный трудъ. А если кто и брался, то ставилъ себѣ обыкновенно частичную и болѣе легкую задачу—просто дать въ болѣе или менѣе связномъ изложеніи описаніе главныхъ морскихъ войнъ, отмѣчая главныя въ нихъ событія, не руководясь опредѣленной цѣлью при отборѣ фактовъ, не освѣщая ихъ съ точки зрѣнія этой цѣли: однимъ словомъ—не подчиняя изложеніе военной исторіи строго *практической* цѣли—служить для изученія военнаго искусства и *ничему больше*.

4. Каждый офицеръ долженъ изучить военную исторію изложенную въ видѣ «исторіи военнаго искусства», а таковой нѣтъ.

Вотъ въ такомъ именно изложеніи военно-морская исторія получаетъ названіе „исторіи военно-морского искусства", и въ такомъ видѣ она не написана и до сихъ поръ, и вслѣдствіе вышеуказанныхъ огромныхъ трудностей, и вслѣдствіе рѣдкаго сознанія у военно-морскихъ писателей въ необходимости именно *такого* труда.

За такой трудъ могъ взяться только фанатикъ этой идеи, поставившій напр. себѣ цѣлью написать теорію военно-морского искусства, и воочію убѣдившійся въ томъ, что

[так]ая теорія почти безполезна для читателя неподготовлен[н]аго къ ея воспріятію посредствомъ изученія „исторіи военно-морского искусства“, а потому именно и рѣшившійся написать *такой* трудъ по военно-морской исторіи.

5. Штенцель первый сдѣлалъ попытку написать «исторію военно-морского искусства».

Вотъ именно таковъ и былъ нѣмецкій военно-морской писатель Альфредъ Штенцель. Его трудъ далеко не совершененъ съ точки зрѣнія выставленныхъ выше къ такому труду требованій. Какъ мы увидимъ ниже, этотъ трудъ даже и не могъ выйти совершеннымъ, такъ какъ Штенцель смогъ только собрать для него матеріалы, и едва только началъ ихъ обработку, которую уже послѣ его смерти за него докончили другіе и, конечно, сдѣлали это далеко не такъ, какъ онъ этого желалъ. Да и самъ онъ едва-ли бы создалъ такой трудъ по военно-морской исторіи, о которомъ онъ мечталъ,—настолько велики были трудности, которыя ему пришлось-бы преодолѣвать. Но все-таки *отблески* его фанатической идеи создать именно *такой* трудъ, который служилъ-бы спеціально для подготовки къ воспріятію теоріи военнаго искусства, сохранились въ обработанной по его матеріаламъ и замѣткамъ „Исторіи войны на морѣ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ съ точки зрѣнія морской тактики“, и именно благодаря этимъ отблескамъ трудъ этотъ, несмотря на всѣ свои недостатки, является выдающимся, и никакимъ трудомъ до сихъ поръ появившимся замѣненъ быть не можетъ.

Это и послужило основаніемъ къ тому, чтобы дать переводъ этого труда на русскій языкъ.

6. Всѣ существующіе труды по военно-морской исторіи не даютъ того, что нужно рядовому офицеру для исторической его подготовки къ изученію искусства веденія войны на морѣ.

Прототипомъ такого труда можетъ служить сочиненіе Clerk'a „An essay on naval tactic“, появившееся въ концѣ XVIII вѣка [1]), но несмотря на то что трудъ этотъ положительно классическій въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ онъ написанъ, онъ настолько мало выходитъ изъ предѣловъ опредѣленнаго періода эпохи парусныхъ флотовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивается столь отдаленной для насъ эпохой (больше 100 лѣтъ тому назадъ), что дать достаточный матеріалъ для *убѣжденія въ незыблемости основъ военно-морского искусства* онъ не можетъ.

Трудъ Коломба „Морская война“ и многочисленные труды Мэхэна въ своей совокупности представляютъ изъ

[1]) Переведено на русскій языкъ подъ названіемъ «Движеніе флотовъ» въ 1803 г.

себя хорошій матеріалъ для подготовки къ воспріятію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеній теоріи военно-морского искусства, но оба эти автора, входя въ большія подробности въ изложеніи событій извѣстныхъ періодовъ, совершенно не касаются исторіи войнъ на морѣ до XVI столѣтія, и очень мало говорятъ о періодѣ парового флота. Притомъ оба они совершенно не задаются цѣлью приспособить свое изслѣдованіе, какъ подготовку къ изученію теоріи военнаго искусства, а задаются частными цѣлями: первый хочетъ выяснить значеніе обладанія моремъ въ морской войнѣ, а второй — вліяніе морской силы на результаты нѣсколькихъ выбранныхъ имъ войнъ.

Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ въ многочисленныхъ и обширныхъ своихъ трудахъ съ большой любовью разрабатываетъ какъ разъ тѣ эпохи, которыя совершенно не затронуты у Коломба и Мэхэна, но за то его экскурсіи въ эпохи парусного и парового флота очень отрывочны и случайны. Настолько случайны, что будучи французомъ, онъ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ трудовъ не посвятилъ дѣяніямъ величайшихъ французскихъ флотоводцевъ Турвилю, Дюкену и даже Сюффрену. Наконецъ, критическое отношеніе къ излагаемымъ событіямъ съ точки зрѣнія основъ военнаго искусства у него совсѣмъ отсутствуетъ.

Этимъ послѣднимъ недостаткомъ страдаютъ и всѣ труды по исторіи военныхъ флотовъ отдѣльныхъ странъ. Таковы даже новѣйшіе изъ нихъ: De la Roncière „Histoire de la marine française“ (еще не закончено, вышло только 4 тома) и L. Clowes. „The Royal Navy. A history from the earliest times to the present“ (послѣдній седьмой томъ вышелъ въ 1903 году). Притомъ, какъ относящіеся лишь къ исторіи отдѣльныхъ флотовъ, труды эти, несмотря иногда на огромный свой объемъ (напр. вышеуказанная новѣйшая исторія англійскаго флота содержитъ около 4500 страницъ большого формата очень убористаго шрифта), являются вмѣстѣ съ тѣмъ и далеко неполными и потому, по причинамъ указаннымъ выше, для выявленія основъ военнаго искусства, а тѣмъ болѣе для *убѣжденія въ ихъ всеобщности и незыблемости* служить не могутъ.

Изъ трудовъ, пытающихся дать полный обзоръ всѣхъ морскихъ войнъ, можно указать два: Du Sein „Histoire de

la marine de tous les peuples depuis les temps les plus reculés jusqu'a nos jours" 1879 г. и Chabaud-Arnault „L'histoire des flottes militaires" 1889 г.

Полнымъ можно назвать только первый трудъ, такъ какъ второй излагаетъ морскія войны только съ начала XVII столѣтія и болѣе чѣмъ поверхностно относится къ войнамъ, въ которыхъ не участвовала Франція. Притомъ оба эти труда писались совершенно внѣ всякой связи съ основами военно-морского искусства и служить подготовкой къ пониманію этихъ основъ совершенно не могутъ. Сочиненіе Du Sein можетъ служить хорошимъ справочникомъ по хронологіи всѣхъ морскихъ войнъ до 1870 г., за исключеніемъ морскихъ войнъ въ американскихъ республикахъ.

Трудъ же Chabaud-Arnault не пригоденъ и для этого. Однако именно онъ почему-то былъ изданъ на русскомъ языкѣ Военно-Морскимъ Ученымъ Отдѣломъ Главнаго Морского Штаба въ 1896 г. Конечно онъ оказался совершенно непригоденъ, какъ пособіе для изученія военнаго искусства, и могъ служить лишь для самого поверхностнаго ознакомленія съ главнѣйшими морскими войнами, главнымъ образомъ французскими.

Разъ уже пришлось упомянуть о трудахъ могущихъ играть лишь роль справочниковъ, слѣдуетъ указать на превосходный справочникъ дѣйствительно по всѣмъ войнамъ какъ сухопутнымъ такъ и морскимъ, которыя когда либо вело человѣчество. Это IX томъ новѣйшей нѣмецкой военной энциклопедіи—„Handbuch für Heer und Flotte. Enzyklopädie der Kriegswissenschaften und verwandter Gebiete" herausgegeben von Georg von Alten, 1912 г.

Однимъ словомъ, каковы-бы ни были всѣ перечисленные выше труды, внѣ зависимости отъ ихъ размѣровъ, полноты, подробности, объема охваченнаго періода времени, талантливости и научности автора—всѣ они имѣютъ общую черту: они не преслѣдуютъ цѣли спеціально служить для пониманія военнаго искусства, ни одинъ авторъ этой спеціальной цѣлью не задавался, а потому использовать ихъ для этой, между тѣмъ, страшно важной и чисто *практической* цѣли, крайне трудно.

Надо одолѣть цѣлый рядъ громоздкихъ трудовъ, затратить массу вниманія и продумыванія, чтобы сдѣлать необхо-

димый отборъ фактовъ, чтобы обобщить ихъ значеніе, чтобы сдѣлать изъ нихъ выводы значащіе для военнаго искусства будущаго.

Безспорно такая работа страшно плодотворна, гораздо плодотворнѣе прочтенія труда, гдѣ все это уже сдѣлано авторомъ.

Но вопросъ въ томъ—доступна-ли такая работа для рядового строевого офицера? На такую работу у огромнаго большинства не хватитъ времени, а у многихъ и охоты, и усидчивости. И въ результатѣ—исторической подготовки въ изученіи военнаго искусства въ толщѣ личнаго состава не окажется. А вѣдь огромная важность и необходимость такой подготовки все-же остается.

7. «Исторія войны на морѣ» Штенцела, несмотря на крупные недочеты, остается единственнымъ трудомъ пригоднымъ для рядового офицера.

Вотъ почему, значитъ, огромную цѣнность пріобрѣтаютъ труды по военно-морской исторіи, которые могутъ быть отмѣчены между другими, какъ задуманные съ опредѣленной цѣлью непосредственно служить для изученія военно-морского искусства, и которые могутъ быть выдѣлены изъ остальныхъ трудовъ по военно-морской исторіи въ отдѣльную рубрику трудовъ по „исторіи военно-морского искусства".

Таковъ именно предлагаемый трудъ Альфреда Штенцеля, обладающій, какъ было уже указано выше, крупными недочетами, но все-таки *первый* который и по задуманному плану, и въ значительной мѣрѣ по выполненію, можетъ назваться трудомъ по „исторіи военнаго искусства".

И потому переводъ его на русскій языкъ является крайне необходимымъ.

Если онъ и не дастъ русскимъ офицерамъ всего того, что можно требовать отъ „исторіи военно-морского искусства", то во всякомъ случаѣ онъ дастъ извѣстное направленіе мысли, которое можетъ послужить толчкомъ для самостоятельныхъ работъ въ этомъ направленіи, и какъ результатъ распространенія этого перевода можетъ явиться русская „исторія военно-морского искусства". И если это случится всѣ затраты на изданіе Штенцеля окупятся съ лихвой.

Какъ разъ въ годъ смерти Штенцеля (1906 г.) началъ печататься еще одинъ трудъ по „исторіи военнаго искусства" [1]), принадлежащій перу одного изъ учениковъ Штен-

---

[1]) «Seekriege und Seekriegswesen in ihren weltgeschichtlichen Entwicklung» von Rudolph Rittmeyer.

[illegible] контръ-адмиралу Ритмейеру. Но, помимо того, что ученикъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ своему учителю въ полнотѣ замысла, до настоящей войны трудъ этотъ былъ еще далеко не законченъ—появилось только два тома, обнимающіе періодъ морскихъ войнъ лишь до эпохи французской революціи (1793 г.), и теперь мы конечно не скоро еще дождемся до возможности воспользоваться этимъ трудомъ, если онъ теперь и заканчивается.

А потому трудъ Штенцеля все-таки остается пока единственнымъ законченнымъ, а потому изданіе его на русскомъ языкѣ является совершенно необходимымъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить трудъ Штенцеля, чтобы понять его недостатки и умѣть мириться съ ними, чтобы имѣть основаніе просто довѣрять ему, когда его мнѣніе оказалось изъ за незаконченности его работы фактически недостаточно обоснованнымъ, чтобы лучше проникнуться его намѣреніями, необходимо хотя-бы въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ его незаурядной личностью, съ той школой, которую онъ прошелъ, съ направленіемъ его мысли, и съ тѣмъ какъ создавался его трудъ, который ему суждено было только начать, и который вслѣдствіе этого, конечно, появился далеко не въ томъ видѣ, какъ онъ былъ задуманъ.

8. Штенцель достигъ перваго офицерскаго чина въ 30 лѣтъ путемъ желѣзной энергіи и неустаннаго труда въ самообразованіи.

Альфредъ Штенцель родился 24 декабря 1832 г. въ Бреславлѣ. Отецъ его былъ профессоромъ исторіи въ бреславльскомъ университетѣ и кромѣ того занималъ въ немъ должность архиваріуса. Мать его урожденная Бредовъ (Bredow) была дочерью писателя-историка Габріэля Готфрида Бредова.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мальчикъ мечталъ о морской службѣ, но отецъ его, вслѣдствіе политическихъ своихъ убѣжденій, былъ противъ поступленія сына въ прусскій военный флотъ. Поэтому 17 лѣтъ Штенцель поступилъ на торговый корабль и, чтобы продвинуться впередъ, онъ все свое свободное время съ желѣзной энергіей посвящалъ самообразованію. Урывками онъ посѣщалъ мореходную школу въ Бременѣ, и выдержалъ экзаменъ на шхипера. Въ то-же время онъ тщательно изучалъ англійскій языкъ и дошелъ до того, что читалъ по англійски Шекспира и занимался переводами. Только въ возрастѣ 27 лѣтъ накопленныя съ огромнымъ трудомъ сбереженія позволили ему отправиться въ Берлинъ и Геттингенъ, чтобы слушать въ университетѣ

лекціи по математикѣ. Знаменитый Гаусъ обратилъ на него вниманіе, какъ на очень способнаго ученика, и по его рекомендаціи Штенцель получилъ занятія въ съемкѣ гановерскаго берега. И только послѣ того, какъ здѣсь онъ выдѣлился своими занятіями и трудолюбіемъ, уже почти въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ (1 мая 1862 г.), ему удалось осуществить завѣтную свою мечту—онъ былъ зачисленъ кандидатомъ на офицерскій чинъ въ прусскій королевскій флотъ. Черезъ полтора года онъ сдалъ экзаменъ на чинъ лейтенанта 2 класса.

9. Обстановка перваго десятилѣтія службы Штенцеля выработала въ немъ убѣжденіе въ важности морской силы и въ необходимости «военнаго» образованія для личнаго состава германскаго военнаго флота.

Въ продолженіе перваго десятилѣтія своей службы въ военномъ флотѣ Штенцель принималъ дѣятельное участіе въ трехъ войнахъ. Въ 1864 г. въ войнѣ съ Даніей, въ чинѣ лейтенанта на корветѣ *Arcona*, въ 1866 г.—съ Австріей, въ званіи командира канонерской лодки *Tiger*, и въ 1870—71 г. съ Франціей—въ званіи начальника штаба вице-адмирала Яхмана (Jachmann), командовавшаго всѣми нѣмецкими морскими силами.

Какъ извѣстно, нѣмецкій флотъ, вслѣдствіе своей слабости, не могъ принимать серьезнаго участія во всѣхъ этихъ трехъ войнахъ, но именно эта постоянная тщательная и мелочная борьба со всѣми послѣдствіями безсилія, эта горечь вынужденнаго бездѣйствія, которое давало досугъ для мучительныхъ и безконечныхъ думъ,—именно вотъ вся эта обстановка создала въ душѣ Штенцеля яркое и не погаснее до конца его жизни убѣжденіе въ огромной важности морской силы, въ необходимости имѣть такую силу Германіи.

Вмѣстѣ съ этимъ блестящія побѣды нѣмецкой арміи въ этихъ трехъ войнахъ, ярко выразившееся вліяніе на такой побѣдоносный результатъ расцвѣта военной науки въ Германіи, и какъ послѣдствія этого расцвѣта- превосходная подготовка арміи и страны къ войнѣ—заставили Штенцеля искать именно въ германской военной наукѣ отвѣта на вопросъ, какъ создать и подготовить къ войнѣ германскій флотъ, который могъ бы быть достойнымъ соратникомъ и надежной опорой покрывшей себя лаврами арміи. Это заставило его обратиться къ изученію Клаузевица—одного изъ творцовъ стратегіи какъ науки, идеи котораго, выведенныя изъ дѣяній Наполеона, легли въ основу военной подготовки нѣмецкой арміи.

После полнаго разгрома Пруссіи въ 1807 г. (Іена) возрожденіе прусской арміи было начато съ учрежденія военной академіи, въ которой Шарнгорстъ и Клаузевицъ использовали тяжелый урокъ данный пруссакамъ Наполеономъ, и разработали основы военной науки, и этимъ положили незыблемый фундаментъ для правильной подготовки арміи къ войнѣ. 10. Созданіе серьезной германской морской силы было начато съ учрежденія морской академіи.

Блестящій результатъ подтвердилъ правильность выбраннаго пути, и когда послѣ цикла объединительныхъ войнъ (1864—1871), въ которыхъ германскому флоту пришлось играть такую жалкую роль, рѣшено было приступить къ созданію серьезной морской силы, то опять первымъ шагомъ къ тому было основаніе въ 1875 г. морской академіи, въ стѣнахъ которой должны были быть разработаны основы науки подготовки и веденія войны на морѣ.

Выборъ для начальнаго выполненія этой важной работы палъ на Штенцеля, который былъ приглашенъ читать въ только-что основанной академіи всю чисто военную часть военно-морской науки, а именно—военно-морскую исторію, военно-морскую организацію и веденіе войны на морѣ. Въ этой должности Штенцель оставался 6 лѣтъ. 11. Штенцель положилъ основаніе въ морской академіи всѣмъ чисто «военнымъ» наукамъ.

Конечно Штенцель самъ былъ далеко не подготовленъ къ тому, чтобы выполнить такую грандіозную и исключительно-трудную работу. У него были только хорошія отправныя данныя для приступа къ такой работѣ, а именно: 1) онъ былъ уменъ и хорошей математической подготовкой (см. выше мнѣніе о немъ Гауса) подготовилъ свой умъ къ ясному логическому мышленію; 2) онъ положилъ твердое основаніе своему военному образованію, начавъ его съ серьезнаго изученія такого классика какъ Клаузевицъ, и имѣлъ возможность повѣрить правильность его положеній на протекавшихъ на его глазахъ событіяхъ трехъ блестящихъ для Германіи войнъ; 3) онъ имѣлъ солидный профессіональный опытъ, если не чисто боевой (онъ одинъ разъ лишь участвовалъ въ перестрѣлкѣ въ 1864 г. съ датскимъ отрядомъ), то опытъ очень тяжелаго переживанія трехъ войнъ въ такой морской обстановкѣ, которая наводила на усиленныя размышленія о разработкѣ подготовки къ веденію морской войны.

Первой его обязанностью на новой должности явилась конечно необходимость дать въ томъ или иномъ видѣ курсъ „веденія войны на морѣ“. Это онъ и сдѣлалъ съ полной добросовѣстностью, изложивъ письменно свои лекціи по этому предмету подъ заглавіемъ: „Веденіе войны на морѣ. Ученіе о морской войнѣ“ (Kriegführung zur See. Lehre vom Seekriege).

12. Почему Штенцель въ продолженіе 25 лѣтъ не печаталъ написанную имъ основную свою работу по «теоріи» веденія войны на морѣ.

Несмотря на солидныя достоинства этой работы, Штенцель *до самой смерти не напечаталъ этой своей работы*, и увидѣла она свѣтъ только въ 1913 г., т. е. черезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

Причина такого отношенія Штенцеля къ этой работѣ заключалась въ слѣдующемъ. Онъ всегда считалъ, что основой для военной науки должно служить солидное знакомство съ военной исторіей.

Эта мысль прекрасно выражена нашимъ военнымъ писателемъ Леєромъ.

„Польза теоріи стратегіи“, говоритъ онъ [1], „какъ обобщенія военныхъ явленій, не безусловна, а условна—именно при обширныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи. При этомъ условіи всѣ общія формулы теоріи стратегіи получаютъ смыслъ и содержаніе. Безъ этого онѣ обращаются въ безсодержательныя общія мѣста, ничего не говорящія уму и сердцу, и вся теорія стратегіи вырождается въ безсознательную, поверхностную болтовню, т. е. ни болѣе ни менѣе какъ въ дѣло вредное. Мало того, что военная исторія даетъ общимъ формуламъ теоріи стратегіи смыслъ и содержаніе, она выясняетъ вліяніе обстановки на ихъ примѣненіе, показываетъ: что, когда и какъ примѣнимо на дѣлѣ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и этимъ путемъ развиваетъ чувство мѣры, безъ котораго невозможенъ расчетъ въ стратегическихъ комбинаціяхъ, а развѣ только безшабашное фантазированіе. Короче, при обширныхъ, основательныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи, теорія стратегіи есть дѣло серьезное и полезное, ключевой камень въ изученіи военнаго дѣла; при малыхъ-же и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи—дѣло вредное, своего рода лакированная пыль“.

---

[1]) Стратегія. V изд. ч. I, стр. 44.

Вотъ подобныя мысли и мучили Штенцеля. Онъ *долженъ* былъ, хорошо или худо, читать курсъ *теоріи* „веденія войны на морѣ" (стратегію и тактику)—именно этого требовалъ совершенно справедливо флотъ отъ академіи, и для пріобрѣтенія подобныхъ знаній главнымъ образомъ и была учреждена академія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Штенцель сознавалъ, что онъ и самъ мало подготовленъ къ этому дѣлу изъ за недостаточнаго знакомства съ военно-морской исторіей, а еще того меньше обладаютъ такой подготовкой, чтобы его хорошо понимать, его слушатели. Кромѣ того онъ сознавалъ, что вся та историческая военно-морская литература, почти исключительно иностранная (на французскомъ, англійскомъ и голландскомъ языкахъ), которая еще при огромной неустанной и напряженной работѣ могла быть полезной для него самого, почти ничего не могла дать его слушателямъ, такъ какъ она была имъ недоступна и по незнанію всѣми иностранныхъ языковъ, и по невозможности для нихъ посвятить огромное время на чтеніе большого количества обширныхъ сочиненій, которыя къ тому-же совсѣмъ и не писались съ цѣлью подготовить читателя къ воспріятію основъ теоріи веденія войны (см. выше § 6).

Штенцель глубоко чувствовалъ потребность дать своимъ слушателямъ курсъ „исторіи военно-морского искусства" (см. выше § 4), безъ котораго его трудъ по преподаванію *теоріи* „веденія войны на морѣ" неминуемо долженъ былъ висѣть въ воздухѣ.

13. Планъ военно-научныхъ работъ Штенцеля.

Поэтому, продолжая преподаваніе теоріи веденія войны на морѣ, какъ *необходимое*, каково-бы оно ни было, Штенцель составилъ себѣ такой общій планъ работы: сначала разработать общую военно-морскую исторію въ такомъ видѣ, чтобы она была пригодна для обобщенія результатовъ анализа отдѣльныхъ событій, т. е. написать „исторію военно-морского искусства"; затѣмъ онъ предполагалъ разработать исторію германскаго флота; и только уже послѣ такой подготовки въ историческихъ трудахъ онъ *мечталъ* приняться за разработку „теоріи" веденія войны.

Но это такъ и осталось мечтой. Штенцель поспѣлъ только закончить часть своей первой работы и собрать матеріалы для остальной ея части. Ко второй работѣ, въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго труда онъ не приступалъ со-

всѣмъ, а третью работу въ томъ зачаточномъ и по его мнѣнію несовершенномъ видѣ, въ которомъ она у него вылилась для текущей надобности (чтеніе курса въ академіи) къ 1881 году, онъ уже больше не трогалъ, и еще черезъ 25 лѣтъ, уже передъ самой смертью, писалъ: „Если Богъ пошлетъ мнѣ дальнѣйшую жизнь и работоспособность, я когда-нибудь (послѣ окончанія историческихъ трудовъ) примусь за разработку теоріи веденія морской войны“.

Это случилось во первыхъ изъ за огромныхъ трудностей написать военно-морскую исторію въ видѣ „исторіи военно-морского искусства“ (см. выше § 3), для чего Штенцель не имѣлъ никакого образца.

14. Почему Штенцель не выполнилъ своего плана.

Но самая главная причина, почему Штенцель не смогъ выполнить свой планъ, заключалась въ томъ, что онъ самъ отрѣзалъ отъ себя эту возможность. Онъ не захотѣлъ пожертвовать строевой службой, вслѣдствіе чего въ 1881 г. ему пришлось покинуть академію, и кромѣ того онъ не разъ отрывался отъ своей основной задачи посторонними ей трудами. Наконецъ, несмотря на свою долгую жизнь, онъ вообще былъ слабаго здоровья и часто болѣлъ, послѣ чего обыкновенно нуждался въ продолжительномъ отдыхѣ.

Даже во время шестилѣтняго своего пребыванія въ академіи, онъ не могъ ей отдаваться всецѣло. Лѣто 1876 года онъ командовалъ яхтой *Grille*. Слѣдующее лѣто онъ состоялъ старшимъ офицеромъ на броненосномъ фрегатѣ *Kaiser*, который былъ флагманскимъ кораблемъ въ практической эскадрѣ, совершившей плаваніе въ Средиземное море. Лѣтомъ 1878 г. Штенцель, произведенный въ капитаны 1 ранга, получилъ въ командованіе броненосный фрегатъ *Kronprinz*, состоявшій въ практической эскадрѣ, а на слѣдующее лѣто онъ командовалъ въ той-же эскадрѣ броненоснымъ корветомъ *Sachsen*.

Въ промежуткѣ между этими двумя командованіями Штенцель чуть было не вышелъ въ отставку изъ за крупныхъ недоразумѣній съ начальствомъ, которыя были вызваны занятой имъ позиціей въ комиссіи по разслѣдованію причинъ потопленія броненоснаго фрегата *Grosser Kurfürst*.

Въ 1881 г. Штенцель былъ назначенъ директоромъ кораблестроенія въ Вильгельмсгафенѣ. Во время маневровъ 1884 г. Штенцель командовалъ отрядомъ изъ трехъ корве-

товъ и минной флотиліи и заслужилъ своими дѣйствіями особое одобреніе адмиралтейства. Осенью 1885 г. Штенцель получилъ званіе командора и былъ назначенъ начальникомъ учебнаго отряда въ составѣ двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ, съ которымъ онъ совершилъ плаваніе въ Вестъ-Индію и затѣмъ участвовалъ съ нимъ въ маневрахъ 1886 г. Осенью этого года онъ былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи въ Вильгельмсгафенѣ, но въ этой должности онъ пробылъ недолго и подалъ въ отставку вслѣдствіе своего несогласія съ начальствомъ по поводу предположенныхъ тогда реформъ въ морскомъ вѣдомствѣ.

Штенцель переѣхалъ въ Берлинъ, но въ 1892 г. онъ вновь перебрался въ Киль, чтобы быть поближе къ своему сыну, который поступилъ въ Морское училище. Этимъ пребываніемъ воспользовалась морская академія, и Штенцель въ продолженіе двухъ лѣтъ вновь читалъ въ ней военно-морскую исторію. Но въ это время умеръ его сынъ и это такъ подѣйствовало на Штенцеля, что онъ отказался временно отъ всякихъ занятій. Кромѣ того онъ считалъ, что онъ не можетъ уже быть достаточно полезенъ въ академіи вслѣдствіе своей отсталости въ знакомствѣ съ новѣйшей военно-морской техникой. Въ 1898 г. онъ переѣхалъ въ Ганноверъ, а затѣмъ черезъ 2 года въ Геттингенъ, гдѣ онъ взялъ на себя редакцію, и въ значительной мѣрѣ, и составленіе нѣмецкаго морского словаря. Въ 1904 г. онъ окончилъ этотъ трудъ и представилъ его императору Вильгельму. Въ награду за этотъ трудъ Штенцель былъ, внѣ обычныхъ правилъ, зачисленъ въ свиту императора.

Только теперь, уже старый и немощный, Штенцель принялся за обработку матеріала, собраннаго имъ для „исторіи военно-морского искусства". Но было уже поздно. Только первый томъ и то не въ окончательно обработанномъ видѣ удалось ему подготовить для печати. 16 іюня 1906 г., $73^{1}/_{2}$ лѣтъ отъ роду, Штенцель скончался.

15. Главныя работы Штенцеля появившіеся въ печати при его жизни.

Пока Штенцель находился на службѣ, даже во время своего профессорства въ морской академіи, онъ ничего не печаталъ изъ своихъ работъ.

Первая его печатная работа появилась въ 1889 г. подъ заглавіемъ: „О веденіи войны на морѣ"—брошюра въ 80 страницъ, представлявшая изъ себя стратегическій этюдъ, имѣв-

шій предметомъ изложеніе и критическій разборъ англійскихъ морскихъ маневровъ въ 1888 г., на примѣрѣ которыхъ Штенцель хотѣлъ доказать важность значенія морской силы, и необходимость строить военное знаніе на научномъ основаніи.

Послѣ этого онъ написалъ такіе-же разборы англійскихъ морскихъ маневровъ 1889 и 1891 годовъ. Въ это-же время въ брошюрѣ „Гельголандъ и нѣмецкій флотъ“ онъ энергично выступилъ противъ популярнаго въ морскихъ кругахъ, но очень несерьезнаго и склоннаго къ фантазіямъ, нѣмецкаго писателя по военно-морскимъ вопросамъ отставного адмирала Вернера, который въ своихъ произведеніяхъ развивалъ оборонительныя тенденціи для болѣе слабаго. Штенцель страстно возсталъ противъ такихъ тенденцій, выставивъ лозунгъ — побѣду даютъ инниціатива, нападеніе и наступленіе. Упоминаемъ объ этомъ лозунгѣ Штенцеля потому, что онъ былъ руководящимъ во всѣхъ его трудахъ, пропаганда этого лозунга была одной изъ задачъ всей его жизни.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ лозунгомъ Штенцель энергично возсталъ въ брошюрѣ „Нѣмецкій флотъ и рейхстагъ“, появившейся 1892 г., противъ тенденціи рейхстага урѣзать кораблестроительную программу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ типовъ судовъ этой программы не соотвѣтствующихъ, по его мнѣнію, осуществленію возможности вести наступательную войну на морѣ противъ Франціи.

Въ 1893 году Штенцель написалъ брошюру подъ заглавіемъ „Кратчайшій путь въ Константинополь“, въ которой онъ доказывалъ, что будущее Турціи и рѣшеніе вопроса о владѣніи Константинополемъ зависитъ главнымъ образомъ отъ морской силы.

Въ 1894 г. Штенцель сдѣлалъ докладъ въ военномъ собраніи, на которомъ присутствовалъ и императоръ Вильгельмъ, который придавалъ этому докладу большое значеніе, „О флотѣ сѣверянъ въ войнѣ за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки“. Въ немъ онъ старался выяснить связь операцій на морѣ съ операціями на сушѣ, причемъ упиралъ на огромное вліяніе, которое оказалъ флотъ сѣверянъ на успѣхъ ихъ арміи. Докладъ этотъ былъ напечатанъ и былъ использованъ адмираломъ Кирхгофомъ, который обрабатывалъ матеріалы Штенцеля при работѣ надъ пя-

тымъ томомъ предлагаемаго теперь въ русскомъ переводѣ труда.

Въ 1895 г., ко дню 25 лѣтія боя нѣмецкаго авизо *Meteor* съ французскимъ авизо *Bouvet* около Гаванны 9 ноября 1870 г., Штенцель составилъ описаніе этого боя, и пожертвовалъ 1000 экземпляровъ этого описанія для раздачи во флотѣ, какъ яркій примѣръ энергичнаго примѣненія того принципа нападенія и наступленія, который онъ дѣятельно проповѣдывалъ всю жизнь. Въ 1896 г. Штенцель напечаталъ въ „Beiheft Zum Militär—Wochenblatt“ статью подъ заглавіемъ „Потребность флота въ высшей военной школѣ“, въ которой указывалъ на тотъ огромный вредъ, который явился слѣдствіемъ, какъ во время мира такъ и войны, недостатка интеллектуальнаго и научнаго развитія у морскихъ офицеровъ и на то, что этотъ недостатокъ господствуетъ и теперь. Одной изъ мѣръ борьбы съ этимъ недостаткомъ онъ считалъ перенесеніе морской академіи въ Берлинъ.

Въ 1897 г. Штенцель выполнилъ крупную работу. Для изданія генерала фонъ-Цеппелина „Современные арміи и флоты“ онъ написалъ отдѣлъ о флотѣ Великобританіи объемомъ въ 270 страницъ убористой печати. Въ этой своей работѣ онъ далъ историческій очеркъ развитія англійскаго флота и очеркъ морской политики Англіи и ея морской организаціи. Онъ обращалъ вниманіе нѣмецкаго общества на явно наступательныя тенденціи, которыми все больше и больше проникались англійскія кораблестроительныя программы, твердо обоснованныя на огромныхъ богатствахъ, и промышленныхъ, и морскихъ рессурсахъ страны.

Въ 1900 г. появилась въ печати книга Штенцеля „Наполеонъ I, Революція и Имперія“, для которой онъ обработалъ значительную часть своихъ матеріаловъ о морской войнѣ съ Англіей. Эта его работа использована въ четвертой части настоящаго труда.

Въ 1904 г. Штенцель закончилъ одну изъ крупнѣйшихъ своихъ работъ—редактированіе „Нѣмецкаго морского словаря“, и только послѣ этого онъ отдался вполнѣ обработкѣ собраннаго имъ матеріала для своей „Исторіи войны на морѣ въ ея важнѣйшихъ съ точки зрѣнія морской так-

тики проявленіяхъ", но смерть скоро прервала этотъ его грандіозный трудъ.

Обработка собранныхъ имъ матеріаловъ по повелѣнію императора Вильгельма была поручена отставному вице-адмиралу Кирхгофу.

P.

Предисловіе къ первой части.

Со временъ принца Адальберта Прусскаго, перваго адмирала прусскаго флота, до 1906 г. авторъ работалъ на пользу германскаго морского могущества. Всѣ свои силы, до послѣдняго своего издыханія, онъ посвятилъ увеличенію германской морской силы. Началъ онъ работу надъ своей „Исторіей войны на морѣ“ въ зрѣломъ возрастѣ, но смерть пришла къ нему въ глубокой старости и работа эта все еще не была окончена.

Я выполняю послѣднюю волю Альфреда Штенцеля, моего бывшаго начальника, а потомъ друга, выражая надежду, что этотъ завѣщанный имъ германскому флоту трудъ послужитъ ему на пользу и поученіе.

Р. Дитмаръ
капитанъ 1 ранга въ отставкѣ.

Ганноверъ.

1 Января 1907 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Прямой задачей высшей военной школы является ознакомленіе молодыхъ офицеровъ съ военными знаніями, а также выясненіе понятія „занятіе теоріей“ для лицъ, не придающихъ значенія наукѣ. Въ настоящее время подъ словомъ „теорія“ въ серьезномъ его значеніи слѣдуетъ нѣсколько задуматься, такъ какъ, вслѣдствіе злоупотребленія имъ и ошибокъ, о теоріи сложилось не совсѣмъ благопріятное и даже плохое мнѣніе.

Ходячее выраженіе „теоретикъ“ подразумѣваетъ человѣка, строющаго на произвольномъ и непрочномъ основаніи воздушные замки изъ логическихъ положеній, разлетающихся, какъ карточные домики при первой же попыткѣ практическаго ихъ осуществленія. Отсюда же ведетъ начало противорѣчіе между теоріей и практикой. 16. Теоретики.

Къ сожалѣнію не приходится сомнѣваться въ томъ, что какъ разъ у насъ нѣтъ недостатка въ подобнаго рода теоретикахъ. Причина этого кроется съ одной стороны въ нѣмецкомъ идеализмѣ (въ настойчивомъ стремленіи къ достиженію высокихъ отвлеченныхъ цѣлей, причемъ не принимаются во вниманіе внѣшнія конкретныя условія) и въ нѣмецкой основательности, тяготѣющей къ абстрактнымъ выводамъ; съ другой стороны въ равной мѣрѣ причина объясняется печальнымъ въ прежніе годы политическимъ состояніемъ Германіи, обусловленнымъ незначительной величиной государства до 1870 года, и ужаснымъ истощеніемъ силъ, вызваннымъ внутренними смутами и войнами прежнихъ лѣтъ, именно тридцатилѣтней войной и вторженіемъ французовъ. Въ эти времена очень многіе, чтобы хоть на время забыть печальную дѣйствительность, искали спасенія отъ нея въ мірѣ духовномъ, и въ результатѣ умами овла-

дѣла склонность къ созерцательному (спекулятивному), безполезному съ матеріальной стороны занятію наукой.

Такое отстраненіе отъ общества и жизни, изученіе науки ради науки, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что ученые отошли далеко въ сторону отъ остального человѣческаго общества, и то обстоятельство, что они преслѣдовали особую высокую, непонятную для другихъ цѣль заставило ихъ считать себя выше всего народа; это и послужило началомъ еще и теперь кое-гдѣ проявляющагося „ученаго высокомѣрія". Кромѣ того, всякое примѣненіе результатовъ своихъ научныхъ изслѣдованій въ смыслѣ ихъ практическаго использованія и чисто матеріальнаго приложенія они стали считать прямымъ униженіемъ чистой науки.

Весьма замѣчательной иллюстраціей этого является изобрѣтеніе электро-магнитнаго телеграфа (1833 г.) Гаусомъ и Веберомъ, которые сообщались другъ съ другомъ при помощи этого прибора, установленнаго ими между обсерваторіей и физическимъ институтомъ въ Геттингенѣ; но вмѣсто того, чтобы предоставить родинѣ примѣненіе этого великаго изобрѣтенія, они оставили его лишь для личнаго своего и своихъ слушателей пользованія, и электрическій телеграфъ для общественнаго пользованія былъ осуществленъ только въ 1837 году за границей Витстономъ и Морзе. Въ Германіи же телеграфъ для общественнаго пользованія былъ установленъ лишь послѣ 1843 года.

Этотъ случай указываетъ на высокое безкорыстіе и презрѣніе къ маммонѣ, но въ то же время является и показателемъ отчужденности отъ практической жизни и недостатка пониманія ея, равно какъ хозяйственныхъ и торговыхъ интересовъ страны, которая могла бы получить неисчислимыя выгоды, пользуясь телеграфомъ.

И эти исключительные люди, работавшіе на строго научныхъ основаніяхъ, были рѣдкими блестящими явленіями среди міра ученыхъ. Большая же часть послѣднихъ занималась научными вопросами на недостаточно обоснованной почвѣ, къ тому же при полномъ незнакомствѣ съ условіями дѣйствительности и не считаясь съ нею, что и приводило къ ошибочнымъ выводамъ, на которыхъ сплошь и рядомъ базировались ложныя ученія, съ одностороннимъ подчеркиваніемъ (освѣщеніемъ) фактовъ.

Подобные люди дискредитировали понятіе „теорія" въ Германіи. Не было недостатка въ подобнаго рода теоретикахъ и въ области военныхъ наукъ.

Къ тому же въ широкихъ кругахъ получило распространеніе крылатое слово великаго поэта:

„Сѣда, мой другъ, теорія
И зелено златое древо жизни".

При этомъ эта фраза понималась такъ, какъ будто бы философъ высказалъ свой личный взглядъ, а не вложилъ эти слова въ уста Мефистофеля въ ту минуту, когда тотъ имѣетъ намѣреніе отвлечь пришедшаго студента отъ изученія истинной науки и соблазнить его грубою чувственностью. 17. Теорія.

Въ дѣйствительности же слово „теорія" (отъ греческаго— разсматривать, изслѣдовать) означаетъ истинное познаніе какого нибудь предмета, получаемое тщательнымъ его изученіемъ; поэтому понятіе это можетъ быть замѣнено словомъ „ученіе", такъ какъ подъ „ученіемъ" понимаютъ формулировку истиннаго знанія. Слѣдовательно, теорія есть такое отвлеченіе, которое дѣлаетъ ясной закономѣрную, т.-е. необходимую, внутреннюю связь между отдѣльными элементами какого-нибудь организма, какого-либо искусства, знанія и т. п.; напр. при изученіи строенія растенія выясняется изъ какихъ клѣточекъ и волоконъ оно состоитъ и въ какомъ взаимоотношеніи они между собой находятся; цѣль такого изученія установить закономѣрность сущности и началъ даннаго растенія и выяснить, почему оно должно и можетъ развиваться такъ, какъ это происходитъ, а не иначе.

Такое обоснованное, исчерпывающее вопросъ, познаніе есть высочайшая цѣль человѣческихъ стремленій къ истинѣ— цѣль конечно идеальная, достичь которой во всей полнотѣ мы не можемъ и надѣяться; мы не въ состояніи довести теорію до совершенства и постоянно нуждаемся въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и изученіи, ибо:

„Человѣкъ заблуждается все время пока къ чему нибудь стремится".

Но было бы совершенно несправедливымъ умалять значеніе теоріи по послѣдней причинѣ, потому что, какъ бы ни была далека отъ исчерпывающей полноты теорія, опыты.

основанные на законахъ природы, могутъ дать увѣренность въ ея правильности. Примѣромъ этого является баллистика, развитіе теоріи которой идетъ безпрерывно по мѣрѣ надобности, и въ результатѣ которой мы приходимъ къ выводамъ, которые, хотя и не даютъ полной истины, тѣмъ не менѣе вполнѣ обезпечиваютъ примѣненіе на практикѣ теоріи стрѣльбы. И на нашемъ правильномъ познаніи законовъ природы основывается господство человѣка надъ матеріей, поскольку это ему до сихъ поръ удается.

Правильная теорія никогда и ни коимъ образомъ не будетъ въ противорѣчіи съ практикой. Могутъ имѣть мѣсто лишь нѣкоторыя расхожденія подобныя тѣмъ, которыя существуютъ между „наукой" и ея „примѣненіемъ" на дѣлѣ.

13. Современность неблагопріятна для науки. Современность неблагопріятствуетъ наукѣ, такъ какъ изученіе всякаго вопроса, отвлеченныя занятія, требуютъ внутренняго и внѣшняго спокойствія и сосредоточенности, а мы живемъ во время кипучее, безпокойное и въ вѣчной спѣшкѣ. Найти досуги для основательнаго изученія и изслѣдованія нѣтъ возможности, и приходится стремиться къ немедленному, или въ кратчайшій срокъ, выполненію намѣченной цѣли, чтобы, насколько можно скорѣе, имѣть всякое открытіе или изобрѣтеніе уже готовымъ и практически осуществленнымъ.

Это явленіе наблюдается точно также и въ военной области вообще, а въ особенности же во флотѣ, гдѣ оно, разумѣется, должно болѣе всего имѣть мѣсто. Какъ бы ни были велики успѣхи и измѣненія во всѣхъ областяхъ жизни, такихъ рѣзкихъ, какъ во флотѣ, не найти нигдѣ.

Въ теченіе менѣе полустолѣтія во флотѣ все совершенно перемѣнилось, и чуть ли не каждый день приноситъ все новыя и новыя измѣненія; однако серьезнаго испытанія, которое могло бы провѣрить все сдѣланное и принятое за послѣднее время, до сихъ поръ еще не было. Только теперь [1]) война на Дальнемъ Востокѣ дастъ возможность разобраться въ томъ, что пріемлемо или непріемлемо въ современной морской войнѣ.

Кромѣ того морской офицеръ по причинѣ значительной разносторонности тѣхъ требованій, которыя въ изобиліи

---

[1]) Написано во время русско-японской войны

предъявляетъ къ нему служба, долженъ быть знакомымъ, если только это возможно, вполнѣ со всѣми отраслями военно-морского дѣла; въ критическомъ случаѣ въ совсѣмъ еще молодыхъ чинахъ онъ можетъ выступить въ качествѣ самостоятельнаго начальника совершенно неожиданно даже безъ объявленія войны. Поэтому понятно, что онъ, посвятивъ себя практической дѣятельности и не желая выходить изъ области практики, предоставляетъ науку другимъ и не особенно ее цѣнитъ.

19. Нуждается-ли флотскій офицеръ въ высшемъ военномъ образованіи.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ задать вопросъ: нуждается ли вообще флотскій офицеръ въ образованіи сверхъ объема, требуемаго для несенія офицерскихъ обязанностей въ повседневной службѣ. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ отраслей морской службы мы видимъ, что они основаны въ значительной степени на теоретическихъ наукахъ, каковыми являются математика, физика (включая сюда статику и динамику) химія, металлургія, метеорологія, океанографія, астрономія, баллистика и т. д.; не достаточно-ли вынесенной отсюда суммы теоретическихъ свѣдѣній въ связи съ соотвѣтственными практическими познаніями?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже рѣшенъ надлежащимъ образомъ путемъ открытія высшей морской школы (морской академіи), и, если право на ея существованіе пока еще не можетъ быть доказано практически, то мы можемъ судить объ этомъ вопросѣ по аналогіи съ ея старшей сестрой, военной академіей, блестяще оправдавшей свое назначеніе.

Военная академія стала разсадникомъ нашихъ высшихъ полководцевъ, офицеровъ военнаго министерства и генеральнаго штаба, и основательное военно-научное образованіе этихъ офицеровъ дало намъ нашу организацію войскъ, которую можно назвать „народъ во всеоружіи“, наше боевое воспитаніе строевого офицерскаго состава, подготовку къ военнымъ дѣйствіямъ, и результатомъ всего этого явился оглушительный, если можно такъ выразиться, успѣхъ въ войнахъ 1866 и 1870—71 г.г.

Организація нашихъ войскъ нашла себѣ, насколько можно, точное подражаніе въ большинствѣ другихъ государствъ со времени послѣднихъ большихъ войнъ. Однако создать такой офицерскій составъ и генеральный штабъ, какъ у насъ, менѣе всего въ состояніи иностранныя государства.

Сомнѣніе въ важности дальнѣйшаго военнаго образованія флотскихъ офицеровъ, послѣ только что сказаннаго, можетъ возникать лишь постольку, поскольку веденіе войны въ морѣ отличается отъ таковаго въ сухопутной войнѣ. Что и въ томъ и другомъ случаяхъ по существу дѣла различія нѣтъ, мы скажемъ еще впослѣдствіи. Пока же приведемъ такой примѣръ: въ періодъ отъ 70-го и до конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы могли-бы избѣжать безчисленныхъ ошибокъ при конструированіи военныхъ судовъ, если бы принимавшіе въ немъ участіе офицеры имѣли бы достаточное понятіе о требованіяхъ предъявляемыхъ войной на морѣ, т. е. другими словами, если бы эти офицеры получили бы высшее военно-морское образованіе.

Служба морского офицера настолько разностороняя, что общее образованіе его, охватывающее всѣ ея отрасли является недостаточнымъ. Необходима спеціализація, вызванная чисто-практическими требованіями, создаваемыми какъ условіями плаванія, такъ и вооруженіемъ корабля. Это и достигнуто дѣленіемъ офицеровъ на штурмановъ, гидрографовъ, артиллеристовъ и минеровъ. Тѣмъ не менѣе и это оказывается недостаточнымъ, такъ какъ въ хорошо организованномъ флотѣ необходимы еще и спеціалисты по кораблестроенію и по машиннымъ установкамъ, конечно не для того, чтобы проэктировать корабли и судовыя машины, а лишь для того, чтобы умѣть разумно разбираться въ предлагаемыхъ техниками проэктахъ. Поэтому всякій морской офицеръ, планомѣрно стремящійся къ военно-морскому образованію, имѣетъ полную возможность избрать себѣ отрасль знаній, наиболѣе подходящую къ его склонностямъ и способностямъ.

20. Наука о веденіи войны — важнѣйшая область военно-морскихъ знаній.

Но остается одна область общая для всѣхъ офицеровъ и имѣющая громадное для нихъ значеніе, эта область — наука о веденіи войны. Послѣдняя должна сдѣлаться предметомъ изученія и самыхъ ревностныхъ и сосредоточенныхъ занятій всѣхъ морскихъ офицеровъ, стремящихся къ изученію высшихъ цѣлей войны.

Однако въ этомъ моемъ трудѣ будетъ изложено не „Веденіе войны"; предметъ этой моей работы — *выясненіе историческаго развитія морской тактики* посредствомъ отдѣльныхъ очерковъ военно-морской исторіи. „Веденіе войны" и „военно-морская исторія" не укладываются въ одномъ общемъ

объемѣ моей работы. Если Господь Богъ продлитъ мнѣ жизнь и работоспособность, то впослѣдствіи я постараюсь осуществить въ печати и ученіе о морской войнѣ. Въ настоящей же работѣ поставленная мною цѣль и недостатокъ мѣста не позволяетъ это сдѣлать.

Тѣмъ не менѣе—пока еще не появилось работы о веденіи морской войны—необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о веденіи войны и о военно-морской исторіи. Вѣдь при постройкѣ всякаго зданія прежде чѣмъ класть стѣны, надо въ глубинѣ почвы заложить прочный фундаментъ, а на немъ уже возводить кирпичъ за кирпичемъ само зданіе, иначе все цѣлое можетъ рухнуть. Эти основныя понятія будутъ изложены, насколько можно, сжато. **21. Необходимость изложить основныя понятія.**

Прежде всего надо отвѣтить на вопросъ:—что понимается подъ словомъ война? **22. Что такое война.**

Выраженіе „la guerre c'est la guerre" не можетъ быть достаточнымъ никоимъ образомъ. Если обратиться къ военной точкѣ зрѣнія и пренебречь остальными, то можно опредѣлить понятіе „война" по Клаузевицу, творцу ученія „О войнѣ", котораго я и придерживаюсь здѣсь да и въ дальнѣйшемъ. По Клаузевицу война опредѣляется какъ:

> „единоборство не между одиночными бойцами, но между вооруженными силами двухъ государствъ; цѣль его—сдѣлать противника неспособнымъ къ борьбѣ" [1]).

Средствомъ къ тому служитъ физическая и матеріальная сила, и тотъ, кто пользуется ею въ полномъ возможномъ объемѣ, *ни съ чѣмъ не считаясь и дѣйствуя безъ пощады* [2]), при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, достигаетъ преимущества передъ противникомъ, не поступающимъ подобнымъ же образомъ. На войнѣ эта точка зрѣнія чрезвычайно важна, хотя очень часто ее и не принимаютъ во вниманіе. Такъ было напримѣръ у французовъ въ 1870—71 г.г., у русскихъ въ турецкой войнѣ 1828—29 (вѣроятно 1877—78 г. Р.) г.г., да и теперь въ войнѣ съ японцами.

---

[1]) Clausewitz. Vom Kriege, 4 Aufl. I, S. 3 ff.

[2]) Подчеркиваемъ эти слова выведенныя Штенцелемъ изъ чтенія Клаузевица, какъ очень характерныя для пониманія протекающей передъ нами міровой войны.

Р.

Приведенное толкованіе грѣшитъ однако односторонностью. Оно примѣнимо лишь къ обособленному, самостоятельному обществу, не имѣющему никакихъ отношеній къ другимъ; таковымъ, напримѣръ, является какое-нибудь дикое племя, не обладающее, кромѣ оружія и семьи, никакой собственностью, не знающее родины, и нападающее въ случаѣ вражды на сосѣднее непріятельское племя всѣмъ дѣеспособнымъ мужскимъ населеніемъ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно одна битва рѣшаетъ войну, побѣдитель умерщвляетъ всѣхъ способныхъ носить оружіе противной стороны и обращаетъ въ рабовъ женщинъ и дѣтей, —непріятельское племя уничтожается. На такой исходъ не могутъ повліять никакія другія побужденія, состраданіе никогда не имѣетъ мѣста.

Примѣры подобныхъ войнъ встрѣчаются безъ сомнѣнія въ исторіи всѣхъ народовъ. Напримѣръ, среди дикарей, въ Африкѣ ихъ можно видѣть и до настоящаго времени. Это совершенно свободный отъ всякихъ постороннихъ взглядовъ и побочныхъ отношеній абсолютный способъ веденія войны.

Но и войны древнихъ историческихъ временъ были таковыми-же. Тамъ дѣло шло не о рѣшеніи спорныхъ вопросовъ помощью оружія, не о завоеваніи отдѣльныхъ странъ, а о томъ быть или не быть данному государству. Вся страна побѣжденныхъ наводнялась войсками побѣдителя и порабощалась; никакое правительство, никакое государственное учрежденіе, ничье владѣніе не считалось подъ защитой закона, все предоставлялось произволу завоевателей. Населеніе, оставшееся въ живыхъ, сейчасъ же обращалось въ рабовъ и часто сотнями тысячъ продавалось или уводилось въ чужія земли. Такъ это было сдѣлано съ народомъ израильскимъ ассирійскимъ царемъ Саргономъ въ 721 году до Р. Хр. переведшимъ его въ Ассирію, и съ іудеями вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ въ 586 г. до Р. Хр. переведшимъ ихъ въ Халдею.

Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія культуры, перемѣнились условія жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣли и способы веденія войны. Въ странахъ цивилизованныхъ теперь обыкновенно уже не домогаются уничтоженія цѣлыхъ государствъ или покоренія народностей (исключеніемъ является война Англіи съ Оранжевой и Трансвальской республиками). Войну уже нельзя разсматривать независимо

отъ политики, государственнаго курса и отъ взаимоотношеній между другими государствами. Исходя изъ этой точки зрѣнія войну можно охарактеризовать, какъ

„продолженіе преслѣдуемыхъ въ мирное время политическихъ задачъ, но только другими средствами“ [1].

Нормальныя взаимоотношенія государствъ выражаются въ мирныхъ съ обѣихъ сторонъ сношеніяхъ; встрѣчающіяся разногласія въ мнѣніяхъ, спорные пункты устно или письменно улаживаются уполномоченными представителями правительствъ; но если дипломатія до конца истощила все свое искусство и всѣ переговоры не привели къ тому, что необходимо для цѣлости и достоинства государства, то приходится измѣнить государственный курсъ и принять принудительныя мѣры. Вмѣсто переговоровъ въ качествѣ ultima ratio должна выступить вооруженная сила. Военныя дѣйствія должны вынудить противника къ удовлетворенію всѣхъ требованій.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, не трудно заключить, что война есть орудіе политики, и какъ таковое въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ находится въ зависимости отъ государственнаго курса. Поэтому ясно, какъ необходимо полное объединеніе военнаго управленія и веденія внѣшней политики въ однѣхъ рукахъ главы государства. Въ интересахъ войны крайне желательно для полной согласованности дѣйствій, чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ въ военное время сопровождалъ въ походѣ короля, который ведетъ всѣ военныя операціи въ качествѣ верховнаго вождя арміи—такъ и было сдѣлано въ Германіи въ войнахъ 1866 и 1870—71 г.г. 23. Война есть орудіе политики.

Но при морскихъ операціяхъ это невозможно. Главнокомандующій флотомъ слишкомъ изолированъ отъ родины и часто даже совсѣмъ не можетъ поддерживать съ нею связи. Поэтому ему приходится дѣйствовать самостоятельно на свою личную отвѣтственность. Отсюда ясно, что отъ командущаго флотомъ требуется полное пониманіе интересовъ своей страны и внѣшнихъ ея политическихъ условій.

Изъ такой двойственности природы войны становится яснымъ, кажущееся иногда загадочнымъ различіе въ характерѣ войны, который колеблется между рѣшительнымъ

---

[1] Clausewitz. Vom Kriege, 4 Aufl. 1, S. 24.

стремленіемъ къ полному уничтоженію противника и простыми демонстраціями; эта двойственность до извѣстной степени даетъ *ключъ къ пониманію военной исторіи.*

И потому войну въ общемъ можно опредѣлить такъ:

„война есть насиліе, ведущее къ тому, чтобы заставить противника подчиниться нашей волѣ".

24. Двойственность природы войны.

Эта двойственность и ведетъ къ тому, что война преслѣдуетъ двѣ цѣли:

1) цѣль политическую;

2) цѣль военную.

Въ древнія времена обѣ цѣли совпадали, такъ какъ покореніе непріятельскаго государства означало его уничтоженіе. Великіе завоеватели древняго міра, Навуходоносоръ, Киръ, Александръ Великій изъ остатковъ уничтоженныхъ ими государствъ слагали свои невѣроятно большія имперіи. Въ настоящее же время побѣдитель, даже въ томъ случаѣ, если онъ сильными ударами совершенно свалилъ противника, ограничивается присоединеніемъ небольшихъ отдѣльныхъ областей (какъ въ войнѣ 1870—71 г.г.) или даже обходится безъ этого (какъ въ 1866 г.).

Военной цѣлью войны является слѣдующее:

„поставить противника въ такое невыгодное для него положеніе, при которомъ дальнѣйшее веденіе войны повлечетъ за собой больше жертвъ, чѣмъ предложенныя условія мира (послѣднія то и преслѣдуютъ политическую цѣль)".

25. Нападеніе и защита.

Кромѣ того военныя дѣйствія могутъ вылиться въ одну изъ двухъ формъ: въ нападеніе (наступательныя дѣйствія) или въ защиту (оборонительныя дѣйствія). Въ дѣйствительности конечно обѣ эти формы никогда вполнѣ не раздѣлимы, часто нападеніе переходитъ непосредственно въ оборону, какъ напримѣръ у союзниковъ въ 1792 году во Франціи, у Наполеона въ 1812 году въ Россіи, у австрійцевъ въ 1859 году въ Италіи и т. д.

Болѣе слабый, или находящійся въ болѣе невыгодномъ чѣмъ противникъ, положеніи, воспользуется во всякомъ случаѣ возможностью для перехода въ наступленіе, если у него нѣтъ недостатка въ мужествѣ; напр. Тегетгофъ въ 1866 году у Лиссы. Вообще же на войнѣ послѣ первыхъ крупныхъ сты-

чекъ не можетъ оставаться сомнѣній въ томъ, кто изъ противниковъ ведетъ наступательныя дѣйствія и кто оборонительныя.

Къ этимъ двухъ формамъ въ качествѣ добавочнаго элемента можно прибавить еще выжидательныя дѣйствія во время войны. На первый взглядъ таковыя кажутся безсмысленными. Дѣйствительно, если два государства рѣшились обратиться къ послѣднему средству, т. е. къ войнѣ, и противупоставили другъ другу вооруженныя силы, то оба должны по внутреннимъ и по внѣшнимъ причинамъ стремиться къ возможно быстрѣйшему исходу. Какъ только одна изъ сторонъ достигла преимуществъ,—она должна преслѣдовать непріятеля, не давая ему ни отдыха ни покоя, чтобы онъ не могъ собраться съ силами, и добиваться окончательнаго его пораженія. Но такой возрастающій успѣхъ въ дѣйствительности встрѣчается рѣдко. Наоборотъ, на войнѣ большею частью приходится болѣе или менѣе долгое время вести выжидательный образъ дѣйствій. 26. Выжидательныя дѣйствія во время войны.

Это значительное противорѣчіе объясняется тѣмъ, что наступленіе ослабляетъ главныя силы для дальнѣйшихъ дѣйствій, между тѣмъ при оборонѣ всегда можно получить подкрѣпленіе въ видѣ свѣжихъ силъ изъ своей или изъ союзной страны; кромѣ того условія мѣстности, на которой происходятъ военныя дѣйствія создаютъ иногда большія, на морѣ же часто непреодолимыя, препятствія для дальнѣйшаго наступленія. Поэтому съ обороной, какъ съ болѣе надежной формой военныхъ дѣйствій приходится считаться хотя бы въ силу реальныхъ условій.

Къ этому надо еще прибавить, что полководцу побѣждающей стороны не вполнѣ извѣстны обстоятельства, въ которыхъ находится противникъ. Поэтому большею частью всѣ тѣ препятствія, которыя предстоитъ преодолѣть, кажутся болѣе трудными, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ, что и пріостанавливаетъ дальнѣйшее наступленіе; кромѣ всего этого метеорологическія условія, неблагопріятное время года, недостатокъ въ боевыхъ и хозяйственныхъ припасахъ и въ средствахъ передвиженія и тому подобныя причины могутъ остановить наступленіе и перевести его въ выжиданіе.

Въ исторіи сухопутныхъ войнъ примѣры выжидательныхъ дѣйствій безчисленны; до Наполеона I-го былъ обычнымъ переходъ зимою на зимнія квартиры.

Въ морской войнѣ такое выжиданіе наступаетъ почти каждый разъ, когда непріятельскій флотъ скрывается въ портахъ подъ защитой береговыхъ укрѣпленій, или же прячется послѣ проиграннаго сраженія туда, куда не можетъ проникнуть нападающій. Это и повело въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го столѣтія къ блокадамъ по нѣскольку лѣтъ англичанами Бреста, Мальты, Тулона, Кадикса и т. д., а равно и къ блокадѣ Севастополя во время Крымской войны.

27. Различіе между войной на морѣ и на сушѣ.

Въ этомъ сказывается существенное различіе между веденіемъ войны на сушѣ и на морѣ.

Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже и поговоримъ подробнѣе.

28. Оборонительная задача военной силы.

По существу задача военной силы—оборонительная. Военная сила имѣетъ задачей защиту страны, ея населенія и его имущества и обезпеченіе безпрепятственной торговой и дѣловой жизни въ государствѣ.

а) Армія.

На обязанности арміи лежитъ защита сухопутныхъ границъ государства, куда входитъ разумѣется и защита самой страны и т. д. Эта защита смотря по обстоятельствамъ можетъ быть и *пассивной обороной*.

б) Флотъ.

Оборонительная задача флота много разностороннѣе и глубже. Главнымъ образомъ онъ долженъ охранять морскія границы государства, т. е. побережья отъ всякой возможности со стороны непріятеля нанести имъ вредъ. Такимъ образомъ задачей его является *оборона береговъ*. Объ этой задачѣ до сихъ поръ еще существуетъ совершенно ложное понятіе, подразумѣвающее защиту отдѣльныхъ важныхъ городовъ побережья отъ нападеній непріятеля, отъ его артиллеріи и войскъ; такая задача возможна лишь для очень ограниченнаго числа пунктовъ, т. е. для главнѣйшихъ портовъ.

Побережье въ цѣломъ, включая сюда и главнѣйшіе порты, можетъ быть защищено отъ бомбардировокъ и разрушеній, отъ высадокъ, пожаровъ и грабежа исключительно лишь флотомъ. Дѣло флота не допускать непріятеля до побережья и держать его вдали отъ береговой черты; дѣйствительная *оборона береговъ* можетъ быть достигнута поэтому лишь при условіи *активныхъ дѣйствій флота*.

Во вторыхъ флотъ долженъ оберегать *морскія сообщенія*, т. е. морскую торговлю государства.

На сухопутной непріятельской границѣ съ объявленіемъ войны прекращаются торговыя сношенія, поэтому тѣмъ важнѣе обезпечить возможность морской торговли, имѣющей громаднѣйшее значеніе для благоденствія страны; это имѣетъ рѣшающее значеніе для государства полуостровного характера, какъ напримѣръ Испанія и Греція, у которыхъ сухопутная торговля развита очень мало. Поэтому флотъ долженъ препятствовать блокадѣ портовъ и береговъ, закрывающей всякую морскую торговлю; все это требуетъ удаленія непріятельскихъ морскихъ силъ изъ водъ своего государства, т. е. *активныхъ, наступательныхъ дѣйствій.*

Подъ „водами своего государства" здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать не только лишь прибрежную морскую полосу шириною въ 3 мили (5556 метр.), т. е. шириной, равной дальности выстрѣла старинныхъ пушекъ, составляющую по международному праву собственность даннаго государства, но полосу неопредѣленной ширины, простирающуюся въ открытое море на столько, на сколько того требуетъ безопасность свободныхъ морскихъ сообщеній. Эта трехмильная полоса въ сущности говоря только фикція, болѣе не отвѣчающая современнымъ условіямъ,—дальность орудійнаго выстрѣла въ настоящее время увеличилась въ два-три раза; лишь для рыболовства и т. п. занятій это еще можетъ имѣть значеніе. Пространство внѣ этой трехмильной полосы часто называютъ „нейтральнымъ", но это совершенно неправильно, потому что *нейтральной*, по самому смыслу этого слова, областью является пространство, не принадлежащее *ни одной изъ двухъ* воюющихъ сторонъ; здѣсь дѣло идетъ о морѣ, на которое всѣ судоходныя націи имѣютъ право, съ которымъ, разумѣется, связаны и опредѣленныя обязанности. Но море внѣ трехмильной береговой полосы не принадлежитъ никому, у него *нѣтъ владѣльца.*

29. Воды своего государства.

Англичане прежде офиціально заявляли свое право на море и продолжаютъ предъявлять его и донынѣ частнымъ образомъ; область ихъ права на море доходитъ до непріятельскаго побережья вплоть до непріятельскихъ гаваней. Въ дѣйствительности же во всякомъ случаѣ дѣло обстоитъ не такъ, и море предоставлено для общаго равноправнаго поль-

зованія всѣхъ государствъ въ большей ли степени въ мирное время, чѣмъ въ военное — это вопросъ, который будетъ рѣшенъ лишь оружіемъ въ будущихъ большихъ войнахъ за обладаніе моремъ.

Въ третьихъ флотъ всегда имѣетъ *оборонительную* задачу — защиту подданныхъ своей страны, ихъ имущества и правъ *на морѣ* и *за моремъ*, т. е. защиту отдѣльныхъ коммерческихъ и рыболовныхъ судовъ съ ихъ командами, колоній за моремъ и живущихъ за границею подданныхъ своей страны съ ихъ имуществомъ. Этимъ задачамъ нашъ флотъ, благодаря его незначительному составу, до сихъ поръ удѣлялъ слишкомъ мало вниманія, хотя это и должно было быть его естественной цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться.

30. Театръ военныхъ дѣйствій флота. Какъ мы видѣли оборонительныя задачи флота въ военное время обусловливаютъ активную его дѣятельность (наступленіе). Поэтому театръ военныхъ дѣйствій не ограничивается лишь прибрежной водной полосой и водами своего государства, но распространяется на все свободное море и на всѣ моря, въ которыхъ ведется торговля или рыболовство и имѣются колоніи своего государства.

31. Наступательная задача военной силы. Наступательная задача военной силы имѣетъ своей цѣлью вынудить противника къ заключенію мира: для этого въ случаѣ войны съ пограничнымъ государствомъ войска переходятъ границу и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы

а) Армія. насколько можно быстрыми и сильными ударами сломить непріятельскую армію, овладѣть возможно большей частью непріятельской страны и подчинить ее своему правительству, затѣмъ повести наступленіе на столицу и занять ее, послѣ чего обычно непріятель видитъ себя вынужденнымъ идти на уступки. Блестящіе примѣры такого образа военныхъ дѣйствій даютъ намъ войны 1866 и 1870—71 г.г., во время которыхъ при сложившихся условіяхъ политически господствовала наибольшая умѣренность, и, несмотря на это, образъ дѣйствій такъ приблизился къ абсолютному веденію войны, какъ этого не случалось ни въ одной войнѣ между двумя цивилизованными государствами.

Организація арміи въ 1870 году была такова, что при первомъ призывѣ короля весь народъ способный носить оружіе былъ готовъ къ бою, и черезъ 14 дней послѣ объявленія войны войска южно-германскихъ государствъ, дав-

рый) въ общемъ почти одинъ милліонъ солдатъ, стояли въ полной боевой готовности на границѣ, что обезпечило намъ превосходство силъ по всей линіи. Военныя дѣйствія велись такъ интенсивно и выполнялись такъ предусмотрительно, что одинъ разъ черезъ недѣлю (1866 г.), а другой разъ черезъ мѣсяцъ (1870 г.) исходъ войны былъ рѣшенъ; значительные успѣхи, отсроченные, вслѣдствіе тогдашняго соотношенія силъ Европы, были достигнуты безъ того, чтобы реально вмѣшался хоть одинъ изъ нашихъ завистливыхъ сосѣдей, чѣмъ мы обязаны несравненному дипломатическому искусству Бисмарка; наша побѣдоносная армія быстрыми и рѣшительными ударами разбила непріятеля, двинулась непосредственно на его столицу, осадила ее и заморила голодомъ. Такимъ безпримѣрнымъ успѣхомъ мы обязаны исключительно соединенію трехъ первостатейныхъ силъ: организаторской, военной и государственной и ихъ гармонической согласованности подъ общимъ управленіемъ глубокочтимаго короля Вильгельма I, которому все подчинялось съ такой готовностью и который умѣлъ удерживать равновѣсіе всѣхъ силъ со справедливостью, заслуживающей удивленія.

Обѣ войны показали какое громадное значеніе имѣетъ на войнѣ такая централизація верховнаго управленія, когда король въ качествѣ высшаго повелителя ведетъ управленіе всѣмъ въ цѣломъ, а полководецъ, высшій организаторъ и дипломатъ слѣдуютъ за нимъ и въ каждую данную минуту находятся подъ рукой и совѣтуются съ нимъ. Въ морской войнѣ по условіямъ пространства это невозможно. Тѣмъ болѣе высокія требованія должны быть предъявляемы къ главнокомандующему флотомъ, не только съ военной точки зрѣнія, но и въ области политики. Флотоводецъ очень часто на болѣе или менѣе долгое время теряетъ связь съ родиной и вынужденъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, и потому нерѣдко ему исключительно самому приходится рѣшать вопросъ: „война или миръ“. б) Флотъ.

Доводить военныя дѣйствія до такого конца, который только что былъ описанъ выше, флотъ можетъ лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, однако его значеніе съ этой точки зрѣнія не такъ уже мало, какъ это кажется въ большинствѣ случаевъ; при благопріятной обстановкѣ

флотъ тоже въ состоянiи вынудить противника пойти на уступки.

32. Наступательная задача флота.

Главной цѣлью наступательнаго образа дѣйствiя флота на войнѣ является *овладѣнiе моремъ* путемъ разбитiя или уничтоженiя морскихъ силъ непрiятеля и удаленiя непрiятельскихъ крейсеровъ.

33. Неограниченность театра военно-морскихъ дѣйствiй.

Абсолютныя требованiя здѣсь не могутъ быть формулированы по той причинѣ, что пространство, на которомъ расположенъ *театръ военныхъ дѣйствiй* почти не имѣетъ границъ и распространяется на всѣ тѣ воды, гдѣ только имѣются морская торговля, рыболовные промыслы и владѣнiя противника.

Если разбитому непрiятельскому флоту удается скрыться въ одной изъ своихъ гаваней, куда не можетъ проникнуть побѣдитель, то преслѣдованiе прекращается, такъ какъ всякiй берегъ, рифъ, банки и т. п. представляютъ непреодолимыя препятствiя для кораблей. Тогда начинаются часто встрѣчающiяся, какъ уже было сказано, на войнѣ выжидательныя дѣйствiя, по крайней мѣрѣ прекращаются крупныя операцiи. Непрiятель въ это время пуститъ въ ходъ новыя вспомогательныя средства въ видѣ минъ загражденiя и плавающихъ минъ, подводныхъ лодокъ и т. п. и побѣдителю предстоитъ блокада этого флота и по возможности всѣхъ портовъ вдоль побережья противника въ цѣляхъ прекращенiя морской торговли непрiятельской страны. Эта задача трудна во всѣхъ отношенiяхъ, требуетъ высшей выдержки и настойчивости и, въ зависимости отъ условiй мѣстоположенiя непрiятельской страны на морѣ, протяженiя его побережья и числа портовъ, можетъ быть рѣшена лишь съ большимъ трудомъ и даже иногда можетъ оказаться невыполнимой.

Дѣйствительная блокада можетъ принести странѣ, въ особенности если ея благополучiе зиждется большей частью или исключительно на морской торговлѣ, вредъ настолько ощутительный, что правительство можетъ оказаться вынужденнымъ къ заключенiю мира. Государство островного характера, которое не въ состоянiи само покрыть потребность въ пищевыхъ продуктахъ, можетъ быть взято голодомъ, какъ осажденная крѣпость. При этомъ, конечно, нельзя оставить безъ вниманiя многiе спорные пункты, какъ на-

ряемъ право судоходства нейтральныхъ государствъ, вопросъ о военной контрабандѣ и т. п., которые будутъ определенно разрѣшены лишь въ будущемъ, и вѣроятно въ далекомъ будущемъ, международными постановленіями.

Очень наглядный примѣръ дѣйствительности блокады въ большомъ масштабѣ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ даетъ намъ война за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ, рѣшенная фактически путемъ блокады [1]), хотя конечно дѣйствія сѣверо-американской арміи на сухомъ пути противъ войскъ южныхъ штатовъ имѣли также рѣшающее значеніе.

Флотъ, завладѣвшій моремъ, послѣ выиграннаго сраженія долженъ имѣть задачею слѣдующее: очистить всѣ воды отъ непріятельскихъ судовъ, какъ коммерческихъ, такъ и военныхъ, уничтожить непріятельскія суда или овладѣть ими, перехватить нейтральныя суда, направляющіяся съ военной контрабандою къ непріятельскимъ портамъ, и завладѣть колоніями и островами противника. 34. Наступательная задача флота. Продолженіе.

Задачею *блокирующаго флота* помимо прекращенія морской торговли являются минныя атаки на военные корабли непріятеля, стоящіе на рейдахъ и въ портахъ, захватъ судовъ подъ всѣми флагами, прорывающихъ блокаду, уничтоженіе каботажа и рыболовства и распространеніе собственной активной дѣятельности на непріятельскіе берега, (поскольку это позволяютъ дальность выстрѣловъ своихъ орудій и дѣйствія десантныхъ отрядовъ). Словомъ, блокирующій флотъ долженъ стремиться къ тому, чтобы: 1) привести въ негодность всѣ тѣ береговыя учрежденія, которыя служатъ для военныхъ цѣлей, какъ напримѣръ наблюдательные и сигнальные посты, телеграфныя станціи, прибрежныя и шоссейныя дороги; 2) чтобы удовлетворить потребность своего флота въ предметахъ снабженія въ прибрежныхъ городахъ и селеніяхъ и наложить на нихъ контрибуцію (такъ поступилъ адмиралъ Трайонъ (Tryon), начальникъ побѣдившей стороны въ англійскихъ маневрахъ 1889 года и этимъ снова напомнилъ объ этой сторонѣ военныхъ дѣйствій [2]); 3) чтобы овладѣть доступными приморскими батареями и вывести ихъ изъ строя, занять для предполагаемой высадки арміи удобные

---

[1]) Stenzel. Flotte der Nordstaaten im Sezessionskriege. Berlin 1894.

[2]) Stenzel. Kriegführung zur See. Berlin 1889.

прибрежные пункты и подготовить ихъ для десанта войскъ, прикрыть самую высадку и т. д.

Главной задачей, въ случаѣ если непріятельская столица лежитъ на берегу водъ, доступныхъ для флота, является разумѣется нападеніе на нее съ разсчетомъ въ случаѣ успѣха вынудить непріятеля однимъ ударомъ къ уступкамъ. Подобные случаи неоднократно имѣли мѣсто во времена парусного флота и вполнѣ могутъ быть повторены и позднѣе. Подобное положеніе столицъ на самомъ дѣлѣ встрѣчается чаще, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Въ одной только Европѣ у четырехъ сѣверныхъ государствъ, у Великобританіи, Ирландіи, Португаліи, Греціи и Турціи столицы лежатъ у моря. Кромѣ того надо принять во вниманіе большое количество крупныхъ имѣющихъ важное значеніе городовъ, расположенныхъ близъ моря.

Такимъ образомъ рѣшительныя и энергичныя военныя дѣйствія на морѣ, какъ уже было указано, рѣзко отличающіяся отъ дѣйствій на сушѣ, даютъ возможность къ разнообразнымъ и дѣйствительнымъ наступательнымъ операціямъ, могущимъ причинить непріятелю громадный вредъ и вынудить его при благопріятныхъ условіяхъ къ миру. Такимъ образомъ исходъ войны можетъ быть рѣшенъ непосредственно одними лишь дѣйствіями на морѣ.

35. Театръ военныхъ дѣйствій флота въ наступательной войнѣ. Театръ военныхъ дѣйствій флота въ наступательной войнѣ распространяется, соотвѣтственно разностороннимъ его задачамъ, на всѣ воды гдѣ только у противника имѣются интересы, тогда какъ въ сухопутной войнѣ онъ ограничивается лишь областью того сосѣдняго государства, на которое произведено нападеніе.

36. Задачи флота при заморскихъ операціяхъ. Изъ этого преимущества наступательныхъ дѣйствій въ морской войнѣ вытекаетъ еще дальнѣйшее. Армія непосредственно можетъ вести наступленіе лишь противъ сосѣдней страны; въ случаѣ же войны съ государствомъ, лежащимъ за моремъ, она вынуждена обратиться къ содѣйствію флота, чтобы имѣть возможность обезопасить перевозку войскъ и доставку транспортовъ съ предметами снабженія и боевыми припасами всѣхъ родовъ. На долю флота выпадаетъ въ этомъ случаѣ роль подчиненная—*только помощника арміи*; но эту обязанность ни въ коемъ случаѣ нельзя считать маловажной, такъ какъ участіе флота способствуетъ проведенію прави-

часть великой политики, при чемъ армія является лишь орудіемъ ея. Имя подобныхъ войнъ легіонъ; въ большомъ масштабѣ онѣ были осуществлены въ Крымскую кампанію, во время французской экспедиціи въ Мексику, при усмиреніи Остъ-Индскаго возстанія въ 1857—58 г.г. при завоеваніи южно-африканскихъ республикъ. Но и въ этомъ случаѣ роль флота не ограничивается одною лишь охраной транспортовъ съ войсками,—всегда представляется случай для полезныхъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій какъ например̂ъ: прикрытіе высадки войскъ (Евпаторія 1854 г.), содѣйствіе въ береговомъ бою (при Альмѣ въ томъ же году), бомбардировка портовъ (Одесса въ томъ же году), содѣйствіе штурму приморской крѣпости (Кинбурнъ въ 1855 г.), дѣйствіе десантовъ внутри непріятельской страны (при Лукновѣ въ 1858 г. во время подавленія возстанія въ Остъ-Индіи, при Ледисмитѣ во время войны съ бурами).

Пусть такая роль и не способствуетъ поднятію чувства собственнаго достоинства во флотѣ и уваженія къ нему со стороны арміи,—но все-таки, конечно, лишь отсутствіе большихъ морскихъ войнъ послужило причиной того, что повсюду привыкли усматривать главное значеніе флота въ такомъ вспомогательномъ служеніи цѣлямъ арміи. При этомъ однако же большей частью совершенно не считаются съ тѣмъ, что морская война основана на стремленіи къ достиженію или удержанію господства на морѣ, путемъ ли боевыхъ операцій или путемъ соглашенія съ другими морскими державами.

Со времени появленія такъ называемыхъ гуманныхъ идей, явившихся результатомъ великой французской революціи, возникли ошибочные, несогласные съ жестокой дѣйствительностью, взгляды, отрицающіе право флота дѣйствовать въ военное время не только противъ вооруженныхъ силъ непріятеля.

Эти взгляды проникли отчасти даже въ правительственные круги наряду со столь же химерическими идеями, какъ идея *всеобщаго мира* на землѣ. Довольно характерно то, что могущественный монархъ, настаивавшій на всеобщемъ мирѣ, въ скоромъ времени увидѣлъ себя вовлеченнымъ въ необыкновенно кровавую войну, вызванную стремленіемъ государства къ расширенію своей территоріи. 37. Всеобщій миръ на землѣ.

О мирѣ всего міра достаточно бредятъ чувствительные мужчины и женщины, имѣющіе девизомъ слова „долой оружіе“, но судьбы народовъ никогда не измѣнялись безъ войны. *Война* это импульсъ, побуждающій къ успѣхамъ въ жизни народовъ. Нашъ великій стратегъ Мольтке выразился о войнѣ такъ:

„Вѣчный миръ это сонъ и часто даже не прекрасный сонъ; война это одинъ изъ элементовъ въ Божьемъ міровомъ порядкѣ. На войнѣ развиваются лучшія людскія добродѣтели: мужество и самоотреченіе, вѣрность долгу и готовность жертвовать жизнью. Безъ войны весь міръ погрязъ бы въ матеріализмѣ“.

Чисто матеріальный характеръ носитъ внесенное заинтересованными сторонами предложеніе: *частная собственность на морѣ должна быть неприкосновенной.* Парижская декларація 16-го апрѣля 1856 года установила слѣдующія положенія, исходившія отъ непосредственно заинтересованныхъ коммерсантовъ и судовладѣльцевъ, и принятыя великими европейскими державами:

1) Каперство считается уничтоженнымъ.

2) Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды.

3) Нейтральный грузъ подъ непріятельскимъ флагомъ не подлежитъ захвату.

4) Признается лишь дѣйствительная блокада.

Устоятъ ли эти положенія противъ перваго же натиска, т. е. ближайшей морской войны, особенно при участіи Англіи, покажетъ первая серьезная проба. Въ Англіи многіе разумные люди высказывались въ томъ смыслѣ, что англійское правительство въ самомъ началѣ войны должно отказаться отъ парижской деклараціи, такъ какъ придерживаться всѣхъ ея постановленій нельзя безъ нанесенія непозволительнаго ущерба господствующему на морѣ флоту.

38. Каперство. Нѣсколько словъ о *„каперствѣ“*. Часто подъ этимъ словомъ понимаютъ главнымъ образомъ примѣненіе коммерческихъ судовъ и т. п. и глаголъ „каперствовать“ употребляется часто въ смыслѣ „захватывать“. Въ дѣйствительности же „каперство“ подразумѣваетъ примѣненіе на войнѣ каперскихъ судовъ, т. е. частныхъ кораблей, снабженныхъ

оружіемъ и имѣющихъ отъ правительства одной изъ воюющихъ сторонъ соотвѣтствующій документъ, дающій право захватывать непріятельскія суда и т. п. вмѣстѣ съ грузомъ и по утвержденію спеціальнаго „призового суда" обращать ихъ въ собственное пользованіе.

Примѣненіе коммерческихъ судовъ въ этихъ цѣляхъ, игравшее значительную роль сто лѣтъ тому назадъ въ морской войнѣ, должно быть прекращено; совсѣмъ другое дѣло взятіе коммерческихъ судовъ непріятеля военными кораблями (крейсерами) одной изъ воюющихъ сторонъ. Противъ этого никто еще не высказывалъ серьезнаго протеста, и ни одно правительство морской державы, а менѣе всего англійское, не согласится съ такимъ протестомъ, потому, что этимъ согласіемъ безъ сомнѣнія сильно умалилось бы достоинство военнаго флота; и ни одно государство не будетъ требовать, чтобы его торговля и рыбные промыслы безпрепятственно функціонировали во время войны, такъ какъ это увеличило бы благосостояніе страны и повысило бы ея способность къ военному сопротивленію.

Въ Англіи такое взятіе призовъ обычно и въ настоящее время, и призовыя деньги—большею частью за взятыя невольничьи суда—раздѣляются ежегодно между командами судовъ взявшихъ призы. Во время большихъ морскихъ войнъ дѣло часто доходило до крупныхъ денежныхъ суммъ. Напримѣръ адмиралу Ансону полученныя послѣ кругосвѣтнаго плаванія (1739—45) крупныя призовыя деньги помогли сыграть значительную роль въ Англіи и сдѣлаться впослѣдствіи первымъ лордомъ адмиралтейства, въ бытность которымъ онъ вмѣстѣ съ первымъ министромъ Питтомъ поднялъ англійскій флотъ на ту высоту, на которой онъ и держится съ тѣхъ поръ.

Намъ остается вкратцѣ упомянуть *о задачахъ флота въ мирное время*. Какъ флоту, такъ и арміи въ мирное время въ отношеніи ихъ состава, силы и боевой готовности надлежитъ держаться на высотѣ требованій времени и заботиться о содержаніи боевыхъ средствъ въ исправности и о цѣлесообразномъ воспитаніи и обученіи личнаго состава. Армія въ это время имѣетъ свое пребываніе внутри границъ своей страны. Для флота же, наоборотъ, необходимое для маневровъ и ученій мѣсто лежитъ всегда внѣ границъ той трех- 39. Задачи флота въ мирное время.

мильной полосы, на которую государство имѣетъ исключительное право. Кромѣ того и въ мирное время флотъ долженъ всячески поддерживать интересы своей страны на морѣ и за моремъ и охранять ихъ.

Всякое военное судно или эскадра, находящіяся внѣ своихъ водъ, представляютъ собой орудіе внѣшней политики, которое при случаѣ должно вступиться за интересы своей страны при нарушеніи ихъ однимъ изъ иностранныхъ правительствъ. Это можетъ вызвать и въ мирное время, т. е. даже если война и не была объявлена, военныя дѣйствія; средствомъ для оказанія давленія можетъ послужить блокада какого-нибудь крупнаго порта. Для вынужденія согласія возможенъ переходъ и къ угрожающему образу дѣйствій. Такъ напримѣръ въ 1890 году, когда Сесиль Родсъ хотѣлъ оказать услугу англійскому правительству своимъ превосходнымъ африканскимъ проектомъ, а Португалія не сразу согласилась на уступку большой колоніальной области въ Верхнемъ Замбези для Капъ-Каирской дороги, англійскія эскадры собрались у Мадеры и Лиссабона, а также въ устьѣ Замбези въ готовности дѣйствовать силой, и англійское правительство предъявило португальскому ультиматумъ; эта угроза заставила Португалію пойти на соглашеніе. Съ этого времени Англія господствуетъ въ южной Африкѣ отъ мыса Доброй Надежды до озера Танганайка, также какъ въ сѣверной Африкѣ — отъ Александріи до озера Викторія, включая послѣднее.

Военныя выступленія въ мирное время имѣли не разъ мѣсто и въ германскомъ флотѣ, какъ напр. дѣйствія капитана I ранга Батша (Batsch) въ 1872 г. въ Портъ-Прэнсѣ (Гаити), захватившаго два военныхъ корабля Гаити, капитана I ранга фонъ Викеде (von Wickede), угрожавшаго столицѣ Никарагуа въ 1878 г., затѣмъ англо-германская блокада венецуэльскихъ гаваней Ла-Гуайра и Порто-Кабелло 1902—03 г.г. и т. п.

40. Морская полиція.

Другой важной задачей флота въ мирное время являются функціи „морской полиціи“. Съ древнѣйшихъ временъ люди и корабли, попавшіе на свободное никому не принадлежащее море, считали себя вольными какъ птицы и болѣе сильные изъ нихъ обирали болѣе слабыхъ. Финикіяне, греки, этруски карѳагеняне и вообще всѣ мореходныя націи создали ре-

ченіе изъ пиратства. Въ Средиземномъ морѣ этотъ промыселъ удерживался у берберійскихъ племенъ до 19-го столѣтія: въ Алжирѣ до 1830 года, у мыса Тресъ-Форкасъ (въ Марокко) пиратство практиковалось до конца 19-го столѣтія. Одинъ изъ такихъ случаевъ послужилъ поводомъ къ сраженію на берегу нашихъ моряковъ въ этомъ мѣстѣ 7 августа 1856 года. Флибустьеры въ Санъ-Доминго представляли собой въ 17 вѣкѣ правильную организацію и безчинствовали въ вестъ-индскихъ водахъ въ большомъ масштабѣ, пока англійскій и французскій флоты въ концѣ столѣтія не прекратили этого.

Китайскіе пираты не безопасны въ своихъ водахъ для плаванія коммерческихъ судовъ и донынѣ.

Пиратство отнюдь не является областью лишь басенъ и романовъ. Дѣло военныхъ кораблей всѣхъ цивилизованныхъ государствъ охранять невооруженныя купеческія суда подъ всѣми флагами отъ разбоя и прекратить пиратство. Полицейскія обязанности въ морѣ не должны ограничиваться одною лишь защитой отъ пиратовъ, но и отъ мятежей. Кромѣ того должно оказываться содѣйствіе въ случаяхъ аварій, болѣзней на судахъ, недостатка провизіи или воды— короче вездѣ, гдѣ только можно помочь слабому, военный корабль долженъ рыцарски оказывать помощь и защиту, не считаясь съ національностью.

Если слово „полиція“ у насъ содержитъ извѣстный odium, вслѣдствіе прежнихъ злоупотребленій, то офицеръ не долженъ этимъ смущаться, ибо „полиція“ по содержанію этого понятія прежде всего есть власть, поддерживающая порядокъ и безопасность въ государствѣ. У насъ она по своей организаціи и въ мирное время приведена въ тѣсную связь съ арміей при посредствѣ жандармеріи, которая является воинской частью, управляемой офицерами дѣйствительной службы.

Изъ предыдущаго краткаго изложенія задачъ военнаго флота ясно, какъ близко стоитъ онъ во многихъ отношеніяхъ къ коммерческому флоту и морской торговлѣ. На этотъ вопросъ о связи военнаго флота съ коммерческимъ обращаютъ недостаточное вниманіе, и поэтому его необходимо подчеркнуть. Военно-морская исторія становится вполнѣ 41. Близкое отношеніе военнаго флота къ морской торговлѣ.

ясной для пониманія лишь при условіи уясненія этой связи и при постоянномъ напоминаніи о ней.

Очень часто замѣчается склонность не высоко ставить торговыя сословія по той причинѣ, что они преслѣдуютъ свои личныя матеріальныя выгоды. Невольно напрашивается параллель между ними и офицерами, которые, совершенно не считаясь съ матеріальными благами, служатъ для блага государства, и во всякій моментъ готовы пожертвовать собой для идеальныхъ цѣлей. Наряду съ этимъ, конечно, играетъ роль и честолюбіе, котораго здѣсь не приходится касаться; но никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида, что занятіе купца, *торговля*, не только приноситъ пользу государству, но *безусловно необходимо* для послѣдняго.

Каждый можетъ лично думать о маммонѣ такъ, какъ онъ хочетъ, и видѣть въ деньгахъ лишь презрѣнное средство обмѣна, но для государства и войны деньги всегда будутъ великой, даже рѣшающей силой.

Старое, всѣмъ извѣстное выраженіе Монтекукули: „для войны во-первыхъ нужны деньги, во-вторыхъ деньги и въ третьихъ опять таки деньги", въ теченіе столѣтій всегда подтверждалось путемъ опыта, и современное государство при современномъ быстромъ ростѣ техники вынуждено для созданія и поддержанія арміи и флота къ крупнымъ денежнымъ затратамъ, возрастающимъ все больше и больше.

Исторія даетъ намъ поучительные примѣры того, что государство, удѣляющее по невѣдѣнію и недостаточной заботливости или разстроеннымъ финансамъ недостаточныя суммы на свои вооруженныя силы на войнѣ всегда несетъ пораженія и часто идетъ къ гибели. Для флота это особенно важно, такъ какъ здѣсь пріобрѣтенная за деньги матеріальная часть имѣетъ больше значенія, чѣмъ въ сухопутныхъ войскахъ. Поэтому въ военно-морской исторіи нерѣдко встрѣчаются непонятно быстрыя измѣненія въ значеніи отдѣльныхъ флотовъ и, сообразно съ этимъ, и въ могуществѣ даннаго морского государства.

Для того, чтобы имѣть возможность дать правительству необходимыя денежныя средства, страна должна находиться въ благоденствіи, и съ увеличеніемъ требованій на военную силу должно возрастать и финансовое благополучіе страны. И то и другое находятся не въ произвольной, но скорѣе въ

естественной связи, такъ какъ *вооруженныя силы* государства представляютъ собой *страховую премію* для національнаго благополучія и національнаго достатка. Для упроченія послѣднихъ наряду съ земледѣліемъ и промышленностью существуетъ торговля, и она такимъ образомъ способствуетъ матеріальному достатку страны: только при наличіи крупной торговли возможенъ расцвѣтъ промышленности. 42. Военные расходы-страховой взносъ, обезпечивающій благополучіе націи.

Торговля поэтому въ настоящее время есть необходимое *жизненною цѣлью* для государства. Остановка торговыхъ оборотовъ страны въ короткое время можетъ разорить ее. Благосостояніе государства есть и будетъ высшимъ закономъ для всѣхъ его подданныхъ: поэтому отнюдь не умаляющей, но очень важной и необходимой задачей военнаго флота является защита и поддержка морской торговли, рыбныхъ промысловъ и мореходства. Это великая *національная цѣль*.

Здѣсь можно напомнить извѣстное англійское изреченіе: „The trade follows the flag!“. Справедливость этой поговорки давнымъ давно провѣрена англійскимъ правительствомъ, которое на основаніи столѣтняго опыта съ рѣдкой умѣлостью и знаніемъ дѣла заботится о расширеніи своихъ торговыхъ сношеній; англійскій военный флагъ прокладываетъ путь англійскому купеческому сословію и обезпечиваетъ его защиту: онъ поддерживаетъ у послѣдняго сознаніе своего преимущества и обезпечиваетъ ему по крайней мѣрѣ *условную* безопасность жизни и имущества.

Когда 20 лѣтъ тому назадъ, слѣдуя примѣру Великаго Курфюрста, у насъ начали колоніальную политику, было выставлено обратное предложеніе: „The flag follows the trade!“. Коммерсантъ долженъ былъ идти впереди. Послѣ того какъ онъ устраивался, обзаводился имуществомъ и налаживалъ свою торговую дѣятельность, флотъ долженъ былъ въ нужныхъ случаяхъ оказывать ему защиту. Такая осторожная политика за моремъ имѣла основаніемъ жалкую слабость нашихъ морскихъ силъ, но *правильной* ее отнюдь нельзя считать никогда, а въ особенности въ наше время полное самаго остраго соревнованія.

Англія и Франція постоянно стремятся къ тому, чтобы присоединить къ своимъ громаднымъ колоніямъ новыя, еще никѣмъ не занятыя области. Соединенные Штаты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдуютъ за ними громадными шагами,

Италія уже вступила на этотъ же путь. Россія дѣлаетъ то же самое на азіатскомъ континентѣ. Германія по сравненію съ ними достигла очень немногаго. Съ нею случилось почти то же самое, что съ шиллеровскимъ поэтомъ, который при „раздѣлѣ земли“ оказался въ царствѣ мечтаній. Такому безхлѣбному идеализму, который царилъ у насъ болѣе ста лѣтъ, въ теченіе которыхъ Германія была безсильна и нѣмецкое національное чувство отсутствовало, больше нѣтъ мѣста. Кто въ данное реальное время хочетъ довольствоваться блаженной жизнью съ Зевсомъ на небесныхъ высотахъ, тотъ впослѣдствіи будетъ оттиснутъ на задній планъ и превратится въ „quantité négligeable“. Владѣніе колоніями приносящими доходъ есть государственная необходимость и вопросъ жизни.

13. Колоніи. Всего желательнѣе для Германіи были бы колоніи въ умѣренномъ климатѣ и съ плодоносною землею, которыя могли бы вмѣстить большой безостановочно текущій потокъ нѣмецкихъ переселенцевъ, теряемыхъ теперь германской націей; Новая-Германія по ту сторону океана, которая могла-бы и не состоять въ политической связи со своей родной страной, была бы неоцѣненной областью для сбыта въ нее предметовъ германскаго производства и обратно— для ввоза въ Германію своихъ продуктовъ. Тѣ колоніи въ тропикахъ, владѣніе которыми до сихъ поръ не привлекало старыя колоніальныя державы, тоже могутъ съ теченіемъ времени оказаться для насъ цѣнными. Потребность государства въ тропическихъ продуктахъ очень значительна— она исчисляется ежегодно сотнями милліоновъ марокъ и возрастаетъ съ увеличеніемъ населенія и ростомъ его нуждъ и жизненныхъ потребностей. Каждое государство, проводящее правильную хозяйственную политику, стремится къ тому, чтобы самому покрывать всѣ свои потребности, такъ какъ за все привозимое изъ-за границы надо платить за границу же. Если оно само не въ состояніи покрывать свои потребности, то оно должно поставить вывозъ своихъ произведеній такъ, чтобы онъ по денежной стоимости уравновѣшивалъ бы ввозъ. Въ противномъ случаѣ денежныя средства въ странѣ уменьшаются на величину разности между стоимостью предметовъ ввоза и вывоза и нація идетъ къ обѣдненію.

44. Ввозъ и вывозъ.

Въ настоящее время въ общей внѣшней торговлѣ Германіи ввозъ превосходитъ вывозъ на очень значительную сумму: въ 1903 году эта сумма достигала 1190,8 милліоновъ марокъ, въ промежутокъ времени съ 1894 по 1903 годъ ввозъ превысилъ вывозъ на чудовищную сумму, почти въ 11½ миллiардовъ марокъ [2] въ годъ Германія уплачиваетъ за границу безвозвратно среднимъ числомъ одинъ миллiардъ марокъ. Изъ годового итога 1903 года въ 1190,8 милліоновъ марокъ на тропическіе продукты приходится около 906 милліоновъ марокъ, причемъ на долю нашихъ колоній падаетъ очень незначительная часть въ 6,8 милліоновъ марокъ. Для того, чтобы уравновѣсить иностранный ввозъ, наши колоніи должны ежегодно производить море товаровъ, какъ напримѣръ хлопка, кофе, какао и т. п. стоимостью въ 900 милліоновъ марокъ и ввозить эти продукты въ имперію. Вознаградить потери отъ иностраннаго ввоза можно лишь путемъ поднятія своего земледѣлія и горнозаводства и созданія большого числа внѣшнихъ рынковъ для сбыта произведеній отечественной промышленности, что въ наше время сильной конкуренціи, крупныхъ таможенныхъ затрудненій и таможенныхъ войнъ годъ отъ году становится все труднѣе и труднѣе. Если государство не хочетъ удовлетворять свои все возрастающія потребности въ тропическихъ продуктахъ изъ-за границы, что вызываетъ все увеличивающійся съ каждымъ годомъ отливъ туда крупныхъ денежныхъ суммъ, то оно должно прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы найти удовлетвореніе всѣхъ потребностей изъ собственныхъ колоній. Въ этомъ и заключается главнѣйшимъ образомъ *матеріальная цѣнность* колоній, и управленіе ими должно вестись въ томъ смыслѣ, чтобъ поощрять разведеніе новыхъ плантацій и поддерживать хозяйство на существующихъ, и чтобы облегчать доставку продуктовъ и перевозку ихъ моремъ. Пріобрѣтать же колоніи и поддерживать ихъ, вообще говоря вести *колоніальную политику*, возможно лишь при наличіи флота.

45. Колоніальная политика доступна только при наличіи флота.

Приведенныя выше вѣрныя основанія колоніальной политики къ сожалѣнію были приняты во вниманіе лишь со времени нашихъ недавнихъ пріобрѣтеній въ Восточной Азіи.

---

2) Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich für 1904.

Флотъ занялъ удобную гавань для своихъ надобностей и подъ разумнымъ управленіемъ предусмотрительныхъ морскихъ офицеровъ маленькая, до сихъ поръ безполезная и пустынная область Кіо-Чау въ нѣсколько лѣтъ превратилась въ цвѣтущій портъ, обѣщающій въ будущемъ самое лучшее.

46. Морской офицеръ особенно пригоденъ для управленія колоніями.

Изъ тѣсной связи, которая существуетъ между колоніями и флотомъ и неизбѣжно будетъ существовать всегда, логически слѣдуетъ, что управленіе ими всегда связано съ морской силой, и флоту должно быть отведено очень большое мѣсто въ дѣлѣ развитія колоній. Служба *морского офицера* знакомитъ его съ условіями мореходства и морской торговли, играющихъ главную роль въ колоніяхъ. Эта служба знакомитъ его съ чужими странами и приводитъ его въ соприкосновеніе съ другими народностями, она расширяетъ его кругозоръ и дѣлаетъ его свободнымъ отъ многихъ привитыхъ каждому человѣку на родинѣ взглядовъ—словомъ развитіе морского офицера, которое дала ему служба, въ особенности же служба въ дальнихъ плаваніяхъ, и его образованіе дѣлаютъ его особенно способнымъ къ вѣрной оцѣнкѣ условій колоніальной жизни своего государства и къ успѣшному управленію колоніями; это, разумѣется, вполнѣ подходящая для морского офицера область, но эту область у насъ онъ еще долженъ сперва завоевать.

Нашъ флотъ всрѣчаетъ все больше и больше случаевъ къ поддержкѣ германской торговли за границею наряду съ выполненіемъ своихъ собственныхъ задачъ. Если это будетъ продолжаться и впредь и если морской офицеръ во всякое время будетъ являться разумнымъ и доброжелательнымъ защитникомъ интересовъ торговли и мореходства, то черезъ пропасть, существующую къ общему ущербу между военнымъ и торговымъ флотомъ и торговымъ сословіемъ нашихъ большихъ приморскихъ портовъ, будетъ переброшенъ мостъ.

Существующая въ настоящее время разрозненность между ними имѣетъ своимъ основаніемъ частью общія, частью же особыя причины.

47. Торговый и военный флоты.

Вполнѣ понятно, что личный составъ торговаго флота, который при болѣе тяжелой службѣ получаетъ болѣе скудное вознагражденіе, о которомъ никто не безпокоится, который въ будущемъ не видитъ никакой возможности къ повышенію и, потерявъ на службѣ свои силы и здоровье, остается за

бортомъ, вполнѣ понятно, что онъ смотритъ на военный флотъ съ извѣстной завистью, хотя онъ и чувствуетъ себя свободнѣе, не подчиняясь той военной дисциплинѣ, съ которой ему неизбѣжно пришлось бы считаться въ военномъ флотѣ. Въ послѣднемъ же каждому человѣку во всѣхъ отношеніяхъ удѣляютъ больше вниманія какъ со стороны опрятности, одежды, обращенія, заботливости во время болѣзни и т. д., а между тѣмъ служба труднѣе лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

При потерѣ трудоспособности или послѣ долгой службы чины военнаго флота получаютъ пенсію. Кромѣ того предоставленіе имъ гражданской службы въ этихъ случаяхъ обезпечиваетъ имъ будущее; способные и дѣятельные люди могутъ быть произведены въ палубные офицеры, напр., въ артиллерійскіе или минные кондукторы, и даже въ строевые офицеры и могутъ получать штабъ-офицерскую пенсію, однимъ словомъ, у нихъ впереди извѣстное будущее.

Острѣе всего выступаетъ различіе между капитанами и штурманами торговаго флота и морскими офицерами; кромѣ всего, только что сказаннаго, первые не имѣютъ мѣста въ обществѣ, тогда какъ морскіе офицеры, вмѣстѣ съ сухопутными, представляютъ высшее сословіе страны.

Это различіе налицо. Благодаря мундиру, оно уже съ внѣшней стороны сейчасъ же бросается каждому въ глаза. И вотъ оно неизбѣжно становится осязательнымъ и влечетъ за собой отчужденіе между военнымъ и коммерческимъ флотами. Однако обязанность людей, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, не обострять этого отчужденія подчеркиваніемъ своего превосходства, но на сколько можно смягчать его и дѣлать незамѣтнымъ.

Что личный составъ нашего коммерческаго флота въ общемъ очень порядоченъ и стоитъ на одномъ уровнѣ съ персоналомъ служащихъ въ торговомъ флотѣ большинства мореходныхъ государствъ достаточно доказано и извѣстно, что наша морская торговля имѣетъ громадное національное значеніе, равно какъ извѣстно и то, что одной изъ задачъ военнаго флота, а слѣдовательно, каждаго морского офицера, является поддержка морской торговли вездѣ и на сколько только можно. Поэтому будетъ существенно важнымъ, если личныя отношенія будутъ хорошими и если морскіе офи-

церы въ силу того, что „noblésse oblige", будутъ служить образцами и руководителями личнаго состава коммерческаго флота. Они должны всегда помнить, что военный флотъ существуетъ преимущественно ради коммерческаго.

Другая причина такихъ неблагопріятныхъ условій кроется въ печальномъ политическомъ состояніи Германіи въ прежнее время, когда нѣмецкія коммерческія суда плавали не подъ однимъ, а подъ нѣсколькими флагами, подъ восемью, включая сюда и датскій (для Шлезвигъ-Голштиніи), главнымъ образомъ подъ гамбургскимъ и бременскимъ, почему въ иностранныхъ государствахъ считали „ганзейскіе города за отдѣльное государство.

Расцвѣтъ германской морской торговли, начавшійся съ 1815 года, произошелъ также при отсутствіи военнаго флота. Этому расцвѣту способствовало то обстоятельство, что въ Англіи, ставшей послѣ Трафальгара всемогущей владычицей морей, были выработаны общія для всѣхъ положенія о свободной морской торговлѣ, которыя впослѣдствіи и получили полное осуществленіе при Кобденѣ и Брайтѣ. Англійскій флотъ въ то время сдѣлалъ очень много и для общаго блага въ области гидрографіи и картографіи, онъ же осуществилъ къ общей пользѣ „морскую полицію" и эта англійская защита также благопріятствовала германскому торговому мореплаванію во всѣхъ водахъ.

Національное чувство германскихъ моряковъ и свойственный по природѣ каждому нѣмцу военный духъ постепенно утратились при подобныхъ условіяхъ: они испрашивали себѣ защиту у *чужого* военнаго флота и были благодарны за то, что англійскимъ морскимъ офицерамъ было угодно охранять ихъ. Съ тѣмъ, что это можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ унизительно, они не считались. Они считались только съ тѣмъ, что можно было безпрепятственно заниматься морской торговлей и наживать деньги.

Людямъ, которые получивъ воспитаніе на нашихъ военныхъ корабляхъ, горятъ теперь желаніемъ встрѣчи съ врагомъ, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ всякое оружіе казалось непривлекательнымъ.

Со времени основанія имперіи коммерсанты, владѣльцы морскихъ предпріятій и судовъ для защиты своихъ кораблей вмѣстѣ съ ихъ товарами должны были принять личное уча-

стіе въ созданіи *своего военнаго флота*, на который они смотрѣли далеко недружелюбно: гамбуржцы по преимуществу долгое время являлись противниками созданія германскаго флота. Къ этому присоединилось введеніе всеобщей воинской повинности, которая была не по душѣ этимъ людямъ и отвлекала ихъ отъ занятій своей морской торговлей; благодѣтельное вліяніе духа военной дисциплины могло проявляться лишь мало по малу.

48. Рознь между военнымъ и коммерческимъ флотами.

Все это вмѣстѣ взятое и вырыло ту пропасть между военнымъ и коммерческимъ, въ особенности же ганзейскимъ, флотами, черезъ которую ради національныхъ интересовъ необходимо перебросить мостъ. Дѣло флота, т. е. каждаго флотскаго офицера убѣдить торговые круги путемъ всегда готовой разумной защиты торговли въ томъ, что тѣ суммы, которыя вносятся на поддержаніе флота приносятъ хорошіе проценты и обезпечены надежной страховой преміей. Стоитъ только вспомнить, напримѣръ, адмирала Валуа (Valois) въ Вальпарайзо въ 1891 году. Если только къ этому представляется случай, его не слѣдуетъ оставлять неиспользованнымъ.

Точно также военный флотъ справедливымъ, благожелательнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ лицамъ, принадлежащимъ къ торговому флоту, можетъ прекратить ихъ нерасположеніе къ службѣ во флотѣ. Любовь къ дѣлу является особенно важнымъ факторомъ для успѣшной дѣятельности какъ отдѣльной единицы, такъ и цѣлаго флота. Всякій опытный морской офицеръ имѣлъ достаточно примѣровъ этого.

Морская торговля и колоніи играли большую роль еще въ древнія времена въ исторіи народовъ, а слѣдовательно и въ исторіи морскихъ войнъ, изъ которыхъ зародились начала морской тактики; передъ болѣе подробнымъ изложеніемъ этой исторіи необходимо однако краткое опредѣленіе основныхъ понятій.

49. Что такое исторія.

Подъ *„исторіей"* обычно понимаютъ представленіе о чемъ-то случившемся, говоря точнѣе—истинно вѣрное представленіе о чемъ-то дѣйствительно происшедшемъ на землѣ. Подъ исторіей какого-нибудь народа понимаютъ однако не все, что происходило съ даннымъ народомъ, а только то, что имѣло значеніе для его потомковъ, а въ особенности

для современнаго человѣческаго рода; это ограничивается еще тѣмъ, что способствовало эволюціи человѣчества или даннаго народа. Это развитіе, какъ и развитіе отдѣльнаго человѣка, очень разностороннее.

Такъ религіозное развитіе на первый взглядъ кажется далеко стоящимъ отъ исторіи, на дѣлѣ же оно имѣетъ къ ней опредѣленное отношеніе. Примѣромъ этого являются христіанство, магометанство, реформація и т. п. Въ ближайшей связи съ этимъ находится моральное развитіе. Оно также часто оставляется безъ вниманія, хотя въ дѣйствительности по большей части служитъ причиной процвѣтанія или упадка отдѣльнаго государства. Болѣе замѣтно развитіе человѣческаго духа, которое проявляется въ успѣшной борьбѣ съ силами природы въ успѣхахъ промышленности, ремеслъ и торговли и т. д.

Религіозное, моральное и духовное развитіе не принадлежатъ одному какому-нибудь отдѣльному народу или отдѣльной странѣ. Плоды его могутъ быть болѣе или менѣе скоро использованы всѣми, кто только можетъ и хочетъ— въ настоящее время это происходитъ очень быстро. Духовное развитіе, такъ сказать, интернаціонально. Но человѣчество не составляетъ одного цѣлаго. Дѣленіе его на племена и народности сдѣлала сама природа, чему способствовали различіе въ климатѣ, цвѣтѣ кожи, неодинаковость земной поверхности въ распредѣленіи суши и воды, различіе въ тѣлосложеніи, въ духовныхъ свойствахъ, въ языкѣ и т. п.

Въ области *національнаго* развитія болѣе всего замѣтенъ ростъ общественности (соціальное развитіе) въ видѣ болѣе или менѣе прочнаго слiянія отдѣльныхъ массъ въ одно цѣлое и въ постепенномъ созданіи упорядоченной и болѣе культурной совмѣстной жизни отдѣльныхъ массъ людей въ государствѣ. Право послѣдняго *на существованіе* основывается на томъ, что во всякомъ дѣлѣ, какъ военнаго такъ и мирнаго характера, дѣеспособность массы оказывается выше, нежели у отдѣльной единицы.

Исторія какого-нибудь народа даетъ намъ картину того, какъ шло его развитіе въ разныхъ областяхъ, какъ и какими средствами достигъ онъ могущества, какъ поддерживалось или увеличивалось послѣднее, какъ имъ пользовались въ дурную или хорошую сторону. На ряду съ этимъ, изучая

исторію какого-нибудь народа, можно прослѣдить, какъ вслѣдствіе злоупотребленія власти или паденія нравовъ, онъ гибнетъ, или внезапно, или же постепенно идетъ къ паденію.

Усиленіе могущества государства равно какъ и его паденіе почти всегда имѣютъ своимъ основаніемъ *войну*. Какъ уже упоминалось, противъ войны неоднократно поднимались протесты, какъ противъ акта варварства, которое, съ точки зрѣнія преуспѣвающаго гуманизма, недостойно нашего времени. Произнесенная одной сентиментальной женщиной[1]) фраза: „долой оружіе“, подхвачена образованными и уважаемыми людьми и извѣстными парламентаріями. Но это только служитъ показателемъ того, до какихъ странностей могутъ довести гуманныя стремленія нашего просвѣщеннаго времени.

50. Достойно-ли нашего времени вести войны.

Ходъ мыслей, при которомъ всеобщій миръ кажется идеаломъ, въ сущности таковъ же, какъ и послѣдовательность мыслей, ведущая къ мечтамъ о соціалъ-демократическомъ государствѣ будущаго, гдѣ каждому человѣку будутъ отведены въ должностномъ порядкѣ жилище, одежда, занятія и т. п.—Это подразумѣваетъ стѣсненіе и уничтоженіе всякой индивидуальности, прекращеніе всякаго дальнѣйшаго развитія, словомъ духовное умерщвленіе человѣка. Поэтому вспомнимъ приведенное выше выраженіе Мольтке о погрязаніи въ матеріализмѣ.

Какъ и у всякаго мыслящаго человѣка, у народа есть своя индивидуальность и вмѣстѣ съ тѣмъ естественное стремленіе къ дальнѣйшему расширенію въ смыслѣ пространства во всѣ стороны, въ случаѣ необходимости за море и въ другія части свѣта; онъ не можетъ находиться въ состояніи застоя безъ того, чтобы не быть обойденнымъ всѣми сосѣдями. *Застой есть смерть въ жизни народовъ.* Это стремленіе къ росту государства въ силу естественной необходимости влечетъ за собой столкновеніе съ пограничными или отдѣленными моремъ народами, то есть *войну*. Послѣ всего этого нельзя не признать, что *война есть необходимое средство для дальнѣйшаго развитія человѣчества.*

51. Война необходима для дальнѣйшаго развитія человѣчества.

Если народъ правильно постигнетъ это и соотвѣтственно направитъ жизнь своего государства, то онъ охотно прине-

[1]) Берта Сутнеръ. *Ред.*

етъ на служеніе войнѣ свои общія силы и свою общую собственность, помня, что при крайнемъ напряженіи всѣхъ способностей каждаго отдѣльнаго лица въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ всѣхъ проявляется наибольшая дѣеспособность. Такой народъ обыкновенно стоитъ выше всѣхъ другихъ и выясненіе спора путемъ войны дѣйствительно почти всегда кажется чѣмъ то въ родѣ суда Божьяго. Въ связи со всѣмъ этимъ война даетъ случай истинному мужчинѣ показать свои качества, а полководцу проявить свой геній и въ благопріятномъ случаѣ, при достаточности предоставленныхъ ему военныхъ силъ, совершить міровыя дѣла.

По этимъ основаніямъ исторія главнымъ образомъ занималась описаніемъ войнъ. Въ прежнее время всеобщая исторія имѣла почти исключительно военно-историческій характеръ. Многія изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій по исторіи въ древности, какъ напримѣръ творенія Ѳукидида и Цезаря, представляютъ собой только описанія войнъ. Внутреннему, духовному и общественному развитію народовъ вниманіе начали удѣлять въ историческихъ описаніяхъ уже болѣе поздняго времени.

Хотя названныя сочиненія въ своемъ родѣ превосходны, они даютъ лишь представленіе объ историческомъ ходѣ по времени и мѣсту; въ нихъ просто лишь съ большой ясностью излагаются событія, дающія возможность болѣе или менѣе точно ознакомиться съ состояніемъ и успѣхами военнаго дѣла, но въ нихъ отсутствуютъ *оцѣнка* дѣйствій, примѣненіе теоріи, т. е. точное изученіе факторовъ, *научная критика*.

Военной исторіи, не только въ древнее время, но и вплоть до новаго, даже до настоящаго времени, не доставало *научнаго* отношенія къ дѣлу.

52. Наука-ли военная исторія. Конечно можетъ возникнуть вопросъ: является ли *наукою* военная исторія или ученіе о войнѣ, точнѣе ученіе о веденіи войны. Въ обычномъ масштабѣ это нельзя утверждать безусловно, такъ какъ подъ наукой подразумѣвается:

„сумма всѣхъ знаній по данному предмету: 1) поскольку они путемъ логическаго мышленія приведены въ порядокъ и поскольку выяснено въ какой причинной зависимости другъ отъ друга они находятся; 2) поскольку сдѣланные выводы и заключенія соотвѣт-

ствуютъ дѣйствительности, т. е. поскольку они вѣрны (правильны)".

Простѣйшій примѣръ науки представляетъ собой математика, какъ чистѣйшая наука, главнѣйшія черты которой приводимъ ниже:

1) она исходитъ изъ нѣсколькихъ основныхъ положеній, которыя настолько опредѣленны и ясны, что не требуютъ доказательствъ, напримѣръ:

а) всякая величина равна сама себѣ;

б) часть меньше цѣлаго;

в) суммы равныхъ количествъ равны между собой;

г) между двумя точками можно провести только одну прямую и она будетъ кратчайшимъ между ними разстояніемъ и т. д.

2) на такомъ надежномъ основаніи строится цѣлый рядъ послѣдовательныхъ выводовъ (дальнѣйшія истины), которые находятся въ необходимой неразрывной связи между собой (напр. ученіе о треугольникахъ, ученіе о кругѣ).

3) черезъ все цѣлое проходитъ опредѣленная главная мысль, какъ напримѣръ въ геометріи измѣреніе угловъ, поверхностей и объемовъ.

Науки такого рода съ опредѣленными неизмѣнными правилами для войны не существуетъ.

Военныя знанія,—это общій всѣми употребляемый терминъ. Но подъ нимъ подразумѣваютъ обычно вспомогательныя военныя знанія, какъ напр. фортификацію, артиллерію, судостроеніе, машиностроеніе и т. д. При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти знанія основываются на такихъ точныхъ наукахъ, какъ математика, физика и др. и поэтому носятъ характеръ этихъ послѣднихъ.

Но война имѣетъ дѣло не съ отвлеченными и лишь представляемыми, но съ дѣйствительными величинами, не съ постоянными, но съ перемѣнными, не съ безжизненными, но главнымъ образомъ съ живыми величинами, т. е. съ людьми, которые тѣлесно и душевно сложены и одарены различно, на которыхъ всякое происшествіе вліяетъ самымъ различнымъ образомъ. Въ войнѣ выступаетъ *опасность* въ качествѣ важнаго, рѣшающаго, но неподдающагося точному

учету фактора. Кромѣ того на войнѣ очень большую роль играютъ случайности, напр. время года или дня, погода съ жарой или холодомъ, дождемъ или засухою, видимость или невидимость (туманъ), вѣтеръ, состояніе моря, а также и навигаціонныя условія, мели, теченія и т. д.

Но болѣе, чѣмъ что-либо другое на войнѣ дѣлаетъ все ненадежнымъ то обстоятельство, что каждый полководецъ или флотоводецъ стремится къ тому, чтобы перехитрить планы противника, сдержать его движенія и помѣшать имъ, и въ то же время скрыть свои намѣренія. Вслѣдствіе всего этого трудно знать болѣе или менѣе точно, откуда можно ожидать ударовъ противника, и всякое предпріятіе сопряжено съ рискомъ.

53. Война подобна игрѣ въ карты. Поэтому войну можно сравнить съ карточной игрой, гдѣ каждый тщательно скрываетъ свои карты отъ другихъ и стремится перехитрить всѣхъ.

Несмотря на это односторонніе, незрѣлые теоретики, не постигшіе сущности войны, возвели способъ веденія войны въ точную систему и установили *опредѣленныя правила для осуществленія* этой системы. Кажется теперь снова появляется извѣстная тенденція къ тому, чтобы при измѣнившихся условіяхъ современности создать новую тактику, но отъ такого пути слѣдуетъ предостеречь. Полководецъ, который будетъ придерживаться „системы", можетъ защитить себя лишь отъ посредственнаго противника; если только во главѣ послѣдняго стоитъ геніальный (съ творческимъ духомъ) полководецъ, не придерживающійся имѣющихся правилъ, а дѣйствующій по собственному разумѣнію согласно съ обстоятельствами, первый будетъ легко и постыдно побѣжденъ.

Это часто имѣло мѣсто въ военной исторіи. Какъ на примѣры укажемъ на 1806 годъ на сушѣ, когда прусскіе генералы, строго придерживаясь тактики Фридриха Великаго, не могли устоять противъ Наполеона, и на 1782 годъ на морѣ, когда то же самое случилось у де-Грасса при встрѣчѣ съ Роднеемъ.

Такимъ образомъ изученіе войны должно дать не опредѣленные „способы" ея веденія, а должно привести къ *знакомству* съ тѣми обстоятельствами, которыя могутъ имѣть мѣсто на войнѣ; и если эти познанія будутъ примѣнены

при различныхъ условіяхъ войны въ возможныхъ комбинаціяхъ, если они надлежащимъ образомъ будутъ использованы на основаніи опыта военной исторіи, то это покажетъ, что знакомство уже сдѣлалось точнымъ знаніемъ. Чѣмъ болѣе способенъ талантливый полководецъ—наличіе талантливости здѣсь необходимо—примѣнять теорію на дѣлѣ, тѣмъ болѣе глаголъ „знать“ по своему значенію приближается къ глаголу „мочь“, и тѣмъ дѣйствительнѣе и полезнѣе окажется знаніе теоріи.

54. «Знать» должно перейти въ «мочь».

Какъ ни измѣнчивы и непостоянны условія войны, тѣмъ не менѣе и въ этой области, благодаря ряду работъ извѣстныхъ военныхъ мыслителей, можетъ быть выработанъ рядъ нормъ (основныхъ положеній), которыя, хотя и нуждаются въ постепенныхъ дополненіяхъ и исправленіяхъ, тѣмъ не менѣе представляютъ вполнѣ примѣнимую на дѣлѣ пожалуй даже отличную *теорію войны*. Такими основными положеніями являются напримѣръ: 1) держать всѣ силы вмѣстѣ, 2) быть всегда на сколько можно сильнымъ, 3) въ бою сосредоточивать превосходство силъ въ надлежащихъ мѣстахъ, 4) *двойное* число при одинаковыхъ условіяхъ обезпечиваетъ побѣду и т. п. Однако существуютъ и такія положенія, которыя, будучи вполнѣ справедливыми для войны на сушѣ, не могутъ быть примѣняемы въ морской войнѣ безъ дальнѣйшихъ нормировокъ, какъ, напримѣръ, правило раздѣляться для похода, а сражаться вмѣстѣ.

55. Теорія веденія войны.

Теорія даетъ масштабъ для правильной оцѣнки дѣйствій, т.-е. для *научной критики*, и на этомъ основаніи военная исторія можетъ считаться *наукой*. Поэтому теперь она не ограничивается лишь повѣствовательнымъ изложеніемъ военныхъ событій, но всегда отыскиваетъ ихъ причинную связь и стремится къ тому, чтобы вынести оттуда новыя ученія или найти подтвержденіе уже выведенныхъ раньше. Поэтому задачей офицера являются занятія исторіей, какъ предметомъ для изученія именно въ этомъ смыслѣ.

Границы *области военной исторіи* можно сузить или расширить въ зависимости отъ того, какъ понимать военное искусство въ широкомъ или узкомъ значеніи этого слова. Подъ военнымъ искусствомъ въ его широкомъ значеніи подразумѣваютъ слѣдующее:

56. Подраздѣленія военнаго искусства.

1) Военное дѣло охватывающее матеріальныя средства и личный составъ, необходимые для веденія войны. т.-е.:

1) Военное дѣло.

а) *созданіе и приведеніе въ боевую готовность* матеріальной части, т. е. постройка, вооруженіе и оборудованіе кораблей и т. п.; постройка береговыхъ батарей, устройство загражденій и т. д.

б) *подготовка и обученіе личного состава*, включая сюда и резервы.

2) Веденіе войны.

2) *Веденіе войны*, тоже военное искусство, но уже въ болѣе узкомъ смыслѣ; область охватываемая имъ—*примѣненіе на войнѣ* военныхъ силъ и военныхъ средствъ, уже подготовленныхъ къ тому въ мирное время.

Исторія военнаго дѣла, какъ въ цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ частямъ, (каковы напр., судостроеніе, огнестрѣльное оружіе, инженерное дѣло и т. п.), очень важна и интересна для офицера, но мы мало будемъ ея касаться. Главнымъ предметомъ нашей работы будетъ *веденіе* войны. Послѣднее можетъ быть раздѣлено на *стратегію* и *тактику*. Эти два слова взяты съ греческаго языка, но точное объясненіе ихъ, вполнѣ и всестороннее объясняющее ихъ значеніе, пока еще не найдено, вѣроятно поэтому то этими объясненіями пользуются чаще, чѣмъ это было бы желательнымъ.

57. Стратегія и тактика.

а) *Стратегія* (отъ στρατιά—военныя, боевыя силы и ἄγειν—вести) означаетъ „руководство боевыми силами“, т. е. опредѣляетъ функціи полководца.

а) *Тактика* (отъ τάσσειν—размѣщать, распредѣлять, устанавливать въ боевомъ порядкѣ): ἡ τέχνη τακτική, а также ἡ τεχνική означаетъ располагать боевыя силы въ боевомъ порядкѣ и вести ихъ въ бой.

Къ объясненію обоихъ словъ съ точки зрѣнія современнаго военнаго искусства сдѣлано безчисленное множество попытокъ, однако исчерпывающее общее опредѣленіе не найдено. Мы приводимъ нѣсколько опредѣленій, сдѣланныхъ военными писателями.

1) *Жомини* (1775—1840. Швейцарецъ, перешедшій въ 1813 г. отъ Наполеона къ союзникамъ) называетъ:

Тактикою—искусство хорошо распредѣлять военныя части въ бою и вести бой;

Стратегіей—искусство выбирать на театрѣ военныхъ дѣйствій пункты, имѣющіе рѣшительное значеніе и вести на нихъ наступленіе главными силами.

2) *Клаузевицъ* (1780—1831. Служилъ съ 1812—1815 г.г. въ Россіи; былъ съ 1818—1830 г.г. директоромъ военной школы, нынѣ военной академіи въ Берлинѣ) опредѣляетъ:

Тактику, какъ науку о примѣненіи боевыхъ силъ въ сраженіи;

Стратегію, какъ науку о примѣненіи боевъ для цѣлей войны.

3) *Грисхеймъ* (1798—1854. Умеръ генераломъ, комендантомъ Кобленца) называетъ:

Тактикою—веденіе боя;

Стратегіей—веденіе войны.

Все это коротко и опредѣленно, но не исчерпываетъ самихъ понятій. Всѣ приведенныя объясненія относятся лишь къ *примѣненію боевыхъ силъ*, но оставляютъ безъ разсмотрѣнія содержаніе самихъ понятій, которое между тѣмъ крайне важно и необходимо знать полководцу.

Обратно поступаетъ

4) *Виллизенъ* (1790—1879. Прусскій генералъ, командовавшій при Идстедтѣ), который придаетъ особое значеніе содержанію понятій. Онъ считаетъ, что военная сила характеризуется двумя элементами: 1) ея потребностями, 2) ея готовностью къ бою. Заботиться о первыхъ дѣло стратегіи. Главная-же потребность военной силы—это связь между ея частями.

На этомъ основаніи Виллизенъ называетъ:

Стратегией—ученіе о связи;

Тактикою—ученіе о боѣ.

Такое опредѣленіе стратегіи нами не можетъ быть принято. Оно не должно исходить изъ потребностей боевыхъ силъ. Кромѣ того выраженіе „ученіе о связи“ совершенно не исчерпываетъ смысла этого слова. Особенно непримѣнимо опредѣленіе Виллизена въ морской войнѣ, когда прочной связи между боевыми частями не имѣется; равнымъ образомъ и въ сухопутной войнѣ бываютъ случаи, когда частямъ войскъ предоставляются совершенно самостоятельныя дѣйствія, и тѣмъ не менѣе война оканчивается побѣдою, какъ напримѣръ въ 1864 году во время войны за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ. Именно въ такомъ положеніи была армія генерала Шермана.

Для тактики можно принять опредѣленіе: „ученіе объ употребленіи боевыхъ силъ въ сраженіи“, а для стратегіи: „ученіе о примѣненіи боевыхъ силъ для достиженія цѣлей войны (исключая цѣли отдѣльныхъ сраженій)“.

Всѣ приведенныя опредѣленія даны для сухопутной войны. Возникаетъ вопросъ, пригодны ли они и для войны морской? Въ военно-морской литературѣ, при незначительномъ ея объемѣ, можно найти по этому вопросу очень мало, да и то лишь въ работахъ послѣдняго времени.

58. Морская стратегія. Французскій адмиралъ Буэ-де-Вильомецъ (1808—1872. Начальникъ штаба французскаго флота въ Крымскую войну, въ 1870 г. начальникъ морскихъ силъ Франціи въ Сѣверномъ морѣ, считается въ вопросахъ веденія морской войны авторитетомъ) въ своемъ сочиненіи: „Batailles de terre et de mer“ (Парижъ, 1855 г.) выразился такъ:

> „На сушѣ тактика и стратегія связаны между собой и необходимы для успѣха военныхъ операцій, тогда какъ на морѣ, если тактика и подчиняется опредѣленнымъ правиламъ, то можно сказать, что слово „стратегія“ по отношенію къ флоту не имѣетъ никакого смысла, въ особенности же со времени изобрѣтенія компаса... и т. д.“.

Такой взглядъ адмирала, отрицавшій необходимость планомѣрнаго и цѣлесообразнаго руководства флотомъ въ цѣляхъ одержанія побѣды надъ непріятелемъ, находится въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями въ 1870 г. высшихъ органовъ управленія французскимъ флотомъ, проявившихъ совершенно безразличное отношеніе къ дѣлу въ 1870 году, когда, вслѣдствіе недостаточности научныхъ изслѣдованій сущности морской войны, совершенно было утрачено пониманіе вопроса о веденіи войны на морѣ и о дѣйствительности флота на войнѣ.

Съ того времени взгляды во Франціи, Англіи, да и вообще измѣнились. На морскую стратегію было обращено надлежащее вниманіе и она стала предметомъ практическихъ упражненій во время морскихъ маневровъ.

Какъ ни отличается по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ и по различнымъ воздѣйствіямъ, оказываемымъ театромъ военныхъ дѣйствій, погодою, временемъ дня и года, чисто мѣстными условіями, скоростью передвиженія и т. п.

факторами, *формы* веденія войны и боя на морѣ отъ формы таковыхъ на сушѣ—по *существу* дѣла тѣ и другіе одинаковы.

Поэтому *ученіе о веденіи войны* на сушѣ и на морѣ имѣетъ много общаго и къ этому общему относится дѣленіе на стратегію и тактику. Согласно съ этимъ мы можемъ и для морской войны удержать принятыя раньше опредѣленія, называющія: **59. Стратегія и тактика въ морской войнѣ.**

Тактикою ученіе объ организаціи вооруженныхъ силъ для боя и примѣненія ихъ во время боя;

Стратегіей ученіе о примѣненіи вооруженныхъ силъ для достиженія цѣлей войны.

Совершенно излишне, хотя бы и вкратцѣ повторять *о различіи* между стратегіей и тактикою и ихъ задачами **60. Средства и цѣли тактики и стратегіи.**

Для тактики *средствами* являются имѣющіяся на мѣстѣ военныя силы, которыя должны вести бой; цѣлью ея является побѣда, т. е. тактическій успѣхъ. Послѣдній не всегда одинъ и тотъ же. Онъ зависитъ отъ рода битвы и поэтому по содержанію, объему и послѣдствіямъ можетъ быть очень различнымъ. Обыкновенно онъ заключается въ *пораженіи* непріятеля, но можетъ состоять также и въ развѣдкѣ, введеніи противника въ заблужденіе и т. п. Относительно того, что понимать подъ *побѣдою*, взгляды часто расходятся. Нерѣдко обѣ стороны одновременно приписывали себѣ побѣду. *Признакомъ побѣды* считаютъ овладѣніе полемъ битвы и очистку его отъ противника. Конечно на морѣ районъ боя можетъ быть опредѣленъ съ точностью лишь въ томъ случаѣ, если по близости находится извѣстный берегъ. Въ морской войнѣ признакомъ побѣды можно считать, если одна сторона сдѣлаетъ противника неспособнымъ къ бою, а сама останется боеспособною, или же будетъ въ состояніи снова привести себя въ боевую готовность тутъ же на мѣстѣ.

Для *стратегіи*-же побѣда есть только средство, ведущее къ достиженію цѣли, т. е. къ обезсиленію непріятеля или къ постановкѣ его въ такое неблагопріятное положеніе, при которомъ принятіе имъ условій мира принесетъ меньше жертвъ, чѣмъ дальнѣйшее продолженіе войны.

Слѣдовательно тактика даетъ стратегіи средства къ достиженію цѣли—отсюда ясно видна внутренняя связь между тактикой и стратегіей.

Но съ другой стороны, по своему существу та и другая настолько различны, что разсмотрѣніе каждой изъ нихъ по отдѣльности не только желательно, но и необходимо.

61. Тактика и стратегія по времени и пространству.

Область тактики по времени и пространству узко ограничена; по *пространству* она простирается не далѣе видимости человѣческаго глаза и предѣловъ, въ которыхъ возможна непосредственная передача приказаній полководца и его штаба; по *времени* она ограничивается часами и рѣдко превосходитъ одинъ день. Сообразно съ этимъ тактика значительно меньше зависитъ отъ случайностей, чѣмъ стратегія: она имѣетъ дѣло съ заданными величинами, и поэтому гораздо легче создать теорію тактики, то есть установить не непреложные законы, а опредѣленныя общія правила, и дать методы, которые могли бы служить руководствомъ въ дѣйствіяхъ командира отдѣльной части.

Стратегія—напротивъ обнимаетъ всю войну по *времени и пространству*, т. е. весь срокъ неизвѣстной продолжительности (до окончанія войны) и всю непріятельскую страну, а въ морской войнѣ всѣ моря; кромѣ того она неотдѣлима отъ политики. Поэтому она должна считаться со всѣми, какъ военными, такъ и политическими случайностями. Въ морской войнѣ стратегіи присуще большее разнообразіе, чѣмъ въ сухопутной, причиной чему является неограниченность театра военныхъ дѣйствій; но съ другой стороны нельзя оспаривать и того, что въ сухопутной войнѣ стратегія играетъ болѣе значительную роль. Въ послѣднемъ случаѣ руководство всѣми военными силами сосредоточено въ лицѣ одного главнокомандующаго, который единолично распоряжается ими. Быстро слѣдующими одинъ за другимъ ударами онъ можетъ побѣдить противника, овладѣть его столицей и его территоріей, использовать ея доходы, и затѣмъ рядомъ такихъ непрерывныхъ успѣховъ принудить его къ миру. Въ морѣ же наоборотъ. Съ момента выхода въ море эскадра теряетъ непрерывную связь съ родиной, т. е. съ центральнымъ пунктомъ; дальнѣйшія сношенія съ нимъ требуютъ затраты времени и не обезпечены. Слѣдовательно сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ общаго командованія различными отрядами и эскадрами не выполнимо и на дѣлѣ вообще ненадежно. Кромѣ того дѣйствія на морѣ стѣснены тѣмъ, что всякое мелкое мѣсто представляетъ собой непреодолимое

препятствіе для кораблей, а также и тѣмъ, что, за исключеніемъ побережья, непріятельская страна въ цѣломъ недоступна для нападенія флотомъ: послѣднее возможно лишь при наличіи сильнаго десантнаго корпуса. Поэтому флотъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, не въ состояніи принудить упорнаго противника въ короткій срокъ къ миру.

Не слѣдуетъ однако думать, что для морского офицера стратегія имѣетъ второстепенное значеніе. Наоборотъ, *стратегическія знанія должны быть распространены во флотѣ болѣе, чѣмъ въ арміи*, такъ какъ стратегическія требованія могутъ быть предъявлены морскому офицеру значительно раньше, чѣмъ сухопутному. Вѣдь каждый обособленный, *самостоятельный* начальникъ долженъ быть и стратегомъ, т. е. онъ долженъ умѣть извлекать изъ всякой побѣды выгоды, влекущія за собой вынужденіе противника къ миру, и долженъ всѣми силами способствовать этому.

На берегу обыкновенно только начальникъ дивизіи, состоящей изъ нѣсколькихъ родовъ оружія, имѣетъ возможность оперировать съ ней какъ съ самостоятельной боевой единицей. Таковой начальникъ обычно находится въ генеральскихъ чинахъ и только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ это старшій изъ штабъ-офицеровъ и потому стратегическія знанія необходимы въ арміи лишь для высшихъ военныхъ чиновъ. Напротивъ, во флотѣ командиръ каждаго находящагося въ отдѣльномъ заграничномъ плаваніи корабля долженъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. На каждомъ военномъ кораблѣ сосредоточены всѣ роды оружія. Въ иныхъ случаяхъ еще капитанъ-лейтенантъ можетъ самостоятельно открывать военныя дѣйствія и продолжать ихъ.

Допустимъ, что война началась такъ же неожиданно, какъ въ 1870 году—что надо дѣлать стаціонерамъ въ восточной Азіи, западной и восточной Африкѣ, Самоа, Австраліи—малымъ крейсерамъ и канонерскимъ лодкамъ для того, чтобы оградить свои интересы и въ то же время нанести наибольшій вредъ непріятелю? Чтобы рѣшить цѣлесообразно и наиболѣе дѣйствительно этотъ вопросъ, необходимо обладать стратегическими познаніями и дальновидностью.

Поэтому еще для молодого морского офицера, подготовленнаго къ исполненію всѣхъ обязанностей, необходимо быть знакомымъ со стратегіей.

62. Дѣленіе военной исторіи по содержанію или по времени.

Кромѣ такого предметнаго дѣленія „веденія войны" (на стратегію и тактику) необходимо для военной исторіи подобно тому какъ это сдѣлано для политической и государственной исторіи, разбить ее на отдѣльные періоды по времени.

То военно-историческое изложеніе, которое безъ ограниченій въ смыслѣ предмета и времени, т. е. безъ временныхъ и пространственныхъ границъ обнимаетъ всѣ войны или по крайней мѣрѣ наиболѣе значительныя изъ когда-либо и гдѣ-либо происходившихъ войнъ, называется *всеобщей военной исторіей*: она, вообще говоря, со стороны исторически-описательной соотвѣтствуетъ такъ называемой „*всемірной исторіи*".

Во всѣхъ другихъ случаяхъ изложеніе касается или

а) отдѣльныхъ предметовъ, какъ напримѣръ:

1) войнъ опредѣленнаго народа или государства напр. Римлянъ);

2) отдѣльной войны (напр. „Семилѣтняя война");

3) отдѣльныхъ эпизодовъ войны, т. е. похода морского или сухопутнаго (напр. Армада), отдѣльной битвы (Абукиръ), осады, вліянія какого-либо рода оружія на побѣду (кавалерія въ 1870—71 г. г.) и т. п.;

4) войнъ выдающагося или великаго полководца;

б) или-же опредѣленныхъ періодовъ времени. Въ этомъ случаѣ въ исторіи сухопутныхъ войнъ, какъ и въ исторіи государствъ, принято обычно подраздѣленіе на четыре періода:

63. Дѣленіе исторіи войнъ на сушѣ на періоды.

1) *Древній періодъ*, считаемый отъ временъ доисторическихъ до паденія западно-римской имперіи; вѣрнѣе до уничтоженія уже приходившей въ упадокъ, вслѣдствіе испорченности нравовъ римлянъ и др., древней цивилизаціи, которая погибла подъ натискомъ уже сложившихся, но еще не усыпленныхъ роскошью и пороками, безчисленныхъ ордъ сѣверныхъ варваровъ, наводнившихъ весь цивилизованный міръ.

2) *Средніе вѣка*, считающіеся съ этого момента до открытія Америки или до реформаціи; это время представляетъ собой періодъ духовной тьмы, во время котораго скудные остатки образованія, подобранные на развалинахъ древней цивилизаціи, сохранялись въ монастыряхъ и крайне медленно распространялись среди

левыхъ, лишь постепенно становившихся способными къ ихъ воспріятію, народовъ.

Съ открытіемъ Новаго Свѣта, съ распространеніемъ сокровищъ древняго образованія путемъ книгопечатанія, а еще болѣе съ началомъ истиннаго толкованія Божьяго Слова (Евангелія) и распространенія реформатскихъ писаній среди людей, для развитія человѣческаго генія, засіялъ новый день.

3) *Новое время*, считаемое до французской революціи, внесшей въ закостенѣвшую послѣ тридцатилѣтней войны государственную систему средней Европы ужасный переворотъ, стоящій въ близкой связи и зависимости съ образованіемъ въ Америкѣ могущественнаго государственнаго союза, созданнаго европейцами, вынужденными вслѣдствіе угнетеній на родинѣ ее покинуть. Эта эпоха неожиданнаго расцвѣта новыхъ представленій и организацій освободившихся отъ тяжелыхъ цѣпей, начало ихъ всеобщаго и необычайно плодотворнаго распространенія.

4) *Новѣйшее время*—до нашихъ дней, характеризуется широкимъ размахомъ общественныхъ силъ, вызваннымъ освобожденіемъ умовъ въ періодъ съ 1789—1815 г. г., въ результатѣ чего въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій человѣческій духъ одержалъ надъ силами природы такія побѣды, какія до тѣхъ поръ не удавалось одержать въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, причемъ разумѣется дѣло не обошлось безъ заблужденій.

Эти большіе періоды составляютъ соотвѣтственныя ступени въ развитіи народовъ въ смыслѣ духовнаго образованія и овладѣнія силами природы, и сообразно съ этимъ шло развитіе сухопутныхъ военныхъ силъ и способовъ веденія войны на сушѣ.

Согласно съ этимъ и въ исторіи сухопутныхъ войнъ можетъ быть принято, какъ это обычно и дѣлается, такое дѣленіе на историческіе періоды.

Въ отношеніи же развитія морской войны эти періоды не имѣютъ никакого рѣшающаго значенія. Для нея имѣлъ значеніе совсѣмъ другой факторъ и потому такое дѣленіе на эпохи или періоды непримѣнимо въ военно-морской исторіи.

64. Дѣленіе исторіи морскихъ войнъ на періоды.

Прежде всего исторія морскихъ войнъ ведетъ свое начало не съ раннихъ историческихъ временъ, а приблизительно съ 500 года до Р. Хр. Кромѣ того съ паденіемъ
Западной Римской имперіи погибли и остатки ея былого
морского могущества, не игравшіе, впрочемъ, уже давнымъ
давно никакой роли, тогда какъ флотъ Восточной Имперіи
хотя и уцѣлѣлъ и нѣсколько вѣковъ спустя достигъ своего
наибольшаго развитія, но не имѣлъ однако большого значенія. Въ эту эпоху не произошло существенныхъ перемѣнъ
ни въ морскомъ дѣлѣ, ни въ способахъ веденія морскихъ
войнъ, поэтому она и не имѣетъ значенія въ военно-морской
исторіи.

Послѣдняго нельзя сказать ни про эпоху реформаціи,
когда открытіе морского пути въ Остъ-Индію и Америку
вообще очень сильно подвинуло мореплаваніе, ни про эпоху
французской революціи. При разсмотрѣніи этихъ эпохъ трудно
однако установить грани, раздѣляющія исторію на отдѣльные періоды, въ немногихъ существующихъ трудахъ по
всеобщей военно-морской исторіи точно также трудно найти
эти поворотные пункты. Поэтому мы должны попытаться
найти ихъ путемъ бѣглаго, общаго *разсмотрѣнія предмета.*

65. Начало в.-м. исторіи.

Средствомъ, при помощи котораго достигается цѣль
войны служитъ борьба; эта послѣдняя ведется всѣмъ тѣмъ
оружіемъ и всѣми тѣми вспомогательными средствами,
какія только въ состояніи создать человѣческій геній и
техника даннаго времени изъ имѣющихся въ наличіи матеріаловъ. Для сухопутныхъ сраженій были пригодны простѣйшія орудія, которыя могли быть созданы и при слабомъ развитіи ремеслъ и изготовленіе которыхъ не требовало большихъ затратъ. Поэтому еще съ незапамятныхъ
временъ неоднократно велись правильно организованныя
продолжительныя войны на сушѣ между отдѣльными народами, напр. подобнаго рода война воспѣта Гомеромъ.

Усовершенствованіе оружія для нападенія и защиты шло
очень медленно, такъ какъ оружіе изготовлялось изъ металла,
преимущественно изъ желѣза, а ремесло, обрабатывающее
послѣднее, развивалось медленно. Изготовленіе оружія, за
исключеніемъ роскошнаго и драгоцѣннаго, было простымъ
и дешевымъ; дѣйствіе имъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій ограничивалось разстояніемъ, на которое могло быть

брошено копье, пущены стрѣлы или камень изъ пращи. Метательныя машины появились лишь за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. и то, благодаря своей тяжести, не годились для полевыхъ сраженій, а могли быть примѣняемы только въ осадной войнѣ. Лишь съ изобрѣтеніемъ пороха положеніе вещей измѣнилось, да и то не сразу, а постепенно; прошли цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ люди научились изготовлять подвижныя и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающія большой разрушительной силой пушки и т. п. огнестрѣльное оружіе, все же не сразу вошедшее въ массовое употребленіе въ сраженіяхъ. Современный искусственно развивавшійся типъ огнестрѣльнаго съ большого разстоянія дѣйствительнаго оружія, массовое изготовленіе котораго являлось трудной задачей для промышленности, и требовало высокаго развитія ея отдѣльныхъ отраслей, выработался окончательно лишь въ прошломъ столѣтіи.

Война на морѣ въ гораздо большей степени зависитъ отъ развитія техники, задачей которой является сооруженіе „платформы для оружія", т. е. корабля. Искусство кораблестроенія очень сложно, теорія его и до сихъ поръ еще имѣетъ пробѣлы. Вслѣдствіе этого вплоть до половины прошлаго столѣтія постройка кораблей велась лишь [1]) на основаніи опыта. Но и простое примѣненіе правилъ, выработанныхъ опытомъ, требовало наличія значительно развившихся отдѣльныхъ ремеслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постройка, вооруженіе и содержаніе кораблей, въ особенности же военныхъ судовъ и военнаго флота требуетъ крупныхъ денежныхъ суммъ. Народъ выстроившій первый военный флотъ долженъ былъ стоять на довольно высокомъ уровнѣ развитія, имѣть организованную жизнь и обладать крупными и постоянными доходами.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, начало *морскихъ войнъ* относится къ 500 г. до Р. Хр. Мореплаваніе же существовало и въ болѣе отдаленныя времена; финикійцы еще въ доисторическое время, сперва какъ рыбаки, а затѣмъ, въ качествѣ купцовъ и морскихъ разбойниковъ, плавали по

[1]) Въ этомъ Штенцель ошибается. Уже во второй половинѣ XVII столѣтія были примѣнены математическія вычисленія для составленія корабельныхъ чертежей, и это произвело въ то время огромный переворотъ и въ мореходности и во вмѣстимости кораблей. *Ред.*

*

всему Средиземному и Черному морямъ и повсюду организовали торговыя поселенія, но отнюдь не колоніи.

Единственной финикійской колоніей былъ Карфагенъ въ переводѣ „Новый городъ“,—обязанный своимъ возникновеніемъ особымъ событіямъ, именно внутреннему государственному перевороту, вызвавшему крупную эмиграцію финикійцевъ съ родины, о чемъ будетъ сказано ниже. Нѣтъ ничего удивительнаго, что финикійцамъ удалось обойти моремъ кругомъ Африки и часто бывать въ Англіи: кромѣ того возможно, что они доходили оттуда до Балтійскаго моря и привозили янтарь морскимъ путемъ. Однако финикійцы, проявившіе такую смѣлость въ мореплаваніи, занимались имъ исключительно въ цѣляхъ торговли и разбоя, т.-е. лишь для достиженія матеріальныхъ выгодъ; къ войнамъ же и сраженіямъ они не имѣли склонности. Въ исторіи есть указанія на ихъ военныя дѣйствія, но всѣ они начинались не по иниціативѣ финикійцевъ. Напримѣръ, есть упоминаніе о морскомъ сраженіи въ 700 г. до Р. Хр.

Ассирійскій царь Салманассаръ, покорившій весь Ханаанъ, не могъ за неимѣніемъ флота справиться съ Тиромъ, лежавшимъ на островѣ. Тогда онъ вынудилъ финикійскіе города, Сидонъ, Библъ и др. предоставить ему свои корабли. Этимъ кораблямъ въ количествѣ шестидесяти онъ приказалъ напасть на располагавшихъ лишь двѣнадцатью кораблями тирійцевъ; несмотря на свою малочисленность, послѣдніе вышли побѣдителями.

Можно допустить, что и египтяне плавали по морю еще въ доисторическія времена. На Нилѣ они имѣли суда различныхъ типовъ и величинъ, между прочимъ корабли имѣвшіе по 21 веслу съ каждаго борта, съ мачтой и реемъ, но безъ руля, роль котораго играли широкія рулевыя весла, которыя держались прямо въ рукахъ. Эти суда похожи на тѣ, которыя видѣлъ Стэнли у царя Уганды на озерѣ Викторія. По фрескамъ и іероглифамъ, найденнымъ въ раскопкахъ послѣдняго времени, египтяне имѣли подобныя суда за 3000 лѣтъ до Р. Хр., т. е. почти 5000 лѣтъ тому назадъ, еще въ то время, относительно котораго у насъ нѣтъ свѣдѣній о другихъ народахъ. Около 1550 г. до Р. Хр. египтяне ходили на большихъ оснащенныхъ судахъ уже съ закрѣпленными рулевыми веслами далеко за море въ ска-

точную страну Пунтъ, Цейлонъ, Офиръ, Восточная Африка, откуда привозили на родину золото, черное дерево, слоновую кость, благовонія, обезьянъ и т. п. При той тѣсной связи, въ которой находились египетскій народъ и его правители съ финикійцами, и при нерасположеніи египтянъ вообще къ морю, можно допустить, что это были финикійскія суда съ финикійскими моряками, находившимися по всѣмъ вѣроятіямъ на службѣ у египтянъ. О военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ въ эти отдаленныя да и въ болѣе позднія времена свѣдѣній не имѣется; для этого было необходимо наличіе двухъ соперничавшихъ народовъ, занимавшихся мореплаваніемъ.

Слѣдующимъ послѣ финикійцевъ народомъ, выказавшимъ себя дѣятельными и хорошими мореплавателями, были греки, однако, не весь греческій народъ, какъ это обычно полагаютъ и даже не всѣ племена, жившія у моря. Только нѣкоторыя изъ нихъ — коринѳяне, эгиняне и др. — обнаружили сперва склонность къ мореплаванію. До искусства судостроенія они дошли не сами, а позаимствовали его у финикійцевъ. При своихъ выдающихся способностяхъ они скоро превзошли послѣднихъ, какъ въ судостроеніи, такъ и въ морской торговлѣ. Уже съ 1000 г. до Р. Хр. греки начали вытѣснять финикійцевъ изъ Архипелага и изъ Чернаго моря. Однако это вытѣсненіе не повело за собой войны. Какъ это ни странно, финикійцы безъ борьбы очистили мѣсто своимъ сильнымъ соперникамъ и перенесли свою дѣятельность на западъ Средиземнаго моря и на океанъ. Карѳагенъ уже процвѣталъ, когда область мореплаванія и торговля грековъ распространилась въ восточной части Средиземнаго моря до Сициліи а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и западнѣе. Такъ въ 630 г. до Р. Хр. фокійцами была основана Массилія (Марсель). По преданію между фокійцами, первыми переселившимися на Корсику, и карѳагенянами, соединившимися съ этрусками, около столицы Корсики Алаліи, произошла морская битва (по Моверсу въ 600 г. до Р. Хр., по Моммзену въ 537 г.), окончившаяся побѣдою грековъ, выставившихъ всего 60 кораблей противъ 120 непріятельскихъ. Несмотря на побѣду, грекамъ все-же пришлось отказаться отъ колонизаціи острова. Подробности этого сраженія равно какъ и годъ его еще не выяснены.

Пока финикійцы были самостоятельны, дѣло не доходило до войны съ греками. Финикійцы никогда не были единодушными, каждый ихъ городъ отстаивалъ лишь свои интересы. Только въ 525 году, когда они были покорены Камбизомъ и утратили свою независимость, ихъ флотъ былъ объединенъ персидскими завоевателями и былъ вынужденъ вступить въ борьбу со своими морскими соперниками-греками. Это произошло впервые при Даріи, который желалъ подавить возстаніе іонических греков (обитавшихъ въ Малой Азіи на побережьѣ Архипелага), но увидѣлъ, что не въ состояніи сдѣлать этого безъ флота. Въ 500 г. [1]) до Р. Хр. между финикійцами подъ предводительствомъ персидскаго полководца и греками произошла морская битва при Ладе, который былъ въ то время маленькимъ островомъ противъ города Милета; теперь же это небольшой холмъ, очутившійся на берегу вслѣдствіе наносовъ рѣки Меандра. Каждый изъ греческихъ городовъ выставилъ свою собственную флотилію, всѣ они оборонялись съ полнымъ единодушіемъ, но нежеланіе подчиниться одному общему флотоводцу послужило причиной ихъ пораженія [2]).

66. Морской бой при Ладе въ 500 г. до Р. Хр.

Это первая морская битва вѣрное и, до нѣкоторой степени, обстоятельное описаніе которой мы имѣемъ благодаря Геродоту. Отъ этой битвы ведетъ начало военно-морская исторія, то есть достовѣрная передача всего случившагося въ морской войнѣ, имѣющаго интересъ для потомства.

Въ общемъ 500 г. до Р. Хр. можно принять за начало исторіи морскихъ войнъ.

67. Дальнѣйшее дѣленіе военно-морской исторіи на періоды.

Ни въ исторіи сухопутныхъ войнъ, ни въ исторіи государствъ нельзя найти указаній на тѣ поворотные пункты, которые раздѣляли бы военно-морскую исторію на періоды. За исходную нить для такого подраздѣленія слѣдуетъ принять развитіе морского дѣла и способовъ веденія морскихъ войнъ.

---

[1]) По другимъ источникамъ этотъ бой произошелъ въ 494 г. до Р. Хр. См. du Sein. «Histoire de la Marine de tous les peuples» T. I. 1879 г. и Harbottle, «Dictionary of battles» 1904 г. *Ред.*

[2]) Штенцель не упоминаетъ о томъ, что персидскій флотъ состоялъ не только изъ финикійскихъ, но и кипрскихъ и египетскихъ судовъ и по численности превышалъ греческій флотъ вдвое. Помимо этого персамъ удалось подкупить самосцевъ, и они ушли съ мѣста боя какъ только началась битва. *Ред.*

Развитіе тактики войскъ, сухопутной тактики, съ самаго своего начала и до нашихъ дней шло непрерывно въ одномъ и томъ же направленіи, такъ сказать, по прямой линіи, несмотря на крупныя перемѣны, происшедшія на протяженіи трехъ тысячелѣтій въ боевомъ снаряженіи и вооруженіи войскъ. Еще въ древности сражающіеся располагались въ двѣ линіи одна противъ другой, при чемъ каждая изъ сторонъ стремилась прорвать непріятельскій строй, обойти съ фланга или же окружить непріятеля. Самою существенною разницею между прежнимъ и современнымъ строемъ является большая глубина прежняго строя. 68. Развитіе сухопутной тактики.

Первоначальнымъ строемъ, замѣнившимъ неорганизованную толпу, имѣвшую во главѣ одного военачальника, было четырехугольное каре, встрѣчающееся и сейчасъ у дикарей; древнѣйшимъ тактическимъ строемъ, указывающимъ уже на высокій уровень развитія военнаго искусства, была *фаланга* упоминаемая еще Гомеромъ; въ продолженіе послѣдующихъ столѣтій она была еще болѣе усовершенствована въ смыслѣ удлиненія фронта. Она представляла собой продолговатый четырехугольникъ изъ 24—12 отдѣльныхъ группъ, все еще довольно глубокій и сплоченный. Главнѣйшее его дѣйствіе заключалось въ натискѣ, но способность къ построеніямъ была очень незначительна. 69. Фаланга.

У римлянъ, слѣдующаго по времени народа, принявшаго руководящую въ исторіи роль, строй уже не былъ такимъ глубокимъ, а наоборотъ былъ болѣе развернутымъ. Они растягивали свой *легіонъ* по длинѣ и дѣлили на значительное число самостоятельныхъ частей (баталіоны и роты). Отъ этого легіонъ пріобрѣталъ большую гибкость и дѣлался удобоподвижнѣе и легко одолѣвалъ въ схваткахъ фалангу, до тѣхъ поръ непобѣдимую. 70. Легіонъ.

Съ гибелью Западной Римской Имперіи наступило долгое затишье. Введеніе огнестрѣльнаго оружія еще болѣе способствовало уменьшенію глубины строя. Однако Густавъ Адольфъ (1630 г.) еще ставилъ свою пѣхоту въ бою въ 6 рядовъ. Лишь въ новѣйшее время, вслѣдствіе увеличенія количества полевой артиллеріи, ея дѣйствительности и подвижности, перешли къ трехъ, а въ настоящее время и къ двухъ-рядному боевому строю. Кромѣ того, для приданія арміи большей подвижности и самостоятельности, 71. Неглубокій боевой строй.

стали ее дѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ (корпусовъ, дивизій), составленныхъ каждый изъ трехъ родовъ оружія.

Въ общемъ же въ тактическомъ отношеніи сухопутный бой и сейчасъ ведется такъ же какъ и два тысячелѣтія тому назадъ: Фридрихъ Великій въ 1754 году разбилъ австрійцевъ при Лейтенѣ, примѣнивъ тотъ же самый строй, который былъ примѣненъ 2125 лѣтъ назадъ Эпаминондомъ въ сраженіи со спартанцами при Левктрахъ (371 г. до Р. Хр.). Самый ходъ сраженія въ общемъ похожъ на прежній: при нападеніи по всему фронту постепенно наступаетъ такое же точно истощеніе боевыхъ силъ, пока наконецъ прорывъ, обходъ или охватъ съ фланга не рѣшитъ дѣло. Благодаря современному скорострѣльному оружію и артиллеріи прорывъ непріятельской линіи сталъ много труднѣе чѣмъ прежде, поэтому исходъ сраженія рѣшается чаще обходомъ съ фланга или охватомъ противника.

Причина такой неизмѣняемости кроется въ томъ, что скорость передвиженія сухопутныхъ войскъ осталась тою же, что и въ древности. Рѣшающее значеніе имѣетъ пѣхота, и скорость людей и лошадей не измѣнилась съ древнихъ временъ. Хотя тренировка и даетъ возможность въ настоящее время увеличить скорость передвиженія войскъ, все-таки разница получается незамѣтная и во всякомъ случаѣ не можетъ быть сравнена съ тѣми измѣненіями, которыя произошли въ морской войнѣ.

71. Развитіе морской тактики.

На ряду съ этимъ и морская тактика развилась совсѣмъ не въ той строгой постепенности, какъ сухопутная, но пережила въ своемъ развитіи нѣсколько отдѣльныхъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга фазъ и совершила къ данному времени вполнѣ законченный круговоротъ.

73. Измѣненіе двигательной силы.

Происходившія измѣненія слѣдуетъ однако приписать не столько эволюціи судового оружія, сколько примѣненію новыхъ способовъ передвиженія судовъ въ бою.

Древніе имѣли и паруса и мачты, какъ на узкихъ (длинныхъ) военныхъ, такъ и на широкихъ (круглыхъ) торговыхъ судахъ, но на первыхъ парусами пользовались лишь во время переходовъ. Передъ боемъ парусное вооруженіе убиралось

74. Весла.

и суда во время сраженія приводились въ движеніе исключительно человѣческими силами помощью веселъ; такимъ

образомъ достигалась возможность передвигаться въ любомъ направленіи, даже противъ вѣтра, хотя съ незначительной скоростью и въ продолженіе ограниченнаго времени. Гребцы со своими веслами занимали все пространство по бортамъ, но такъ какъ весла были легко уязвимы, то корабль въ бою легко могъ быть выведенъ изъ строя и потерять способность къ передвиженію. Для сражающихся оставались свободными возвышенія на носу и на кормѣ. Поэтому нападеніе велось всегда по направленію діаметральной плоскости судна. Помимо того этимъ достигалась возможность примѣненія самаго разрушительнаго оружія—*тарана*. **75. Таранъ.**

При легкой постройкѣ прежнихъ кораблей, обусловленной съ одной стороны тѣмъ, что они приводились въ движеніе человѣческою силой, а съ другой—тогдашними условіями мореплаванія, при которыхъ практиковалось вытаскиваніе судна на ночь на берегъ, скорость, развиваемая при помощи веселъ, была достаточна для нанесенія непріятельскому судну губительнаго удара тараномъ. По этимъ причинамъ при нападеніи носъ всегда былъ обращенъ къ непріятелю, и такъ какъ это происходило съ обѣихъ сторонъ, то и вело къ свалкѣ „штевнемъ къ штевню“. (Въ дѣйствительности, конечно, столкновенія буквально „штевнемъ къ штевню“ происходили лишь въ рѣдкихъ случаяхъ).

Съ паденіемъ Западной Римской Имперіи и распадомъ Восточной и съ началомъ расцвѣта государствъ Западной и Сѣверной Европы, Средиземное море перестало быть ареной міровой исторіи и на океанѣ все большее и большее значеніе стали пріобрѣтать парусные корабли, занявшіе мѣсто и въ военномъ флотѣ. **76. Парусный флотъ.**

Упадокъ образованія и культуры, вызванной великимъ переселеніемъ народовъ, настолько глубоко захватилъ всѣ государства, что остановилъ на нѣсколько столѣтій развитіе всѣхъ наукъ и искусствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военнаго дѣла и кораблестроительнаго искусства. Мореплаваніе пришло въ упадокъ и, несмотря на то, что до 1000 г. по Р. Хр. не было недостатка въ разбойныхъ морскихъ походахъ, предпринимавшихся на гребныхъ судахъ, за цѣлое тысячелѣтіе не произошло ни одной морской войны, а имѣли мѣсто лишь единичныя морскія битвы. Парусныя суда этой эпохи были

очень примитивной конструкціи, не обладали большой мореходностью и не годились для боя.

Поэтому тактика парусныхъ судовъ выработалась лишь послѣ того какъ:

а) открытіе морского пути въ Америку дало сильный толчокъ для развитія мореплаванія;

б) судостроеніе вновь ожило вмѣстѣ съ возрожденіемъ древнихъ наукъ и искусствъ;

в) въ широкихъ размѣрахъ стала примѣняться артиллерія на судахъ.

77. Вѣтеръ въ качествѣ движущей силы. Какъ только вѣтеръ сталъ единственной силой, приводившей корабль въ движеніе, на судахъ въ качествѣ двигателя стало примѣняться исключительно парусное вооруженіе, занявшее бо́льшую, преимущественно носовую, часть верхней палубы корабля. Носовая часть судна, имѣвшая подъ водою выступъ, подверглась измѣненію, выступъ стали дѣлать въ надводной части и для наилучшаго использованія вѣтра стали снабжать носовую часть бушпритомъ и его такелажемъ. Такимъ образомъ наиболѣе крѣпкая раньше часть корабля, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ разрушительнымъ оружіемъ, была ослаблена, стала болѣе легко подвергаться поврежденіямъ и ее пришлось оберегать отъ соприкосновенія съ непріятельскими судами. Поэтому орудія стали размѣщать по бортамъ.

Все это повлекло за собой измѣненіе хода морского боя. Болѣе хрупкій носъ корабля, занятый рангоутомъ и такелажемъ, исключалъ возможность обычнаго для гребного флота сближенія съ непріятелемъ „штевнемъ къ штевню", да и самый курсъ, помимо того, оказался въ зависимости отъ направленія вѣтра. Морской бой сталъ происходить чаще всего на параллельныхъ курсахъ, при чемъ каждая сторона ложилась въ кильватерную колонну, обратившись къ противнику бортомъ, вооруженнымъ дѣйствительными на большомъ разстояніи орудіями.

78. Паръ въ качествѣ движущей силы. Примѣненіе пара въ качествѣ движущей силы произвело въ морской тактикѣ цѣлый переворотъ, наступившій однако не сразу, а совершавшійся въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, т. е. очень медленно по сравненію съ современнымъ намъ поразительно быстрымъ ходомъ морского дѣла. Паровой военный флотъ новѣйшаго времени, аналогично древ-

нему гребному, но еще въ большей степени чѣмъ послѣдній, въ своихъ движеніяхъ сталъ независимымъ отъ вѣтра. При наличіи парусовъ послѣдніе, какъ и въ древности, стали убираться передъ боемъ. Форштевень снова получилъ прежнюю форму (выступъ въ подводной части) и таранъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Нападеніе снова стало вестись „штевнемъ къ штевню", носовой и кормовой огонь пріобрѣли бо̀льшее значеніе, чѣмъ бортовой. Однако относительно послѣдняго взгляды въ настоящее время еще расходятся, и окончательное мнѣніе еще не сложилось.

Ходъ морского боя новѣйшаго времени имѣетъ очень много сходства съ ходомъ сраженія въ древности, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что благодаря громаднымъ успѣхамъ науки и техники, превосходитъ его по своей ожесточенности.

Морская тактика, поскольку дѣло касается одиночнаго боя между двумя кораблями—какъ уже было высказано раньше—за все историческое время совершила нѣкоторый *круговоротъ*; изъ сказаннаго раньше видно, что причиной этого послужило измѣненіе рода двигателя, являющагося очень важнымъ факторомъ для судна. Этотъ факторъ повліялъ на форму, снаряженіе и вооруженіе кораблей, онъ оказалъ также рѣшительное вліяніе на быстроту передвиженія флотовъ, на ихъ боевой строй, на маневрированіе въ бою и на способы употребленія боевого оружія,—словомъ этотъ факторъ господствуетъ надъ всѣмъ. Поэтому при подраздѣленіи морской тактики по историческимъ періодамъ исходной точкой служитъ движущая сила. **79. Эволюція морской тактики.**

Въ первоначальныя времена для передвиженія военныхъ судовъ служила человѣческая сила, примѣнявшаяся при посредствѣ веселъ. **80. Дѣленіе морской тактики на отдѣльные періоды.**

Первый періодъ морской тактики получилъ поэтому названіе *эпохи гребного флота.* Отличительными особенностями этого времени были: 1) командиръ располагалъ движеніемъ судна въ бою, поскольку это позволяли физическая сила, тренировка и выносливость личнаго состава и отсутствіе препятствій на пути; 2) носъ, какъ для наступленія такъ и для обороны, былъ сильнѣйшею частью судна, тогда какъ борта—слабѣйшими частями; 3) при атакѣ суда прямо устремлялись на противника. **1) Эпоха гребного флота.**

2) Эпоха парусного флота.

Второй періодъ обнимаетъ *эпоху парусного флота*, когда въ качествѣ движущей силы примѣнялся вѣтеръ. Послѣдняя находилась внѣ корабля и не зависѣла отъ личнаго состава, поэтому скорость и отчасти направленіе движенія судна находились въ зависимости отъ неподчиненныхъ человѣку силъ. Для увеличенія площади парусности, т. е. для наибольшаго использованія движущей силы рангоутъ и паруса стали дѣлать все выше и шире, парусное вооруженіе стало занимать не только верхнюю палубу по всей ея длинѣ, но уже выступило за оконечности корабля въ видѣ кливеровъ въ носовой части и выносныхъ бизаней въ кормовой. Поэтому носъ и корма, какъ для нападенія, такъ и для защиты, оказались самыми слабыми частями, наиболѣе подверженными поврежденіямъ. Все артиллерійское вооруженіе сосредоточилось по бортамъ, обращавшимся въ бою къ непріятелю: для увеличенія числа орудій борта стали дѣлать все выше и выше и стали увеличивать длину корабля.

3) Эпоха парового флота.

Третій періодъ морской тактики—это *эпоха парового флота*. Здѣсь движущая сила снова расположена въ кораблѣ, т. е. находится въ распоряженіи командира и менѣе зависитъ отъ всякихъ случайностей. Но съ другой стороны снова наступаетъ зависимость отъ матеріальной части необходимой для добыванія и поддержанія этой силы, т. е. отъ топлива и т. п. Эта эпоха характерна возрожденіемъ тарана и сближеніемъ для боя на встрѣчныхъ курсахъ. Примѣненіе брони явилось лишь измѣненіемъ существовавшихъ и въ древности средствъ защиты, съ той разницею, что въ древности они примѣнялись противъ тарана, а броня—противъ дѣйствія артиллерійскаго огня, въ особенности же противъ разрывныхъ снарядовъ.

Эти три эпохи, обусловленныя измѣненіемъ движущей силы, не являются однако рѣзко разграниченными періодами, такъ какъ первыя двѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій совпадали одна съ другой. Это явленіе объясняется двумя причинами. Во-первыхъ условіями *мѣстности*. Гребной флотъ могъ играть видную роль лишь до тѣхъ поръ, пока районъ его плаванія ограничивался Средиземнымъ моремъ, т. е. моремъ внутреннимъ, раздѣленнымъ на отдѣльныя части, изобиловавшимъ бухтами и островами и потому моремъ относительно спокойнымъ, тогда какъ океанъ былъ

величиной мало извѣстной. Съ перемѣщеніемъ центра тяжести исторіи Европы изъ странъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, на сѣверъ и западъ Европы, къ бурному океану, значеніе гребного флота сильно понизилось. Онъ возродился еще разъ съ расцвѣтомъ Венеціи, Пизы, Генуи, а также у сарациновъ и турокъ, когда тѣ пробрались къ морю. Это заставило Испанію и Францію также обзавестись галернымъ флотомъ. Еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія происходили крупные бои галерныхъ флотовъ: послѣднее сраженіе произошло 1-го сентября 1638 года между французами, испанцами и итальянцами подъ Генуей. Во второй половинѣ того же столѣтія галеры продолжали примѣняться въ военномъ флотѣ и играли въ бою ту же роль, что и первые пароходы въ концѣ эпохи парусныхъ судовъ, т. е. служили для буксированія кораблей въ бою, для посылокъ и т. п. цѣлей; это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ 1676 году въ бою при Палермо. Аналогичное явленіе можно было наблюдать и въ другихъ внутреннихъ моряхъ. На Балтійскомъ морѣ шведскій и русскій шхерные флоты еще долгое время имѣли боевое значеніе; датскія гребныя канонерки еще играли извѣстную роль во времена Нельсона. При абордажѣ судовъ, стоявшихъ на якорѣ, при десантныхъ операціяхъ весла до послѣдняго времени находили примѣненіе на шлюпкахъ въ качествѣ двигателей. И только теперь отъ примѣненія ихъ въ серьезныхъ случаяхъ совершенно отказались.

Другой причиной развитія гребного флота, т. е. морского могущества основаннаго на примѣненіи *физической силы людей*, могло служить только наличіе *рабства* или же массоваго осужденія людей на принудительныя работы. Во всякомъ случаѣ, служба гребцовъ въ галерномъ флотѣ не вязалась ни съ человѣческими понятіями о справедливости, ни съ закономъ Христа. Несмотря на это, въ Средиземномъ морѣ еще 200 лѣтъ тому назадъ преступники массами приговаривались къ каторжнымъ работамъ на галерахъ и пополняли кадры гребцовъ. По всему бываетъ конецъ: немного болѣе чѣмъ 150 лѣтъ тому назадъ французскій галерный флотъ, давно уже не имѣвшій никакого боевого значенія, былъ расформированъ въ 1748 году при Людовикѣ XV.

Обычное дѣленіе исторіи по періодамъ времени, какъ мы видѣли, не пригодно для военно-морской исторіи, однако мы

настолько привыкли къ дѣленію на періоды по времени и это дѣленіе во многихъ отношеніяхъ настолько удобно, что мы все таки примемъ его и положимъ его въ основу нашего изложенія, несмотря на невозможность провести рѣзкія грани, отдѣляющія одну эпоху отъ другой.

Первый періодъ. *Первый періодъ военно-морской исторіи, эпоха гребного флота*, обнимаетъ время отъ 500 г. до Р. Хр. по 1580 [1]) послѣ Р. Хр., т. е. оканчивается битвой при Лепанто, послѣднимъ крупнымъ рѣшительнымъ боемъ галерныхъ флотовъ.

Второй періодъ. *Второй періодъ, эпоха парусного флота*, ведетъ свое начало отъ перваго крупнаго рѣшительнаго сраженія между двумя парусными флотами „Великой испанской Армадой" и англійскимъ флотомъ [2]). Этотъ періодъ охватываетъ промежутокъ времени отъ 1580 г. до 1840 года [3]). Съ послѣдняго года началось преобладаніе силы пара, хотя окончательное признаніе ея достоинствъ и повсемѣстное введеніе ея произошло лишь болѣе чѣмъ десять лѣтъ спустя. Къ этому же времени относится появленіе парового винтового военнаго корабля.

Третій періодъ. *Третій періодъ, эпоха парового флота*, продолжается отъ 1840 года до нашего времени.

81. Дальнѣйшее дѣленіе военно-морской исторіи. Эти главные періоды нуждаются въ дальнѣйшемъ подраздѣленіи. Таковыми будутъ для эпохи:

А) Гребного флота (500 г. до Р. Хр.—1580 г. по Р. Хр.):

1) періодъ греческаго, т. е. аѳинскаго флота отъ 500 до 300 г. до Р. Хр.

(Повсюду принимаемъ округленныя цифры, независимо отъ точнаго года событія).

2) періодъ морского владычества Карѳагена отъ 300 до 200 г. до Р. Хр.

3) періодъ господства Римлянъ на Средиземномъ морѣ, хотя оно и не было непрерывнымъ, принимается отъ 200 г. до Р. Хр. по 500 г. послѣ Р. Хр.

4) періодъ упадка Римскаго флота и вообще мореплаванія отъ 300 до 1000 г. послѣ Р. Хр.

---

[1]) Сраженіе при Лепанто было въ 1571 г. *Ред.*

[2]) Операціи «Великой Армады» въ Англійскомъ каналѣ имѣли мѣсто въ 1588 г. *Ред.*

[3]) Послѣднимъ сраженіемъ *парусныхъ* флотовъ слѣдуетъ считать Синопскій бой, имѣвшій мѣсто въ 1853 г. *Ред.*

5) періодъ расцвѣта Венеціи и другихъ крупныхъ торговыхъ городовъ на Средиземномъ морѣ, какъ напр. Генуя, Пиза, и связаннаго съ этимъ возрожденія гребного флота, достигшаго вторично своего наибольшаго развитія въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ съ 1000—1580 г.г. послѣ Р. Хр., послѣ чего наибольшая дѣятельность флота перенеслась на океанъ и началась эпоха парусного флота.

Б). Для эпохи парусного флота (1580—1840):

1) время отъ 1580 до 1650 года—юношескіе годы парусного флота. Дѣтскіе и отроческіе годы можно отнести къ предыдущему времени, начиная съ 50 г. до Р. Хр.

2) 1650—1740 г.—первый періодъ линейныхъ судовъ и фрегатовъ, во время котораго начали вырабатываться положенія тактики, хотя и въ очень общихъ чертахъ.

3) 1740—1782 г.—второй періодъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, во время котораго развивается тактика, все еще придерживающаяся старыхъ формъ.

4) 1782—1815 г.—третій періодъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ; расцвѣтъ парусного флота и высшая ступень его тактическаго развитія.

5) 1815—1840 г.—мирный періодъ; время техническихъ усовершенствованій, главнымъ образомъ артиллеріи, которымъ однако не представилось ни разу серьезное испытаніе.

В). Для эпохи парового флота:

1) 1840—1850 г.—періодъ колесныхъ пароходовъ, первое появленіе которыхъ однако еще не въ качествѣ военныхъ судовъ относится къ 1804—1812 г.г.

2) 1850—1860 г.—періодъ вспомогательнаго винтового двигателя при наличіи полнаго парусного вооруженія, хотя уже въ 1852 году былъ построенъ быстроходный двухъ-дечный линейный корабль *Napoleon* (90 орудій).

3) съ 1860 г. и донынѣ: замѣна линейныхъ деревянныхъ кораблей броненосными, борьба пушекъ съ бронею, таранъ, мина и т. д., упраздненіе парусовъ.

82. Научная обработка военно-морской исторіи.

Закончивъ этимъ подраздѣленіе военно-морской исторіи, обратимся къ вопросу о ея *научной обработкѣ и научномъ изложеніи.*

Въ этомъ отношеніи приходится встрѣтить не мало затрудненій. Сравнивъ военно-морскую исторію съ военно-сухопутной, не трудно увидѣть, что

а) число морскихъ войнъ, имѣвшихъ значеніе для военной исторіи (для развитія военно-морского искусства), значительно меньше чѣмъ войнъ сухопутныхъ.

б) въ этихъ войнахъ число битвъ и сраженій на морѣ опять-таки меньше чѣмъ въ сухопутныхъ.

Поучительные для тактики примѣры встрѣчаются въ военно-морской исторіи въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ исторіи военно-сухопутной; число ихъ уменьшается, благодаря тому обстоятельству, что морскія войны часто совсѣмъ не имѣютъ историковъ, и если имѣютъ, то очень рѣдко достовѣрныхъ, отвѣчающихъ своему назначенію. Объясненіе этого явленія даемъ ниже.

Выдающіеся флотоводцы, какъ и вообще всѣ моряки, никогда не были героями пера, ни одинъ изъ нихъ не оставилъ описанія своихъ дѣяній, подобно тому какъ это сдѣлали Цезарь, Фридрихъ Великій, Наполеонъ и другіе менѣе знаменитые полководцы. Морская служба не располагаетъ къ писательству, да и даетъ очень мало возможности заниматься имъ, такъ какъ она совершенно поглощаетъ человѣка, что происходитъ чаще всего еще въ ранней его молодости.

Кромѣ того изложить вѣрно, ясно и точно ходъ морского боя гораздо труднѣе, чѣмъ ходъ сухопутнаго. На сушѣ полководецъ со своимъ штабомъ и другими лицами занимаетъ въ бою возвышенное мѣсто, съ котораго можно обнять взглядомъ все поле битвы, и откуда можно безопасно и безпрепятственно слѣдить за всѣмъ ходомъ сраженія. На морѣ нѣтъ ничего подобнаго: флотоводецъ дѣйствительно ведетъ свои корабли на непріятеля, далѣе получается смѣшеніе своихъ и чужихъ кораблей, среди котораго въ пороховомъ дыму едва можно различить свои корабли и даже отличить друга отъ недруга, а особенно же при часто встрѣчающемся сходствѣ однотипныхъ судовъ.

Кромѣ того въ бою въ открытомъ морѣ нѣтъ примѣтныхъ мѣстъ, по которымъ было бы легко судить о движеніи отдѣльныхъ судовъ и опредѣлять разстояніе, т. е. по которымъ можно было бы составить представленіе о боѣ,

тогда какъ въ сухопутномъ сраженіи все это облегчается примѣтными точками, (какъ-то деревья, лѣсъ, холмъ, улица и т. п.).

Благодаря всему этому, *официіальныя донесенія* о дѣйствіяхъ на морѣ по большей части очень скудны и несвязны и часто мало понятны, иногда даже совсѣмъ непонятны. Этому способствуетъ еще и то обстоятельство, что адмиралъ въ своихъ донесеніяхъ начальству предполагаетъ многое изъ того, что необходимо для пониманія происшедшаго, уже извѣстнымъ, да и въ правѣ это предполагать, между тѣмъ для лицъ постороннихъ получается очень неясная картина. **83. Краткость и неясность сообщеній.**

Неофиціальныя извѣстія крайне рѣдки, частью потому, что для зрителей и корреспондентовъ нѣтъ мѣста на кораблѣ, частью же потому, что на судахъ для человѣка не принимающаго участія въ бою наблюдательные посты представляютъ слишкомъ опасное мѣсто. Если и встрѣчаются подобныя извѣстія, то къ нимъ надо относиться съ наибольшей осторожностью, такъ какъ авторы ихъ по большей части не спеціалисты и не посвящены въ планы командующаго. Поэтому они всегда склонны считать видѣнную ими часть боя за цѣлое или по крайней мѣрѣ за главное.

Поэтому источники для военно-морской исторіи по сравненію съ источниками для военно-сухопутной очень скудны и неполны. Благодаря недостаточному пониманію морской войны, не только въ Германіи, но и повсюду, даже въ Англіи, существующіе матеріалы мало систематизированы и еще недостаточно использованы; этому въ немалой степени способствовалъ морской языкъ, пестрящій мало понятными спеціальными терминами. Поэтому исторія морскихъ войнъ изучена лишь поверхностно и часто даже находится совсѣмъ въ пренебреженіи; лишь въ послѣднее время появились новыя вѣянія, вызванныя успѣхомъ прусскихъ войнъ 1866 и 1870—71 г.г., который основывался на чисто научной подготовкѣ. **84. Скудость и неполнота источниковъ.**

Источники и матеріалы, послужившіе для составленія этого труда, доставались авторомъ большею частью изъ библіотекъ морского вѣдомства, поэтому они доступны каждому флотскому офицеру; секретныхъ документовъ среди нихъ нѣтъ, да въ нихъ и нѣтъ никакой необходимости. Исторія разсматриваетъ лишь уже свершившееся и проис-

шедшее очень давно и преимущественно дѣянія иностранныхъ флотовъ, такъ какъ нашъ флотъ еще не имѣетъ военной исторіи. Поэтому каждый офицеръ флота можетъ самостоятельно своими силами по первоисточникамъ найти все то, что изложено въ этомъ трудѣ.

Но изученіе имѣющейся литературы требуетъ затраты труда и усилій, а главное большаго времени чѣмъ то, которымъ можетъ располагать большинство морскихъ офицеровъ. Поэтому авторъ въ этомъ своемъ трудѣ дѣлаетъ попытку извлечь изъ имѣющагося громаднаго матеріала и 85. Польза изученія военной исторіи. См. §§ 2—7. изложить въ полномъ соотвѣтствіи съ истиной все то, что является наиболѣе поучительнымъ, и вывести отсюда *ученіе о веденіи войны*, что, какъ надѣется авторъ, можетъ принести *пользу* читателямъ въ ихъ *дальнѣйшей дѣятельности.*

Возможно ли однако извлечь такую пользу изъ изученія военной исторіи? Очень опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ такой выдающійся полководецъ какъ Наполеонъ I:

„Тактику, эволюціи, инженерныя науки, артиллерію— все это можно изучить по учебникамъ, но искусство веденія войны постигается лишь опытомъ и изученіемъ походовъ великихъ полководцевъ“.

и еще разъ онъ повторяетъ:

„Читайте и перечитывайте описанія походовъ Александра Великаго, Ганнибала, Цезаря и другихъ“.

Самый даровитый изъ его противниковъ эрцгерцогъ Карлъ, побѣдитель при Вюрцбургѣ, Штокахѣ и Асперне, пишетъ:

„Полководца создаютъ научныя занятія и научнымъ путемъ пріобрѣтенный опытъ, но не одинъ лишь *собственный опытъ*. Какъ обильна должна была бы быть событіями человѣческая жизнь для того, чтобы могъ быть пріобрѣтенъ этотъ опытъ? И кто имѣлъ возможность упражняться въ трудномъ искусствѣ быть полководцемъ до полученія этого высокаго поста. Обогащеніе своихъ знаній достигается преимущественно изученіемъ *чужого* опыта познаваніемъ и оцѣнкой прежнихъ изслѣдованій и сравненіемъ славнѣйшихъ военныхъ дѣяній и ихъ результатовъ изъ *военной исторіи*“.

„Собственный опытъ“ на первомъ мѣстѣ у обоихъ авторитетовъ, и это мѣсто онъ занимаетъ по праву, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ собственный военный опытъ; онъ лучшій учитель какъ въ военной, такъ и въ другихъ областяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поражаетъ своею мѣткостью фраза, встрѣчающаяся у эрцгерцога Карла: „какъ обильна событіями должна была бы быть человѣческая жизнь для того, чтобы могъ быть пріобрѣтенъ этотъ опытъ?“ Если это написалъ выдающійся полководецъ по окончаніи двадцатилѣтняго періода большихъ войнъ, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе, то во сколько разъ въ большей степени это относится къ современному морскому офицеру, у котораго нѣтъ никакого боевого опыта. И если онъ даже окажется участникомъ серьезной морской войны, то все-таки онъ, благодаря ея свойствамъ, никогда не пріобрѣтаетъ, хотя бы и приблизительно такого опыта, какой доступенъ сухопутному офицеру. Послѣдній, при благопріятномъ въ этомъ отношеніи стеченіи обстоятельствъ, можетъ въ теченіе восьми дней участвовать въ восьми сраженіяхъ. Въ морской войнѣ въ настоящее время дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. За одну войну 1870—71 г.г. на сушѣ было больше крупныхъ сраженій, чѣмъ на морѣ за послѣднія сто лѣтъ.

Тѣмъ важнѣе, поэтому, для флотскаго офицера использованіе чужого опыта, ознакомленіе съ которымъ даетъ военно-морская исторія,—и она должна стать *вѣнцомъ научнаго образованія* для морского офицера.

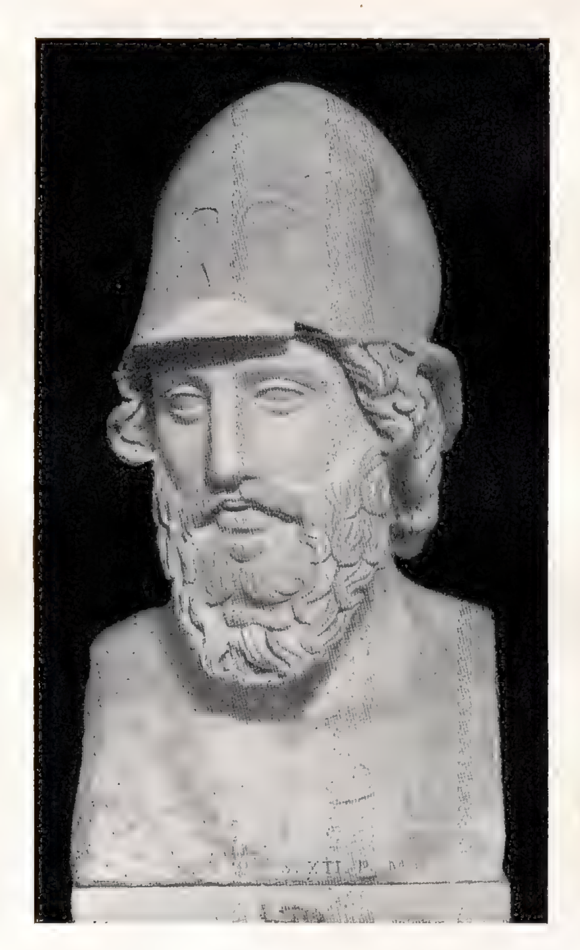
Подъ исторіей однако не слѣдуетъ подразумѣвать то немногое, что содержится въ этомъ трудѣ, но и это немногое можетъ принести пользу читателю. Есть ли необходимость въ письменномъ изложеніи пріобрѣтенныхъ знаній въ видѣ замѣтокъ мы предоставляемъ рѣшить самимъ читателямъ; не слѣдуетъ однако забывать изреченія Гете, вложеннаго въ уста теоретика, далеко стоявшаго отъ жизни и любившаго копаться въ архивной пыли: „Denn was man schwarz auf weiss besitzt, darf man getrost nach Hause tragen“ [1]). У офи-

---

[1]) «То чѣмъ обладаешь въ видѣ чернаго по бѣлому можно смѣло нести домой». Мысль эта ярче выражается изреченіемъ того же Фауста: «что ты наслѣдовалъ отъ твоихъ предковъ, пріобрѣти то вновь, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ». *Ред.*

*

цера же всѣ пріобрѣтенныя знанія должны быть всегда живы и готовы къ примѣненію на дѣлѣ. Этого онъ можетъ достичь самостоятельнымъ изученіемъ и серьезнымъ обдумываніемъ всего того, что имѣетъ отношеніе къ войнѣ. Въ этой книгѣ я стремился къ тому, чтобы дать для этого матеріалъ и, главнымъ образомъ, *пробудить интересъ* къ подобнымъ матеріаламъ.

Θемистоклъ.

Къ стр. 145.

Исторія мореплаванія и морской торговли по 500 г. до Р. Хр.

Леопольдъ фонъ Ранке, первый нѣмецкій историкъ прош- 86. Введеніе.
лаго столѣтія, въ своемъ послѣднемъ крупномъ сочиненіи, всеобщей исторіи, въ которомъ проявилась конечная мудрость его продолжительной жизни, посвященной изученію исторіи выразился такъ [1]):

> „Единственное, пожалуй, назначеніе человѣчества заключалось въ томъ, чтобы путемъ мореплаванія и войнъ между сосѣдними государствами достичь развитія".

„Мореплаваніе и войны" по его мнѣнію были двумя факторами, содѣйствовавшими развитію человѣчества, т. е. повліявшими на весь ходъ исторіи. Говоря о „войнахъ между сосѣдними государствами" онъ подразумѣваетъ, вѣроятно, главнымъ образомъ „сосѣдей на сушѣ", хотя и „сосѣди на морѣ" даже въ очень отдаленныя времена вели между собою крупныя войны. Съ развитіемъ мореплаванія вода, и въ частности море, перестало быть разъединяющимъ элементомъ и превратилась въ связующій, какъ въ мирномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ.

Если Ранке и сказалъ: „единственное, пожалуй, назначеніе", то эту фразу не слѣдуетъ понимать какъ выраженіе сожалѣнія о томъ, что назначеніе человѣчества не было инымъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о случайномъ явленіи, о которомъ можно было бы сожалѣть, но о законѣ человѣческаго развитія, неизмѣнномъ и послѣдовательномъ, чуждомъ случайныхъ вліяній. Мореплаваніе и войны были прямыми путями, назначенными Провидѣніемъ для развитія человѣ-

---

[1]) Ranke. Weltgeschichte. I, 16.

чества. Въ настоящее время эти оба пути слились въ одинъ въ военномъ флотѣ.

Военные флоты не разъ рѣшали судьбу народовъ и тѣмъ самымъ оказывали рѣшительное вліяніе на ходъ міровой исторіи. Несмотря на сравнительно небольшое число военныхъ дѣйствій на морѣ, морскія войны имѣли большее значеніе, чѣмъ войны на сушѣ; ни одна сухопутная битва по своему историческому значенію не можетъ сравниться съ боемъ при Акціумѣ или съ Трафальгарскимъ сраженіемъ. Первый изъ нихъ обезпечилъ побѣдителямъ владычество надъ всѣмъ древнимъ міромъ болѣе, чѣмъ на пять вѣковъ, а второе—господство на морѣ, или вѣрнѣе на всѣхъ моряхъ въ теченіе уже цѣлаго столѣтія.

Несмотря на это, историки всѣхъ временъ удѣляли свое вниманіе преимущественно, даже пожалуй исключительно, сухопутнымъ войнамъ и арміи; послѣдними не только интересовались подробнѣе, но и понимали ихъ гораздо лучше чѣмъ морское дѣло и морскія войны.

Непостоянное море, на которомъ разыгрывались морскія войны, для большинства людей незнакомо и не кажется привлекательнымъ; морская же служба не располагаетъ къ научной и литературной дѣятельности; поэтому морякъ рѣдко прибѣгаетъ къ перу, хотя бы даже и владѣлъ имъ отлично. Ни одинъ изъ выдающихся флотоводцевъ не оставилъ намъ описанія своихъ походовъ, подобнаго сдѣланному Цезаремъ въ древности или Фридрихомъ Великимъ въ болѣе близкое намъ время. Поэтому свѣдѣнія о морскихъ войнахъ, дошедшія до насъ, къ сожалѣнію неполны и недостаточны и часто противорѣчивы; по этой причинѣ нерѣдко, несмотря на всѣ усилія, не удается составить правильное представленіе о происходившемъ [1]).

87. Начало мореплаванія. Само собой разумѣется, что морскія войны могли начаться лишь тогда, когда развилось мореплаваніе, и поэтому будетъ вполнѣ умѣстнымъ обратить взглядъ на исторію судоходства и на народности, наиболѣе способствовавшія его развитію.

Первые зачатки судоходства относятся къ тѣмъ временамъ, о которыхъ у насъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Первымъ

---

[1]) Ср. Введеніе, § 84.

средствомъ для передвиженія по водѣ вѣроятно былъ плотъ, связанный изъ сноповъ камыша или же изъ древесныхъ стволовъ, служившій для передвиженія по теченію или же приводимый въ движеніе шестами; онъ снабжался грубымъ брусомъ игравшимъ роль руля и небольшимъ шалашомъ самаго примитивнаго типа. Подобнаго рода плоты встрѣчаются и донынѣ на Вислѣ и Одерѣ. Слѣдующей ступенью является челнокъ — выдолбленный стволъ дерева, встрѣчающійся и теперь въ южныхъ моряхъ и еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ примѣнявшійся для сообщенія между Килемъ и Эллербекомъ въ видѣ „однодеревокъ“ (Einbaum), приводившихся въ движеніе помощью веселъ или же примитивнаго паруса. Это уже были суда, для изготовленія которыхъ требовалось примѣненіе извѣстныхъ инструментовъ, что уже указываетъ на извѣстнаго рода прогрессъ. Еще большимъ прогрессомъ являются лодки, сколоченныя изъ отдѣльныхъ досокъ и снабженныя веслами и парусами; такія суда могли появиться лишь при значительномъ развитіи различныхъ ремеслъ и умѣніи обрабатывать металлы.

Толчокъ первымъ попыткамъ мореплаванія по всѣмъ вѣроятіямъ дало рыболовство, за которымъ послѣдовалъ обмѣнъ товаровъ, т. е. морская торговля; на ряду съ этимъ на просторѣ никому не принадлежащаго моря, гдѣ и въ нашемъ столѣтіи сила часто является закономъ, еще въ раннія времена развилось пиратство. По понятіямъ древнихъ, у которыхъ еще не было представленія о международномъ правѣ, всякій чужестранецъ считался врагомъ [1]) котораго можно было убивать безнаказанно, морской разбой не считался ни преступнымъ, ни позорнымъ и производился совершенно открыто. Всѣ мореходныя народности разбойничали на морѣ, охотились на людей [2]) и занимались работорговлей. Типичными примѣрами является похищеніе Елены и продажа въ рабство Евмея [3]).

Въ смыслѣ расположенія и годности къ мореплаванію отдѣльные народы рѣзко отличались другъ отъ друга. Нѣ-

---

[1]) Hermann. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. I. 70 и слѣд.

[2]) Sestier. La piraterie dans l'antiquité, стр. 6 и слѣд.

[3]) Одиссея. XV, 402—483.

которые обладали природными способностями къ далекимъ плаваніямъ, другіе же наоборотъ не питали ни малѣйшей охоты и расположенія къ тому, и это доходило у нихъ даже до ужаса передъ моремъ. Къ первымъ надо отнести финикійцевъ, большую часть греческихъ племенъ и этрусковъ, къ послѣднимъ же—египтянъ, индусовъ, персовъ и римлянъ. Финикійцы еще въ очень отдаленныя времена выдѣлялись среди другихъ народностей развитіемъ своего мореходства, но прямыхъ доказательствъ этого, ни письменныхъ, ни вещественныхъ они сами не оставили.

88. Египтяне. Самыя раннія свѣдѣнія дошли до насъ черезъ посредство *египтянъ*, и то не въ видѣ письменныхъ указаній, оставленныхъ древними писателями, а лишь благодаря производящимся съ середины прошлаго столѣтія раскопкамъ памятниковъ древности и связанному съ ними чтенію іероглифовъ.

Море съ соленой водою по суевѣрнымъ египетскимъ воззрѣніямъ, воспрещавшимъ употреблять въ пищу морскихъ рыбъ и морскую соль, представлялось царствомъ злого духа (Тифонъ) и внушало ужасъ, поэтому до воцаренія болѣе свободомыслящаго фараона Псамметиха (664—611 до Р. Хр.) египетская морская торговля была лишь пассивной. Съ другой стороны Нилъ со своими рукавами, служившій единственнымъ естественнымъ путемъ сообщенія не мало способствовалъ тому, что въ Египтѣ, старѣйшей по культурѣ странѣ, очень рано въ широкихъ размѣрахъ развилось рѣчное судоходство. На мелководныхъ рѣчныхъ протокахъ съ незапамятныхъ временъ существовали легкіе плоты съ приподнятыми оконечностями, связанные, за недостаткомъ въ странѣ лѣса, изъ пачекъ папируса. Они приводились въ движеніе шестами и служили для перевозки людей и животныхъ, даже быковъ, и для доставки товаровъ на рынки. Фиг. 1, изображающая такой плотъ относится къ царствованію VI династіи, окончившемуся въ 2700 г. до Р. Хр. Въ тѣ отдаленныя времена, т. е. за $4^1/_2$ тысячелѣтія до насъ, въ эпоху, относительно которой у насъ не имѣется свѣдѣній о другихъ народахъ, египтяне уже имѣли нѣсколько довольно совершенныхъ въ техническомъ отношеніи типовъ судовъ, какъ напримѣръ служившія для перевозки людей плоскодонныя суда, длиною въ 10—16 метровъ, напоминающія своей

подводной частью яхту типа *Gudrada* (если не обращать вниманія на руль), ходившія подъ веслами и подъ парусами. За неимѣніемъ достаточно прочныхъ рангоутныхъ деревьевъ, вмѣсто мачты служили двуногіе козлы, которые можно было рубить при желаніи, съ горизонтальнымъ короткимъ реемъ, на которомъ крѣпился узкій, высокій парусъ. Помимо паруса для движенія служили также ланцетовидныя весла, числомъ отъ 8 до 26 съ каждаго борта; для управленія судномъ служили отъ 2 до 5 веселъ съ каждой стороны въ кормѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ кормчаго. Впереди нихъ на судахъ, предназначавшихся для большихъ переходовъ, находилось замѣнявшее каюты, крытое разукрашенное помѣщеніе. Численность команды доходила до 68 человѣкъ (фиг. 2). Крупнѣйшія изъ этихъ судовъ имѣютъ сходство съ современными судами царя Уганды Мтеса на озерѣ Викторіи, описанными Стенлеемъ въ его книгѣ „Черезъ Черный материкъ", выпущенной въ 1878 году, т. е. болѣе чѣмъ на 4600 лѣтъ позднѣе.

Помимо того, у египтянъ имѣлись большіе понтоны, грузоподъемностью до 200 тоннъ, служившіе для перевозки тяжелыхъ грузовъ, каковыми напримѣръ были каменныя глыбы, примѣнявшіяся для гигантскихъ египетскихъ построекъ.

Однако какъ ни интересны эти суда, служившія для внутреннихъ сношеній, но еще большаго вниманія заслуживаютъ морскія суда египтянъ. По найденнымъ при раскопкахъ въ долинѣ Гаммамать іероглифамъ можно заключить, что египетскія суда еще въ 2300 г. до Р. Хр. изъ гавани Левкосъ Лименъ [1]), гдѣ кончалась дорога, ведшая къ Красному морю черезъ эту долину изъ Коптоса [2]), на верхнемъ Нилѣ—плавали въ сказочную страну Пунъ или Пунтъ (счастливая Аравія, Іеменъ) и привозили оттуда цѣнные товары [3]). Болѣе точныя свѣдѣнія о морскомъ дѣлѣ въ древности даютъ намъ надписи и изображенія въ опванскомъ храмѣ Деръ-эль-бахри, воспроизводящія флотъ [4]), послан-

---

[1]) Нынѣ Козеиръ.

[2]) Нынѣ Квенеха.

[3]) Lieblein. Handel und Schiffart auf dem Roten Meere im Altertum стр. 22.

[4]) Dümichen. Flotte einer ägiptischen Königin.

ный царицею Рамака Азепту (прозванная Мизафрисъ) черезъ Красное море въ 1600 г. до Р. Хр.

Эти корабли, сходные съ вышеописанными (фиг. 2) крупными нильскими судами, существовавшими еще за 1100 лѣтъ до того времени, указываютъ уже на значительные успѣхи. Они значительно больше и лучше и болѣе мореходны. Наибольшая длина корабля (фиг. 3), если допустить, что въ тщательно исполненныхъ изображеніяхъ соблюдена пропорціональность, достигаетъ 21,5 мт. при длинѣ по ватерълиніи лишь 12,5 мт. Мачта, выдѣланная изъ цѣлаго дерева, укрѣплена очень основательно, высота ея надъ водой около 10 мт. длина рея 19 мт. Парусъ, по сравненію съ предыдущимъ типомъ, болѣе широкій и низкій, площадь парусности около 100 мт. Нижняя шкаторина паруса тоже прикрѣплена къ длинному рею. Гребцы по 15 чел. съ борта расположены въ разстояніи 0,9 мт. другъ отъ друга, что допускаетъ хорошую работу веслами, вставленными въ крючковидныя уключины. Вмѣсто прежнихъ 10 ручныхъ рулевыхъ веселъ, въ уключинахъ, на особыхъ колонкахъ, установлены только два прочныхъ весла, длиною около 6 мт. и шириною въ лопастяхъ около $^3/_4$ мт. Вальки ихъ соединены вмѣстѣ и управленіе ведется всего лишь однимъ человѣкомъ при помощи румпеля. Благодаря этому, численность команды не превышаетъ 40 человѣкъ.

Заслуживаетъ вниманія толстый тросъ, примѣнявшійся для усиленія продольныхъ связей корпуса. Тросъ этотъ проходитъ по діаметральной плоскости судна и концы его обмотаны вокругъ выступающихъ оконечностей судна. Это— ὑπόζωμα греческихъ судовъ, о пользѣ которой шли большіе споры у грековъ и которая получала различныя формы примѣнительно къ конструкціи кораблей, строившихся въ различныхъ мѣстахъ.

Описываемыя суда строились безъ палубы, но въ носу и кормѣ имѣли крытыя помѣщенія. Грузъ, привозимый изъ страны Пунъ, состоялъ изъ золота, серебра, слоновой кости, чернаго и другихъ цѣнныхъ деревъ, живыхъ благоухающихъ растеній въ кадкахъ, благовонной смолы, леопардовыхъ шкуръ, женщинъ и дѣтей и павіановъ двухъ породъ.

Этотъ морской походъ, снаряженный царицею Азепту, является первымъ походомъ, о которомъ до насъ дошли

достовѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Поэтому царицѣ Азенту по справедливости принадлежитъ „первое мѣсто въ морскихъ анналахъ“ [1]). До сихъ поръ однако надо считать невыясненнымъ, былъ ли совершенъ этотъ походъ египтянами, которые хотя и обладали значительнымъ внутреннимъ рѣчнымъ флотомъ, но подъ религіознымъ внушеніемъ жрецовъ питали нерасположеніе и страхъ къ морю, или же финикійцами, жившими еще раньше въ Пунѣ и находившимися издавна въ частыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. За финикійцевъ говоритъ то обстоятельство, что среди фресокъ недавно открытой въ Ѳивахъ гробницы, относящейся приблизительно къ той же эпохѣ (18 династіи), имѣются изображенія совершенно подобныхъ же кораблей, но съ финикійской командой [2]). Возможно, что это были наемники, подобные финикійцамъ—наемникамъ тирскаго царя Гирама, совершившимъ спустя 650 лѣтъ, походъ на корабляхъ Соломона въ страну Оѳиръ и вернувшимся оттуда съ подобною же добычею [3]). Когда, цѣлое тысячелѣтіе спустя, въ 600 г. до Р. Хр. царь Нехо отправилъ флотилію для обхода кругомъ Африки, то команда вся была составлена изъ тѣхъ же финикійцевъ, а не египтянъ [4]), которые, казалось бы, уже могли къ этому времени отрѣшиться отъ суевѣрнаго страха передъ моремъ подъ воздѣйствіемъ греческаго вліянія, проникшаго въ Египетъ при царѣ Псамметихѣ.

89. Военный флотъ.

При своемъ нерасположеніи къ морю египтяне предоставили свою торговлю финикійцамъ. На Нилѣ же цари издавна содержали военныя суда и еще въ очень отдаленныя времена египетскій военный флотъ имѣлъ опредѣленную организацію; въ 1700 г. до Р. Хр. флотъ этотъ выступилъ активно для вытѣсненія семитическаго племени гиксовъ („пастухи“), поработившаго страну, а равно также дѣйствовалъ для отраженія большихъ набѣговъ сѣверныхъ морскихъ разбойниковъ на Египетъ. До насъ дошли памятники подобныхъ же дѣйствій египетскаго флота въ 1180 г. до Р. Хр. временъ Рамзеса III въ видѣ изображеній. Судя по нимъ битва велась не на морѣ, а въ пелузинскомъ рукавѣ Нила;

---

[1]) Ranke, см. гл. I, 17.

[2]) Daressy. Une flotte phénicienne.

[3]) 2. Chronica 9,21.

[4]) Геродотъ въ англійскомъ переводѣ Равлинсона, IV, 42.

сражавшіяся египетскія суда были рѣчного типа, подобнаго изображенному на фиг. 2; нападавшіе корабли были сходны съ ними. Энергичные правители Египта, напр. какъ Сетосъ I и Рамзесъ II (1414—1298 г.г. до Р. Хр.), а также Нехо (609—594 до Р. Хр.), выстроили при помощи финикійцевъ, доставлявшихъ необходимый лѣсъ, флоты на Красномъ и Средиземномъ моряхъ. Объ одномъ изъ преемниковъ послѣдняго царя, именно объ Априсѣ (588—569 до Р. Хр.) говорится, что онъ велъ морскія войны съ тирійцами, добился господства на морѣ и обложилъ данью города на Кипрѣ. Особеннаго значенія въ исторіи военныхъ флотовъ египетскій не имѣлъ, такъ какъ онъ не защищалъ ни торговаго флота, ни морской торговли.

90. Финикійцы. Въ судостроительномъ искусствѣ, въ мореплаваніи, торговлѣ и колоніальной дѣятельности, финикійцы еще въ древнѣйшія времена превосходили всѣ другія народности.

Они представляютъ собой хананеянъ Библіи, по которой и получила позднѣе уже въ историческое время свое названіе (библейскій Ханаанъ) узкая низменность между моремъ и Ливанскимъ плоскогоріемъ (3000 мт.), населенная финикійцами. Туда они переселились изъ страны Пунъ, подвигаясь постепенно по обѣимъ сторонамъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива черезъ счастливую Аравію и Сомалійскую землю [1]). Отсюда вѣроятно они и получили свое названіе (латинскіе „пунійцы", греческіе „финикійцы"). Еще въ очень отдаленныя времена они организовали міровую торговлю, торгуя произведеніями своей страны и Индіи. Въ 2600 г. до Р. Хр. они уже находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ черезъ Левкосъ Лименъ и Коптосъ и имѣли факторіи въ Мемфисѣ и Коптосѣ; помимо того, черезъ Суэцкій заливъ они ходили въ Героополисъ или Пиеомъ, а далѣе по каналу, который шелъ оттуда до Нила, доходили до нильской дельты; наконецъ, черезъ заливъ Акаба и черезъ Эзіонгаберъ они доходили до Сиріи.

91. Каналъ между Краснымъ и Средиземнымъ морями. Относительно древняго соединительнаго канала между Краснымъ и Средиземнымъ морями, скажемъ вкратцѣ слѣдующее: нынѣшній каналъ идетъ отъ Суэца черезъ Горькія озера и озеро Тимсахъ по прямому направленію съ юга на

---

[1]) Lieblein, см. стр. 76 и слѣд.

сѣверъ къ Портъ-Саиду и пересѣкаетъ старое русло восточнаго рукава Нила, впадавшаго прежде въ море у Пелузіума. Древній каналъ начинался не непосредственно отъ Средиземнаго моря, а тянулся отъ Пелузинскаго рукава Нила у города Бубастиса (Bubastis, нынѣ Сагазигъ) въ восточномъ направленіи до Горькихъ озеръ, которыя составляли въ древности одно цѣлое съ Краснымъ моремъ. Оросительный каналъ, шедшій отъ Нила долженъ былъ существовать въ томъ мѣстѣ еще до переселенія въ Египетъ сыновъ Израиля, такъ какъ иначе земля Газемъ не могла бы быть плодородной. По современнымъ изслѣдованіямъ Рамзесъ II (1250 г. до Р. Хр.), позднѣе Нехо (600 г. до Р. Хр.) и персидскій царь Дарій (521—485 до Р. Хр.) углубляли этотъ каналъ и дѣлали его судоходнымъ, но не доводили его до Горькихъ озеръ, а оставляли между ними и каналомъ дамбу изъ опасенія, что болѣе высокій, какъ тогда предполагалось, уровень Краснаго моря вызоветъ проникновеніе морской воды въ Нилъ и сдѣлаетъ его воду негодной для употребленія. При Даріи же былъ прорытъ каналъ въ перешейкѣ, образовавшемся между Краснымъ моремъ и Горькими озерами. Лишь Птоломей Филадельфъ (285—245 г. до Р. Хр.) прорылъ каналъ до Горькихъ озеръ и въ устьѣ его поставилъ шлюзъ для воспрепятствованія проникновенію слишкомъ большихъ массъ соленой воды въ каналъ. Съ этого времени каналъ сталъ судоходнымъ путемъ, соединившимъ оба моря. Императоръ Траянъ (98—117 по Р. Хр.) и калифъ Омаръ (634—641 г. по Р. Хр.) углубляли каналъ и увеличивали его судоходность; но въ 767 г. послѣ Р. Хр. онъ былъ умышленно засыпанъ Мослемомъ. Горькія озера быстро высохли подъ палящими лучами солнца и оставались сухими до прорытія нынѣшняго канала [1]).

Область, которую занимали финикійцы въ болѣе позднее время, именно Ханаанъ, имѣвшая сухопутными границами азіатскія и африканскія земли, а морскими—воды Средиземнаго и Краснаго морей, по своему географическому положенію благопріятствовала развитію торговыхъ сношеній. Хотя на всемъ побережьѣ нельзя найти гаваней удовлетворяющихъ современнымъ требованіямъ, но въ то время въ 92. Ханаанъ.

[1]) Lieblein, см. стр. 100 и слѣд

нихъ и не встрѣчалось надобности для мелкосидящихъ и сравнительно небольшихъ судовъ, для которыхъ было вполнѣ достаточно небольшого количества бухтъ, гдѣ они при наличіи тогдашнихъ средствъ чувствовали себя достаточно безопасными. Вывозъ финикійцевъ изъ Ливана состоялъ изъ мѣди и желѣза, кедра и кипариса, т. е. прекраснаго судостроительнаго матеріала, пеньки и т. д.

93. Мореплаваніе. По преданіямъ финикійское мореплаваніе началось вмѣстѣ съ рыболовствомъ. Названіе одного изъ главныхъ финикійскихъ городовъ Сидонъ въ переводѣ означаетъ „рыболовство". Вѣроятно съ особой охотой финикійцы занимались ловлей пурпурныхъ раковинъ, названныхъ такъ въ виду того, что они шли для окраски пурпурныхъ тканей, считавшихся въ древности очень красивыми и составлявшихъ отличіе привиллегированныхъ лицъ, почему пурпурныя ткани встрѣчались рѣдко и очень цѣнились. На сушѣ финикійцы занимались выдѣлкой и окраской этихъ тканей, производствомъ стекла и другими отраслями промышленности. Пурпурныя раковины содержали только по одной каплѣ красящей жидкости, поэтому спросъ на нихъ былъ очень великъ. Послѣднее обстоятельство вѣроятно способствовало уже въ самыя отдаленныя времена развитію сношеній финикійцевъ съ заморскими странами. Обладая выдающимися способностями къ мореплаванію, финикійцы еще въ очень отдаленныя времена строили изъ исполинскихъ ливанскихъ кедровъ крупныя суда и ходили на нихъ въ открытое море на Кипръ, богатый въ то время мѣдью, откуда онъ и получилъ свое названіе, затѣмъ вдоль южной части мало-азійскаго побережья на Родосъ, въ греческій Архипелагъ и Грецію и оттуда до Чернаго моря.

Съ 13-го столѣтія до Р. Хр. они были однако постепенно вытѣснены изъ этихъ водъ греками, превосходившими ихъ своими военными силами. Тогда они перенесли районъ своей торговли въ западную часть Средиземнаго моря: въ Сицилію, Тунисъ и далѣе за Геркулесовы Столбы (Гибралтарскій проливъ) на Атлантическій океанъ, гдѣ и основали въ 1100 г. до Р. Хр. Гадиръ [1]) (Кадиксъ) въ богатомъ серебромъ Таренсѣ (нынѣшняя Андалузія). Въ дальнѣйшихъ сво-

---

[1]) Movers. Phönizier. II, 244 и 633.

ихъ плаваніяхъ они доходили до юго-запада Англіи (Корнваллисъ), откуда вывозили только тамъ и добывавшееся въ тѣ времена олово, спросъ на которое былъ очень великъ для приготовленія бронзы, шедшей на отливку различныхъ статуй. На югъ отъ Гибралтара они доходили до Зеленаго мыса и вѣроятно достигали Сіерра-Леона. Область ихъ плаваній однако не ограничивалась этимъ райономъ,—по Красному морю они ходили до Индійскаго океана, а при жизни еще въ своей родной землѣ Пунъ доплывали до Малабарскаго берега и Цейлона, и на югъ вдоль африканскаго берега достигали Занзибара и очень вѣроятно, что и Замбези. Принимая во вниманіе ихъ отвагу и выносливость, нельзя не считать неправоподобнымъ преданіе, гласящее, что по порученію царя Нехо въ 600 г. до Р. Хр., т. е. за 2600 лѣтъ до Васко-де-Гама, они обошли кругомъ Африки въ три года и вернулись на родину черезъ Гибралтаръ. Плавая обычно вдоль береговъ, они въ знакомыхъ водахъ рисковали ходить и въ открытое море, опредѣляясь ночью по полярной звѣздѣ, которую они примѣтили раньше всего созвѣздія Малой Медвѣдицы. Въ болѣе близкихъ къ родинѣ областяхъ, съ которыми они поддерживали постоянныя сношенія, именно по всему побережью Средиземнаго и Чернаго морей они основали рядъ колоній вплоть до Тодеса и Могадора (Марокко), однако лишь въ видѣ торговыхъ станцій и факторій.

Торговля, служащая посредникомъ при обмѣнѣ между людьми и народами, почти такъ же стара, какъ и человѣчество; склонность къ пріобрѣтенію путемъ взаимнаго обмѣна лежитъ въ человѣческой природѣ. Въ древности торговля не имѣла такого громаднаго значенія, какъ теперь, когда по справедливости можно сказать, что она царитъ надъ міромъ, но тѣмъ не менѣе и въ то время торговля, хотя районъ ея ограничивался только средиземноморскими странами и берегами и Индіей на востокѣ, служила источникомъ богатства, и значеніе ея все возрастало по мѣрѣ развитія культуры.

Организація торговли въ то время, когда отсутствовали быстрые способы передвиженія и даже не было почты, рѣзко отличалась отъ современной намъ. Съ малокультурными народами, кромѣ индусовъ, халдеевъ и египтянъ, фи-

никійцы примѣняли приблизительно тѣ же пріемы, которые примѣняются и въ наше время при торговыхъ сношеніяхъ съ негритянскими племенами внутренней Африки и дикарями Южнаго Архипелага, не имѣющими никакихъ потребностей и удовлетворяющихся вполнѣ тѣмъ, что даетъ земля безъ всякой затраты труда съ ихъ стороны. Этихъ дикарей, которые сами ничего не производятъ, къ товарообмѣну побуждаетъ суетность и соблазнъ предполагаемыми украшеніями и блестящими вещами въ видѣ бусъ, пестрыхъ платковъ и т. п. Въ тропикахъ природа снабжаетъ человѣка, не требуя его содѣйствія, своими дарами въ видѣ плодовъ, каучука, слоновой кости и т. п.: въ умѣренномъ же климатѣ, какъ напримѣръ побережье Средиземнаго моря и болѣе суровыя области Британія и Скиѳія, жителямъ приходилось заботиться о тепломъ платьѣ, жилищахъ, оружіи для охоты, рыболовства и войны. Въ теченіе долгаго времени ни одинъ народъ не въ состояніи удовлетворяться произведеніями своей страны, въ особенности же, ознакомившись путемъ торговли съ произведеніями другихъ странъ; торговыя сношенія содѣйствуютъ развитію во всѣхъ тѣхъ областяхъ, съ которыми входятъ въ соприкосновеніе [1]). Товарообмѣнъ можетъ происходить и у кочующихъ народовъ, но настоящая торговля начинается лишь съ началомъ осѣдлой жизни народа и началомъ хлѣбопашества. При этомъ мѣновая торговля идетъ до тѣхъ поръ, пока у обѣихъ сторонъ не установится опредѣленная единица цѣнности или монета. Первоначально таковою служили самые разнообразные предметы, какъ-то: скотъ, мѣха, раковины, соль, желѣзо, золотой песокъ и т. д., впослѣдствіи же вошли въ обращеніе деньги опредѣленной формы изъ драгоцѣннаго металла, сначала выдѣланныя изъ кусковъ съ государственнымъ клеймомъ, а затѣмъ и чеканенныя. Серебряныя монеты появились впервые у финикійцевъ уже въ 1500 г. до Р. Хр., а отъ нихъ вошли въ обращеніе и среди сосѣднихъ съ Финикіей народовъ въ Палестинѣ, Сиріи и Аравіи. Денежною единицею былъ „шекель", т. е. „взвѣшенный", стоившій на современныя деньги около 2,60 марокъ [2]). Іосифъ былъ проданъ братьями

---

[1]) Andree. Geographie des Welthandels I, 17.

[2]) Movers см. гл. II, 3, стр. 47 и слѣд.; по Hultsch'у же 419 и слѣд. 2,62—2,69 марокъ.

за 20 серебряныхъ денегъ каравану измаильтянъ, шедшему въ Египетъ [1]). Золотыя монеты появились лишь тысячелѣтіемъ позже.

Такъ какъ торговля въ древнія времена началась еще до изобрѣтенія способовъ передвиженія по водѣ, то и естественно, что первоначально существовала лишь сухопутная торговля, захватывающая еще очень отдаленныя времена. 94. Сухопутная торговля.

Для перевозки товаровъ послѣ людей-посильщиковъ, которые встрѣчаются въ глубинѣ Африки и донынѣ, въ Египтѣ до 200 г. до Р. Хр. примѣняли ословъ, а позднѣе лошадей. У семитическихъ же племенъ для этой же цѣли примѣнялись „корабли пустыни"—верблюды, единственно лишь пригодные для перевозки товаровъ черезъ безводныя пространства. По ровному мѣсту, съ небольшой кладью за девятичасовой дневной переходъ верблюдъ можетъ сдѣлать до 170 километровъ [2]).

Весьма характерна связь между торговлей и религіозными и національными праздествами. Послѣднія всегда вызывали большое стеченіе народа, чѣмъ и пользовались купцы для своихъ торговыхъ дѣлъ. Такимъ образомъ съ праздниками всегда совпадали большіе торговые дни и ярмарки, какъ напр. въ Гаранѣ, Делосѣ, Олимпіи и т. д. Явленіе это сохранилось и донынѣ, примѣромъ чего является, хотя бы пасхальная ярмарка въ Лейпцигѣ. Очень существенное значеніе для торговли имѣло въ данныхъ случаяхъ то обстоятельство, что въ мѣстѣ праздества и его окрестностяхъ всегда царили миръ и спокойствіе, весьма благопріятные для торговыхъ сношеній.

Направленіе торговыхъ путей въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій оставалось поразительно постояннымъ. Для финикійской торговли важнѣйшими путями были слѣдующіе: дорога изъ Египта черезъ Газу (Gazzeh) съ отвѣтвленіемъ къ Іерусалиму, шедшая вдоль побережья черезъ Тиръ и другіе финикійскіе города до мало-азійскаго берега; другой путь шелъ отъ Эзіонгаберъ (Акаба) восточнѣе Мертваго моря и Іордана на Дамаскъ, гдѣ сливался съ дорогой шедшей прямо изъ Тира. Изъ Дамаска шли три пути: первый на сѣверъ черезъ Халибонъ (Алеппо) въ Мабугъ и Гаранъ, 95. Торговые пути. Карта № 4.

---

[1]) 1. Моисей 37. 28.

[2]) Movers, см. гл. II. 3 стр. 172

Карраэ), два крупнѣйшихъ торговыхъ центра Месопотаміи; второй путь черезъ Пальмиру (Тедмуръ) въ Тапсакъ (Тиизахъ) и третій—въ Цирцесіумъ (Абу-Серай) на Евфратѣ. Эта рѣка была судоходна для мелкихъ судовъ отъ устья до Самосату, всего на протяженіи свыше 1900 километровъ. Послѣ углубленія при Навуходоносорѣ (605—561 г. до Р. Хр. она стала доступна и морскимъ судамъ вплоть до Тапсака. Однако несмотря на это, произведенія Аравіи шли въ Вавилонъ и Гаранъ большей частью караванными путями. Отъ Гарана въ восточномъ направленіи тянулся путь черезъ Мидію и Персію до Бактръ (Балкъ) въ сѣверномъ Афганистанѣ, сливавшихся съ дорогою изъ Тапсака и примыкавшихъ къ торговымъ путямъ на Индію и Китай. Въ восточномъ направленіи изъ Тапсака и Гарана шли дороги къ Габалѣ и Араду, ближайшимъ финикійскимъ гаванямъ на Средиземномъ морѣ. Кромѣ того финикійцамъ были извѣстны пути къ Балтійскому морю: одинъ изъ нихъ шелъ отъ Ольвіи у устья Буга вверхъ по Днѣстру до Галиціи и дальше черезъ Калишъ и Коминъ къ Янтарному берегу; другой же отъ сѣверной части Адріатическаго моря черезъ Карнунціумъ на Дунаѣ велъ туда же черезъ Богемію и Силезію.

96. Товары. Большая стоимость сухопутной перевозки товаровъ послужила причиной того, что сухопутные грузы состояли исключительно изъ предметовъ роскоши, доступныхъ лишь богачамъ. При соціальныхъ условіяхъ древности населеніе рѣзко разграничивалось на богачей и бѣдняковъ, современнаго намъ средняго класса не существовало. Поэтому оптовая торговля предметами первой необходимости и комфорта, доступными для бѣдныхъ классовъ, а равно и сырьемъ для нуждъ промышленности могли вестись лишь морскими путями; торговля финикійцевъ и была преимущественно морской. Индія была старѣйшею культурною страной, богатство которой и обиліе произведеній, находившихъ всегда большой спросъ въ другихъ областяхъ, послужило поводомъ къ развитію обширной торговли. Съ незапамятныхъ временъ Индія вела на сухомъ пути крупныя торговыя сношенія съ Китаемъ. Предметами вывоза служили корица и другіе пряности и коренья, шелкъ, золото, жемчуга и алмазы, ткани, металлическія издѣлія, хлопокъ, рисъ и т. д. Еще при жизни въ Счастливой Аравіи финикійцы воспользовались нерасло-

ложеніемъ индусовъ къ морю и захватили въ свои руки всю морскую торговлю съ Индіей. Туда они ввозили бальзамъ, благовонія и другіе продукты своей страны, употреблявшіеся въ большихъ количествахъ при богослуженіяхъ и обмѣнивали ихъ на продукты Индіи. Индійскія и аравійскія произведенія они доставляли въ Египетъ въ гавань Левкосъ Лименъ (Козеиръ) и въ Беренисъ, откуда перевозили ихъ сухимъ путемъ до Коптоса на Нилѣ и далѣе, или же везли ихъ до Арсиное (Суецъ) и Эзіонгаберъ (Акаба), а оттуда по каналу въ Бубастисъ и Египетъ или сухимъ путемъ въ Газу и Ханаанъ.

Вслѣдствіе этихъ торговыхъ сношеній, ведшихся съ незапамятныхъ временъ, отношенія между финикійцами и египтянами были настолько тѣсными и дружественными, что цѣлая отдѣльная часть главнаго египетскаго города Мемфиса была заселена исключительно финикійцами и вся египетская морская торговля въ Средиземномъ морѣ составляла ихъ монополію. Такимъ образомъ къ индійскимъ и аравійскимъ товарамъ присоединялись еще египетскіе, состоявшіе частью изъ земледѣльческихъ продуктовъ: зерна, льна, хлопка и папируса, частью же изъ произведеній промышленности: ковровъ, платья, полотна, металлическихъ, деревянныхъ и кожаныхъ издѣлій, канатовъ, сѣтей и т. п. Эти товары финикійцы распространяли по всему побережью Средиземнаго моря наряду съ цѣнными продуктами своей страны, какъ-то: судостроительнымъ лѣсомъ, пенькою и съ произведеніями финикійской промышленности въ видѣ пурпурныхъ тканей, въ изготовленіи которыхъ они не имѣли соперниковъ, а также желѣзныхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ издѣлій; сюда присоединялись еще вино и масло изъ Греціи, олово изъ Англіи и очень высоко цѣнившійся янтарь. Послѣдній въ очень большомъ количествѣ былъ найденъ впослѣдствіи при раскопкахъ царскихъ гробницъ въ Микенахъ, относящихся къ 12 или 11 вѣку до Р. Хр. [1]).

Наиболѣе выгоднымъ товаромъ безъ сомнѣнія были рабы, **97. Рабы.** содержавшіеся въ огромныхъ количествахъ всѣми наиболѣе культурными государствами, за исключеніемъ Индіи [2]).

---

[1]) Busolt. Griechische Geschichte. I, стр. 13.

[2]) Strabo. Geographica XV. 1, §§ 34, 54, 59.

Точныхъ свѣдѣній о рабовладѣльчествѣ нѣтъ, тѣмъ не менѣе извѣстно, что египетскій царь Рамзесъ III (1180—1150 до Р. Хр.) подарилъ за свое царствованіе богамъ, т. е. жреческой кастѣ, помимо громадныхъ земельныхъ участковъ, 113.433 рабовъ [1]); въ Аѳинахъ на одного свободнаго гражданина приходилось 20 рабовъ, на маленькомъ островѣ Эгинѣ число рабовъ достигло 470.000. Изъ нихъ только небольшая часть были мѣстными уроженцами, большая же часть была привезена изъ другихъ странъ. Военные законы того времени давали побѣдителю неограниченное право распоряжаться по своему усмотрѣнію жизнью и имуществомъ побѣжденныхъ [2]). Военноплѣнные обычно становились рабами, а потому финикійскіе купцы имѣли обыкновеніе слѣдовать по пятамъ за арміями и флотами съ тѣмъ, чтобы скупать за гроши военноплѣнныхъ [3]). Работорговля была вообще обычнымъ явленіемъ. Нѣкоторыя дикія племена продавали часто своихъ единоплеменниковъ и это явленіе имѣло мѣсто даже у израильтянъ [4]). Центральнымъ пунктомъ работорговли былъ Тиръ, а главнымъ невольническимъ рынкомъ священный островъ Делосъ, гдѣ иногда въ теченіе одного только дня продавалось нѣсколько тысячъ рабовъ [5]).

93. Организація торговли. Финикійцы, въ теченіе многихъ вѣковъ не имѣвшіе конкурентовъ въ морской торговлѣ—греки начали морскую торговлю внѣ своихъ водъ лишь съ 800 г. до Р. Хр., а западные народы еще позже—всецѣло монополизировали ее и получали невѣроятные доходы.

Какъ въ умѣніи вести торговлю, такъ и въ судоходствѣ они оставляли далеко позади себя другіе народы; они имѣли хорошо развитое коммерческое чутье, дававшее имъ возможность правильно оцѣнивать всѣ условія страны, съ которой они вели торговыя сношенія, ея произведенія, ея порты и пути сообщенія, потребности и склонности народа, ея законы и ея финансы [6]). Для идеальнаго купца честность должна стоять на первомъ планѣ; при установившихся про-

---

[1]) Ed. Meyer. Geschichte des alten Aegypten, 321.
[2]) Hermann, см. гл. I, 72.
[3]) Movers, см. гл. II, 3, стр. 72.
[4]) Movers, см. гл. II, 3, стр. 74.
[5]) Strabo, см. гл. XIV, 4, § 2.
[6]) Andree, см. гл. I, 17.

должительныхъ и торговыхъ сношеніяхъ ея требуетъ простой разумъ: здоровой можетъ считаться лишь та сдѣлка, которая выгодна для обѣихъ сторонъ [1]), когда каждый за то, что даетъ другому, пріобрѣтаетъ то, что представляетъ для него наибольшую въ данный моментъ цѣнность.

Идеальными купцами финикійцы однако никогда не были. Какъ и всѣ семитическіе народы они стремились главнымъ образомъ лишь къ матеріальному успѣху и наслажденіямъ: высокія цѣли, научныя, національныя и вообще идеальныя стремленія были чужды имъ. Торговля была единственною цѣлью ихъ плаваній. Сообщаясь преимуществено съ малокультурными народами, которые еще не знали денегъ, они вели торговлю въ развозъ, т. е. кормчій былъ одновременно и судовладѣльцемъ и собственникомъ груза и продавалъ его тамъ, гдѣ это было всего выгоднѣе. Ни расширеніемъ своего государства, ни его могуществомъ, ни цивилизированіемъ болѣе дикихъ народовъ финикійцы не интересовались; они не заботились и о расширеніи своихъ собственныхъ познаній о чужихъ народахъ и государствахъ—заботься они объ этомъ, наши свѣдѣнія о древнемъ мірѣ были бы много обширнѣе, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Боясь конкуренціи и желая удержать монополію въ морской торговлѣ, они держали втайнѣ свои плаванія и ихъ цѣли, и не дѣлились ни съ кѣмъ свѣдѣніями о посѣщенныхъ странахъ и моряхъ.

Разсказы о такихъ морскихъ ужасахъ, какъ Сцилла и Харибда, объ опасныхъ меляхъ въ Сиртскихъ заливахъ, о томъ, что въ иныхъ мѣстахъ вода настолько густа, что въ ней застреваютъ корабли—все это несомнѣнно выдумки финикійцевъ, имѣвшихъ цѣлью напугать соперниковъ и удержать ихъ отъ путешествій въ чужія страны; финикійская ложь вошла въ поговорку у древнихъ народовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя средства не помогали, финикійцы прибѣгали къ насилію, нападая на болѣе слабые встрѣчные корабли своихъ конкурентовъ, и попросту выкидывали послѣднихъ за бортъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что всѣ свѣдѣнія о финикійцахъ получены нами отъ ихъ соперниковъ и враговъ и потому односторонни и недоброжелательны.

[1]) Andree, см. гл. I. 18.

Сами же финикійцы не оставили никакихъ памятниковъ по себѣ. Кромѣ того, надо принять во вниманіе духъ времени и тогдашнія условія: международное право тогда не существовало, и на свободномъ, никому не принадлежащемъ морѣ правымъ былъ сильный. Всякій, предоставлявшій себя и свою собственность опасностямъ моря, требовалъ отъ него извѣстнаго вознагражденія. И выгода не была побудительной причиной дѣйствій только лишь финикійскаго купца, она оставалась и остается таковою же и вообще у купца до нынѣшнихъ дней. „Не его дѣло работать на пользу просвѣщенія; товары больше содѣйствуютъ образованности чѣмъ люди“ [1]). Стремленіе устранить другихъ отъ барышей путемъ полученія торговыхъ монополій обнаруживалось *всегда.* Въ настоящее же время созданіемъ синдикатовъ эта цѣль достигается еще въ большей степени, чѣмъ когда-либо. Секретныя торговыя операціи практикуются и въ новѣйшее время, примѣромъ чего являются дѣйствія американскихъ купцовъ въ торговлѣ съ Занзибаромъ въ 1814 г., когда вся слоновая кость шла въ Лондонъ черезъ Бостонъ [2]).

Торговля вообще не принадлежитъ къ числу занятій, развивающихъ лучшія человѣческія качества, она скорѣй способствуетъ развитію корыстолюбія. Купецъ, стремящійся лишь къ достиженію своихъ личныхъ выгодъ, болѣе чѣмъ человѣкъ какой-либо другой профессіи, подвергается искушенію не быть разборчивымъ въ средствахъ, т. е. поступать противъ нравственныхъ законовъ; онъ всегда стремится къ обезпеченію преимуществъ за собою въ ущербъ другимъ и старается совершенно устранить соперниковъ.

Это часто приводитъ къ жестокосердію и негуманности по отношенію къ менѣе сильнымъ и хитрымъ.

Всѣ эти недостатки въ рѣзко выраженной формѣ были присущи финикійцамъ и безъ того жестокимъ по природѣ, поэтому ихъ всѣ ненавидѣли и презирали. Но тѣмъ не менѣе финикійская торговля, какъ и всякая вообще, имѣла очень *большое* значеніе въ исторіи развитія народовъ. Приписывавшіяся часто прежде финикійцамъ науки и искусства, а равно астрономія, хронологія, алфавитъ, начертаніе цифръ,

---

[1]) Andree, см. гл. I, 20.
[2]) Andree, см. гл. I, 22

письменность и счетъ, мѣры, вѣса, монеты и т. п. въ дѣйствительности не были созданы ими, а лишь позаимствованы у халдеевъ и египтянъ. Но финикійцы разнесли эти знанія по всему извѣстному въ древности міру и тѣмъ способствовали просвѣщенію воспріимчивыхъ къ культурѣ народовъ, каковыми, напримѣръ, были греки. Финикійцы явились и распространителями всего морского дѣла, судостроенія и вооруженія кораблей, навигаціи и т. п. Этимъ можно объяснить то, что морское дѣло у всѣхъ культурныхъ народовъ древности имѣло очень много общаго, что доходило даже до такихъ мелочей, какъ одинаковое платье и головные уборы команды [1]). Подобнымъ же образомъ дѣятельность финикійцевъ появилась и въ распространеніи по всей южной Европѣ и сѣверной Африкѣ полезныхъ растеній, пшеницы, масличнаго дерева, винограда и фруктовыхъ деревьевъ, произраставшихъ въ Азіи, и въ распространеніи какъ произведеній мануфактуры и промышленности, напримѣръ, холста и другихъ тканей, металлическихъ издѣлій, такъ и самихъ отраслей промышленности, напримѣръ ткацкаго и красильнаго дѣла. Финикійцы являлись распространителями наукъ и искусствъ, а кромѣ того формъ государственнаго строя и религіозныхъ воззрѣній. Этимъ и объясняется то, что народы древности, имѣвшіе частыя сношенія съ финикійцами, имѣли много общаго съ ними въ области религіозныхъ воззрѣній: финикійскій Мелькартъ сходенъ съ Геркулесомъ, Астарта съ Афродитой и т. д. Совершенно иными остались воззрѣнія тѣхъ народовъ, которые не имѣли общенія съ финикійцами, напр. германцы.

Самый же родъ богопочитанія былъ у грековъ и финикійцевъ различнымъ. Насколько у грековъ религія дѣйствовала облагораживающе, смягчая нравы, настолько у финикійцевъ наблюдалось обратное: у нихъ при богослуженіяхъ имѣли мѣсто массовыя человѣческія жертвоприношенія и наказанія отличались необычайной жестокостью.

Финикійская морская торговля сыграла роль посредника въ дѣлѣ распространенія восточной культуры по всему извѣстному въ древности міру; слѣды этой культуры находятся повсюду, по нѣкоторымъ авторамъ настоящаго

---

[1]) Movers, см. гл. II, 3, стр. 153.

зрѣнія даже въ центральной Африкѣ. Указанное посредничество однако не было преднамѣреннымъ и культура проникала лишь вмѣстѣ съ предметами, служившими финикійцамъ въ качествѣ товаровъ, подобно тому какъ проникаютъ изъ одной мѣстности въ другую сѣмена растеній, случайно заносимыя птицами. Одинъ изъ предметовъ торговли *рабы*, продававшіеся финикійцами, способствовалъ проникновенію культуры болѣе, чѣмъ сами купцы.

Въ связи съ высокимъ состояніемъ мореплаванія, пиратство и работорговля были развиты у финикійцевъ болѣе чѣмъ у какого-либо другого народа, и въ этихъ занятіяхъ они проявляли больше ловкости и хитрости, чѣмъ кто-либо въ древности [1].

Благодаря финикійцамъ, въ видѣ рабовъ были переселены въ другія страны большія массы сирійцевъ, мидійцевъ, фригійцевъ, а также значительное число евреевъ и грековъ; всѣ они, сливаясь съ населеніемъ страны, въ которую попадали, вносили въ его среду свои искусства, знанія и религіозныя воззрѣнія. Ученые рабы часто примѣнялись въ качествѣ учителей и воспитателей, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, достигали вліянія и добивались хорошаго положенія на другихъ поприщахъ.

99. Колоніальная политика. Въ соотвѣтствіи съ торговымъ духомъ финикійцевъ находилась и ихъ *колоніальная политика*. Они отнюдь не стремились къ созданію новыхъ государствъ, а основывали лишь факторіи, служившія исключительно торговымъ цѣлямъ. Если туземцы оказывались сильными, то финикійцы обязывались выплачивать имъ извѣстныя суммы денегъ за право торговли, если же оные оказывались слабыми, они подчиняли ихъ себѣ и съ большимъ умѣніемъ приступали къ извлеченію всѣхъ возможныхъ выгодъ изъ страны. Такъ ими были основаны рудники на Кипрѣ, Тазосѣ и во Ѳракіи, приносившіе очень много мѣди и золота.

Другимъ основнымъ принципомъ ихъ колоніальной политики было не допускать въ свои колоніи иностранцевъ; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы только самимъ пользоваться колоніальными богатствами. Они не позволяли, напримѣръ, грекамъ селиться на Кипрѣ, этрускамъ на Кор-

---

[1] Одиссея XV, 402 и слѣд.

[illegible] въ отдаленныхъ колоніяхъ они опустошили широкую полосу земли вокругъ занятой области, чтобы жители колоній не имѣли общенія съ сосѣдями. Въ своихъ водахъ они всѣми силами препятствовали мореплаванію другихъ народовъ. Этимъ путемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, они удерживали грековъ отъ проникновенія въ сказочную страну Тарессъ (Андалузія), гдѣ они добывали необычайное количество серебра. Лишь въ 630 г. до Р. Хр. туда занесло бурею корабль грека съ Самоса, по имени Колаіоса, который нагрузивъ свой корабль серебромъ, по возвращеніи домой повѣдалъ своимъ соотечественникамъ о чудесной странѣ.

Приводимъ вкратцѣ исторію финикійскаго государства (Ханаанъ). Его географическое положеніе среди величайшихъ культурныхъ государствъ того времени, между Вавилономъ, Ассиріей, Лидіей и Персіей —съ одной стороны и Египтомъ— съ другой, было особенно выгодно для развитія торговыхъ сношеній, но въ то же время усложняло заботы о сохраненіи независимости. Для отраженія натисковъ сосѣднихъ властителей былъ необходимъ сплоченный, воинственный народъ, проникнутый независимымъ національнымъ духомъ. Такимъ государствомъ финикійцы никогда не были. 100. Исторія Финикіи. Карта № 4.

Главнѣйшіе города, какъ Сидонъ, Тиръ, Арадъ и въ древности Библъ (Джебалъ) были совершенно независимыми, управлялись самостоятельно аристократическимъ строемъ и были лишь въ союзѣ между собой, причемъ одинъ изъ городовъ игралъ руководящую роль. При такихъ условіяхъ оборона страны не была сильной, она безъ труда наводнялась нападавшими; города обычно сдавались добровольно или послѣ кратковременной осады и теряли свою независимость. На нихъ налагались громадныя контрибуціи и предъявлялось требованіе предоставлять свои суда въ распоряженіе побѣдителей. Только одинъ Тиръ неоднократно храбро защищался въ теченіе продолжительнаго времени.

Въ древнѣйшее время, по 1600 г. до Р. Хр. главное значеніе имѣли сѣверные города Беритъ (Бейрутъ) и Библъ (Джебалъ). Позднѣе руководящую роль сталъ играть Сидонъ, удержавшій ее за собою до 1100 г. до Р. Хр. За первые пять столѣтій были основаны многочисленныя колоніи въ греческомъ Архипелагѣ, на Черномъ морѣ и въ Ливіи. Около

1200 г. до Р. Хр. основаны были Тиръ, Гиппонъ (Бизерта) въ Африкѣ и другіе города. Проникновеніе финикійцевъ въ Западное море (западную половину Средиземнаго) объясняется тѣмъ, что къ этому времени они были вытѣснены изъ Архипелага и др. мѣстъ греками. Тиръ, быстро развившись, пріобрѣлъ съ 1100 г. руководящее значеніе и основалъ Гадесъ (Кадиксъ), Утику, Кароагенъ и т. д. При царѣ Гирамѣ I, современникѣ по Библіи царей Давида и Соломона, городъ достигъ своего наибольшаго расцвѣта; тирскіе зодчіе строили храмъ Соломона въ Іерусалимѣ, а самъ Гирамъ воздвигъ въ Тирѣ много грандіозныхъ построекъ.

Послѣ Гирама начались продолжительные безпорядки, послужившіе причиной переселенія въ 826 г. до Р. Хр. въ Кароагенъ принцессы Елиссы (Дидоны) съ ея несмѣтными богатствами и большей части аристократіи. Съ этого времени Кароагенъ быстро сталъ развиваться и вскорѣ сталъ самостоятельнымъ государствомъ въ Западномъ морѣ, тогда какъ Тиръ сталъ приходить въ упадокъ, но все же еще надолго удержалъ за собою руководящую роль. Первоначально расположенный на берегу материка противъ небольшого плоскаго острова, Тиръ былъ впослѣдствіи, для большей безопасности отъ нападеній перенесенъ на этотъ островъ. Въ 725 г. до Р. Хр. онъ подвергся осадѣ царя ассирійскаго Салманассара, длившейся три года, но не могъ быть взятъ силой, т. к. со стороны моря оставался открытымъ. Тогда Салманассаръ заставилъ Сидонъ и другіе уже покоренные имъ города предоставить ему для нападенія на Тиръ свои корабли числомъ 60 (или 16?), но царь тирскій Элулей разбилъ ихъ со своими всего лишь 12 кораблями въ первой морской битвѣ, о которой извѣстно исторіи. Этотъ примѣръ наглядно иллюстрируетъ значеніе *морской силы*. Тиръ выдержалъ осаду Навуходоносора, длившуюся въ теченіе 13 лѣтъ (съ 586 до 573 г. до Р. Хр.), но въ концѣ концовъ все же сдался. Впослѣдствіи, въ 332 г. до Р. Хр., страну покорилъ Александръ Великій, которому удалось овладѣть Тиромъ послѣ семимѣсячной осады, за время которой была насыпана соединительная дамба отъ материка къ острову, существующая и донынѣ. Это было концомъ политическаго значенія финикійцевъ; ихъ языкъ и они сами, какъ народъ, исчезли впослѣдствіи, не оставивъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Лишь

въ настоящее время найдено нѣсколько финикійскихъ надписей. Этотъ, думавшій лишь о матеріальныхъ выгодахъ и наслажденіяхъ, не одушевленный никакими высокими цѣлями и стремленіями, народъ, богато и разносторонне одаренный, успѣшно подвизавшійся на поприщѣ мореплаванія и торговли, не оставилъ никакого цѣннаго наслѣдія потомству.

Что касается судостроенія у финикійцевъ, то надо думать, что они первые стали дѣлать различіе между судами для военныхъ и коммерческихъ цѣлей. Ихъ торговые корабли были очень широкими и потому часто въ противоположность длиннымъ военнымъ судамъ назывались „круглыми" или „кадками" (γαῦλοι), борта были очень низкими въ средней части, но носъ и корма значительно возвышались надъ водой. Нѣкоторыя суда достигали весьма значительныхъ размѣровъ, такъ напримѣръ тарсійскіе корабли вмѣщали до 500—600 человѣкъ. Передвиженіе совершалось главнымъ образомъ при помощи парусовъ, но въ случаѣ надобности и при помощи веселъ. Для защиты отъ пиратовъ на корабли иногда брали воиновъ. Матеріаломъ для кораблей и ихъ мачтъ служилъ кедръ, весла же выдѣлывались изъ дуба. Позднѣе появился меньшій по размѣрамъ, но обладавшій большей быстроходностью типъ коммерческаго и транспортнаго судна. Суда этого типа несли на форштевнѣ носовое украшеніе въ видѣ конской головы и не то поэтому, не то—по имени ихъ изобрѣтателя Гиппоса назывались „конями" (ἵπποι). Еще за 400 лѣтъ до Р. Хр. Ксенофонтъ, упоминая о финикійцахъ, охарактеризовалъ ихъ, какъ прекрасныхъ моряковъ и съ похвалой отозвался объ образцовомъ порядкѣ на ихъ корабляхъ. **101. Судостроеніе финикійцевъ.**

Въ качествѣ военныхъ кораблей финикійцы примѣняли повидимому исключительно узкія и легкія *однорядныя*, т. е. съ однимъ лишь рядомъ веселъ, суда (униремы). Строились они изъ болѣе прочнаго чѣмъ кедръ кипарисоваго дерева и скрѣплялись мѣдными (во избѣжаніе ржавчины) гвоздями; днища вѣроятно тоже обшивались мѣдью для защиты отъ морской воды. Такелажъ выдѣлывался первоначально изъ тростника, а затѣмъ изъ папируса и изъ пеньки. Суда встрѣчались въ видѣ двухъ типовъ: тридцативесельныя (тріаконтеры—по 15 веселъ съ борта) и пятидесятивесельныя (пентеконтеры—по 25 веселъ съ борта). Эти суда удержались по 500 г. до Р. Хр. въ качествѣ линейныхъ кораблей, **102. Военныя суда финикійцевъ.**

а легкіе примѣнялись лишь въ передовыхъ отрядахъ и для развѣдочной службы.

Во дворцѣ царя Санхериба имѣется, относящееся къ 700 г. до Р. Хр., изображеніе (фиг. 5) финикійскаго корабля уже съ двумя рядами веселъ (греч. „діера“, лат. „бирема“). Рисунокъ этотъ хотя и выполненъ хуже, чѣмъ египетскій, который старше на 900 лѣтъ, но все же даетъ представленіе объ очертаніяхъ судна. Позднѣе финикійцы въ противоположность египтянамъ стали строить суда съ отвѣснымъ форштевнемъ, снабженнымъ на высотѣ ватерлиніи острымъ тараномъ, т. е. они начали примѣнять самый корпусъ судна въ качествѣ наступательнаго оружія, что внесло переворотъ въ морскую войну.

103. Историческое значеніе финикійцевъ. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что финикійцы сыграли *великую роль въ исторіи*, но не столько своими войнами, сколько мореплаваніемъ. Въ дѣлѣ мореплаванія и торговли они опередили всѣ другіе народы міра на нѣсколько столѣтій; они одни, не имѣя въ этомъ соперниковъ, посѣтили всѣ извѣстныя въ то время моря; вся морская торговля и большая часть сухопутной была монополизирована ими и принесла имъ неисчислимыя богатства. Тѣмъ не менѣе этотъ народъ, несомнѣнно богато одаренный, въ цѣломъ какъ таковой никогда не имѣлъ большого политическаго значенія.

Такъ же безшумно, какъ шло и ихъ распространеніе и ростъ ихъ богатства и могущества, финикійцы, потерявъ свою самостоятельность, сдѣлались вассалами чужеземныхъ властителей и наконецъ исчезли какъ народность, не оставивъ по себѣ потомству никакихъ памятниковъ, ни свѣдѣній о себѣ, ни воспоминаній. Послѣ нихъ не осталось ни одного памятника, въ родѣ оставшихся послѣ египтянъ и другихъ народовъ пирамидъ, дворцовъ, храмовъ, царскихъ гробницъ, изваяній и тому подобныхъ твореній, вызывающихъ у потомства удивленіе или признательность: ни одинъ изъ ихъ научныхъ трудовъ не дошелъ до насъ. Вмѣстѣ съ этимъ народомъ исчезъ и его языкъ; мы не имѣемъ ни одного памятника финикійской письменности [1]). Въ этомъ отношеніи финикійцы остались единственными въ своемъ родѣ.

---

[1]) Имѣются лишь сомнительные отрывки греческаго перевода сочиненій Санхуніатона; полное нѣмецкое изданіе Вогенфельда 1837 года оказалось поддѣлкой.

Разыскивая причины такого удивительнаго явленія, можно усмотрѣть ихъ въ томъ, что во всѣхъ дѣяніяхъ финикійцевъ отсутствовала высшая руководящая идея. Узкая любовь къ родинѣ была единственно замѣтнымъ у нихъ нравственнымъ началомъ; всѣ остальныя побужденія сводились лишь къ погонѣ за матеріальными благами и наслажденіями. Понятія объ истинѣ, добрѣ и красотѣ, стремленія къ наукамъ и искусствамъ, національное чувство, готовность жертвовать имуществомъ и жизнью для блага государства, родины— вообще идеальныя цѣли были чужды имъ. Поэтому деньги, обладающія такою силою, въ ихъ ловкихъ рукахъ оказались ничтожными для упроченія ихъ могущества.

Одно *богатство* не даетъ могущества, оно является лишь средствомъ къ тому и необходимымъ средствомъ, но при условіи разумнаго примѣненія этого средства. „Кто владычествуетъ на морѣ, тотъ владѣетъ и торговлей и въ его рукахъ всѣ сокровища міра, а слѣдовательно и самъ міръ",— такъ выразился сэръ Вальтеръ Ралей. Современная Англія— краснорѣчивое подтвержденіе этой мысли. *Владычествовать* на морѣ можно лишь при помощи *военнаго флота*.

Финикійцы же никогда не стремились къ такому истинному владычеству на морѣ. Наряду съ ихъ удивительной смѣлостью въ мореплаваніяхъ замѣчательно то, что у нихъ совершенно не было военнаго духа. Поэтому они никогда не рѣшались принести добровольную жертву на пользу родины, т. е. завести и содержать сильный флотъ, а заводили его лишь по принужденію своихъ покорителей. Войнъ наступательныхъ они не вели никогда. Несмотря на любовь къ родинѣ ни одинъ изъ второстепенныхъ городовъ никогда не приходилъ съ военными силами на помощь осажденному главному городу; даже въ дѣлѣ защиты родного города, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ они не проявляли большого упорства. Такъ, напримѣръ, они безъ замѣтнаго сопротивленія, о которомъ конечно до насъ дошли бы свѣдѣнія, отдали грекамъ свои многочисленныя богатыя владѣнія по побережью Архипелага и Чернаго моря. Исключеніемъ явился лишь Карѳагенъ, финикійская колонія въ западной части Средиземнаго моря, сыгравшая значительную роль въ политической исторіи. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Грубыя матеріальныя стремленія и чисто матеріальный, необлагороженный духъ финикійцевъ сказались въ ихъ отвратительныхъ обрядахъ при богослуженіяхъ, частью грубо безнравственныхъ, частью же ужасно жестокихъ, сопровождавшихся массовыми человѣческими жертвоприношеніями.

Финикійцы вполнѣ *заслужили* свою гибель, и ихъ трагическимъ удѣломъ было то, что несмотря на осторожное и тщательное скрываніе своихъ знаній и своихъ морскихъ путей, они сами воспитали на наиболѣе важномъ для нихъ поприщѣ—на морѣ—соперниковъ себѣ, грековъ.

104. Греки. Карта № 6. Подъ названіемъ „*Греція*" не слѣдуетъ понимать современное греческое королевство съ Іоническими и Цикладскими (Кикладскими) островами. Греція древнихъ временъ состояла, помимо этой территоріи, еще изъ всѣхъ острововъ Эгейскаго моря съ Критомъ и Родосомъ, всего западнаго побережья Малой Азіи къ югу отъ Геллеспонта (Дарданеллы), изъ македонскаго полуострова Халкидики на европейскомъ берегу, а также изъ сотенъ колоній, основанныхъ еще въ очень отдаленныя времена, во Өракіи, Пропонтидѣ (Мраморное море), на Понтѣ Евксинскомъ (Черное море) и на берегахъ Средиземнаго моря, начиная отъ Кипра и Египта вплоть до восточнаго побережья Испаніи. Отдѣльныя колоніи, напримѣръ Сиракузы, достигали большой силы и значенія. Но эта широко раскинутая сѣть колоній *никогда* не была цѣлымъ государствомъ.

105. Древнее время. Съ незапамятныхъ временъ на европейскомъ и азіатскомъ материкахъ обитали *пелазги*, народность родственная грекамъ. Финикійцы очень рано стали посѣщать греческое побережье и острова и основали тамъ много поселеній; кромѣ нихъ тамъ встрѣчалась еще одна народность именно карійцы (возможно, что они произошли отъ смѣшенія грековъ и финикійцевъ), представлявшіе собой отъявленныхъ морскихъ разбойниковъ и игравшіе когда то значительную роль на морѣ; они потеряли впрочемъ свое морское значеніе еще въ доисторическое время.

Греки, болѣе одаренная вѣтвь арійскаго, или индогерманскаго племени, обладавшая красивымъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ, постепенно переселились съ мало-азійской возвышенности на мѣсто своего позднѣйшаго жительства. Часть ихъ группами пробралась морскимъ путемъ на нѣкоторые

острова Архипелага и въ нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ въ Аттику и Арголиду, въ европейской части Греціи, при чемъ вытѣснила на своемъ пути финикійцевъ. Другая часть, переправившись черезъ проливы, на материкъ пришла сухимъ путемъ и заняла сѣверную Грецію, преимущественно полуостровъ Эпиръ, гдѣ древнее святилище Додоны стало ихъ религіознымъ центромъ.

Во второй половинѣ 12-го столѣтія до Р. Хр. нѣсколько племенъ, впервые назвавшихъ себя греками (Γραικοί), выселились оттуда первоначально въ Ѳессалію и Дориду въ средней Греціи, а затѣмъ по Ріумскому пути черезъ Ахайю въ Лакедемонію, завоевавъ которую они образовали Лакедемонское государство со столицею Спартой. Переселеніе продолжалось и далѣе на югъ черезъ море на острова Архипелага, Критъ и Родосъ и въ Галикарнасъ (Будрунъ). Слѣдствіемъ этого передвиженія были неоднократныя перемѣщенія другихъ племенъ, въ частности же переселеніе въ 1050 г. до Р. Хр. іонійцевъ и эолійцевъ изъ Аттики обратно на мало-азійскій берегъ. Его южная часть съ 12-ю вновь основанными городами, изъ которыхъ особенное значеніе пріобрѣли Милетъ и Ефесъ, получила названіе Іоніи, а сѣверная часть, тоже съ 12-ю городами—Эолиды. Этимъ закончилось крупное передвиженіе греческихъ племенъ; въ продолженіе всего историческаго времени они оставались на тѣхъ земляхъ, которыя заняли; мелкія же передвиженія грековъ при ихъ подвижности все-таки еще имѣли мѣсто.

Принято обычно говорить о „грекахъ“ такъ, какъ будто бы они представляли собой цѣлую, какъ народъ или государство, *единицу*; тогда какъ въ дѣйствительности этого никогда не было; наоборотъ, въ государственномъ смыслѣ греческія племена были очень разрознены.

Общимъ у нихъ былъ только *языкъ*, этотъ первый и старѣйшій признакъ народности; затѣмъ одинаковыя религіозныя воззрѣнія и опредѣленныя національныя черты характера, рѣзко отличавшія ихъ въ ряду другихъ современныхъ имъ народовъ. Даже въ строеніи ихъ языка замѣтны характерныя способности, острота мышленія и сила творчества, чувство порядка и закономѣрности, стремленіе къ опредѣленной дифференціаціи [1]); уже подраздѣленіе языка на три нарѣчія

[1]) Curtius. Peloponnes I, 21.

является показателемъ того, что съ самаго отдаленнаго времени греки уже не были однимъ цѣлымъ народомъ, а распадались на три вѣтви: дорическую, іоническую и эолійскую. Тѣмъ не менѣе языкъ былъ связующимъ всѣ три вѣтви между собою началомъ, и объединяющее значеніе его еще увеличилось съ распространеніемъ во второй половинѣ 10-го столѣтія до Р. Хр. въ Іоніи и Эолидѣ несравненныхъ гомеровскихъ поэмъ, пробудившихъ повсюду воодушевленіе и ставшихъ общимъ достояніемъ всей націи.

Общность религіозныхъ вѣрованій часто приводила къ заключенію между опредѣленными мелкими государствами своеобразныхъ, правда не очень тѣсныхъ, союзовъ (афмиктіоніи), цѣлью которыхъ было совершеніе болѣе торжественныхъ общихъ богослуженій божествамъ, признаваемымъ всѣми.

Такія религіозныя празднества, повторявшіяся черезъ опредѣленные промежутки времени—отъ 4 до 9 лѣтъ—и базировавшіяся на общности религіозныхъ воззрѣній, имѣли слѣдствіемъ введеніе общаго лѣтосчисленія, возникновеніе общей кассы храма и ея общаго управленія, а также обусловливали миръ между участвовавшими племенами въ теченіе всѣхъ празднествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ введеніемъ суда посредниковъ для участниковъ празднествъ, стали обязательными нѣкоторыя положенія, относившіяся къ области международнаго права: 1) ни одно изъ эллинскихъ племенъ не имѣло права разрушать до основанія поселеній другого и 2) ни у одного осажденнаго греческаго города не могла быть отведена вода. Такія постановленія не обязывали къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, не обезпечивали даже мира между греческими племенами, а лишь ослабляли нѣсколько жестокости войны и подчеркивали тѣмъ самымъ принадлежность къ одной народности. Важнѣйшимъ изъ этихъ союзовъ былъ дельфійскій, посвященный Аполлону, богу свѣта и облагораживающаго нравы искусства, возникшій въ эпоху переселенія дорянъ и сдѣлавшій Додону величайшей святыней грековъ. Въ результатѣ всего этого съ 600 годовъ до. Р. Хр. слово „э л л и н ы“ стало общимъ названіемъ греческаго народа; всѣхъ другихъ, не принадлежавшихъ къ ихъ племени греки называли варварами.

Подобнымъ же образомъ жители острововъ Арголійскаго и Сароническаго заливовъ, заключивъ м о р с к у ю а м ф и к-

тіонію, основали общую святыню на островѣ Калавріи (Поросъ); жители іоническихъ Цикладскихъ острововъ создали въ 800 г. до Р. Хр. подобную же общую святыню на островѣ Делосѣ; у жителей 12 іоническихъ городовъ Малой Азіи создался Паніоніонъ въ отрогахъ горъ Микале и т. д. [1]).

Подобное же вліяніе оказали атлетическія игры, пріуроченныя къ религіознымъ празднествамъ. Постепенное присоединеніе различныхъ племенъ къ происходившимъ каждые четыре года Олимпійскимъ играмъ въ Элидѣ, у древнѣйшаго въ Пелопоннесѣ святилища Зевса, имѣло громадное національное значеніе. Запись именъ побѣдителей на играхъ, вошедшая въ обычай съ незапамятныхъ временъ, стала производиться регулярно съ 776 года до Р. Хр.

Четырехлѣтніе промежутки между играми послужили основаніемъ для *историческаго лѣтосчисленія* грековъ и 776 годъ до Р. Хр. можно принять за начало греческой исторіи. **106. Лѣтосчисленіе.**

Несмотря на эти союзы, содѣйствовавшіе объединенію націи, необыкновенно сильно развитое у грековъ чувство самостоятельности, въ связи съ указанными выше качествами, способствовало дробленію грековъ на мелкія, иногда даже очень мелкія общины, которыя были совершенно независимыми и ни за какую цѣну не соглашались подчиниться отдѣльному государству или союзу. Этотъ въ высшей степени интенсивно проявлявшійся *партикуляризмъ*, не допускавшій сосредоточенія силъ всей націи даже въ случаяхъ самой крайней необходимости, послужилъ причиной того, что такой богато одаренный народъ, какъ греки, который могъ бы завладѣть всѣмъ міромъ, не достигъ большого политическаго вѣса.

Отсутствіе опредѣленныхъ сухопутныхъ границъ и договоровъ между отдѣльными государствами естественно вело, при такихъ условіяхъ, къ нескончаемымъ раздорамъ и даже кровопролитнымъ войнамъ, доходившимъ до порабощенія или полнаго истребленія побѣжденныхъ государствъ. Эта внутреняя разрозненность и непрестанныя междоусобицы въ связи съ возраставшей порчею нравовъ привели къ политическому упадку народа и подчиненію его единой и организованной власти болѣе слабаго македонскаго царства.

---

[1]) Busolt, см. гл. I, 183 и 212.

Въ частности такая разрозненность грековъ, пока имъ еще не угрожали сильные сосѣди на материкѣ, даже принесла извѣстные хорошіе плоды. Мужество и храбрость были присущи грекамъ отъ природы; качества эти могли только развиваться въ условіяхъ тогдашней жизни греческихъ государствъ, когда каждый свободный гражданинъ принималъ активное участіе въ государственной жизни и считалъ своимъ долгомъ жертвовать для блага и независимости родины всѣмъ, не исключая жизни. Поэтому физическое развитіе и умѣнье хорошо владѣть оружіемъ были цѣлью и гордостью каждаго грека. Между мужчинами шло вѣчно соревнованіе въ этомъ, воспитывавшее воинственный духъ народа. Оно перешло въ соревнованіе между общинами или государствами, и постоянное взаимное общеніе между ними вліяло на политическое, научное, литературное и художественное развитіе всего греческаго народа, которому потомство такъ благодарно за геніальныя произведенія, покрывшія навѣки грековъ той эпохи неувядаемой славой.

107. Географическое положеніе. Географическое положеніе Греціи не мало способствовало осуществленію и безъ того рѣзко проявлявшагося стремленія грековъ къ созданію отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ.

Значительное число островковъ, масса глубоко врѣзавшихся въ берегъ бухтъ и заливовъ, отдѣлявшихъ одну область отъ другой и затруднявшихъ въ то время доступъ въ эти области, и горы, отдѣлявшіе европейскую Грецію отъ материка,—все это способствовало безопасности отдѣльныхъ государствъ. Полуостровъ Эпиръ расположенный къ востоку отъ Ѳессаліи, весь изрѣзанный высокими горными хребтами и глубокими ущельями, считался совершенно недоступнымъ для войскъ. Отъ раздѣлявшаго эти области, горнаго хребта Пинда (2200 метр. высоты), и его продолженія на югъ къ Эгейскому морю идутъ три непроходимыхъ отрога. Черезъ самый сѣверный изъ нихъ, отдѣляющій Македонію отъ Ѳессаліи и оканчивающійся почти у самаго моря Олимпомъ, около 3000 метровъ высотою, имѣется только одинъ проходъ въ Темпейской долинѣ, если не считать трехъ тропинокъ, доступныхъ лишь для вьючныхъ лошадей. Второй отрогъ— Отрійскій хребетъ имѣетъ тоже только одинъ горный проходъ на высотѣ 800 метровъ, и наконецъ третій—самый

южный Отійскій хребетъ въ 2150 метровъ высотою круто спускается къ Маліакскому заливу, оставляя лишь узкій (въ прежнее время) Өермопильскій проходъ, шириною въ одну колею. Кромѣ этого прохода, существовала лишь одна горная тропинка черезъ хребетъ. Такимъ образомъ доступъ войскъ въ страну былъ сильно затрудненъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ легко можно было отразить непріятеля, даже превосходившаго грековъ по своимъ силамъ.

На сѣверѣ Өракію и Македонію населяли въ то время воинственныя, но дикія племена, наступленія которыхъ нечего было опасаться; нападенія съ моря также нельзя было ожидать, потому что единственный народъ, занимавшійся въ широкихъ размѣрахъ мореплаваніемъ, — финикійцы не обладали воинственнымъ духомъ.

Средняя Греція (Эллада) и Пелопоннесъ настолько изрѣзаны высокими горами (какъ напримѣръ Парнасомъ въ 2500 мт. высотою и Килленами въ Ахайѣ около 2375 мт. высотой), что вся страна является подобіемъ шахматной доски [1]), состоящей изъ возвышенностей, низменностей и ущелій, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Такое различіе въ физическихъ условіяхъ отдѣльныхъ областей средней Греціи воздѣйствовало различнымъ образомъ на ея населеніе, вліяя различнымъ образомъ на способы обработки земли и другія занятія жителей. Все это отражалось на развитіи государственной жизни, при чемъ близкое сосѣдство побуждало греческія племена къ заимствованіямъ другъ у друга. Это послужило причиной того, что присущія грекамъ физическая и духовная подвижность и стремленіе къ созидательной дѣятельности достигли своего наибольшаго развитія.

Несмотря на національную гордость и чувство собственнаго достоинства, греки не были настолько ограниченными, чтобы отрицать все хорошее только потому, что оно исходитъ отъ чужихъ (варваровъ). Ихъ гибкій и воспріимчивый умъ легко усваивалъ все, что имъ нравилось, или обѣщало быть полезнымъ, но они никогда не примѣняли ничего воспринятаго механически, но всегда сообразовались съ благороднымъ духомъ и условіями своей жизни. Отъ старѣйшаго культурнаго народа, именно отъ финикійцевъ, за- **108. Воспріимчивость.**

---

[1]) Naumann—Partsch 155.

*

несшихъ къ нимъ знанія египтянъ и халдеевъ и произведенія Азіи и Африки, они восприняли очень многое, несмотря на то, что считали ихъ обманщиками и разбойниками и питали къ нимъ отвращеніе и презрѣніе. Отъ нихъ греки переняли начертаніе буквъ и цифръ, мѣры вѣса и монетную систему, ткацкое и красильное искусство, кораблестроеніе и мореходство, способы постройки гаваней и дорогъ и т. п.; финикійцами же были занесены въ Грецію и культурныя растенія: виноградная лоза и масличное дерево, смоковница и другія плодовыя деревья, лавръ и миртъ, платанъ и т. п. При заботливомъ и умѣломъ уходѣ всѣ эти растенія, даже финиковая пальма, отлично привились въ благодатномъ климатѣ средней и южной Греціи; благодаря трудолюбію греческаго народа вино и масло очень скоро стали цѣнными предметами вывоза.

Вмѣстѣ съ культурными растеніями, посвященными финикійскимъ и восточнымъ божествамъ, въ Грецію проникли и эти послѣднія (Паллада вмѣстѣ съ масличнымъ деревомъ, Аполлонъ вмѣстѣ съ лавромъ). Эти божества были эллинизированы, и такимъ образомъ возникла греческая религія. Тирійскій Мелькартъ превратился въ Геркулеса, сидонская Астарта—въ Афродиту, грубыя человѣческія жертвоприношенія и безнравственные обряды при богослуженіяхъ были упразднены и уступили мѣсто красивымъ торжественнымъ празднествамъ; слѣды послѣднихъ сохранились въ Коринѳѣ, расположенномъ между двумя морями, особенно доступномъ для мореплавателей.

109. Спарта и Аѳины. Изъ ряда многочисленныхъ греческихъ самостоятельныхъ общинъ и государствъ выдвинулись только Спарта и Аѳины, являвшіяся представителями дорическаго и іоническаго племенъ, и сумѣвшія удержать подъ своею властью значительныя территоріи. Игравшіе значительную роль въ этихъ государствахъ свободные граждане сохранили всю чистоту племени, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ грекамъ, смѣшавшимся между собою и даже съ варварами (не греками), какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ Малой Азіи. Поэтому спартанцы и аѳиняне рѣзко различались между собой своими племенными особенностями, и ихъ государственная жизнь вылилась въ соотвѣтствующія ихъ духу формы, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга. Спарта владѣла

завоеванной ею Лакедемоніей, къ которой послѣ продолжительной войны присоединила въ VIII вѣкѣ до Р. Хр. Мессенію. Аѳины были расположены на отдѣленной отъ Беотіи высокими горными хребтами Аттикѣ—полуостровѣ, который былъ единственнымъ во всей Греціи мѣстомъ, незатронутымъ непосредственно переселеніемъ дорянъ.

110. Государственное устройство Спарты.

Ко временамъ Гомера монархическая власть, встрѣчавшаяся ранѣе во всѣхъ государствахъ Греціи, исчезла повсемѣстно за исключеніемъ Спарты. Въ послѣдней же привилась совершенно особая форма правленія, во главѣ которой одновременно стояли два равноправныхъ наслѣдственныхъ царя, что естественно вело къ постояннымъ недоразумѣніямъ и почти непрекращавшимся междоусобицамъ въ странѣ. Конецъ этому положило въ IX вѣкѣ до Р. Хр., т. е. еще до начала греческой исторіи, законодательство Ликурга, внесшее въ страну миръ и давшее ей конституцію, которая и удержалась въ продолженіе семи вѣковъ лишь съ небольшими измѣненіями, соотвѣтствовавшими духу времени. Въ теченіе такого длиннаго промежутка времени не продержалась ни одна конституція, за исключеніемъ англійской.

На ряду съ двумя царями на верху управленія стоялъ государственный совѣтъ или совѣтъ старѣйшинъ, состоявшій изъ 28 выбираемыхъ пожизненно членовъ въ возрастѣ свыше 60 лѣтъ. Они выполняли функціи полководцевъ въ военное время, несли обязанности жрецовъ, обладали извѣстными судебными правами, а также правомъ созыва народнаго собранія и вѣдали иностраннымъ представительствомъ. Однако ихъ власть постепенно стала ограничиваться *эфорами* (наблюдающими). Эти послѣдніе, выбиравшіеся ежегодно въ числѣ пяти человѣкъ, являлись высшей полицейской властью, впослѣдствіи стали на стражѣ конституціи и имѣли право привлекать къ отвѣту царей и обвинять ихъ передъ совѣтомъ старѣйшинъ. Эфоры сопровождали царей во время войны, вѣдали внѣшней политикой, разрабатывали законопроекты и вносили ихъ на обсужденіе гражданъ, однимъ словомъ постепенно стали центромъ государственной жизни.

Основой государства была община съ аристократическимъ строемъ. Послѣ покоренія Лакедемоніи плодоносная равнина, орошаемая рѣкой Эвротомъ, была раздѣлена на 4.500 равныхъ частей, распредѣленныхъ между завоевателями дорянами, но

не въ видѣ собственности, а лишь въ аренду отъ государства для обработки. Ихъ нельзя было ни продавать, ни дробить на части, ни дарить. Въ случаѣ отсутствія мужскихъ наслѣдниковъ, вопросъ о дальнѣйшемъ владѣніи рѣшали цари. Этотъ неизмѣнный законъ о землевладѣніи былъ краеугольнымъ камнемъ спартанской конституціи [1]). Владѣющіе землей, т. е. матеріально обезпеченные дорическіе воины, спартанцы, являлись правящимъ классомъ и имѣли большое вліяніе на правительство и законодательную власть, рѣшая вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи союзовъ, о законопроектахъ, и участвуя въ выборахъ членовъ совѣта старѣйшинъ и остальныхъ должностныхъ лицъ.

Это вліяніе ограничивалось однако въ значительной степени самой формою, въ которую выливалось ихъ участіе въ дѣлахъ государства. Каждое полнолуніе цари созывали общее собраніе гражданъ, происходившее на открытомъ воздухѣ. Никакихъ дебатовъ не полагалось и внесенныя предложенія безъ всякихъ поправокъ принимались или отвергались, не по подсчету голосовъ, а по восклицаніямъ большинства.

Главная цѣль законодательства Ликурга заключалась въ томъ, чтобы создать изъ спартанцевъ лучшихъ воиновъ въ мірѣ; поэтому воспитаніе дѣтей мужского пола съ раннихъ лѣтъ было строго военнымъ. Дѣти слабаго тѣлосложенія попросту подкидывались или отдавались въ семьи низшихъ классовъ. Начиная съ семилѣтняго возраста, воспитаніе ребенка велось государствомъ на счетъ послѣдняго. Молодые люди, согласно ихъ выбору, разбивались на группы по 15-ти человѣкъ, имѣвшихъ общій столъ; внутренній распорядокъ этихъ группъ носилъ чисто военный характеръ. Обученіе и образъ жизни были пріурочены къ будущей военной дѣятельности питомцевъ и характеризовались простотой, строгой дисциплиной, закаливаніемъ тѣла и упражненіями съ оружіемъ. Спарта, будучи не укрѣпленнымъ городомъ, а широко раскинутой, открытой деревней, болѣе всего походила на военный лагерь, изъ котораго никто не смѣлъ отлучаться. Выселеніе изъ Спарты было равносильно дезертирству и каралось смертной казнью. Выходы изъ долины Эврота охранялись часовыми. Путешествовать спартанцы

---

[1]) Busolt, см. гл. I. 100.

также не могли, за неимѣніемъ иныхъ денегъ кромѣ желѣзныхъ монетъ, не имѣвшихъ цѣны въ другихъ странахъ; обладаніе золотомъ и серебромъ спартанцамъ запрещалось, равно какъ и занятіе ремеслами и торговлей. Занятіе музыкой и поэзіей было регламентировано правительствомъ. Воспитаніе являлось исключительно односторонне-военнымъ, въ ущербъ общему развитію, и продолжалось до 30-го года. По достиженіи этого возраста, спартанецъ пріобрѣталъ права гражданина, если обладалъ достаточными средствами для уплаты правительству своего пая натурой на общій столъ и т. п.

Поля спартанцевъ воздѣлывались покоренными ими прежними жителями страны т. н. илотами, обязанными уплачивать часть урожая своимъ властителямъ. Илоты были почти безправны и единственнымъ ихъ преимуществомъ было то, что они не могли продаваться хозяевами, хотя жизнь ихъ и находилась всецѣло въ зависимости отъ усмотрѣнія эфоровъ. Благодаря этому, илоты каждую минуту были готовы къ возстанію и требовали самаго строгаго присмотра со стороны спартанцевъ. Въ мирное время оружіе имъ совсѣмъ не довѣрялось, въ военное время они выступали на сушѣ легко вооруженными, а на морѣ—гребцами.

Многочисленный средній классъ былъ представленъ періэками (окрестные жители), населявшими менѣе плодородныя земли за долиной Эврота; они воздѣлывали ихъ лично для себя и, помимо того, занимались ремеслами и торговлей. Періоки были обязаны нести службу въ войскахъ и набирались туда въ значительномъ количествѣ. Въ первое время они служили въ качествѣ легковооруженныхъ и гребцовъ, а позднѣе, когда число спартанцевъ уменьшилось, въ качествѣ и тяжеловооруженныхъ (гоплитовъ). Власть спартанцевъ была тяжела и для нихъ.

111. Армія и флотъ.

Число спартанцевъ послѣ завоеванія ими Мессеніи и распредѣленія въ ней, какъ и въ Лакедемоніи, земельныхъ участковъ достигало 9.000 человѣкъ, позднѣе же оно сильно уменьшилось: въ 500 г. до Р. Хр. ихъ армія состояла изъ 12 лохъ (баталіоновъ) по 500 чел. каждая, т. е. всего изъ 6.000 человѣкъ. Къ *флоту* Спарта проявляла мало интереса, поэтому число кораблей было не велико; военный портъ находился въ Гитеумѣ въ Лаконскомъ заливѣ. Ихъ войско,

несмотря на то, что ему не удалось овладѣть Аркадіей, считалось самымъ лучшимъ и обезпечивало Спартѣ первое мѣсто не только въ Пелопоннесѣ, но и во всей Греціи.

112. Пелопоннесскій союзъ. Благодаря превосходству военныхъ силъ Спарты всѣ пелопоннесскія государства, за исключеніемъ Арголиды, уже издавна признали ея главенство и предоставляли въ ея распоряженіе свои войска; такое соотношеніе извѣстно подъ именемъ *Пелопоннесскаго союза*. Однако этотъ союзъ не былъ тѣснымъ. Когда въ 480 году до Р. Хр. всей странѣ угрожало нашествіе Ксеркса, союзники не обнаружили никакой сплоченности. Войска всѣхъ участниковъ союза собрались лишь передъ Саламинской битвой подъ воздѣйствіемъ Ѳемистокла, но уже при Платеѣ въ 479 г. до Р. Хр. отсутствовали войска Элиды и Аркадіи. Лакедемонская гегемонія покоилась на непрочномъ основаніи, что особенно сказалось во время походовъ за Коринѳскій перешеекъ.

113. Аѳины. Полуостровъ Аттика, единственная земля въ европейской Греціи, населенная іоническимъ племенемъ, имѣетъ скалистый по большей части грунтъ, покрытый лишь тонкимъ слоемъ земли. Поэтому хлѣбъ не можетъ произрастать въ количествѣ достаточномъ для прокормленія всего населенія, но зато тамъ съ успѣхомъ культивируются виноградная лоза, масличное, фиговое и т. п. деревья. Въ теченіе почти круглаго года (336 дней) небо ясно, солнце свѣтитъ непрерывно [1]). Лѣто сухо и жарко, дожди перепадаютъ только зимою. Поэтому Аѳины по справедливости называются „солнечными“: ихъ прекрасный климатъ сказался на жителяхъ, которые обитали почти подъ открытымъ небомъ и были неприхотливы. Климатъ обостривъ ихъ умъ, придалъ имъ духовную и физическую свѣжесть и подвижность, а также сдѣлалъ ихъ въ высшей степени воспріимчивыми къ красотѣ формъ.

114. Старый государственный строй Аѳинъ. Первоначально существовало нѣсколько (12) самостоятельныхъ общинъ Аттики, которыя еще въ эпическое время были соединены героемъ Тезеемъ подъ гегемонію Аѳинъ: высоко расположенныя укрѣпленія (Акрополь) этого города съ его святынями стали центромъ государства. Семьи старинной знати (евпатриды) переселились туда; ихъ старанія

---

[1]) Naumann—Partsch, 24.

мало по малу привели къ ограниченію царской власти и къ введенію республики. Главою государства сдѣлался архонтъ, который выбирался изъ ихъ среды сперва пожизненно, а съ 753 г. до Р. Хр. лишь на десятилѣтній срокъ: съ 682 г. до Р. Хр. во главѣ государства были поставлены въ качествѣ руководящей власти 9 архонтовъ, выбираемыхъ изъ числа евпатридовъ на одинъ годъ, и государственный совѣтъ изъ 51 члена, принадлежавшихъ къ старинной знати. Члены государственнаго совѣта (эфеты) несли обязанности судей и вмѣстѣ съ архонтами составляли высшее судилище—ареопагъ [1]). Народъ сохранилъ свое старое дѣленіе на 4 филы (колѣна).

Въ VIII и VII вѣкахъ до Р. Хр. произошли крупныя экономическія перемѣны, вызванныя мореплаваніемъ и торговлей, которыя оказали большое вліяніе на жизнь Аѳинъ. Развитію греческаго судоходства очень благопріятствовали географическое положеніе и климатическія условія Греціи: именно обиліе острововъ, глубокіе заливы, большое число закрытыхъ бухтъ и гаваней, хорошая погода съ весны до осени, дующіе все лѣто сѣверные вѣтры (этезіи) [2]) часто свѣжіе днемъ, но стихающіе къ вечеру, и правильные бризы, а также благопріятная для мореплаванія прозрачность воздуха. Высокіе острова въ Эгейскомъ морѣ на пути изъ Греціи въ Малую Азію даютъ возможность легко опредѣлять свое мѣсто, такъ какъ все время берега не теряются изъ виду. Греки, уже издавна занимавшіеся судоходствомъ, хотя и въ очень небольшихъ размѣрахъ, переняли искусство судостроенія и мореплаванія отъ финикійцевъ. При своихъ способностяхъ они скоро догнали своихъ учителей, но все же уступали послѣднимъ въ искусствѣ кораблестроенія и смѣлости; они очень рѣдко выходили за предѣлы Геркулесовыхъ Столбовъ, и по ихъ собственному признанію, финикійцы остались на первомъ мѣстѣ во всемъ, что касалось морского дѣла. 115. Мореплаваніе грековъ.

Лишь одинъ разъ, уже позднѣе, въ эпоху Александра Великаго, грекомъ изъ Массиліи (Марселя) Питеемъ была предпринята крупная и смѣлая экспедиція съ научной цѣлью.

---

[1]) Busolt, см. гл. I, 418.
[2]) Mediternanean Pilot IV, 5.

Предполагая, что земля шарообразна, онъ рѣшилъ проникнуть за полярный кругъ, гдѣ не заходитъ солнце. Такъ далеко онъ разумѣется не дошелъ, тѣмъ не менѣе онъ прошелъ Ирландскимъ моремъ до Шотландскихъ острововъ и вернулся обратно черезъ Сѣверное море и Англійскій каналъ, посѣтивъ, вѣроятно въ цѣляхъ отысканія янтаря [1]) нынѣшнее нѣмецкое побережье Сѣвернаго моря. Это плаваніе во всякомъ случаѣ можно считать выдающимся.

Склонность къ мореплаванію не была одинакова у всѣхъ греческихъ племенъ. Въ Троянскомъ походѣ всѣ племена были посажены на крупныя, еще не виданныя до тѣхъ поръ суда, вмѣщавшія отъ 50 до 120 человѣкъ. Во времена историческія уже можно прослѣдить различіе между племенами въ ихъ отношеніи къ морю. Изъ дорическихъ государствъ наиболѣе склоннымъ къ судоходству оказался Коринѳъ, лежавшій между двумя морями, а равно его сосѣди Мегара и Сикіонъ и острова Эгина и Коркира (Корфу). Изъ эолійскихъ—12 городовъ въ Малой Азіи. Лучшими же *греками—мореплавателями* были все-таки іонійцы, жившіе въ Малой Азіи, а также на островахъ и въ Аттикѣ. Въ качествѣ торговыхъ кораблей они примѣняли круглыя суда (*στρογγύλα πλοῖα*), преимущественно парусныя, въ качествѣ военныхъ длинныя гребныя суда (*μακραὶ νῆες*). Эти послѣднія почти до 500 г. до Р. Хр. были однорядными (униремы), тридцативесельными (тріаконтеры) и пятидесятивесельными (пентеконтеры). Изъ послѣдняго типа судовъ преимущественно состоялъ флотъ Поликрата [2]), владѣвшаго моремъ въ 530 году до Р. Хр., а также и болѣе мелкіе флоты Эгины [3]) и другихъ государствъ. Вооруженіе состояло изъ одной мачты съ реемъ. Торговыя суда иногда достигали значительныхъ размѣровъ.

116. Способы мореплаванія. Пріемы судоходства были самыми примитивными, благодаря отсутствію картъ, лоцій, маяковъ, знаковъ, компаса, лага и другихъ инструментовъ подобнаго рода. Единственнымъ мореходнымъ инструментомъ, которымъ располагали древніе мореплаватели былъ лотъ. Опредѣлялись по знако-

---

[1]) Müllenhof. 312 и слѣд.

[2]) Herodot, см. гл. III, 39.

[3]) Thucyd., см. гл. I, 14.

мымъ берегамъ или по приблизительному подсчету пройденнаго пути, а ночью въ открытомъ морѣ по звѣздамъ. Опредѣленіе курса было также очень не точно. Для раздѣленія горизонта и опредѣленія направленія вѣтра первоначально различали четыре координальныхъ пункта востокъ, западъ, сѣверъ и югъ; ко времени первой Олимпіады (776 г. до Р. Хр.) къ нимъ прибавили еще 4 румба, соотвѣтствовавшихъ точкамъ восхода и захода солнца въ дни солнцестоянія. Эти точки, принимая во вниманіе, что широта Средиземнаго моря около 36°, отстояли на 30° къ сѣверу и югу отъ востока и запада [1]). Такое дѣленіе горизонта на восемь частей удержалось по 400 г. до Р. Хр., когда къ нимъ прибавили еще 4 румба, отстоявшихъ на 30° по обѣ стороны отъ сѣвера и юга; такимъ образомъ горизонтъ былъ раздѣленъ на 12 равныхъ частей по 30° каждая.

Торговыя суда въ значительной степени, а крупныя изъ нихъ даже исключительно, зависѣли отъ вѣтра. Суда безъ килей и съ малой парусностью не могли ходить круто противъ вѣтра, ихъ дрейфовало очень сильно даже при галфвиндѣ. Этимъ объясняется то мало вѣроятное въ наше время явленіе, что суда часто заносило въ другую сторону, какъ это было напримѣръ съ Колаемъ въ Тарсисѣ и съ другими. Безпомощность судовъ въ дурную погоду ограничивала время судоходства лишь лѣтними мѣсяцами, т. е. періодомъ отъ середины марта до конца октября, когда стояла хорошая погода. Въ періодъ отъ начала ноября до середины марта судоходство прекращалось: суда выходили изъ гаваней лишь въ случаѣ крайней необходимости.

При наличіи такихъ средствъ успѣхи мореплаванія древнихъ, исходившихъ все Средиземное море и достигавшихъ на востокѣ Индіи, а на западѣ Генуезскаго залива и Англіи, надо признать прямо изумительными. Скорость передвиженія ихъ судовъ и ихъ плаваній нельзя, однако, считать незначительными, особенно же, если принять во вниманіе зависимость этихъ послѣднихъ отъ господствующихъ вѣтровъ и отъ знанія мѣстности.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ не настолько точны, чтобы можно было сдѣлать вѣрные выводы. Такъ,

---

[1]) Breusing. Nautik, 25.

напримѣръ, на переходъ изъ Суеца до Бабъ-эль-мандебскаго пролива на большомъ торговомъ кораблѣ по страшному въ то время Красному морю требовалось около 30 дней, и далѣе до Малабарскаго берега дней 40, что давало среднюю скорость 2.5 узла. Разстояніе въ 810 миль отъ Карѳагена до Гибралтара по прямой линіи при знакомой дорогѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ проходилось въ 7 дней, то есть въ среднемъ со скоростью въ 4.8 узла.

У Геродота [1]) есть указанія на еще большую среднюю скорость. У него говорится о переходѣ въ 700 стадій (70 миль) за день и въ 600 стадій (60 миль) за ночь, то есть въ среднемъ со скоростью 5,4 узла. По всѣмъ вѣроятіямъ эти данныя относятся къ гребнымъ судамъ. Быстроходныя гребныя суда развивали еще большую скорость, такъ, напримѣръ, милетскій 50-ти весельный корабль прошелъ разстояніе въ 520 миль изъ Лампзака на Геллеспонтѣ до Спарты (Гитеумъ) въ три дня [2]), что даетъ среднюю скорость въ 7.2 узла.

Успѣхи древнихъ мореплаваній можно считать не меньшими, чѣмъ успѣхи паруснаго флота въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. При этомъ надо еще принять во вниманіе, что древніе въ открытомъ морѣ и при облачномъ небѣ почти совсѣмъ не могли держаться на курсѣ. V вѣкъ до Р. Хр. надо считать расцвѣтомъ древняго мореплаванія; въ послѣдующіе вѣка, съ паденіемъ Финикіи и Греціи, оно стало приходить въ упадокъ и скорость переходовъ сильно уменьшилась.

117. Торговля. Географическое положеніе Греціи и характеръ ея жителей одинаково благопріятствовали развитію мореплаванія и торговли, въ особенности же *морской торговли*. Море было ихъ родной стихіей [3]). Подобно всѣмъ плававшимъ на морѣ народамъ, они въ доисторическія времена занимались повидимому морскимъ разбоемъ. Въ торговлѣ ихъ учителями съ самаго начала были финикійцы. Въ этомъ дѣлѣ греки оказались очень понятливыми учениками, хотя, какъ и въ искусствѣ мореплаванія, они не сравнялись съ учителями [4]).

---

[1]) Herodot. см. гл. IV, 86.
[2]) Xenophon. Historia graeca, II, 1.30.
[3]) Ranke, см. гл. I.
[4]) Scherer. Allgemeine Geschichte des Welthandels I, 86.

дурныя черты финикійскихъ торговцевъ, за которыя греки ихъ презирали, были переняты ими самими очень скоро. Разницы въ солидности и честности между греками и финикійцами не было никакой. По отзыву Демосѳена, предпріимчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ честный купецъ былъ чудомъ [1]).

Въ виду этого, торговля у грековъ была запрещена подъ страхомъ наказанія, но тѣмъ не менѣе ею занимались явно или тайно даже такіе почтенные и выдающіеся люди какъ Солонъ, Платонъ, Гиппократъ, Ѳалесъ и Зенонъ. Стремленія къ наживѣ были сильнѣе предубѣжденій. Несомнѣнно однако то, что въ Греціи особенно въ Аѳинахъ, о которыхъ мы имѣемъ больше всего свѣдѣній, торговля дѣйствовала деморализующе на и безъ того слабую нравственность населенія.

Мало-азійскіе греки получали продукты Азіи частью моремъ отъ финикійцевъ, частью же сухимъ путемъ черезъ сосѣднія страны Лидію и Фригію, откуда и подвозили ихъ къ морю. Изъ Лидіи же они впервые получили чеканную монету—основу всякой правильной торговли. Въ 700 году до Р. Хр. первый изъ греческихъ городовъ городъ Фокея отчеканилъ монету. На ней былъ изображенъ, въ видѣ городского герба, тюлень (φώκη). Іоническіе города, въ особенности Милетъ, были первыми греческими городами, достигшими богатства и расцвѣта, благодаря торговлѣ и первыми начали обширную колонизацію, разнесшую греческую культуру по всему побережью Средиземнаго моря. Среди островныхъ грековъ своимъ участіемъ въ торговлѣ въ сѣверной части Архипелага выдѣлились лемносцы, а въ южной до Крита и Элиды—эгиняне, которые значительно раньше остальныхъ грековъ обнаружили склонность къ торговлѣ; изъ береговыхъ греческихъ государствъ выдѣлился получившій названіе „богатаго“ Коринѳъ [2]), который благодаря своему выгодному географическому положенію, поддерживалъ сухопутную торговлю съ Пелопоннесомъ и въ то же время былъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ Западной Греціей и Италіей. Коринѳъ былъ центромъ, гдѣ быстро расцвѣло и искусство, и являлся очень оживленнымъ государствомъ; число однихъ рабовъ дости-

---

[1]) Hüllmann. Handelsgeschichte der Griechen, 156.
[2]) Thuxyd., въ англійскомъ переводѣ Jowett'a, I, 13.

гало въ немъ 460.000 человѣкъ. Пелопоннесъ [1]) при наличіи спартанскихъ воззрѣній, принималъ очень незначительное участіе въ торговлѣ и промышленности. Тѣмъ не менѣе въ 670 году до Р. Хр. при царѣ Арголиды Ѳейдонѣ были отчеканены первыя въ европейской Греціи монеты и установлены мѣры и вѣса.

118. Предметы торговли. *Предметы торговли*, вывозимые изъ Греціи, состояли преимущественно изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ а также изъ произведеній искусства и промышленности. Изъ первыхъ главное мѣсто занимало вино [2]), выдѣлка котораго была очень распространена: въ то время уже существовало нѣсколько сортовъ вина, изъ которыхъ особенно цѣнились вина съ острововъ, какъ, напримѣръ, хіосское. Вино разливалось въ мѣха, кувшины и бочки. Второе мѣсто занимало оливковое масло, лучшіе сорта котораго, равно какъ медъ и фиги, добывались въ Аттикѣ. Кромѣ этого предметами вывоза служили различные фрукты, миндаль, каштанъ, айва и т. п., цѣлебныя травы и коренья, пенька, и ленъ, овечья шерсть, звѣриныя шкуры, соленая рыба, соль, сѣра, драгоцѣнные и простые камни и металлы, оружіе, доспѣхи, мѣдныя и гончарныя художественныя подѣлки изъ Коринѳа, Аттики и другихъ областей.

Главными предметами ввоза безъ сомнѣнія были рабы. Это объясняется тѣмъ, что даже такіе авторитеты, какъ Сократъ и Аристотель [3]) утверждали, что праздность есть величайшее благо свободнаго гражданина и что работа есть удѣлъ рабовъ. Поэтому, какъ уже упоминалось раньше, число послѣднихъ было очень велико. Изъ прочихъ предметовъ ввоза особенно цѣнился янтарь. Судя по раскопкамъ царскихъ могилъ въ Микенахъ, онъ встрѣчался въ большомъ количествѣ уже въ 1100 году до Р. Хр. Недавнія находки греческихъ монетъ въ Шубинѣ близъ Бромберга подтверждаютъ предположеніе, что греки вывозили янтарь сухимъ путемъ съ Янтарнаго берега къ Черному морю [4]). Уже перечисленные раньше товары Индіи, Эѳіопіи и Востока, олово изъ Англіи и хлѣбъ, въ которомъ Аттика все болѣе

[1]) Hüllmann, см. 43 и слѣд.
[2]) Hüllmann, см. 15 и слѣд.
[3]) Hüllmann, см. 50 и 57.
[4]) Von Sadowski. Handelsstrassen der Griechen und Römer nach der Ostsee, 76.

и болѣе нуждалась для прокормленія своихъ жителей, привозились финикійцами черезъ Черное море, а со времени Псамметиха изъ Египта; оттуда же вывозился папирусъ, примѣнявшійся для выдѣлки такелажа и парусовъ и другіе товары. Строевой лѣсъ, въ особенности лѣсъ судостроительный, ввозился главнымъ образомъ изъ Македоніи и Ѳракіи.

119. Способы веденія торговли.

До введенія денегъ *способы торговли* у грековъ не отличались отъ таковыхъ у финикійцевъ; торговля была исключительно мѣновой. Въ случаѣ, если кормчій не былъ одновременно судохозяиномъ и купцомъ, на суднѣ находился еще суперкаргъ. Свобода торговли не была точно нормирована законами. Государство, заботившееся вообще о взаимоотношеніяхъ гражданъ, оставляло за собой право рѣшать вопросы о ввозѣ и вывозѣ, давать монополію тамъ, гдѣ это было ему выгодно или полезно [1]), а въ остальномъ предоставляло свободу дѣйствій самимъ торговцамъ. Изъ Аттики, напримѣръ, всегда воспрещался вывозъ пшеницы, а также дерева и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для судостроенія. Свободомыслящій Солонъ ограничилъ даже вывозъ масла, производство котораго значительно превышало спросъ въ странѣ. Кредитъ благодаря малой честности купцовъ былъ очень невеликъ, зато проценты были очень высокими 10% считались очень низкими, обычно взимались 18%. При выдачѣ ссудъ подъ корабль и грузъ взимались еще большіе проценты, такъ 30% были явленіемъ обычнымъ въ лѣтнее время [2]). Ростовщичествомъ и вообще денежными дѣлами въ Аѳинахъ занимались преимущественно финикійцы.

120. Колонизація. Карта № 4.

Съ вытѣсненіемъ финикійцевъ изъ греческихъ водъ поле дѣятельности греческихъ купцовъ сильно расширилось. Рынки Архипелага, Чернаго и Іоническаго морей стали принадлежать исключительно имъ. Вмѣстѣ съ этимъ быстро стали расти и обогащаться ихъ главнѣйшіе торговые города, какъ напримѣръ Милетъ, Ефесъ, Фокея, Коринѳъ, Мегара и др. Подвижность грековъ способствовала интенсивной колонизаціи по берегамъ Ѳракіи, Пропонтиды (Мраморное море), Чернаго моря, Южной Италіи, Сициліи и далѣе вплоть до восточнаго берега Испаніи и до Ливіи. Въ 785 году до

---

[1]) Boeckh. Urkunden über das Seewesen der attischen Staaten I, 66.
[2]) Boeckh, см. гл. I, 166.

Р. Хр. [1]) милетцами былъ основанъ Синопъ, въ 756 году до Р. Хр. ими же Трапезусъ (Трапезундъ), въ 734 г. до Р. Хр. коринѳянами—Сиракузы, въ 658 г. до Р. Хр. мегарійцами—Византія (Константинополь), въ 623 г. до Р. Хр. фокейцами—Кирена (Кренна) въ Африкѣ, въ 600 году до Р. Хр. ими же была основана Массилія (Марсель). Число греческихъ колоній къ 600 г. до Р. Хр. на сѣверномъ побережьѣ Чернаго и Средиземнаго морей достигало 250-ти, изъ нихъ 80 было основано одними милетцами.

Главною цѣлью была торговля, получившая еще большее развитіе со времени ихъ основанія; однако они не оставались только факторіями, какъ это было у финикійцевъ, а представляли собою организованныя общины съ собственными законами и управленіемъ, независимыми отъ метрополіи. Эти общины жили въ укрѣпленныхъ городахъ и распространяли свое могущество на окрестныя земли. Колонисты гордились своимъ происхожденіемъ, языкомъ, образованностью и способностями и поэтому строго охраняли чистоту своей національности и ревностно отстаивали свою независимость. Поборовъ свойственный греческимъ племенамъ партикуляризмъ, они для борьбы съ общимъ врагомъ вступили въ союзы по четыре-пять общинъ въ каждомъ (тетраполисъ или пентаполисъ). Отношенія колоній другъ къ другу мало отличались отъ отношеній между сосѣдними греческими государствами. По отношенію къ варварамъ они держались болѣе или менѣе сплоченно, но между собою часто воевали, заключая иногда союзы даже съ варварами въ цѣляхъ борьбы со своими же единоплеменниками.

Съ метрополіей они никогда не теряли связи, обращаясь къ ней въ случаѣ нужды за помощью и въ свою очередь оказывали ей таковую же, но вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла не допускали самымъ рѣшительнымъ образомъ, вплоть до войны, какъ напримѣръ это случилось между Коринѳомъ и его колоніей Корцирой (Корфу), очень быстро достигшей морского могущества. Во время этой войны въ 665 г. до Р. Хр. произошло *первое морское сраженіе* между греческими флотами. Колоніи удалось отстоять свою независимость.

---

[1]) Curtius, см. гл. I, 417.

121. Наемники.

На ряду съ этой обширной эмиграціей, преслѣдовавшей колонизаціонныя цѣли, происходило въ большомъ масштабѣ выселеніе греческихъ воиновъ, вербовавшихся другими государствами въ качествѣ *наемниковъ*. Со временъ Сетоса I (1400 г. до Р. Хр.) греческіе наемники часто примѣнялись въ Египтѣ вслѣдствіе малой воинственности собственнаго населенія. 670 годъ до Р. Хр. былъ очень тяжелъ для Египта: страна, завоеванная въ 728 году эфіопами, была покорена затѣмъ ассирійцами и была раздѣлена между нѣсколькими военачальниками, среди которыхъ вскорѣ начались раздоры. На помощь къ одному изъ нихъ—повелителю Саиса—Псамметиху, по предложенію лидійскаго царя Гига, пришелъ флотъ съ наемниками іонійцами и карійцами. Они разбили египетскій флотъ на Нилѣ, у Саиса, и основали укрѣпленный лагерь подъ названіемъ Наукратисъ могущественный кораблями. При ихъ помощи Псамметиху въ 645 году до Р. Хр. удалось овладѣть всѣмъ Египтомъ. Продолжая и въ дальнѣйшемъ опираться на греческихъ наемниковъ, онъ поселилъ ихъ на побережьѣ Пелузинскаго рукава Нила ниже Бубастиса и предоставилъ имъ право торговли. За ними послѣдовали новые греческіе переселенцы и морская торговля перешла постепенно отъ финикійцевъ въ руки грековъ. Окончательно греки завладѣли торговлей лишь послѣ того, какъ царь Аммазисъ (569—525 г. до Р. Хр.) отдалъ область Наукратисъ крупному греческому торговому обществу и предоставилъ ему монополію на всю морскую торговлю Египта. Вскорѣ тамъ выросъ чисто греческій городъ, еще при этомъ царѣ достигшій своего пышнаго расцвѣта, обусловленнаго крупной торговлей.

122. Защита торговли.

Въ противоположность финикійцамъ, наиболѣе значительныя изъ занимавшихся мореплаваніемъ греческихъ государствъ были сильно озабочены созданіемъ своего *морского могущества* для защиты торговли и своихъ интересовъ за моремъ. Существуетъ преданіе, что еще въ доисторическое время миѳическій критскій царь Миносъ, въ цѣляхъ обладанія моремъ и очистки его отъ карійскихъ морскихъ разбойниковъ, завелъ морскую полицію въ видѣ военнаго флота. Въ самомъ началѣ историческаго времени Коринѳъ сдѣлалъ тоже самое въ своихъ водахъ; Мегара, Эгина и болѣе крупныя греческія государства Малой Азіи послѣдовали его

примѣру. Всѣ эти обстоятельства способствовали поднятію греческой торговли, которая достигла пышнаго расцвѣта и все болѣе и болѣе расширяла сферу своей дѣятельности.

123. Примѣненіе богатствъ. Торговля, которую греки вели съ такимъ умѣніемъ, приносила ихъ крупнымъ приморскимъ городамъ большія богатства. Очень характерно для грековъ то обстоятельство, что, разбогатѣвъ, они тратили свои *богатства* на развитіе наукъ и искусствъ, доводя ихъ до расцвѣта. Уже въ 590 г. до Р. Хр. Ефесъ, Фокея и Самосъ начали постройку грандіозныхъ храмовъ. Къ этому же времени относится начало ваянія изъ мрамора. Тогда же Ѳалесъ милетскій сдѣлалъ замѣчательныя открытія въ области математики и астрономіи и выступилъ, какъ первый философъ, съ разсужденіемъ о началѣ вещей. Наконецъ поэмы Сафо и басни Эзопа, сохранившіяся до нашихъ дней, относятся къ той же эпохѣ.

Въ Аѳинахъ проявилась дѣятельность Пизистрата, начавшаго сооруженіе грандіознаго храма Зевсу (Olympieion) въ восточной части Акрополя; храмъ этотъ былъ оконченъ лишь при императорѣ Адріанѣ, и нѣсколько уцѣлѣвшихъ колоннъ этого храма даже теперь вызываютъ всеобщее удивленіе. Крупнѣйшей заслугой Пизистрата надо однако признать собраніе и сохраненіе разрозненныхъ до того времени пѣсенъ Гомера.

Черпая свои богатства изъ того же источника *морской торговли*, греки, въ противоположность финикійцамъ, тратили свои богатства на болѣе высокія и благородныя цѣли.

124. Экономическій переворотъ. Такое быстрое увеличеніе богатства имѣло слѣдствіемъ полный *экономическій переворотъ*, очень неблагопріятно отозвавшійся на землевладѣльцахъ, жившихъ своей землей: они сильно задолжали и попали въ тяжелую зависимость къ заимодавцамъ. Въ Аттикѣ, принимавшей дѣятельное участіе въ торговлѣ, но не имѣвшей еще военнаго флота, сельское населеніе совсѣмъ обѣднѣло. Положеніе его еще ухудшилось въ 621 году до Р. Хр. введеніемъ законовъ архонта *Дракона*, по которымъ неоплатный должникъ попадалъ въ *личную зависимость* къ кредитору. Пристрастный судъ, неурожаи и разстройство въ торговлѣ, причиненное болѣе сильными на морѣ мегарійцами, создали опасность соціальной революціи, которая могла привести къ тираніи (абсолютное единовластіе), что и случилось въ Сикіонѣ, Коринѳѣ и Мегарѣ. Въ

Аѳинахъ также была обнаружена попытка къ введенію тираніи, но обстоятельства сложились такимъ образомъ, что, высшій и наиболѣе богатый родъ Алкмеонидовъ, имѣвшій больше всего шансовъ на воцареніе, былъ изгнанъ изъ предѣловъ государства.

Аѳины были выведены изъ опаснаго положенія великимъ законодателемъ *Солономъ* (639—559 г. до Р. Хр.) по происхожденію евпатридомъ, снискавшимъ всеобщее довѣріе своимъ благороднымъ и яснымъ складомъ ума, безкорыстіемъ и безпартійностію и обладавшимъ къ тому же выдающимися способностями. **125. Законодательство Солона.**

Сдѣлавшись въ 594 году до Р. Хр. первымъ архонтомъ, и получивъ неограниченныя полномочія, онъ измѣнилъ основные законы. Положеніе задолженныхъ землевладѣльцевъ онъ улучшилъ пониженіемъ стоимости денегъ на 27% [1]) и отмѣнилъ установленную Дракономъ отвѣтственность своею личностью за долги.

Самою коренною реформою, измѣнившей все положеніе вещей, было то, что Солонъ поставилъ политическія права въ зависимости отъ доходовъ съ земельной собственности: это было достигнуто раздѣленіемъ населенія на четыре класса: 1) помѣщики съ доходомъ не менѣе одного таланта (4715 марокъ); 2) воины съ доходомъ болѣе 0,6 таланта; 3) крестьяне съ доходомъ съ земли отъ 0,3—0,4 таланта и 4) все остальное населеніе: ремесленники, разносчики, купцы, судовладѣльцы, банкиры и т. п. Даже самые богатые люди, если они не были землевладѣльцами причислялись къ 4-му классу „поденщиковъ", неплатящему налоговъ, но зато лишенному права занимать какія-либо офиціальныя мѣста. Они все-таки считались гражданами и всѣ имѣли одинаковое право голоса. Изъ гражданъ, принадлежавшихъ къ первымъ 3-мъ классамъ, формировался главный контингентъ войскъ, такъ какъ они были обязаны нести военную службу въ качествѣ гоплитовъ (тяжеловооруженныхъ). Всѣ военные расходы падали на нихъ. „Поденщики" примѣнялись на войнѣ въ качествѣ легковооруженныхъ или гребцовъ на судахъ. Прежнее раздѣленіе страны въ военныхъ и административныхъ цѣляхъ на 48 округовъ, называвшихся

---

[1]) Busolt, см. гл. I, 526.

наукраріями, съ богатымъ евпатридомъ во главѣ каждаго осталось въ силѣ.

Въ случаѣ надобности каждая наукрарія была обязана выставить по одному снаряженному кораблю и по два конныхъ воина. Впрочемъ на морѣ аѳиняне не преслѣдовали другихъ цѣлей кромѣ охраны береговъ.

Это законодательство разумѣется подняло значеніе землевладѣнія. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ, дающее здоровыхъ пригодныхъ къ военной службѣ людей, должно было сдѣлаться основой государства. Выдѣленіе на первый планъ землевладѣнія было очень выгодно для евпатридовъ, которымъ издавна принадлежала большая часть земли. Представляя собой классъ тѣхъ гражданъ, изъ среды которыхъ почти исключительно избирались архонты, евпатриды вмѣстѣ съ тѣмъ должны были заботиться о своей землѣ, чтобы не быть переведенными въ низшій классъ въ случаѣ уменьшенія доходности. Съ другой стороны для лицъ, не принадлежавшихъ къ стариннымъ родамъ, открывалась возможность попасть въ первый классъ гражданъ и добиться высшихъ должностей. Новое законодательство разрушало преграды между аристократіей и гражданами.

Для того, чтобы з е м л я, о б л а д а н і е к о т о р о й давало политическія преимущества, не могла перейти въ руки нѣсколькихъ богачей, Солонъ ограничилъ предѣлы единоличнаго владѣнія и этимъ обезпечилъ сохраненіе многочисленнаго класса крестьянъ, являвшихся надежной опорой здороваго государства.

Высшимъ органомъ исполнительной власти попрежнему остались девять архонтовъ, выбиравшихся ежегодно изъ среды гражданъ перваго класса срокомъ на годъ; права ихъ были нѣсколько ограничены, и ихъ обязанности были распредѣлены и разграничены извѣстнымъ образомъ. Эфеты образовали самостоятельную судебную коллегію подъ предсѣдательствомъ второго архонта.

Общій надзоръ надъ всей государственной жизнью былъ возложенъ на ареопагъ, являвшійся уголовнымъ судомъ и и въ то же время высшимъ полицейскимъ органомъ для охраны религіи и добрыхъ нравовъ, т. е. ставшій какъ-бы совѣстью государства. Ареопагъ состоялъ не только изъ архонтовъ, выбранныхъ въ данное время, но и изъ всѣхъ

прежнихъ архонтовъ, безупречно выполнявшихъ свои обязанности. Другими словами членами его являлись исключительно почтенные и богатые люди, выбиравшіеся пожизненно. Онъ являлся естественнымъ охранителемъ консервативныхъ интересовъ.

На ряду съ этими высшими учрежденіями стоялъ совѣтъ четырехсотъ, выбиравшійся ежегодно изъ среды достигшихъ 30-ти лѣтняго возраста гражданъ первыхъ трехъ классовъ. Народное собраніе, состоявшее изъ гражданъ всѣхъ четырехъ классовъ, имѣвшихъ одинаковое право голоса, избирало должностныхъ лицъ, за исключеніемъ архонтовъ, а также присяжныхъ для вновь введеннаго суда присяжныхъ. Народное собраніе рѣшало вопросы войны и мира, а также обсуждало важнѣйшіе законы.

При такомъ участіи всѣхъ гражданъ въ государственной жизни, конституція приняла демократическій оттѣнокъ. На самомъ же дѣлѣ образъ правленія, хотя въ болѣе умѣренной степени и съ нѣкоторыми ограниченіями, оставался по прежнему аристократическимъ. Первый классъ гражданъ, состоявшій преимущественно изъ евпатридовъ, давалъ архонтовъ и членовъ ареопага, а потому нити управленія государствомъ остались въ рукахъ родовой знати.

Помимо всего этого законодательствомъ Солона было упорядочено и по возможности отдѣлено отъ административной власти судопроизводство, въ основаніе котораго было положено равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ; общее законоположеніе было пополнено многими новыми разумными законами, касавшимися охраны началъ семейной жизни и воспитанія юношества на началахъ нравственности и здороваго умственнаго и физическаго развитія.

Вновь введенными законами обезпечивалось здоровое поколѣніе и вводились налоги на предметы роскоши, шедшіе изъ Азіи.

Солону, при его выдающихся талантахъ, удалось провести въ жизнь безъ борьбы эту прекрасную конституцію, основанную на мудрой умѣренности и стремившуюся уравновѣсить противоположныя теченія. Этимъ путемъ было достигнуто спокойствіе въ Аѳинахъ, и государство, ставъ на твердую почву, быстро расцвѣло. По иниціативѣ Солона и подъ его предводительствомъ былъ вновь завоеванъ лежащій

въ непосредственной отъ Аѳинъ близости островъ Саламинъ въ Элевзинскомъ заливѣ, отошедшій къ маленькой Мегарѣ въ періодъ внутреннихъ безпорядковъ и слабости Аѳинъ еще въ 604 году до Р. Хр. Съ этого момента для развитія морского могущества не встрѣчалось препятствій. Но какъ это ни странно, аѳиняне лишь много позднѣе оцѣнили значеніе морского могущества, а пока оставались при своихъ 48-ми корабляхъ, о которыхъ говорилось раньше, представлявшихъ собою лишь морскую милицію.

126. **Исторія.** Вѣнцомъ дѣятельности Солона явилась всеобщая амнистія. Послѣ этого онъ на нѣсколько лѣтъ покинулъ страну, предоставивъ новымъ законамъ входить въ жизнь помимо его личнаго вліянія. Однако несмотря на свой умъ, благородство и безкорыстіе, онъ переоцѣнилъ своихъ согражданъ. Евпатриды не были довольны уничтоженіемъ своихъ преимуществъ и ограниченіемъ прежнихъ правъ, а „поденщики" не удовлетворились облегченіемъ своего положенія и считали незначительными предоставленныя имъ права. Кромѣ того, съ возвращеніемъ изгнанниковъ въ странѣ появились неспокойные и честолюбивые элементы, между прочимъ гордый родъ Алкмеонидовъ.

Вновь начались внутренніе раздоры, съ которыми Солонъ уже не могъ справиться по своемъ возвращеніи. Въ 560 году до Р. Хр. ему пришлось пережить захватъ аѳинскаго Акрополя и провозглашеніе единовластія евпатридомъ Пизистратомъ, опершимся на бѣдныхъ горцевъ, населявшихъ сѣверо-востокъ Аттики. Несмотря на двукратное изгнаніе (556 и 549 г. г. до Р. Хр.), Солонъ вновь достигъ власти и продолжалъ дѣйствовать въ интересахъ города со свойственной ему мудрой умѣренностью; лишь Алкмеонидовъ онъ совершенно изгналъ изъ Аттики.

Послѣ его смерти въ 527 году до Р. Хр. его мѣсто было безпрепятственно занято его сыномъ Гиппіемъ, продолжавшимъ править въ духѣ отца. Произведенное въ 514 году до Р. Хр. покушеніе, жертвой котораго, вмѣсто Гиппія, палъ по ошибкѣ его братъ Гиппархъ, ожесточило Гиппія и, заключивъ союзъ съ царями персидскимъ и македонскимъ, онъ разбилъ въ 510 году до Р. Хр. поддерживавшихся спартанцами Алкмеонидовъ. Послѣдніе расположили къ себѣ амфиктіонію и вліятельнаго Дельфійскаго оракула тѣмъ,

его возстановили на свои средства случайно сгорѣвшій Дельфійскій храмъ Аполлона. Спартанцы, обладавшіе тогда гегемоніей, дѣйствуя черезъ оракула, стремились возстановить въ Аѳинахъ аристократическій образъ правленія, схожій съ ихъ собственнымъ, и прилагали всѣ усилія для уничтоженія тираніи и сверженія тирана Гиппія. Ихъ первый морской походъ противъ Аѳинъ окончился неудачею. Второй походъ—сухопутный—оказался удачнѣе, и Гиппій былъ осажденъ въ Акрополѣ. Послѣ того, какъ въ руки его враговъ попали его дѣти, которыя были удалены имъ ради ихъ безопасности изъ Аѳинъ, онъ согласился на всѣ предложенныя ему условія, оставилъ страну и переселился въ Сигеіонъ (близъ древней Трои), предусмотрительно покоренный имъ еще ранѣе въ расчетѣ на подобный исходъ дѣла. Съ этого времени всѣ его мечты и помыслы были направлены къ тому, чтобы вернуть себѣ былое положеніе въ Аѳинахъ, все равно съ чьей бы то ни было помощью.

127. Законодательство Клисѳена.

Воспользовавшись непрерывными раздорами между аѳинскимъ народомъ и аристократіей, Клисѳенъ изъ рода Алкмеонидовъ, опираясь, подобно Пизистрату, на горцевъ, захватилъ власть въ Аѳинахъ въ свои руки. Въ 509 году до Р. Хр. онъ издалъ свои законы, которые въ сущности являлись законами Солона, но носили болѣе демократическій характеръ. Вмѣсто четырехъ древнихъ греческихъ филъ, въ которыхъ наибольшее вліяніе имѣли евпатриды, онъ въ политическихъ, религіозныхъ и военныхъ цѣляхъ раздѣлилъ народъ на десять филъ, при чемъ каждая фила въ свою очередь состояла изъ 10-ти самостоятельныхъ общинъ (демъ). Различное мѣстоположеніе демъ, принадлежавшихъ къ одной филѣ, исключало возможность того, что мѣстные интересы могли оказаться главенствующими. Такимъ образомъ и Аѳины въ административномъ отношеніи перестали представлять собой одно цѣлое, а распались на нѣсколько общинъ. Архонты и ареопагъ остались, но судебныя полномочія первыхъ еще болѣе сузились съ измѣненіемъ судопроизводства. Совѣтъ четырехсотъ (по сто человѣкъ отъ каждой старой филы) былъ замѣненъ совѣтомъ пятисотъ (по 50 человѣкъ отъ каждой новой филы). Въ качествѣ главныхъ военачальниковъ было установлено 10 должностей стратеговъ. Всѣ должностныя лица избирались, какъ и прежде, на

одинъ годъ, но уже не поднятіемъ рукъ, что часто вело къ раздорамъ между враждующими партіями, а по жребію между кандидатами. Прямые выборы остались только для архонтовъ, избиравшихся изъ среды гражданъ первыхъ трехъ классовъ.

Каждый гражданинъ отбывалъ воинскую повинность и имѣлъ право голосованія и обсужденія вопросовъ въ народномъ собраніи, созывавшемся по крайней мѣрѣ 10 разъ въ году. Военное дѣло было реорганизовано, но по вопросу о созданіи *флота* не было сдѣлано ничего новаго; лишь число наукрарій, соотвѣтственно новому числу филъ, было увеличено до 50. Такимъ образомъ флотъ по прежнему существовалъ лишь въ видѣ морской милиціи, призывавшейся лишь въ случаѣ надобности.

Новою мѣрою охраны государственнаго строя явился судъ общимъ голосованіемъ гражданъ при помощи черепковъ (остракизмъ), установленный для опасныхъ въ государственномъ отношеніи элементовъ, изгонявшихся такимъ путемъ на 10 лѣтъ изъ предѣловъ государства. Подвергнутые остракизму не имѣли права обжалованія. Черезъ два мѣсяца послѣ публичнаго обсужденія поступковъ какого либо гражданина въ народномъ собраніи ставился на закрытую баллотировку вопросъ объ его изгнаніи, при чемъ имя виновнаго писалось на глиняныхъ черепкахъ. Для изгнанія однако необходимо было получить не менѣе 6.000 голосовъ. Въ послѣднемъ случаѣ осужденный долженъ былъ покинуть государство въ 10-ти дневный срокъ. Это изгнаніе не считалось опозоривающимъ, и имущество изгоняемаго оставалось неприкосновеннымъ. Такой способъ давалъ возможность удалять изъ государства опасныхъ лицъ безъ кровопролитія и безпорядковъ. Первымъ лицомъ, изгнаннымъ такимъ образомъ, оказался самъ Клисѳенъ.

128. Исторія. (Продолженіе) З а к о н ы К л и с ѳ е н а, давшіе всѣмъ гражданамъ равныя права, свободу слова и голоса въ рѣшеніяхъ государственныхъ дѣлъ и открывшіе путь для всѣхъ способныхъ людей, сильно подняли народное самосознаніе и любовь къ отечеству. Росту могущества Аѳинъ содѣйствовали еще и другія обстоятельства. Въ 509 году до Р. Хр. городъ Платея отдѣлился отъ беотійскаго союза и примкнулъ къ Аѳинамъ, отчего территорія аѳинскаго государства увеличилась до рѣки

Аѳина. Спарта, какъ носительница греческой гегемоніи, сочла себя вынужденной снова объявить войну демократическимъ Аѳинамъ и Клисѳену. Первая попытка въ этомъ направленіи не удалась, а Клисѳенъ, отправившійся въ изгнаніе, вернулся въ Аѳины. Въ 507 году до Р. Хр. спартанскіе цари Клеоменъ и Демаратъ съ войсками пелопоннесскаго союза, опираясь на союзныя Ѳивы и Халкиду (на островѣ Эвбеѣ) направились на Аѳины въ цѣляхъ ихъ окончательнаго завоеванія. Несогласія командующихъ пелопоннесскими войсками привели къ тому, что послѣднія около Элевзины раздѣлились, и аѳиняне разбили сначала ѳиванцевъ, а затѣмъ и халкидянъ. Послѣдніе были вынуждены уступить побѣдителямъ значительную часть своей территоріи, куда и переселились 4.000 аѳинскихъ гражданъ. Послѣдній замыселъ спартанцевъ—сдѣлать вызваннаго изъ Сигеіона Гиппія тираномъ въ Аѳинахъ—не удался, потому что союзники отказались поддержать это предпріятіе, шедшее въ разрѣзъ съ политикой спартанцевъ и противное греческому духу. Такимъ образомъ къ 500 году до Р. Хр. Аѳины достигли своей наибольшей внутренней мощи. Лишь въ морской борьбѣ съ островомъ Эгиною, болѣе сильнымъ флотомъ и все время подстрекаемымъ къ войнѣ Ѳивами, Аѳины были безсильны, благодаря тому что своевременно не озаботились созданіемъ *сильнаго флота*.

Въ это время греческому міру стала грозить новая опасность, надвигавшаяся изъ глубины Азіи къ морю, именно персы, ставшіе на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ наиболѣе опасными врагами грековъ и оказавшіе большое вліяніе на ходъ греческой исторіи. Двигаясь изъ Лидіи, персы должны были прежде всего покорить мало-азійскихъ грековъ. Лидійскіе цари уже со временъ перваго царя Гига, сдѣлавшаго въ 690 г. до Р. Хр. страну независимой отъ ассирійскаго владычества и создавшаго обширное государство, еще въ своей столицѣ Сардахъ признавали большое значеніе морскихъ сношеній и поэтому стремились къ завладѣнію гаванями на важномъ для нихъ мало-азійскомъ побережьѣ. Имъ удалась завладѣть мѣстностью Троей, послѣ чего они начали борьбу съ греческими государствами; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ Магнезія и Смирна, были покорены и уничтожены. Милетъ же успѣшно выдержалъ 11-ти лѣтнюю **129. Персы.**

осаду, благодаря флоту, позволявшему ему свободу морскихъ сношеній, и заключилъ въ 605 году до Р. Хр. миръ съ Лидіей. Въ это время распалась Ассирія, и лидійскій царь Аліаттъ (609—561 г.г. до Р. Хр.) оказался вынужденнымъ для защиты своего царства на востокѣ начать войну съ мидянами; ему удалось удержать подъ своею властію земли вплоть до рѣки Галиса. На западѣ наступило затишье.

Къ этому времени греческіе мало-азійскіе города, ведя торговлю въ Египтѣ, Ливіи, на Понтѣ и во всей восточной части Средиземнаго моря вплоть до западнаго моря и вытѣснивъ отовсюду начавшихъ приходить въ упадокъ финикійцевъ [1]), достигли сами наибольшаго расцвѣта. Наслѣдовавшій Аліатту Крезъ (560—546 г.г. до Р. Хр.) возобновилъ планомѣрную борьбу съ греками и положилъ конецъ ихъ самостоятельности. Очень цѣня греческую культуру и желая пріобщить къ ней персовъ, онъ пожертвовалъ въ пользу дельфійскаго храма необычайно цѣнные подарки на сумму около 12.000.000 марокъ на современныя деньги и принималъ участіе въ олимпійскихъ играхъ при посредствѣ спеціально посылаемыхъ туда лицъ и велъ дружбу съ Алкмеонидами. Но ему слишкомъ ясны были выгоды обладанія мало-азійскимъ побережьемъ, для того чтобы оставить его независимымъ. Поэтому онъ началъ съ того, что силою подчинилъ своей власти Ефесъ, лежавшій неподалеку отъ Сардъ, а затѣмъ обложилъ данью остальные города, но обошелся съ ними очень мягко, такъ что они сохранили свою самостоятельность [2]). Въ 546 году до Р. Хр. онъ былъ осажденъ въ Сардахъ персами, взятъ въ плѣнъ и свергнутъ съ престола Киромъ, предпринявшимъ этотъ наступательный походъ на Лидію. Послѣдняя была обращена въ персидскую провинцію. Противъ персовъ возстали іоническіе города, за исключеніемъ Милета, который предпочелъ мирную политику съ персами, остальные же города не соединились для совмѣст-

---

[1]) Финикійцы, нѣсколько разъ подрядъ покоряемые ассирійскими царями были очень сильно ослаблены; въ 753 году до Р. Хр. Навуходоносоромъ послѣ 13-ти лѣтней осады былъ наконецъ взятъ Тиръ,—въ 571 году до Р. Хр. онъ былъ вновь разбитъ на морѣ египетскимъ царемъ Апріемъ и это окончательно погубило финикійскую торговлю.

[2]) Curtius. см. гл. I. 568.

ной защиты отъ персидской опасности и одинъ за другимъ были завоеваны и подверглись болѣе или менѣе печальной участи. Фокейцы, желая предотвратить подобный исходъ, рѣшили покинуть свой городъ; забравъ свое имущество и семьи на корабли, въ числѣ 50 пентеконтеръ, они отправились на поиски новыхъ земель, гдѣ бы могли обосноваться. Не будучи приняты своими соплеменниками на Хіосѣ, они отправились въ Алалію на Корсикѣ и занялись морскимъ разбоемъ. Это вызвало соединенное нападеніе на нихъ карѳагенянъ и этрусковъ, результатомъ чего была битва при Алаліи (въ 537 году до Р. Хр.). Въ этой битвѣ фокейцы, хотя и не были побѣждены, но потеряли большую часть своихъ кораблей и рѣшили не оставаться на островѣ, а переселиться въ Гіелу въ Луканіи (Южная Италія), гдѣ мирно основались и достигли преуспѣянія. То же самое произошло съ жителями іоническаго города Теоса, основавшими впослѣдствіи Абдеру во Ѳракіи. Остальные города не послѣдовали этимъ примѣрамъ. Даже нѣкоторые острова подчинились персамъ, несмотря на отсутствіе у тѣхъ флота, и только карійскіе города оказали отчаянное сопротивленіе.

Послѣ смерти Кира, послѣдовавшей въ 529 году до Р. Хр., ему наслѣдовалъ Камбизъ, предпринявшій въ 525 году до Р. Хр. завоеваніе Египта. Покоренные финикійцы и мало-азійскіе греки были вынуждены предоставить въ распоряженіе персовъ свои корабли. При помощи созданнаго такимъ путемъ флота и при участіи предводителя греческихъ наемниковъ Ѳанея, Камбизъ сдѣлался властителемъ Египта. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 522 году до Р. Хр. во время возвращенія изъ Египта, царемъ Персіи сдѣлался Дарій Гистаспъ.

Къ этимъ войнамъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе Поликратъ, самосскій тиранъ, заслуживающій упоминанія какъ представитель *греческаго морского могущества*. Самосцы, выдѣлявшіеся на поприщѣ кораблестроенія, мореплаванія, торговли и промышленности, земледѣлія и горнаго дѣла, отличались кромѣ того предпріимчивостью и изобрѣтательностью. Отецъ Поликрата, начальникъ самосскаго флота, вызвалъ возстаніе противъ аристократическаго правленія, свергнулъ его и сдѣлался тираномъ. Послѣ его смерти власть перешла къ тремъ его сыновьямъ. Поликратъ убилъ одного брата, **130. Морское могущество Поликрата.**

изгналъ другого и сдѣлался единственнымъ правителемъ (въ 536 году до Р. Хр.). Обладая выдающимися способностями, честолюбивый и богатый, онъ въ короткій срокъ построилъ флотъ изъ 100 пятидесяти-весельныхъ кораблей, съ которыми не могъ сравняться никакой другой. Съ такимъ флотомъ, царствуя надъ моремъ, онъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сталъ вести морской разбой на всемъ Архипелагѣ: налагалъ дань на портовые города, побѣдилъ милетцевъ и лесбійцевъ, разрушилъ сопротивлявшіеся ему города, завоевалъ Делосъ и прилежавшіе къ нему острова и овладѣлъ всѣмъ Архипелагомъ; онъ даже проектировалъ основать греко-іоническій морской союзъ со священнымъ островомъ Делосомъ въ качествѣ центра; однако столицею долженъ былъ остаться его городъ Самосъ, который онъ при помощи завоеванныхъ сокровищъ и путемъ построекъ сдѣлалъ красивѣйшимъ изъ городовъ, привлекавшимъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ, вслѣдствіе чего Самосъ вскорѣ сдѣлался центромъ греческой культуры.

Не имѣя при наличіи такого флота соперниковъ на морѣ, Поликратъ тѣмъ не менѣе опасался персидскаго могущества. Поэтому онъ предложилъ Камбизу во время похода противъ египетскаго царя Амазиса, своего прежняго друга и союзника, эскадру изъ сорока кораблей, на которые онъ посадилъ нелюбившихъ его самосцевъ, думая избавиться отъ нихъ, но на пути въ Египетъ послѣдніе взбунтовались и вернувшись обратно разбили Поликрата, вышедшаго имъ навстрѣчу во главѣ оставшагося флота. При высадкѣ на Самосъ бунтовщики однако не имѣли успѣха и обратились въ Спарту за помощью противъ тирана, каковая и была оказана Спартой и Коринѳомъ. Спартанцы впервые предприняли морской походъ окончившійся неудачей. Союзники осадили Поликрата въ его отлично укрѣпленномъ городѣ, прекрасно выдержавшемъ всѣ ихъ штурмы и были вынуждены черезъ 40 дней прекратить осаду. Непосредственная опасность миновала для Поликрата, но у него уже не было ни флота, удовлетворявшаго его честолюбію, ни денегъ на постройку новаго. Въ это время къ нему явились послы персидскаго сатрапа Оройта, приглашавшаго его къ себѣ и предлагавшаго подѣлиться съ нимъ своими сокровищами, такъ какъ онъ, Оройтъ, впалъ въ немилость у Камбиза. Поликратъ

далъ себя одурачить и поѣхалъ: по прибытіи онъ былъ схваченъ и распятъ на берегу на крестѣ (521 г. до Р. Хр.). Такъ закончился богатый событіями и блестящій періодъ самосско-греческаго морского могущества.

Самосская эскадра, отступившая отъ Самоса вмѣстѣ съ коринѳянами и спартанцами, самостоятельно начала заниматься морскимъ разбоемъ и на награбленную добычу пріобрѣла въ собственность островъ Гидру по своему положенію очень благопріятный для занятія пиратствомъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ разбойники появлялись въ гавани Кидоніи на Критѣ и грабили суда. Весьма характернымъ для условій тогдашняго мореплаванія нужно считать то обстоятельство, что для истребленія самосскихъ морскихъ разбойниковъ потребовались соединенныя усилія флотовъ Эгины и Крита.

Дарій вступилъ на престолъ въ 521 году до Р. Хр. двадцати восьми лѣтъ отъ роду, устранивъ предварительно своего соперника. Подъ его владычествомъ оказалось необъятное государство, простиравшееся отъ Кавказа до Эѳіопіи и отъ Средиземнаго моря до Индіи; связь между отдѣльными частями государства была очень слаба и постоянно то тамъ, то здѣсь вспыхивали возстанія. Дарію потребовалось въ теченіе многихъ лѣтъ вести войны съ девятнадцатью крупными сраженіями, прежде чѣмъ онъ повсюду былъ признанъ царемъ. 131. Персы. (Продолженіе).

Дарій выказалъ большую предусмотрительность, введя одну и ту же организацію во всемъ царствѣ. Онъ раздѣлилъ его на 20 областей (сатрапій) по народностямъ, предоставивъ имъ свободу религіи, обычаевъ, языка и мѣстныхъ законовъ. Во главѣ каждой области стоялъ намѣстникъ (сатрапъ), которому вмѣнялось въ обязанность отражать враговъ, выставлять по требованію царя извѣстное количество войска и уплачивать наложенную на область дань. Сборомъ податей вѣдало спеціальное учрежденіе, составленное изъ чиновниковъ, тщательно подготовленныхъ къ административной дѣятельности. Дарій ввелъ поземельные налоги и съ этой цѣлью велѣлъ измѣрить страну и выяснить доходность земель. Эти поземельные налоги въ общемъ достигали приблизительно 68,4 милліоновъ марокъ [1]. 132. Организація персидскаго царства.

[1]) Busk. см. гл. II, 6.

Къ этой суммѣ надо присоединить поступленія на содержаніе царскаго двора, пошлины и т. д. Изъ остатковъ Дарій образовалъ государственный фондъ. Заботясь о торговлѣ и сношеніяхъ, онъ распорядился постройкой цѣлой сѣти прекрасныхъ дорогъ и каналовъ и распорядился упорядоченіемъ денежной системы, при чемъ чеканка монеты была сдѣлана монополіей правительства. Дорога изъ столицы Сузъ до Сардъ была длиною въ 2.445 километровъ, изъ Сузъ въ Макаранду (Самаркандъ)—2.500 километровъ. Черезъ каждые 22 километра находилась почтовая станція съ гостиницей и лошадьми для перемѣны. Дороги служили главнымъ образомъ для почты, а затѣмъ уже для перевозки людей и товаровъ; для проѣзда изъ Сузъ въ Сарды требовалось 90 дней. Но курьеръ дѣлалъ этотъ путь, разумѣется, много скорѣй. Во всемъ государственномъ строѣ Дарій провелъ глубоко-продуманный и прочный порядокъ.

Военныя силы были организованы Даріемъ на совершенно новыхъ началахъ: войско дѣлилось на двадцать отдѣловъ (корпусовъ), расположенныхъ по всѣмъ двадцати областямъ. Корпуса эти подчинялись не сатрапамъ, какъ это произошло послѣ въ періодъ упадка Персіи, а особымъ военачальникамъ, назначавшимся самимъ царемъ, подобно тому какъ наши (германскіе) корпусные командиры назначаются императоромъ. Сатрапъ однако долженъ былъ заботиться о содержаніи войскъ, такъ какъ жалованья имъ не выдавалось. Войска раздѣлялись на полевыя и гарнизонныя; послѣднія оставались все время на мѣстѣ, тогда какъ первыя подвергались ежегоднымъ смотрамъ, производившимся или самимъ царемъ или же заслуженнымъ высшимъ начальникомъ, подобно нашимъ инспекторскимъ смотрамъ. Въ этихъ цѣляхъ государство также дѣлилось на нѣсколько округовъ.

Наилучшими войсками считались тѣлохранители (гвардія) царя, состоявшая изъ двухъ корпусовъ по 10.000 человѣкъ: одного мидійскаго, а другого персидскаго. Послѣдній, окружавшій всегда царя, комплектовался отборными людьми и назывался „10.000 безсмертныхъ“, такъ какъ малѣйшій уронъ тотчасъ же пополнялся и десятитысячный комплектъ всегда былъ налицо. Остальная пѣхота по большей части была легко вооружена ручнымъ метательнымъ оружіемъ,

какъ то: дротиками, луками, пращами; тяжеловооруженные снабжались копьями и короткими мечами.

Конница, раздѣлявшаяся на тяжелую (защищенную панцырями) и легкую, была очень многочисленна и считалась лучшимъ родомъ оружія; имѣлись также и колесницы. Кромѣ постоянныхъ войскъ въ особыхъ случаяхъ призывалось еще и ополченіе, которое было очень многочисленно и комплектовалось самыми разнообразными народностями.

Организація войскъ была вполнѣ цѣлесообразна, но ея слабымъ мѣстомъ было отсутствіе военной выучки, а также и плохое состояніе тактики, стоявшей на очень низкой ступени развитія и не дѣлавшей шаговъ впередъ. Войска пѣшія и конныя выстраивались въ четырехугольникъ большой глубины, который могъ держаться вмѣстѣ лишь на совершенно гладкомъ мѣстѣ и вести наступленіе на непріятеля лишь одной стороной; все дѣйствіе такого четырехугольника заключалось въ *натискѣ всей массой*, возможность маневрированія совершенно исключалась. Легкая пѣхота въ качествѣ стрѣлковъ помѣщалась между глубокими колоннами— это была тактика еще Кира. Если строй нарушался, вслѣдствіе неровной почвы или превосходства непріятеля, и приходилъ въ безпорядокъ,—все войско, состоявшее изъ 20-ти разнородныхъ частей и обладавшее малой военной выдержкой, легко охватывалось паникой, въ особенности же если на ряду съ регулярными войсками находилось ополченіе. Въ область тактики Дарій не внесъ никакихъ измѣненій.

Создать персидскій *флотъ*, при непригодности персовъ къ морской службѣ, не представлялось возможнымъ. Поэтому Дарій пользовался флотами покоренныхъ государствъ, преимущественно мало-азійскихъ грековъ и финикійцевъ, а также египтянъ, карійцевъ и киликійцевъ, населявшихъ южное побережье Малой Азіи. Они были вынуждены держать въ готовности большіе флоты, что разумѣется стоило имъ крупныхъ денегъ.

Дарій относился далеко не отрицательно къ высокой греческой культурѣ, привлекалъ къ своему двору выдающихся грековъ и прислушивался къ ихъ совѣтамъ.

133. Походъ противъ скиѳовъ.

Въ 513 году до Р. Хр. онъ предпринялъ *походъ противъ скиѳовъ*, во время котораго персы впервые пришли въ соприкосновеніе съ европейскими греками; этотъ походъ слѣдуетъ

считать предшественникомъ войнъ съ греками, получившихъ названіе „персидскихъ войнъ".

Дарій собралъ для этого похода государственное войско численностью въ 700.000 человѣкъ и приказалъ подчиненнымъ ему морскимъ государствамъ заготовить флотъ въ 600 кораблей; кромѣ того іонійцамъ было приказано взять съ собой техниковъ и всѣ имѣвшіяся тогда вспомогательныя техническія средства.

По мосту, сооруженному греческимъ строителемъ, войско перешло черезъ Босфоръ и стало двигаться къ Дунаю, опустошая все встрѣчавшееся на пути. Флотъ долженъ былъ прійти къ устью Дуная прямо изъ Византіи. Устье рѣки оказалось непригоднымъ для перехода войскъ и они въ продолженіе двухъ дней продвигались вдоль рѣки вплоть до Галаца, гдѣ вновь былъ наведенъ мостъ. Перейдя Дунай, Дарій очутился въ странѣ скиѳовъ; эти послѣдніе представляли собою легкую кавалерію (казаки) [1]) и проводили ту же самую стратегію, что и русскіе въ аналогичномъ случаѣ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1812 году, но еще болѣе послѣдовательно; не доводя дѣла до сраженія, они отступали въ нѣсколькихъ направленіяхъ, затѣмъ окружали непріятеля, затрудняя ему подвозъ припасовъ и нанося всяческій вредъ.

Дарій былъ принужденъ отступить черезъ два мѣсяца, отдѣлавшись потерями въ 80.000 человѣкъ, не считая больныхъ. Достигнувъ своего лагеря на Дунаѣ, онъ нашелъ еще годнымъ къ употребленію понтонный мостъ, охрана котораго находилась въ рукахъ греческихъ начальниковъ, состоявшихъ на службѣ у Дарія. Одинъ изъ нихъ, повелитель Ѳракійскаго Херсонеса, Мильтіадъ, подговариваемый скиѳами, вернувшимися къ берегамъ Дуная, по минованію назначеннаго срока добивался разрушенія моста, но Гистіай изъ Милета и остальные полководцы воспротивились этому.

Дарій вернулся обратно въ Азію черезъ Геллеспонтъ, оставивъ въ Европѣ часть своего войска подъ начальствомъ опытнаго полководца Мегабаза; послѣдній покорилъ греческіе города на Босфорѣ, Пропонтидѣ и Геллеспонтѣ, затѣмъ добрался до ѳракійскихъ береговъ вплоть до рѣки Стримонъ въ Македоніи и овладѣлъ послѣдней. Такимъ образомъ въ

---

[1]) Для историка крайне характерно смѣшеніе скиѳовъ съ казаками. *Ред.*

рукахъ персовъ оказалось $\frac{2}{3}$ побережья Архипелага съ главнѣйшими греческими центрами, а главное очень важный для грековъ морской путь къ Черному морю, черезъ который въ Грецію шелъ хлѣбъ. Интересы грековъ очень серьезно пострадали, но могли пострадать еще болѣе, если бы персы использовали всѣ свои преимущества и примѣнили бы на дѣлѣ бывшій въ ихъ распоряженіи флотъ; греки, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ серьезности положенія.

Цѣлый рядъ годовъ прошелъ безъ значительныхъ столкновеній. Греки безпрепятственно плавали по всему востоку Средиземнаго моря вплоть до Сициліи и, имѣя еще преимущество въ морскихъ силахъ, вели торговлю почти безъ соперниковъ, такъ какъ финикійское могущество уже упало. Только въ Сиртскихъ заливахъ и на западѣ Средиземнаго моря преобладали карѳагеняне, и въ Тирренскомъ морѣ этруски, но и для этихъ народовъ греки являлись опасными конкурентами.

Но въ это же время необъятное персидское царство, простиравшееся отъ Македоніи до Индіи и отъ Кавказа до Эѳіопіи, покорило всѣ морскія государства восточной части Средиземнаго моря и достигло въ 500 году до Р. Хр. кульминаціонной точки своего могущества.

Морское могущество Аѳинъ.

I. Возникновеніе и усиленіе аѳинской морской силы.

500 годъ до Р. Хр. является значительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи морскихъ войнъ. Хотя морскія сраженія, какъ видно изъ предыдущаго, можно встрѣтить въ исторіи значительно раньше, однако значеніе ихъ было невелико и вліяніе недолговременно. О планомѣрности веденія морской войны еще и не могло быть рѣчи.

Съ упомянутаго же времени флоты въ войнѣ стали дѣйствовать на ряду съ арміями, но несмотря на то, что сраженія происходили одновременно и на сушѣ, рѣшающее значеніе принадлежало дѣйствіямъ на морѣ.

134. Триремы. Съ этой эпохи и начинается развитіе морской стратегіи и тактики.

Надо отмѣтить, что въ это же время произошли важныя измѣненія въ типахъ боевыхъ единицъ: во всѣхъ флотахъ въ качествѣ „линейныхъ судовъ“ [1] быстро привились суда съ тремя рядами веселъ—триремы, вмѣсто примѣнявшихся раньше однорядныхъ—унипремъ. Триремы встрѣчались еще двумя столѣтіями раньше: коринѳянинъ Амейнокль первый построилъ въ 700 году до Р. Хр. такіе корабли для острова Самоса [2]). Однако первую постройку этихъ судовъ можно съ большимъ основаніемъ приписать сидонянамъ [3]) въ 720 году, особенно принявъ во вниманіе, что въ морскомъ дѣлѣ финикійцы шли впереди остальныхъ народовъ. По Геродоту они выстроили для царя египетскаго Нехо (609—

---

[1]) Thucydides. Peloponnesischer Krieg I, 14.

[2]) Thucydides. см. гл. I. 13.

[3]) Movers. Phönizier. II. 3, 153.

594 г. до Р. Хр.) флоты изъ триремъ на Красномъ и Средиземномъ моряхъ [1]. Но уже при Апріи (589–570 г. до Р. Хр.) триремы повидимому не примѣнялись, вѣроятно, потому что обладали конструктивными недостатками и уступали пятидесятивесельнымъ (пентеры) судамъ. Изъ послѣднихъ состоялъ еще отстроенный въ 530 году флотъ Поликрата, тирана самосскаго, владѣвшаго окружающимъ морскимъ пространствомъ [2]).

Лишь въ 500 году триремы были введены одновременно во всѣхъ флотахъ въ качествѣ линейныхъ судовъ (ναῦς) и какъ боевыя единицы примѣнялись въ продолженіе цѣлаго столѣтія, характеризующаго періодъ расцвѣта греческаго морского могущества. Въ 400 году до Р. Хр. въ Карфагенѣ [3]) появились четырехрядные корабли (квадриремы). Но въ Греціи еще въ теченіе 70 лѣтъ преобладали триремы и лишь въ 330 годахъ были замѣнены квадриремами [4]).

Изъ древнихъ писателей никто не занимался спеціально, или, по крайней мѣрѣ, основательно морскимъ дѣломъ. Поэтому въ ихъ произведеніяхъ лишь случайно проскальзываютъ отдѣльныя данныя. Изображеніе греческихъ и позднѣйшихъ судовъ того времени, дошедшія до насъ, далеко не такъ правдоподобны и тщательны, какъ рисунки судовъ египетской царицы Азенту (фиг. 3), относящіеся къ эпохѣ на 1000 лѣтъ предшествовавшей грекамъ. Интереснѣйшія изъ греческихъ изображеній, дошедшія до насъ, сильно повреждены. Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія объ аѳинскомъ флотѣ получены нами лишь въ 1834 году послѣ Р. Хр. при раскопкахъ въ Пиреѣ, во время которыхъ была открыта древняя верфь съ надписями, сдѣланными ея администраціей, относящимися къ 4-му вѣку до Р. Хр. Эти раскопки прекрасно описаны Бекомъ (Boeckh) въ его „Морскихъ извѣстіяхъ“ и даютъ много интересныхъ подробностей, но не содержатъ никакихъ деталей конструкціи триремъ. Поэтому о деталяхъ, а въ частности о расположеніи гребцовъ и веселъ, намъ остается только догадываться.

---

1) Herodot, см. гл. II, 159.
2) Herodot, см. гл. III, 39.
3) Boeckh, см. гл. III, 75.
4) Boeckh, см. гл. I, 338.

*

Съ возрожденіемъ наукъ многіе писатели стали заниматься изслѣдованіемъ этого вопроса, а въ послѣднее время даже и ученые моряки-офицеры [1]); создалась обширная литература, но тѣмъ не менѣе изслѣдованія нельзя назвать законченными.

Достовѣрно извѣстно лишь, что триремы были судами легкой постройки, съ острымъ, крѣпкимъ носомъ, плоскодонными, безъ ахтерштевня и киля, годными для вытаскиванія на берегъ, съ осадкою только около одного метра и съ низкими бортами для того, чтобы тяжеловооруженные воины могли легко влѣзать на триремы вытащенныя на берегъ. Относительно же расположенія гребцовъ выяснено только, что они сидѣли одинъ надъ другимъ не въ вертикальномъ направленіи, а наискось, на небольшой высотѣ одинъ отъ другого. Каждый гребецъ имѣлъ по одному веслу. Самая же „загадка триремъ“, т. е. вопросъ о расположеніи и работѣ гребцовъ до сихъ поръ не разгадана.

Попытка ее разгадать здѣсь завела бы насъ слишкомъ далеко. Можно только признать наиболѣе правдоподобнымъ изображеніе триремъ воспроизведенное Haack'омъ [2]), опытнымъ кораблестроителемъ, спеціально занимавшимся этимъ вопросомъ. Правильность его взглядовъ очень желательно было бы провѣрить на практикѣ. Интересующимся этимъ вопросомъ подробнѣе можно порекомендовать указанный трудъ, изъ котораго мы позаимствовали фигуры 7—9; здѣсь же ограничимся слѣдующимъ описаніемъ.

Триремы строились изъ дерева съ обшивкою вгладь, безъ шпангоутовъ, а лишь со связями изъ гнутыхъ брусьевъ гибкой породы дерева. Днище дѣлалось изъ дубовыхъ досокъ 8—10 смт. толщины, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ деревянными гвоздями и не имѣло киля для того, чтобы судно легче можно было вытаскивать на берегъ и перетаскивать по землѣ. Точно такимъ же образомъ при помощи малокъ — шпангоутовъ для образованія формы корпуса, строились и у насъ вплоть до половины прошлаго столѣтія суда всѣхъ величинъ. Шлюпки строятся такъ и сейчасъ [3]).

Вытаскиваніе судовъ на берегъ практиковалось очень часто, а въ опасное время ежедневно на ночь. Это вы-

---

[1]) Адмиралы Jurien de la Gravière, Serre, Fincati.

[2]) Haack, R. «Ueber attische Trieren».

[3]) По Haack'y.

ялось малой мореходностью судовъ, а также желаніемъ дать возможность людямъ поспать, приготовить ѣду и поѣсть на сушѣ. Перетаскиваніе триремъ по землѣ практиковалось въ древности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. черезъ перешеекъ въ 0,5 км. шириной [1]), соединявшій островъ Левкаду съ материкомъ (Акарнаніей), черезъ перешеекъ [2]) въ Тарентской гавани и особенно часто, черезъ Коринѳскій перешеекъ, имѣвшій въ самомъ узкомъ мѣстѣ 5 км.; тамъ имѣлась для этой цѣли спеціальная деревянная дорога (δίολκος) [3]).

Надводная часть триремъ походила на современные миноносцы, но онѣ были менѣе остры. По размѣрамъ онѣ также походятъ на старые миноносцы 80-ыхъ годовъ, напримѣръ: длина 25 мт. и ширина 4,27 мт., т. е. отношеніе длины къ ширинѣ 8,1. Разница была лишь въ осадкѣ, составлявшей около одного метра съ вооруженіемъ, снабженіемъ и людьми, тогда какъ миноносцы сидѣли 1,9—2 мт. При этой осадкѣ предѣльной глубиной фарватера для нихъ можно принять двухсаженную (2 саж.=12 анг. фут.=3,66 мт.) [4]). Надводный бортъ былъ немного выше одного метра.

---

[1]) Oberhummer. Akarnanien, 7 и слѣд.: Thucydides, см. гл. III, 81 и IV, 8.

[2]) Strabo, см. гл. VI, 1.

[3]) Kiepert Alte Geographie, 275; Thucyd. см. гл. III, 15 и VIII, 8; Strabo, см. гл. VIII, 1,4 и 22.

[4]) Здѣсь у Штенцеля какая-то очевидная ошибка. Нельзя говорить, что для корабля, котораго осадка 3¼ фута, предѣльная глубина фарватера 2 сажени. Ошибка эта произошла вѣроятно вслѣдствіе того, что Штенцель, указывая размѣры триремъ исключительно по сочиненію Хаака (Haack. «Ueber attische Trieren»), взялъ свѣдѣнія о предѣльной глубинѣ фарватера для флотовъ этого времени изъ какого либо другого источника. Это вполнѣ возможно, т. к. Штенцель не закончилъ обработку своего труда, а редакторъ I тома (К. Дитмаръ, см. предисловіе) не замѣтилъ это противорѣчіе и не оговорилъ его.

Между тѣмъ если взять размѣры триремъ по другимъ изслѣдованіямъ (онѣ цитированы въ курсѣ по «Военно-морской исторіи» для старшаго спеціальнаго класса Морского Корпуса 1895 г. и въ курсѣ «Исторіи военно-морского искусства» для Николаевской Морской Академіи 1897 г. Лейтенанта Н. Л. Кладо), то трирема была длиной 150 футъ, шириной 18 ф., углубленіе ея было 8 ф., а высота надводнаго борта—11 ф. Водоизмѣщеніе ея было около 230 тоннъ, на ней было 174 гребца, а всего около 225 ч. экипажа. Скорость на веслахъ достигала 5—6 узловъ. Для углубленія-же въ 8 футъ—дѣйствительно 12 футъ (2 сажени) могли служить предѣльной глубиной доступныхъ фарватеровъ. *Ред.*

Изогнутый, но въ общемъ почти вертикальный форштевень, очень прочной постройки, переходитъ недалеко отъ ватерлиніи въ острый съ тремя чаще всего остріями таранъ, сдѣланный изъ мѣди, или по крайней мѣрѣ окованный желѣзомъ, состоявшій изъ одного куска и представлявшій большую цѣнность. Выше тарана съ каждаго борта имѣлось по упорной балкѣ, выдававшейся нѣсколько меньше бивня. Концы этихъ балокъ украшались мѣдными головами животныхъ въ видѣ гербовъ государствъ. Назначеніемъ этихъ балокъ было поврежденіе веселъ вражескаго корабля и его надводнаго борта при таранномъ ударѣ [1]). Высокій форштевень въ верхней части кончался украшеніемъ. Кормовая часть отъ дипица до ватервейса имѣла ложкообразную форму [2]). Надъ кормой возвышался *ἄφλαστον*, широкій снизу и суживающійся спереди, переходившій сверху въ украшеніе, подобно тому какъ это было и на египетскихъ судахъ, гдѣ встрѣчались украшенія въ видѣ цвѣтка лотоса (фиг. 3). Кормовое украшеніе, выгнутое впередъ, образовывало маленькій навѣсъ, родъ рубки служившей для прикрытія командира - тріерарха.

Число гребцовъ [3]) съ каждаго борта было таково: въ верхнемъ ряду по 31 (траниты), въ среднемъ по 27 (зигиты) и въ нижнемъ (таламиты) также по 27; всего 2×85 = 170 человѣкъ со столькими же веслами. Весла двухъ верхнихъ рядовъ были приблизительно одной величины: 4,4 мт. у транитовъ и 4.16 мт. у зигитовъ, однимъ словомъ немного длиннѣе, чѣмъ четырехметровыя весла на нашихъ гребныхъ катерахъ. Отверстіе для веселъ нижнихъ рядовъ были вырѣзаны въ борту и находились невысоко надъ водою, однако на такой высотѣ, чтобы можно было на плоскодонномъ челнокѣ пройти вдоль самаго борта не задѣвая веселъ. Отъ воды эти отверстія были защищены кожаными маме-

---

[1]) По другимъ изслѣдованіямъ эти балки, называвшіяся *[illegible]*, предназначались для того, чтобы предохранить корпусъ своего корабля при тараненіи противника. Для этого онѣ и выступали впередъ немного меньше чѣмъ таранъ, давая ему возможность углубиться достаточно въ корпусъ непріятельскаго корабля, чтобы его потопить, но не допуская удара весьма сильнымъ, что при слабости тогдашней постройки легко могло вести къ гибели своего собственнаго корабля. *Ред.*

[2]) Haack. Attische Trieren, 170.

[3]) Boeckh, см. гл. III, 118.

рицами. Нижнія весла были вѣроятно значительно короче (см. фиг. 8). Правильность этихъ предположеній нуждается въ провѣркѣ на практикѣ.

Каждый гребецъ имѣлъ опредѣленное мѣсто съ подушкой на сидѣньѣ, замѣнявшей маленькія покрышки на банкахъ, имѣющіяся въ нашемъ флотѣ. Надъ гребцами возвышался легкій открытый помостъ, на которомъ лишь въ средней части устраивался мостикъ, служившій для прохода вдоль корабля. На случай мокрой погоды надъ кораблемъ имѣлся полотняный тентъ. Съ боковъ имѣлись войлочныя занавѣски, обыкновенно открытыя, но спускавшіяся во время боя для защиты отъ метательнаго оружія. Для уключинъ верхняго ряда гребцовъ имѣлся вынесенный за бортъ брусъ, до котораго и шелъ настилъ верхней палубы, по которой ширина триремы достигала 5,45 мт. Надъ нимъ шелъ поручень на стойкахъ для укрѣпленія защитныхъ войлочныхъ занавѣсокъ.

Для управленія имѣлась одна пара широкихъ рулевыхъ веселъ, по одному съ каждаго борта; дѣйствовалъ ими одинъ человѣкъ. Вооруженіе состояло изъ главной вертикальной мачты въ серединѣ судна съ высокимъ прямымъ парусомъ на реѣ и иногда еще съ маленькимъ трехугольнымъ парусомъ надъ нимъ и кромѣ того изъ одной сравнительной мачты на носу, наклоненной на подобіе бушприта: на ней былъ внизу небольшой рейковый парусъ, подобный парусу на блинда-реѣ кораблей эпохи парусного флота.

Каждая трирема имѣла свое названіе, причемъ всѣ греческія названія судовъ были женскаго рода [1]. Характернымъ для эпохи расцвѣта греческаго флота было то, что имя строителя корабля въ видѣ награды связывалось съ названіемъ корабля. Съ самаго древняго времени разоруженные корабли сохранялись вытащенными на берегъ въ крытыхъ сараяхъ.

Экипажъ триремы достигалъ въ среднемъ до 200 человѣкъ. Помимо 170 гребцовъ, на кораблѣ имѣлись солдаты (ἐπιβάται) подъ командой офицера, и люди для управленія парусами, которыми вѣдалъ кормчій (штурманъ). Гребцами

---

[1] Boeckh, см. гл. III, 82; Cartault. La trière Athenienne, 109 и слѣд.

вѣдалъ гортаторъ *πεντηκόνταρχος*, а командиръ назывался тріерархомъ [1]).

135 Исторія 500 годъ является началомъ новой эпохи въ исторіи греческихъ государствъ. Сорокалѣтній мирный періодъ жизни греческихъ государствъ Малой Азіи подъ владычествомъ персидской монархіи, во время котораго они процвѣтали и нѣкоторыя изъ нихъ, напр., Милетъ даже достигли своего наибольшаго развитія, кончился и уступилъ свое мѣсто такъ называемому періоду *персидскихъ войнъ* — борьбѣ исполинской азіатско-африканской монархіи съ Греціей, сравнительно небольшой и ослабленной разрозненностью въ государственномъ отношеніи и междоусобными войнами. Эту эпоху правильнѣе было бы назвать *персидскими походами*, такъ какъ въ промежуткахъ между отдѣльными войнами миръ не заключался, и вся эпоха была сплошной войною.

Характерно, что поводъ для начала войны былъ данъ не персами, а греками. Все дѣло заключалось въ безмѣрномъ, ничего не щадившемъ честолюбіи управителя Милета, Аристагора, бывшаго зятемъ и замѣстителемъ посаженнаго персами въ городѣ тирана Гистія. Послѣдній спасъ Дарія и его войско въ скиѳскомъ походѣ, но затѣмъ попалъ подъ подозрѣніе и былъ взятъ подъ благовиднымъ предлогомъ ко двору царя въ Сузы.

По подстрекательству Аристагора Гистій убѣдилъ жившаго въ Сардахъ брата Дарія Артаферна, сатрапа Лидіи и Іоніи, выставить отъ городовъ своей сатрапіи флотъ въ числѣ 200 триремъ и послать его съ войскомъ подъ командою персовъ и грековъ для завоеванія острова Наксоса, принадлежавшаго къ Цикладскимъ островамъ. Это было первое нападеніе на государство европейской Греціи. Предпріятіе не удалось вслѣдствіе разногласій между командирами и храбраго отпора со стороны наксійцевъ. Аристагоръ вернулся обратно съ большими потерями, задолжавшій, лишенный довѣрія и покинутый персами.

Обезкураженный своими неудачами, онъ сталъ видѣть единственное спасеніе въ возстаніи противъ персовъ, къ чему его также тайно подбивалъ изъ Сузъ Гистій. Чтобы расположить къ себѣ милетянъ, Аристагоръ сложилъ съ себя

---

[1]) Boeckh, см. гл. III. 121.

единовластие и отдалъ управленіе въ руки народа, при чемъ всѣ перешли на его сторону. Только одинъ историкъ Гекатай предостерегалъ народъ отъ возстанія въ виду безнадежности этой борьбы, но видя, что его голосъ остается единственнымъ, онъ сталъ категорически совѣтовать милетянамъ приложить всѣ свои старанія для усиленія *флота*, чтобы сдѣлаться *хозяевами на морѣ*, и напоминалъ, что Милетъ, обладая морскимъ могуществомъ, успѣшно сопротивлялся въ продолженіе 120 лѣтъ. Но и на этотъ его совѣтъ не обратили вниманія.

Между тѣмъ Аристагоръ, воспользовавшись состоявшимъ изъ греческихъ кораблей флотомъ, вернувшимся отъ Наксоса, сталъ изгонять изъ іоническихъ и другихъ городовъ Малой Азіи тирановъ, посаженныхъ персами, послѣ чего всѣ города, за исключеніемъ Ефеса, заключившаго особый договоръ съ персами, присоединились къ возстанію. Далѣе Аристагоръ сталъ тщетно просить помощи у Спарты. Ему помогли Аѳины, метрополія Милета, которыя несмотря на свою вражду съ Эгиной и угрозы Артаферна вернуть изгнаннаго изъ Аѳинъ Гиппія, прислали 20 кораблей. Кромѣ того Эретрія (городъ на о. Евбеѣ), обязанная Милету, предоставила ему 5 триремъ. **136. Возстаніе іонянъ.**

Наступательная война на сушѣ началась безъ всякаго обдуманнаго плана. Соединенныя силы іонянъ, вышедшія изъ Ефеса, продвинулись къ Сардамъ, отстоявшимъ на разстояніи трехъ дневныхъ переходовъ, взяли незащищенный городъ и обратили въ пепелъ все, не исключая и храма. Встрѣтивъ сопротивленіе въ замкѣ Артаферна, и не будучи въ силахъ имъ овладѣть, они начали отступленіе, услышавъ о приближеніи персидскихъ войскъ. Отступленіе велось неправильно и настолько медленно, что персы настигли ихъ у Ефеса и разбили на голову. Это было концомъ союзнаго іоническаго войска: отдѣльныя его части вернулись въ свои города; ихъ примѣру, несмотря на всѣ просьбы, послѣдовали аѳиняне.

Іоническій ф л о т ъ направился къ Босфору, взявъ у персовъ Византію и т. д., привлекъ къ участію въ возстаніи другія греческія государства и вновь открылъ безпрепятственный морской путь въ Черное море, обезпечивъ этимъ подвозъ необходимаго хлѣба въ многолюдные греческіе

города. Вернувшись вслѣдъ за тѣмъ обратно, онъ побудилъ примкнуть къ возстанію карійцевъ. Жители Кипра по доброй волѣ сами подняли возстаніе, услышавъ о сожженіи Сардъ. Персы напали на кипрянъ; на помощь послѣднимъ подоспѣлъ весь іоническій флотъ, разбившій финикійскій, при чемъ особенно отличались самосцы. Но на сушѣ кипряне не могли побѣдить вслѣдствіе разлада и были вновь подчинены персами.

Персидское войско, побѣдившее грековъ у Ефеса, раздѣлилось на три части и покорило греческіе города у Пропонтиды, Геллеспонта и въ Эоліи. Одна изъ этихъ армій успѣшно боролась съ карійцами и милетянами, но попала въ засаду и была перебита. Артафернъ, завоевавъ іоническій городъ Клазамены, двинулся къ главному очагу возстанія Милету, во главѣ соединеннаго флота изъ 600 кораблей, состоявшаго изъ флотовъ покоренныхъ морскихъ государствъ: Финикіи, Египта, Киликіи и Кипра. При приближеніи опасности Аристагоръ, оставивъ на произволъ судьбы городъ, трусливо бросился въ постыдное бѣгство во Ѳракію, гдѣ былъ вскорѣ убитъ.

Послѣ этого главы іоническихъ городовъ созвали въ Паніоніонѣ, общей святынѣ, на предгорьѣ Микале, военный совѣтъ, на которомъ было постановлено добиваться исхода войны при помощи флота, для чего рѣшили выставить къ Милету всѣ корабли до послѣдняго.

Послѣдовавшая вслѣдъ за этимъ въ 497 году до Р. Хр. морская битва у маленькаго островка Ладе передъ Милетомъ была первымъ морскимъ сраженіемъ, болѣе или менѣе подробное описаніе котораго, принадлежащее Геродоту, дошло до насъ. По этому описанію можно заключить, что военно-морское дѣло грековъ находилось тогда еще въ очень первобытномъ состояніи. Островъ Хіосъ выставилъ наибольшее количество судовъ, именно 100 кораблей, по 40 лучшихъ воиновъ на каждомъ; Милетъ, богатый и населенный городъ, опоздалъ со снаряженіемъ и выставилъ только—80; Лесбосъ—70; Самосъ—60 и т. д. Фокея, лишь понемногу оправившаяся отъ выселенія и разрушенія, происшедшаго за 50 лѣтъ до этого, не смогла выставить болѣе 3 кораблей, во главѣ которыхъ однако былъ поставленъ лучшій и способнѣйшій изъ начальниковъ—Діонисій. Въ общей сложности

было выставлено 353 триремы, но флотомъ ихъ назвать было нельзя: это были скорѣе девять эскадръ, очень различавшихся по силѣ, собранныя вмѣстѣ, безъ единаго главнаго начальника, безъ тактическаго подраздѣленія и подготовки, а главное безъ привычки дѣйствовать совмѣстно и подчиняться одному начальнику.

Каждой эскадрѣ было отведено свое мѣсто въ боевой линіи, при чемъ самосцы получили мѣсто на западномъ крылѣ, находившемся въ открытомъ морѣ; рядомъ съ ними были расположены лесбосцы. Съ самаго начала обнаружилось, что у командующаго нѣтъ тактическихъ познаній, а команды еще не выучились грести. По совѣту Діонисія и съ согласія всѣхъ прочихъ командировъ подъ его личнымъ руководствомъ были начаты тактическія упражненія, при чемъ прилагались всѣ усилія къ тому, чтобы въ очень короткій срокъ наверстать потерянное. Онъ усердно началъ обучать флотъ эволюціямъ, упражнялъ его въ прорывѣ сквозь линію непріятельскихъ судовъ и т. д. Для сокращенія времени корабли не вытаскивались, какъ это практиковалось обычно, на берегъ, а оставлялись ночью на якоряхъ. Если бы мыслями Діонисія прониклись всѣ безъ исключенія, то могла бы появиться основательная надежда на успѣхъ даже при встрѣчѣ съ превосходными силами; но къ сожалѣнію сознаніе необходимости этихъ упражненій скоро перестало раздѣляться всѣми, и іоняне, благодаря разгульной неправильной жизни, стали очень инертными. Несмотря на то, что отъ подготовки зависѣлъ *вопросъ ихъ жизни*, они очень скоро стали тяготиться дѣломъ и роптать на лишенія и требуемое отъ нихъ напряженіе силъ. По истеченіи недѣли они не пожелали подчиняться требовательному начальнику, происходившему изъ незначительной Фокеи, съѣхали на берегъ и разбили тамъ палатки. При этихъ условіяхъ попытки персовъ поселить при помощи находившихся въ Персіи изгнанныхъ изъ іоническихъ городовъ тирановъ рознь и вражду между греками упали на благопріятную почву.

При приближеніи персидскаго флота, іоническій вышелъ къ нему навстрѣчу въ открытое море, придерживаясь маленькаго островка Ладе. Общій планъ нападенія на фланги и центръ непріятельскихъ силъ былъ заранѣе распредѣленъ между отдѣльными отрядами, но раньше чѣмъ дѣло дошло 137. Битва при Ладе Карта № 10.

до столкновенія, большая часть самосскихъ кораблей поставила паруса и пошла къ себѣ домой на Самосъ, находившійся невдалекѣ. Лесбосскій и еще нѣкоторые другіе флоты, находившіеся вблизи самосцевъ, послѣдовали ихъ дурному примѣру. Тѣмъ не менѣе оставшіеся 200 кораблей, въ особенности же хіосскіе, сражались очень храбро. Въ продолженіе боя нѣсколько разъ прорывалась линія непріятельскихъ судовъ, и большое количество ихъ было взято греками. Несмотря на этотъ кажущійся успѣхъ, они не могли долго сопротивляться превосходнымъ силамъ непріятеля и, потерявъ въ концѣ сраженія болѣе половины своихъ кораблей, обратились въ бѣгство. Много тяжело поврежденныхъ триремъ было посажено на мель у берега Микале. Команды, сошедшія на берегъ и сухимъ путемъ направившіяся на родину, ночью были приняты жителями Ефеса за персовъ и перебиты.

138. Діонисій Фокейскій.

Съ наибольшимъ успѣхомъ сражался Діонисій изъ Фокеи, который, не потерявъ ни одного изъ своихъ всего лишь трехъ кораблей, захватилъ три непріятельскихъ. Увидя, что болѣе не въ силахъ держаться, онъ направился не на родину, которой все равно не могъ оказать помощи, а съ удивительной отчаянностью бросился къ берегамъ своихъ главныхъ враговъ-финикійцевъ, лишенныхъ теперь защиты флота, потопилъ и захватилъ тамъ много торговыхъ судовъ и забралъ богатую добычу. Затѣмъ онъ отправился въ Сицилію, обосновался тамъ и занялся морскимъ разбоемъ, нападая только на карѳагенскіе и этрускіе корабли, принадлежавшіе врагамъ грековъ, не трогая греческихъ. Несмотря на то, что онъ не былъ въ силахъ спасти своей родины, онъ тѣмъ не менѣе стремился нанести вредъ ея врагамъ.

Лучшая часть самосцевъ, не желая оставаться подъ персидскимъ владычествомъ, также выселилась въ Цанкле (Мессина).

139. Разрушеніе Милета.

Прежде всего персы предприняли одновременно и съ суши и съ моря осаду Милета, которую городъ разумѣется не могъ долго выдержать, и былъ взятъ въ 494 году до Р. Хр. и разрушенъ до основанія. Оставшихся въ живыхъ милетянъ Дарій велѣлъ переселить въ Ампе на низовьяхъ Тигра. Въ настоящее время мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ Милетъ, величайшій и богатѣйшій изъ греческихъ городовъ,

теперь это пустынно и лежитъ довольно далеко отъ моря. Меандръ на протяженіи 24-хъ столѣтій нанесъ такую массу песку, что заполнилъ всю бухту. Островъ Ладе обратился въ холмъ, возвышающійся среди широкой низменности.

Слѣдующей весной персидско-финикійскій флотъ двинулся на сѣверъ отъ Милета и безъ большихъ усилій завоевалъ острова Хіосъ, Лесбосъ, Тенедосъ и др., а также Ѳракійскій Херсонесъ и всѣ греческіе города европейскаго побережья вплоть до Византіи, опустошивъ и предавъ огню все на своемъ пути и обративъ жителей въ рабовъ. Финикійцы, вытѣсненные греками нѣсколькими столѣтіями раньше изъ Архипелага, вновь овладѣли имъ и мстили грекамъ.

Къ этому же времени относится и смерть Гистіея, которому Дарій разрѣшилъ выѣхать изъ Сузъ. Подозрѣваемый Артаферномъ, отвергнутый милетянами, онъ досталъ у лесбосцевъ 8 триремъ, съ которыми направился къ Босфору, гдѣ захватилъ всѣ корабли, шедшіе изъ Чернаго моря, и опять заперъ этотъ важный морской путь. При извѣстіи о паденіи Милета, онъ вернулся въ Архипелагъ, гдѣ счастливо избѣжалъ встрѣчи съ финикійскимъ флотомъ, но высадившись изъ-за недостатка провіанта на мало-азійскомъ берегу, былъ разбитъ персами, взятъ въ плѣнъ и распятъ. Мильтіадъ, тиранъ Ѳракійскаго Херсонеса, при приближеніи финикійскаго флота сѣлъ на корабль и съ большимъ трудомъ прорвался морскимъ путемъ въ Аѳины.

Такова была печальная участь мало-азійскихъ грековъ. Они бы могли избѣжать ея, если бы дѣйствовали единодушно и создали не только многочисленный, но и организованный и хорошо обученный подъ единоличной командой способнаго начальника флотъ; во всякомъ случаѣ количественное взаимоотношеніе силъ при Ладе было для нихъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ впослѣдствіи при Саламинѣ. Конечный результатъ безусловно стоилъ бы затраченныхъ усилій. Близорукость демократическихъ правительствъ городовъ въ вопросахъ веденія войны, въ особенности же снисходительность по отношенію къ поведенію командъ флота при Ладе прямо невѣроятна, но на подобное непониманіе приходится нерѣдко натыкиваться въ военной исторіи.

Въ европейской Греціи дѣла обстояли подобнымъ же образомъ: несмотря на то, что взятіе и разрушеніе Милета

вызвало всеобщую панику, оно не имѣло коренныхъ послѣдствій въ видѣ принятія мѣръ для огражденія себя отъ грозящей опасности: спартанцы въ это время вели кровопролитную войну съ Аргосомъ изъ-за гегемоніи надъ Пелопоннесомъ, а Аѳины продолжали свои раздоры съ Эгиной.

Дарій отнюдь не былъ намѣренъ ограничиться покореніемъ іоническихъ грековъ и, подстрекаемый изгнаннымъ тираномъ Гиппіемъ, сталъ въ отместку за сожженіе Сардъ готовиться къ походу на Аѳины и Эретрію.

140. Первый персидскій походъ.

Къ слѣдующей веснѣ 492 года до Р. Хр. онъ подготовилъ большое предпріятіе подъ верховнымъ начальствомъ своего зятя Мардонія, человѣка еще молодого и неопытнаго, политическіе и военные взгляды котораго расходились со взглядами изгнанныхъ греческихъ тирановъ, находившихся при дворѣ въ Сузахъ. По его мнѣнію ничего не могло быть проще, какъ, воспользовавшись морскимъ могуществомъ, пріобрѣтеннымъ побѣдою при Ладе, переправить войско прямымъ путемъ въ Аттику. Однако онъ упускалъ изъ виду, что персы не имѣли ни умѣнья ни способностей къ веденію *морскихъ войнъ*. Персидское войско *было въ состояніи* совершать самые длинные переходы, даже окружнымъ путемъ, не утомляясь, и персы, зная это, предпочитали дѣйствовать на сухомъ пути, несмотря на связанныя съ этимъ трудности, потерю времени, затрудненія въ продовольствіи и дороговизну.

Мардоній направилъ черезъ Малую Азію свое войско *сухимъ путемъ* къ Геллеспонту, самъ же отправился туда съ флотомъ. На пути онъ посѣтилъ іоническіе города, изгналъ оттуда тирановъ, посаженныхъ Артаферномъ, и установилъ народное правительство.

Переправивъ помощію флота армію на европейскую сторону, онъ двинулся вдоль ѳракійскаго и македонскаго береговъ къ Акантусу (см. карту Греціи № 6) на Халкидикѣ, недалеко отъ полуострова Акте. Македонія покорилась ему безъ сопротивленія, т. к. не разсчитывала на помощь грековъ. Персидскій флотъ двигался параллельно съ войскомъ и завоевалъ лежавшій на пути островъ Тасосъ, богатый своими копями; при проходѣ мимо отроговъ Аѳонскихъ горъ (1935 мт.) флотъ былъ застигнутъ штормомъ съ сѣвера, погубившимъ большую часть кораблей. Надо думать, что

погибло до 300 судовъ съ 20.000 человѣкъ. Одновременно съ этимъ армія подверглась нападенію воинственнаго племени бригійцевъ, отбитыхъ съ большими потерями, при чемъ былъ раненъ самъ Мардоній; ему удалось справиться съ бригійцами, но осень, плохая погода и трудность продовольствованія арміи заставили его вернуться въ Азію, не дойдя до греческихъ земель.

Такъ кончился неудачей этотъ походъ, начатый большими силами, но при отсутствіи умѣнья вести войну, какъ на сушѣ такъ и на морѣ. Онъ все-таки имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ персидское владычество вновь распространилось въ сѣверной части Архипелага вплоть до границъ Ѳессаліи. Въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ Эйонѣ у устья Стримона, Абдерѣ и въ укрѣпленіи Дориская, Мардоній оставилъ сильные гарнизоны. Наличіе морского могущества позволило установить строгій надзоръ за покоренными островами. Тасосъ, получавшій отъ своихъ рудниковъ свыше 1,5 милліона марокъ годового дохода, начавшій строить свой флотъ и крѣпостныя стѣны, былъ вынужденъ по требованію Дарія (въ 490 году до Р. Хр.) выдать свои корабли и разрушить стѣны.

Греки еще разъ счастливо избѣжали опасности. При частыхъ и регулярныхъ торговыхъ сношеніяхъ греки не могли не слышать о надвигавшихся персахъ, но это мало воздѣйствовало на нихъ, и они даже не дѣлали попытокъ соединиться для обороны: они не вѣрили въ удачный походъ сухопутнаго похода персовъ и подавно не ожидали его повторенія.

141. Второй персидскій походъ.

По возвращеніи Мардонія, Дарій немедленно лишилъ его власти и приказалъ готовить противъ Аѳинъ, Эретріи и вообще противъ Греціи новую экспедицію, начальство надъ которой онъ поручилъ Мидеру-Датису и своему племяннику Артаферну, сыну сатрапа Сардъ, носившаго то же имя. Операціи было рѣшено начать съ покоренія Наксоса, по примѣру 499 года.

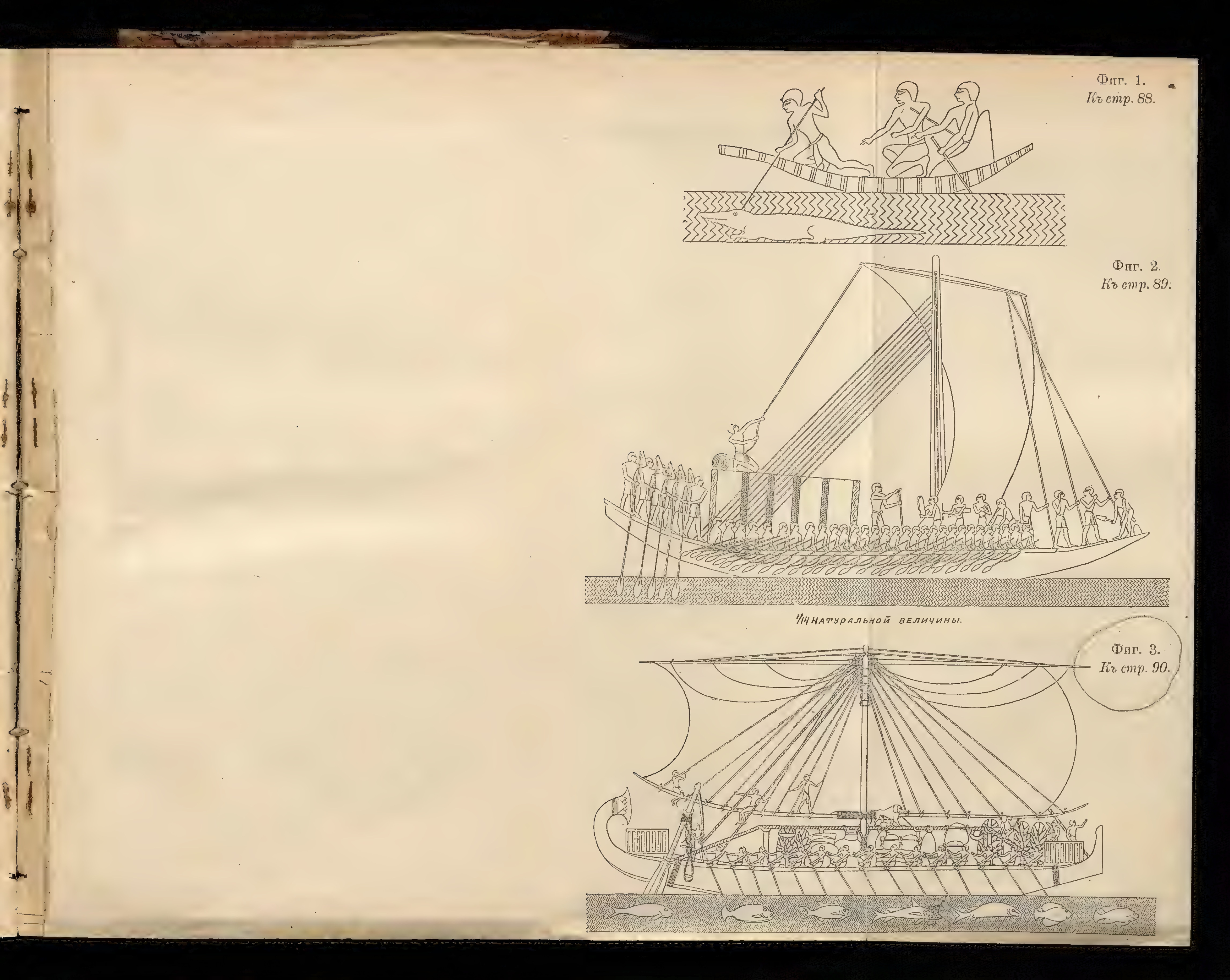
Въ противоположность Мардонію новые полководцы не пренебрегали мнѣніями грековъ, а воспользовались ими. Греческіе тираны, находившіеся въ Сузахъ, не поскупились на совѣты и старикъ Гиппій даже отправился вмѣстѣ съ войскомъ въ надеждѣ вновь получить тиранію въ Аѳинахъ при

помощи варваровъ, подобно тому, какъ онъ раньше пытался сдѣлать это при помощи спартанцевъ.

Подчиненныя Персіи государства опять должны были выставить большой боевой флотъ, а кромѣ того и еще большее количество *транспортныхъ кораблей для перевозки лошадей*, такъ какъ было рѣшено взять съ собою конницу, оружіе особенно опасное для грековъ, которые, за исключеніемъ өессалійцевъ, не имѣли его. Для того, чтобы выяснить, кто окажетъ наибольшее сопротивленіе, во всѣ государства были отправлены посланцы съ требованіемъ въ знакъ покорности „воды и земли". Въ Спартѣ и Аөинахъ посланцы въ виду оскорбительности требованій, вопреки установившихся международныхъ обычаевъ, были попросту убиты; большинство же остальныхъ сухопутныхъ государствъ, и всѣ острова кромѣ Наксоса и Евбеи подчинились. Богатая и сильная на морѣ Эгина съ сильно развитой морской торговлей послѣдовала ихъ примѣру, сдѣлавъ это отчасти изъ-за страха передъ морскимъ могуществомъ персовъ, которые могли уничтожить ея торговлю, отчасти же изъ за ненависти къ Аөинамъ и соперничества съ ними.

Узнавъ объ этомъ, Аөины тотчасъ принесли жалобу на эгинянъ спартанцамъ, признавъ этимъ самымъ ихъ гегемонію надъ всей Греціей. Но это повело лишь къ дальнѣйшимъ жестокимъ ссорамъ и борьбѣ, во время которой одинъ изъ спартанскихъ царей, Демаратъ, былъ свергнутъ и бѣжалъ къ Дарію, принявшему его съ почестями. Для борьбы съ Эгиной аөиняне заняли у коринөянъ 20 кораблей въ дополненіе къ своимъ 50; но не могли ничего съ ней подѣлать.

Весной 490 года до Р. Хр. въ Киликіи было собрано хорошо снаряженное персидское войско. По прибытіи флота въ 600 триремъ и кораблей для перевозки лошадей, Датисъ и Артафернъ, послѣ посадки войскъ на суда, двинулись вдоль мало-азійскаго берега на сѣверъ и прошли до Самоса. Можно было подумать, что они, такъ же какъ Мардоній, направятся къ Геллеспонту, но они повернули и, пользуясь попутнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, пошли по юго-западному направленію къ Наксосу, отразившему 9 лѣтъ тому назадъ персовъ и не покорившемуся имъ до сихъ поръ. Прекрасно выполненная на 500 мильномъ морскомъ переходѣ перевозка большого войска съ многочисленной конницей служитъ до-

Фиг. 1.
Къ стр. 88.

Фиг. 2.
Къ стр. 89.

1/14 натуральной величины.

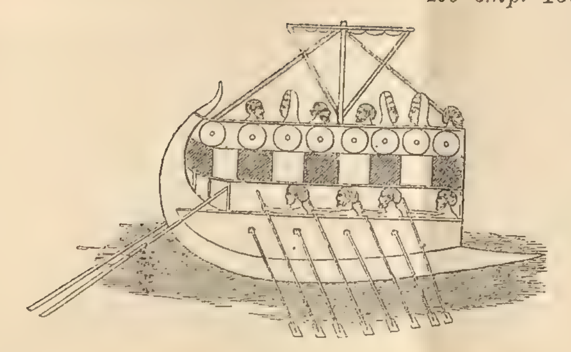
Фиг. 3.
Къ стр. 90.

№ 4. Карта къ стр. 95.
Торговыхъ путей въ V в. до Р. Хр. составлена по картамъ Киперта
„Graecia cum insulis," „Imperium Romanum"
и по картѣ Германскаго Адмиралтейства № 7, (карта всего міра).

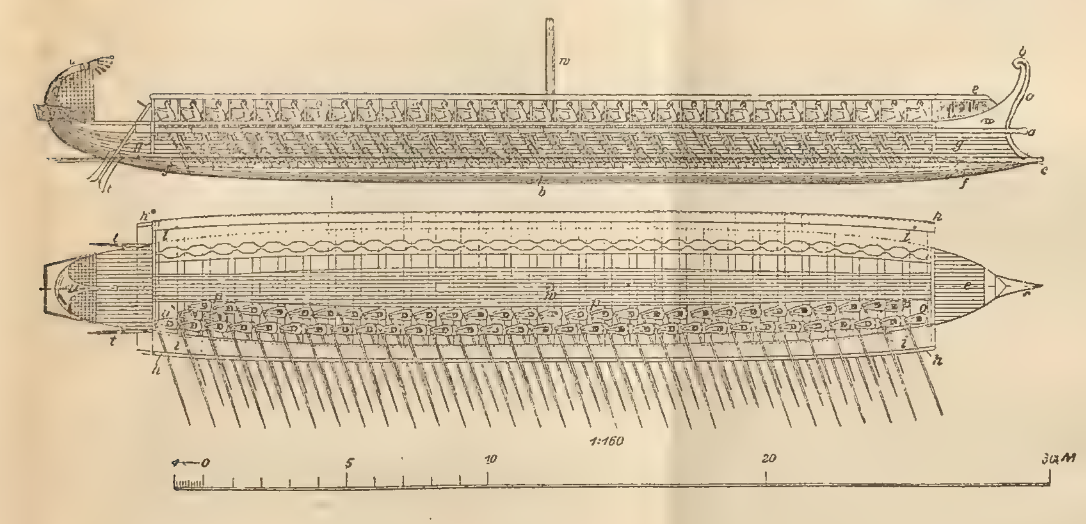

Литографія Козловской (способъ Янова).
Петр. ст., Бол. Зеленина ул., д. 18-а. Телеф. 489-85.

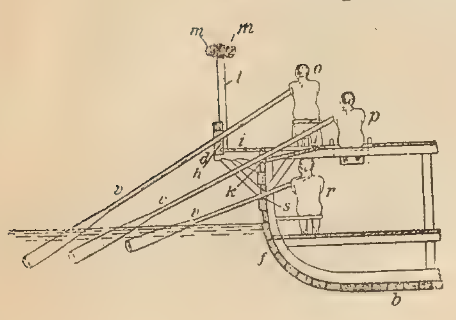
Фиг. 5.
Къ стр. 108.

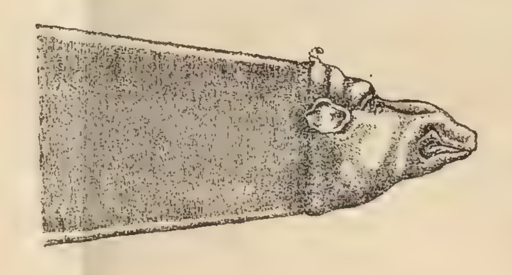
Фиг. 7.
Къ стр. 148.

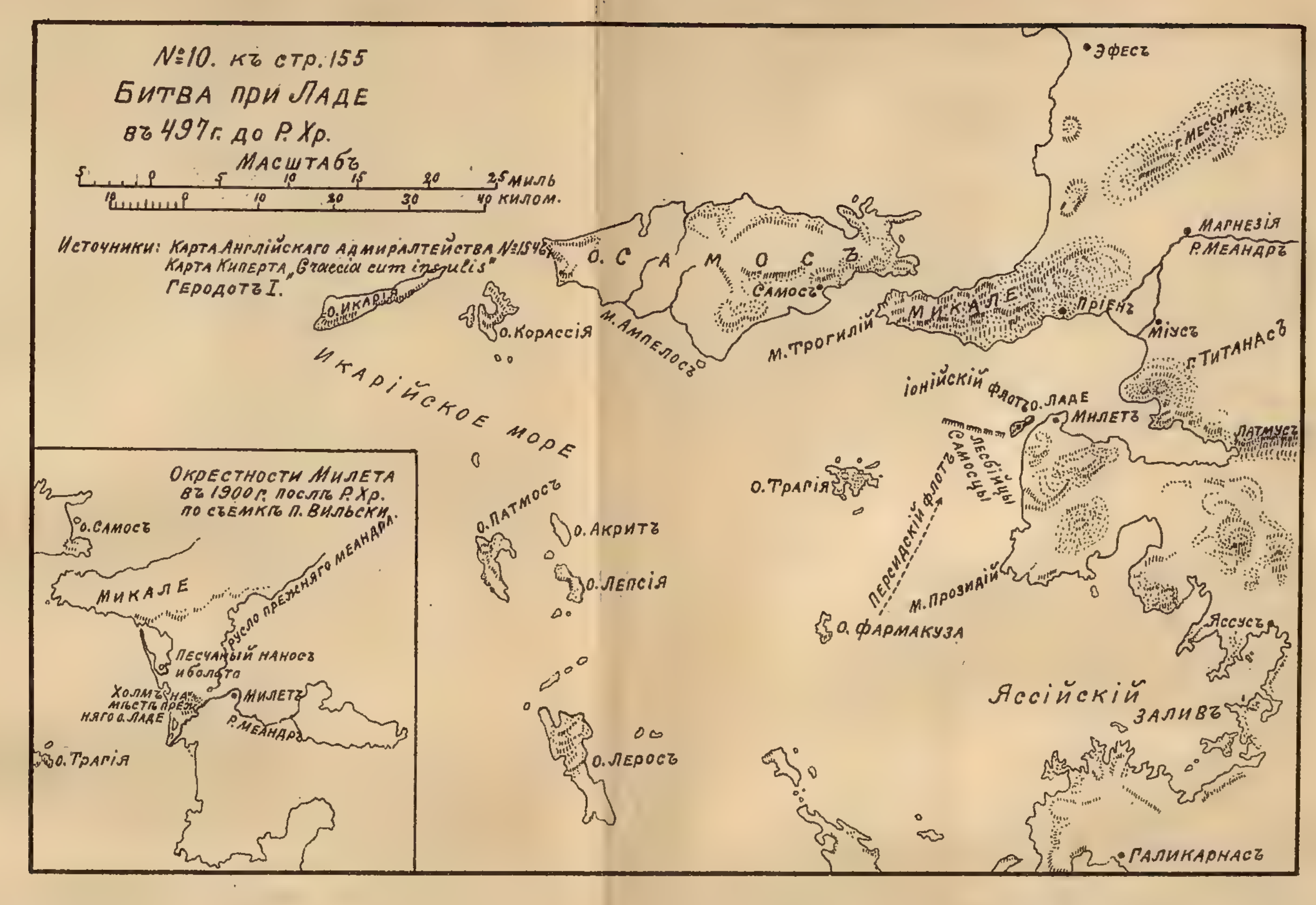

Фиг. 8.
Къ стр. 148.

Фиг. 9.
Къ стр. 148.

Литографія Козловской (способъ Янова).
Петр. ст., Бол. Зеленина ул., д. 18-а. Телеф. 489-85.

казательствомъ довольно высокой степени развитія морского дѣла, даже если считать что преувеличены данныя Корнелія Непота [1]), по которымъ войско состояло изъ 200.000 пѣхотинцевъ и 10.000 всадниковъ.

Наксійцы, застигнутые врасплохъ, не отважились сопротивляться и скрылись въ горы. Попавшіе въ руки персовъ жители были обращены въ рабство, а самъ островъ совершенно опустошенъ. Далѣе персы направились къ Делосу, жители котораго бѣжали. Датисъ призвалъ ихъ обратно, не тронулъ острова и принесъ богатыя жертвы Аполлону. Это было сдѣлано съ расчетомъ устрашить сопротивлявшихся, и привлечь на свою сторону мягкостью тѣхъ, которые поднесли „воду и землю“.

На дальнѣйшемъ пути къ Евбеѣ персы взяли съ подчинившихся острововъ лишь воиновъ и заложниковъ, завоевали и разрушили одинъ изъ городовъ на южной оконечности Евбеи, не пожелавшій покориться, и двинулись по проливу между островомъ и Аттикой въ Эретрію, гдѣ и высадились, не встрѣтивъ сопротивленія. Городъ, не пожелавшій встрѣтить врага въ открытомъ полѣ, былъ осажденъ и, несмотря на храброе сопротивленіе, былъ взятъ персами вслѣдствіе измѣны; жители были обращены въ рабство и уведены. Дарій поселилъ ихъ впослѣдствіи въ провинціи Киссіи близъ Сузъ.

Одно изъ наиболѣе враждебныхъ государствъ было покорено, и персы двинулись на Аѳины. Гиппій повелъ флотъ въ отстоявшую на 25 км. отъ Аѳинъ и удобную для высадки *Мараѳонскую* бухту полагая, что окружавшая ее равнина будетъ особенно благопріятна для дѣйствій кавалеріи. Дорога изъ Эретріи въ Аѳины черезъ Мараѳонъ ему была хорошо знакома, такъ какъ въ 537 году до Р. Хр. онъ совершилъ этотъ путь со своимъ отцомъ, возвращавшимся въ третій разъ къ власти.

При извѣстіи о приближеніи персовъ аѳиняне мобилизировали всѣхъ способныхъ драться гражданъ и избрали десять военачальниковъ, по одному на филу; среди нихъ были Аристидъ и Мильтіадъ, поселившійся въ Аѳинахъ послѣ бѣгства изъ Ѳракійскаго Херсонеса. Оправданный отъ обви-

[1]) Corn. Nepos, Miltiades. 4; Геродотъ не приводитъ числа.

ненiй, возведенныхъ на него въ бытность тираномъ, онъ сталъ вновь пользоваться заслуженнымъ уваженiемъ. По его совѣту аѳиняне рѣшили не ограничиваться обороной города, такъ какъ несогласiе гражданъ давало поводъ бояться измѣны въ случаѣ осады, что уже случилось въ Эретрiи, и выступили навстрѣчу врагу. При высадкѣ персовъ въ Мараѳонѣ аѳинское войско заняло позицiю на хребтѣ Пентеликонъ, на который трудно было напасть и черезъ который существовала единственная удобная для армiи дорога въ Аѳины. Къ послѣднимъ присоединились ихъ вѣрные союзники платейцы. Въ Спарту съ просьбой о помощи былъ спѣшно посланъ гонецъ, сдѣлавшiй перегонъ въ 180 км. въ два дня, но спартанцы отвѣтили, что они смогутъ выступить только лишь въ полнолунiе, до котораго оставалось еще пять дней.

Такимъ образомъ аѳиняне остались предоставленными самимъ себѣ, лишь Платея выслала 1.000 гоплитовъ. Тѣмъ не менѣе Мильтiадъ твердо рѣшилъ итти навстрѣчу персамъ, несмотря на превосходныя ихъ силы, съ которыми однако Датисъ не рисковалъ ни напасть, ни обойти грековъ. Мильтiадъ сумѣлъ привлечь на свою сторону большинство голосовъ и ему было поручено верховное командованiе. Видя нерѣшительность персовъ, онъ рѣшилъ выжидать когда они опять сядутъ на корабли, къ чему ихъ побудило появленiе блестящаго щита на Пентеликонѣ, служившаго какъ бы сигналомъ. Датисъ рѣшилъ высадить свою армiю въ Фалеронской бухтѣ, чтобы оттуда вступить въ опустѣлыя Аѳины, находившiяся невдалекѣ.

142. Мараѳонская битва. Послѣ того, какъ персидская конница, а также часть пѣхоты были посажены на корабли подъ прикрытiемъ остальной армiи, Мильтiадъ продвинулъ 1) свое войско на разстоянiе до 1.500 мт. отъ враговъ и во избѣжанiе обхода съ фланга растянулъ свой фронтъ по длинѣ равной длинѣ непрiятеля. Съ усиленiемъ фланговъ центръ аѳинскихъ войскъ оказался очень неглубокимъ. Распредѣливъ такъ свои силы, онъ повелъ рвавшихся въ бой грековъ бѣгомъ въ атаку, отчасти для того, чтобы менѣе подвергать войско дѣйствiю персидскихъ стрѣлъ и скорѣе довести дѣло до рукопашнаго

1) Принципъ сосредоточенiя силъ противъ *части* непрiятеля. *Ред.*

бой[1]), въ которомъ имѣли перевѣсъ гоплиты, отчасти же ради моральнаго эффекта, производимаго сильнымъ натискомъ. Но персы выдержали атаку, и лишь послѣ продолжительнаго боя сильнымъ флангамъ грековъ удалось обратить въ бѣгство фланги персовъ; послѣ этого по приказанію командировъ греки стянулись на помощь центру, который находился въ стѣсненномъ положеніи и былъ прорванъ. Такимъ образомъ греки одержали полную побѣду. Затѣмъ они бросились преслѣдовать до берега бѣжавшихъ персовъ, стремившихся толпами на корабли. У берега произошла еще одна рѣшительная схватка, во время которой греки забрали 7 вытащенныхъ на берегъ кораблей. Остальные уже были спущены на воду.

Потери персовъ достигали 6.400 человѣкъ, грековъ же лишь 192 человѣка, считая вольноотпущенниковъ и т. п.

Черезъ день *послѣ* битвы пришли 2.000 посланныхъ на помощь спартанцевъ, прошедшихъ весь путь въ три дня, но имъ не оставалось больше ничего дѣлать, какъ посмотрѣть на поле битвы съ павшими и вернуться обратно.

Послѣ этой битвы персидскій флотъ забралъ плѣнныхъ жителей Эретріи, оставленныхъ на время на маленькомъ островкѣ Айгилеѣ, и двинулся въ заливъ Фалеронъ. Аѳинское войско подъ командой Мильтіада быстро вернулось въ городъ и приготовилось къ его защитѣ. Гиппій съ самоувѣренностью эмигранта совершенно напрасно разсчитывалъ на возстаніе своихъ сторонниковъ въ Аѳинахъ. Персидскій флотъ въ ожиданіи этого возстанія простоялъ нѣкоторое время на якорѣ въ бухтѣ, а затѣмъ, ничего не предпринявъ, двинулся обратно домой.

Второй персидскій походъ все-таки не былъ лишенъ нѣкотораго успѣха. Благодаря умѣлому использованію своихъ *морскихъ силъ*, персамъ скоро и безъ потеръ удалось доставить въ греческія воды большое войско: островъ Наксосъ, сопротивлявшійся въ теченіе 10 лѣтъ, удалось взять безъ труда; острову Делосу и другимъ Цикладскимъ островамъ вскорѣ пришлось почувствовать тяжесть персидскихъ силъ: ненавистная Эретрія была уничтожена; около Аѳинъ

---

[1] Принципъ уклоненія слабой стороны (меньшей численности) и выставленія сильной (искусство гоплитовъ въ рукопашномъ бою). *Ред.*

*

персы очутились въ самое благопріятное время года (августъ) и при своей многочисленности они легко могли бы побѣдить аѳинянъ, если бы ихъ *армія* обладала лучшей тактической подготовкой, всегда имѣющей рѣшающее значеніе. Относительно *флота* слѣдуетъ замѣтить, что онъ вполнѣ выполнилъ возложенную на него задачу и сдѣлалъ все, что отъ него требовалось, такъ какъ Аѳины, которыя не лежали у моря, были ему недоступны. Аѳины съ маленькой Платеей защитили всю Грецію отъ превосходнаго врага, и по заслугамъ стали считаться спасителями эллиновъ отъ варваровъ, чѣмъ возбудили однако все большую и большую зависть своихъ же единоплеменниковъ.

143. Конецъ Мильтіада. *Мильтіадъ* сдѣлался первымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ. Но вскорѣ онъ попалъ въ немилость къ партіямъ и ихъ ненависть привела его къ печальной участи, не безъ личной его, впрочемъ, вины. По его предложенію, сопровождавшемуся заманчивыми обѣщаніями, аѳиняне предоставили ему весь флотъ изъ 70 кораблей, съ войскомъ и всѣми необходимыми средствами для завоеванія отошедшихъ къ персамъ острововъ. Съ этими силами онъ отправился къ острову Паросу, который однако не согласился выплатить по его требованію 100 талантовъ ($^1/_2$ милліона марокъ) и выдержалъ осаду. Вернувшись безъ успѣха, съ пустыми руками и раненый, Мильтіадъ подвергся обвиненію со стороны своихъ старыхъ враговъ и, не будучи въ состояніи оправдаться, былъ присужденъ къ непомѣрному денежному штрафу, за неуплату котораго былъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ отъ ранъ.

144. Третій персидскій походъ. Послѣ второго неудачнаго похода на Аѳины, Дарій еще болѣе раздраженный, немедленно приказалъ сдѣлать во всѣхъ провинціяхъ еще большія приготовленія и потребовалъ отъ вассальныхъ морскихъ государствъ приготовленія еще большаго количества боевыхъ и транспортныхъ судовъ. Несмотря на то, что второй персидскій походъ (490 г. до Р. Хр.) послѣдовалъ сейчасъ же послѣ перваго (492 г. до Р. Хр.) на подготовку къ третьему понадобилось цѣлое десятилѣтіе.

Это было прямо волею Провидѣнія. Дѣйствительно, спрашивается, какимъ образомъ могла бы сопротивляться маленькая разрозненная Греція, все еще беззащитная на

морѣ, если бы Дарій — самъ выдающійся организаторъ, да еще пользовавшійся совѣтами опытныхъ греческихъ совѣтниковъ, вновь предпринялъ бы черезъ непродолжительный срокъ походъ на Грецію со своими неимовѣрными сухопутными и морскими силами? Послѣ подчиненія средней Греціи, несмотря на героическую храбрость спартанцевъ, не обладавшихъ однако тактическими и стратегическими способностями, Пелопоннесъ не удержался бы. Такая же участь постигла бы и Арголиду, несмотря на всю ненависть ея къ персамъ.

Прежде чѣмъ были окончены приготовленія къ войнѣ съ греками, единственнымъ въ мірѣ народомъ, не признававшимъ персидскаго царя, въ 487 году до Р. Хр. вспыхнуло, положившее конецъ персидскому владычеству, возстаніе въ Египтѣ. Это заставило персовъ начать войну сначала тамъ.

Въ 486 году до Р. Хр. умеръ состарившійся Дарій. Ему унаслѣдовалъ Ксерксъ, типичнѣйшій восточный деспотъ, для котораго собственныя непостоянныя желанія были закономъ.

Покоривъ въ слѣдующемъ году (485 г. до Р. Хр.) Египетъ при помощи уже подготовленнаго войска и сдѣлавъ тамъ намѣстникомъ своего брата Ахайменa, онъ приказалъ въ широкихъ размѣрахъ возобновить приготовленія къ греческому походу. По совѣту Мардонія, пользовавшагося у него большимъ уваженіемъ, походъ рѣшено было вести персидскимъ способомъ, оказавшимся уже одинъ разъ такимъ неудачнымъ для Мардонія. Рѣшенію Ксеркса кромѣ Мардонія, надѣявшагося въ случаѣ побѣды стать намѣстникомъ Греціи, способствовало то обстоятельство, что племя Алеуадовъ, господствовавшее въ Ларисѣ (Өессаліи) и стремившееся овладѣть всей Өессаліей, обратилось за помощью къ Ксерксу.

Перевозка моремъ такого большого войска, какое собирался выдвинуть Ксерксъ была прямо невозможна: приготовленія велись въ самомъ широкомъ масштабѣ, при чемъ устранялись всѣ обстоятельства, оказавшіяся гибельными для Мардонія. Войско должно было выступить слѣдующей весной не изъ Киликіи, а изъ *Сардъ*, и перейти на европейскій берегъ черезъ Геллеспонтъ, гдѣ для ускоренія перехода предполагалось навести мосты. Затѣмъ для избѣжанія обхода

опасныхъ для судовъ отроговъ Аѳонскихъ горъ, черезъ полуостровъ Акте на низкомъ мѣстѣ, ближе къ материку, долженъ былъ быть прорытъ каналъ такой ширины, чтобы двѣ встрѣчныя триремы, идущія подъ веслами, могли свободно разойтись. Для перехода войска черезъ рѣку Стримонъ, широкую у устья, предполагалось также навести мостъ. Эти работы должны были быть исполнены командами судовъ флота, стоявшаго во вновь основанной базѣ въ Эліоеѣ во Ѳракійскомъ Херсонесѣ. Слабые слѣды канала сохранились и до сихъ поръ. Для содержанія войска во Ѳракіи и Македоніи повсюду на пути были устроены продовольственные пункты. Кромѣ военнаго флота, армію долженъ былъ сопровождать цѣлый флотъ транспортныхъ судовъ съ запасами всякаго рода.

Ко времени второго нашествія персовъ силы грековъ на морѣ были еще до того незначительны, что никто и не помышлялъ о сраженіи съ персидскимъ *флотомъ*. Въ Аѳинахъ, какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ, вся военная подготовка заключалась въ воспитаніи гражданъ по спартанскому образцу хорошими сухопутными воинами. Побѣда при Ѳивахъ и Халкидѣ въ 509 году до Р. Хр. и особенно славный успѣхъ при Мараѳонѣ подтверждали ея цѣлесообразность. Это было всеобщимъ мнѣніемъ, раздѣлявшимся древними родами, а также и пользовавшимся большимъ вліяніемъ и уваженіемъ Аристидомъ, принимавшимъ участіе въ законодательствѣ Клисѳена и близкимъ къ Алкмеонидамъ.

145. Ѳемистоклъ. Но вскорѣ нашелся, добившійся впослѣдствіи, несмотря на всѣ препятствія большого вліянія, *человѣкъ*, который, понявъ своимъ глубокимъ и дальновиднымъ умомъ, что *будущее* Аѳинъ лежитъ *на морѣ*, поставилъ себѣ великую задачу— создать въ аѳинскомъ государствѣ сильный *флотъ* съ рядомъ гаваней, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, пріохотить весь народъ къ мореплаванію, и создать воиновъ годныхъ для морской войны. Благодаря своему генію, ему удалось совершить это великое дѣло, и даже больше—на его долю выпало счастье выйти съ этимъ флотомъ побѣдителемъ надъ превосходными силами варваровъ. Такимъ образомъ онъ создалъ своей родинѣ *морское могущество*, т. е. средство для достиженія *власти*, богатства и *вѣчной славы*.

Θемистоклъ, родившійся въ 525 г. до Р. Хр., происходилъ изъ стараго аѳинскаго рода, хотя его отецъ и не принадлежалъ къ числу евпатридовъ, а мать не была даже вовсе аѳинянкой. Поэтому онъ не считался полноправнымъ гражданиномъ и, обладая лишь небольшимъ состояніемъ, не принадлежалъ къ первому классу граждан. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, ему удалось безъ труда преодолѣть эти препятствія. Обладая большимъ честолюбіемъ и огненнымъ темпераментомъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ преслѣдовалъ только одну цѣль: служить отечеству и стремиться къ его величію и могуществу.

Послѣ бурно проведенной молодости, когда онъ старался привлечь къ себѣ вниманіе блескомъ и экстравагантностью, онъ сравнительно рано началъ политическую дѣятельность, стремленіе къ которой проявлялъ еще мальчикомъ въ играхъ со своими сверстниками. Онъ любилъ выступать въ качествѣ адвоката въ воображаемыхъ процессахъ, для практики въ ораторскомъ искусствѣ. Изящныя искусства, процвѣтавшія въ Аѳинахъ не привлекали его, и его взоры были обращены исключительно на практическіе вопросы, на политику.

Превосходный и находчивый ораторъ, онъ скоро былъ замѣченъ и сталъ стремиться къ тому, чтобы выдвинуться, при чемъ по своей пылкости очень часто не воздерживался отъ возраженій высокопоставленнымъ лицамъ, чѣмъ возстановилъ противъ себя консервативные и знатные круги и Аристида. Относительно средствъ онъ оказался не очень разборчивымъ, особенно же его осуждали за способы добыванія денегъ; но въ этомъ отношеніи въ то время царили вообще слишкомъ практическія жизненныя правила, а съ другой стороны надо замѣтить, что Θемистоклу деньги были нужны лишь какъ средство для высшихъ цѣлей. По понятіямъ нравственности того времени подкупомъ можно было достичь почти всего. Да и въ наше высоконравственное время сдѣланнымъ во время и въ соотвѣтствующей формѣ подаркомъ можно достичь гораздо большаго, чѣмъ это кажется.

Θемистоклъ храбро сражался при Мараѳонѣ. Послѣ этой блестящей побѣды въ Аѳинахъ стали видѣть *конецъ* опасности со стороны персовъ; его же широковидящее око усмотрѣло только *начало* ея. Онъ уже тогда ясно понималъ, что

Могущественный флотъ—вѣрное средство для огражденія отъ персидской опасности и достиженія Аѳинами могущества и богатства. Созданіе флота требовало полнаго переворота не только во взглядахъ на систему защиты страны, но и въ финансовой сторонѣ дѣла. Надо было раздобыть большія деньги. Созданіе и содержаніе флота и тогда, какъ и теперь, стоило *дорого*. Свободной наличности у государства не было, а наукраріямъ было тяжело содержаніе даже слабой морской милиціи.

Но самымъ труднымъ было найти среди нелюбившихъ море аѳинянъ достаточное количество людей для тяжелой работы гребцовъ. Несмотря на то, что для Ѳемистокла не существовало невыполнимыхъ плановъ, онъ съ самаго начала натолкнулся на упорное противодѣйствіе Аристида и евпатридовъ, голоса которыхъ стали рѣшающими послѣ Мараѳонской побѣды. Они были рѣшительными противниками широкихъ плановъ Ѳемистокла, проектировавшаго перемѣстить центръ тяжести обороны государства съ суши на море, что шло въ разрѣзъ съ историческими традиціями и духомъ законовъ Солона, базировавшихъ государство на землевладѣніи и земледѣліи. Къ флоту аѳиняне не питали довѣрія, особенно же послѣ того, какъ большой іоническій флотъ потерпѣлъ неудачу при Ладе и не спасъ Милета отъ разрушенія. Кромѣ того, они опасались, что развитіе морскихъ сношеній и морской торговли повредитъ господствовавшей чистотѣ нравовъ. Въ это же время одинъ изъ евпатридовъ по имени Ксантиппъ, выступавшій обвинителемъ Мильтіада, добился его осужденія и Аристидъ былъ выбранъ въ 489 году до Р. Хр. первымъ архонтомъ.

При такихъ условіяхъ потребовалась многолѣтняя партійная борьба и весь геній Ѳемистокла, прежде чѣмъ ему удалось добиться осуществленія своихъ идей. Лишь въ 483 году до Р. Хр., послѣ изгнанія, подвергнутаго остракизму, Аристида, Ѳемистоклъ вздохнулъ свободно и немедля предложилъ народу свой *законъ о флотѣ*. На получавшіеся отъ наслѣдственной аренды принадлежавшихъ государству Лавріонскихъ серебряныхъ рудниковъ (въ южной части Аттики) доходы, дѣлившіеся до сего времени между отдѣльными гражданами, что не приносило пользы самому государству, немедленно должны были быть построены 100 триремъ. Для

146. Законъ о флотѣ

осуществленія этой цѣли сто почтенныхъ и состоятельныхъ гражданъ получали въ видѣ аванса по одному таланту (приблизительная стоимость корпуса триремы) съ обязательствомъ построить трирему. Если постройка оказывалась удачной, это готовое судно принималось правительствомъ, если же нѣтъ, то авансъ долженъ былъ быть возвращенъ. Доходы съ рудниковъ въ то время не превышали 100 талантовъ въ годъ[1], и сумма вѣроятно пополнялась продажей многочисленныхъ новыхъ „земель“ по одному таланту.

Не рѣшаясь выставить дѣйствительную, очень отдаленную причину, вызывавшую неотложную необходимость созданія морского могущества — оборону отъ персовъ, Ѳемистоклъ пока нашелъ другую причину, именно: все еще продолжавшуюся войну съ Эгиной, сильно вредившей торговлѣ по всему побережью Аттики. Выставивъ эту причину, Ѳемистоклу удалось убѣдить народъ отказаться отъ ежегодныхъ доходовъ и рѣшиться пойти на трудную морскую службу. Его мысль, что *море должно сдѣлаться ареной могущества грековъ*[2],—побѣдила и его проектъ осуществился въ видѣ закона. Для созданія судовъ лучшей конструкціи онъ привлекъ въ Аѳины коринѳскихъ строителей, слывшихъ лучшими въ Греціи, и лихорадочная работа по сооруженію новыхъ триремъ началась.

Выбранный въ слѣдующемъ 482 году до Р. Хр. первымъ архонтомъ, Ѳемистоклъ обратилъ вниманіе на созданіе и использованіе необходимыхъ для флота защищенныхъ военныхъ *гаваней и верфей*.

Открытая Фалеронская бухта, которой до сихъ поръ пользовались аѳиняне, была оставлена и вмѣсто нея были сооружены три защищенныя гавани на скалистомъ Пирейскомъ полуостровѣ: двѣ маленькія въ круглыхъ бухтахъ *Мунихія* и *Зея*, расположенныя въ юго-западной части полуострова, и одна большая, расположенная въ сѣверо-западной сторонѣ, въ бухтѣ *Кантаросъ* по правую руку отъ входа въ теперешній Пирейскій портъ (см. карту № 12). **147. Созданіе военныхъ гаваней.**

Для защиты гаваней отъ враговъ была начата постройка стѣны приблизительно въ 11 км. длиной и въ двѣ колеи

---

[1]) Boeckh, см. гл. I, 421. 2-е.
[2]) Thucydides, см. гл. I, 93.

шириною [1]. Эта стѣна охватывала весь полуостровъ съ гаванями, такъ какъ Ѳемистоклъ предполагалъ сдѣлать всю эту часть неприступной крѣпостью. Въ случаѣ повторенія нашествія персовъ на слабо укрѣпленныя Аѳины, жители должны были покинуть городъ и укрыться въ портъ, чтобы оттуда съ помощью флота *вести войну, хоть со всѣмъ міромъ*.

Этотъ грандіозный по своей смѣлости и увѣренности планъ былъ построенъ на дѣльномъ и вѣрномъ основаніи. По изготовленіи первой сотни триремъ начали строить вторую, и къ лѣту 480 года до Р. Хр. у грековъ въ боевой готовности имѣлось 200 кораблей съ командою въ 40.000 человѣкъ.

Еще не такъ давно аѳиняне должны были занимать 20 кораблей у коринѳянъ, чтобы справиться съ Эгиной, а теперь обладали великолѣпнымъ флотомъ въ Сароническомъ заливѣ. Постройка гаваней и стѣнъ не успѣла еще подвинуться, какъ осенью 481 года до Р. Хр. пронесся слухъ, что изъ глубины Азіи въ Сарды идетъ *необычайное количество войска*, собирающагося съ помощью *многочисленнаго флота* покорить Грецію.

148. Приготовленія персовъ. Для этого похода Ксерксъ собралъ въ Криталлѣ въ Каппадокіи всѣ силы своего государства, какъ сухопутныя такъ и морскія, стянувъ ихъ съ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей, а также изъ Эѳіопіи и Индіи. Войско состояло изъ 46 различныхъ народностей, *флотъ* изъ кораблей 10 вассальныхъ государствъ и цѣлаго ряда острововъ и отдѣльныхъ городовъ.

Ксерксъ хотѣлъ раздавить врага своей численностью, забывая парадоксъ, что въ данномъ случаѣ менѣе многочисленное войско оказалось бы болѣе сильнымъ. Въ многочисленности войска и заключалась главная *слабость*: его невозможно было перевезти моремъ, движеніе его было очень медленнымъ, а продовольствованіе очень затруднительнымъ. Въ Криталлѣ Ксерксъ самъ сталъ во главѣ войска и повелъ его въ Сарды, откуда снова разослалъ посланцевъ съ требованіемъ „земли и воды“ во всѣ греческіе города, кромѣ Спарты и Аѳинъ.

---

[1] Thucydides, см. гл. I. 93 и II. 13; Wachsmuth. Die Stadt Athen im Altertum I, 314.

Съ началомъ весны 480 года до Р. Хр. онъ двинулся съ войскомъ изъ Сардъ [1]), черезъ Иліонъ (Трою) по направленію къ Геллеспонту. Флотъ слѣдовалъ за нимъ вдоль берега. У Абидоса онъ устроилъ гребныя гонки, въ которыхъ побѣдили сидоняне. Послѣдовавшій затѣмъ переходъ въ Европу черезъ Геллеспонтъ по двумъ понтоннымъ мостамъ, наведеннымъ между Абидосомъ и Сестосомъ, занялъ 7 дней. Мосты были сооружены греческими техниками изъ Малой Азіи и состояли изъ 360 и 314 кораблей.

Въ Дорискосѣ во Ѳракіи былъ произведенъ смотръ всѣмъ силамъ и была выяснена ихъ численность. По Геродоту количество пѣшихъ воиновъ, по большей части неорганизованныхъ, достигало 1.700.000, а конницы 80.000 человѣкъ; цифры эти можно считать преувеличенными.

Болѣе достовѣрными кажутся свѣдѣнія о флотѣ, численность котораго выяснить много легче. Онъ состоялъ изъ 1.207 триремъ: финикійцы выставили 300, египтяне 200, кипрійцы 150, киликійцы и другія племена южнаго побережья Малой Азіи 180, греки съ западнаго побережья, съ острововъ и изъ Чернаго моря доставили остальные 337 кораблей. Каждая трирема кромѣ гребцовъ имѣла еще по тридцати солдатъ изъ лучшихъ войскъ персовъ, мидійцевъ или сакейцевъ. Тріерархи и начальники отрядовъ были той національности, къ которой принадлежали корабли, но высшее начальство надъ флотомъ было поручено персамъ, людямъ незнакомымъ съ морскимъ дѣломъ. Весь флотъ былъ раздѣленъ на четыре эскадры, во главѣ каждой стояло по высокопоставленному персу, при чемъ двое изъ этихъ начальниковъ были сводными братьями Ксеркса. Они обращались съ подчиненными какъ съ рабами.

Количество транспортныхъ судовъ, главнымъ образомъ тридцативесельныхъ и торговыхъ кораблей, достигало 3.000. Команды однихъ военныхъ судовъ, полагая на каждый корабль по 200 человѣкъ, должны были составить массу въ 240.000 человѣкъ.

Изъ Дорискоса Ксерксъ выступилъ дальше въ Акантосъ, двигаясь все время вдоль берега, сопровождаемый флотомъ, вплоть до Халкидики, гдѣ флотъ прошелъ черезъ вырытый

[1]) См. карту Греціи. «Походъ Ксеркса».

для него [illegible] въ Термы (Салоники), а войско, отдѣлившись отъ него направилось туда же напрямикъ. Уже въ это время возникали затрудненія въ продовольствованіи. Земли, черезъ которыя шло войско, были совершенно истощены.

Въ Термы, гдѣ была сдѣлана остановка, вернулись послы. Они принесли знаки подчиненія изъ всѣхъ государствъ сѣверной и средней Греціи, кромѣ Ѳивъ.

149. Ѳемистоклъ призываетъ грековъ къ защитѣ.

Осенью 481 года до Р. Хр., когда въ Аѳины пришла вѣсть о грандіозныхъ приготовленіяхъ персовъ къ походу противъ Аѳинъ, Ѳемистоклъ призвалъ всѣхъ грековъ *соединиться для защиты* національной независимости и созвалъ всеобщее греческое собраніе въ Истмѣ въ Коринѳѣ, расположенномъ въ центрѣ Греціи. Изъ сотенъ независимыхъ государствъ и городовъ осталось вѣрнымъ національнымъ интересамъ только тридцать одно: изъ пелопоннесскихъ государствъ не явились на собраніе аргосцы и ахейцы, питавшіе смертельную вражду къ спартанцамъ; изъ средней Греціи кромѣ аѳинянъ явились лишь мегаряне и маленькіе городки Платея и Теспія въ Беотіи, а также Локрида и острова Евбея и Левкадія; изъ сѣверной Греціи лишь Амвракія, и наконецъ островъ Эгина и еще нѣсколько мелкихъ острововъ.

Всѣ эти государства послали на общее собраніе въ Истмѣ своихъ уполномоченныхъ, которые дали клятвенное обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно противъ варваровъ и, образовавъ *союзный совѣтъ*, приняли на себя руководство всѣми дѣлами. Ихъ первымъ рѣшеніемъ было прекратить всѣ раздоры и прежде всего вражду между Аѳинами и Эгиною, которые и подчинились ихъ приказанію. Затѣмъ, главное командованіе сухопутными войсками было предоставлено безъ возраженій спартанцамъ. Командованіе морскими силами по праву принадлежало Аѳинамъ, но Ѳемистоклъ, какъ уполномоченный, великодушно отказался отъ этого во избѣжаніе нарушенія единства командованія.

Затѣмъ были отправлены послы въ Аргосъ и Сиракузы, на Коркиру (Корфу) и Критъ съ просьбою о помощи, но ихъ миссія оказалась безуспѣшной. Могущественный тиранъ сиракузскій Гелонъ хотя и предложилъ, что вышлетъ 200 триремъ и войско, но при условіи, что главное на-

тельство надъ всѣмъ будетъ поручено ему. Это требованіе было оскорбительно для греческаго самолюбія и отъ его помощи просто отказались. Вскорѣ послѣ этого Гелонъ подвергся жестокому нападенію кароагенянъ, напавшихъ на Сицилію по побужденію Ксеркса. Корцира, сильная на морѣ, изъявила готовность выставить 60 триремъ, но вооружила ихъ и послала лишь лѣтомъ 480 года до Р. Хр. къ мысу Тенару, чтобы выждать тамъ на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Аргосъ и Критъ вообще уклонились отъ помощи.

Когда весной 480 года до Р. Хр. Ксерксъ двинулся къ Геллеспонту и этимъ далъ понять что избираетъ сухой путь, нѣсколько ѳессалійскихъ государствъ оставшихся вѣрными, стали просить защитить ихъ отъ Ксеркса, которому въ противномъ случаѣ они вынуждены были бы покориться. Союзный совѣтъ согласился и послалъ имъ 10.000 гоплитовъ подъ начальствомъ спартанцевъ, морскимъ путемъ, такъ какъ Опы были ненадежны, до гавани Алосъ въ Пагасейскомъ заливѣ, откуда войска, усиленныя ѳессалійской конницею, двинулись къ Темпе, а флотъ остался въ Алосѣ. Узкую Темпейскую лощину можно было удержать и при превосходныхъ силахъ противника, но Ѳемистоклъ, командовавшій аѳинскими силами, обратилъ вниманіе на то, что для ея удержанія необходимо было имѣть сильный флотъ, ибо для персовъ не было ничего легче какъ высадить часть своихъ войскъ нѣсколько южнѣе и окружить грековъ въ Темпе. Небольшой же греческій флотъ при отсутствіи на этомъ побережьѣ гаваней отнюдь не могъ разсчитывать на успѣхъ при встрѣчѣ въ открытомъ морѣ съ болѣе многочисленнымъ персидскимъ флотомъ. Къ тому же греки могли быть обойдены черезъ горный проходъ, находившійся къ сѣверо-западу отъ Олимпа. Поэтому Темпейская позиція по его совѣту была вскорѣ оставлена и экспедиція въ началѣ іюня тѣмъ же путемъ, какъ и пришла, вернулась обратно къ Коринѳскому перешейку (въ Истмъ).

Ксерксъ, услыхавъ, что Темпе занято, предпринялъ изъ Терма рекогносцировку къ устью р. Пенея на сидонской триремѣ: онъ нашелъ проходъ свободнымъ, ѳессалійцы всѣ присоединились къ нему, и онъ могъ безпрепятственно продолжать походъ до Отійскихъ горъ, служившихъ границей между сѣверной и средней Греціей. Съ флотомъ онъ

долженъ былъ опять раздѣлиться, такъ какъ гористый ѳессалійскій берегъ совсѣмъ не былъ пригоденъ для прохода войска. Поэтому флотъ былъ пока оставленъ въ Термахъ и долженъ былъ черезъ 14 дней прійти въ Маліакскій заливъ (см. карту № 11), чтобы тамъ соединиться съ войскомъ. Послѣднее, дойдя до Отійскихъ горъ, остановилось, такъ какъ единственный проходъ между скалистымъ берегомъ и моремъ—*Ѳермопильскій* шириною (въ то время) въ одну колею былъ сильно укрѣпленъ.

159. Сраженіе у Артемизія и Ѳермопилъ. Карта № 11. Послѣ возвращенія первой экспедиціи изъ Ѳессаліи, вызвавшаго потерю сѣверной Греціи, союзный совѣтъ опять таки по совѣту Ѳемистокла рѣшилъ удержать за войскомъ и флотомъ позицію по линіи *Ѳермопилы—Артемизій* и защищать среднюю Грецію. Поэтому въ серединѣ лѣта, когда Ксерксъ двинулся изъ Термъ, греческій флотъ подъ командою спартанца Эврибіада былъ спѣшно посланъ въ Артемизій, а спартанскій царь Леонидъ съ небольшимъ отрядомъ быстро двинулся къ Ѳермопильскому проходу. По пути къ нему присоединились подкрѣпленія, такъ что въ общей сложности у Ѳермопильскаго прохода сосредоточено было 6.000 гоплитовъ, хотя изъ нихъ было всего 300 спартанцевъ. Тысяча фокейцевъ заняла горную тропу, которая была открыта лишь въ это время.

Ксерксъ не рѣшился сразу напасть на сильную позицію, а расположился передъ ней лагеремъ и въ теченіе четырехъ дней выжидалъ прибытія флота, съ помощью котораго можно было напасть на врага съ фланга, или же высадить войско въ тылу. Не дождавшись флота и испытывая недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, онъ приказалъ лучшимъ частямъ своей арміи начать атаку. Но нѣсколько отрядовъ въ тотъ же день, а равно и въ послѣдующіе дни, были отбиты съ большими потерями.

Тогда онъ рѣшилъ идти въ обходъ по горной тропинкѣ, указанной ему мѣстными жителями. Его 10.000 „безсмертныхъ“, предводительствуемые Эфіальтомъ, поднялись ночью въ горы, съ разсвѣтомъ напали на фокейцевъ, разбили ихъ, и, быстро спустившись внизъ, зашли въ тылъ грекамъ въ Ѳермопилахъ. Леонидъ, замѣтивъ, что онъ обойденъ, и увидѣвъ безнадежность своего положенія, такъ какъ отступленіе было отрѣзано, отпустилъ почти всѣхъ союзныхъ

воиновъ и остался во главѣ отряда въ 1.900 человѣкъ, состоявшаго изъ трехсотъ спартанцевъ съ ихъ илотами.

На слѣдующій день персы повели наступленіе съ обѣихъ сторонъ и спартанцы пали въ геройской битвѣ; число убитыхъ со стороны персовъ достигало 20.000 человѣкъ. Ксерксъ въ ярости при видѣ своихъ потерь не постыдился обезчестить трупъ Леонида. Греческій отрядъ хотя и былъ весь уничтоженъ тѣмъ не менѣе причинилъ врагу тяжелый уронъ. Моральный успѣхъ оказался на сторонѣ спартанцевъ, обезпечившихъ за собою вѣчную славу.

Греческій флотъ одновременно съ этимъ занялъ позицію въ Гистіайской бухтѣ на сѣверномъ побережьѣ Евбеи, называвшемся Артемизіемъ. Ширина пролива въ этомъ мѣстѣ суживается до 3.000 и даже до 2.400 мт. Флотъ загородилъ путь къ Өермопиламъ, обладая къ тому же безопасной позиціей, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ берегъ не допускалъ возможности вытаскивать суда на берегъ, а въ данномъ мѣстѣ это было вполнѣ осуществимо.

Флотъ, кромѣ девяти пятидесятивесельныхъ судовъ, состоялъ изъ 271 триремы; изъ этого числа почти половина, именно 127, принадлежала Аѳинамъ. Коринѳъ выставилъ 40 триремъ, остальныя государства не болѣе чѣмъ по 20 каждое. Спарта только 10.

Тѣмъ не менѣе командованіе находилось въ рукахъ спартанца Эврибіада. *Өемистоклъ* командовалъ только аѳинскими кораблями, но онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и былъ *душой всего дѣла*, поэтому фактически общее руководство находилось въ его рукахъ.

Связь съ Өермопилами поддерживалась быстроходными судами; три триремы находились въ дозорѣ у острова Скіатоса и слѣдили за движеніемъ персидскаго флота. По неосторожности эти три триремы во время развѣдокъ подошли на 60 миль къ Термейскому заливу и были замѣчены персидскимъ авангардомъ изъ 10-ти быстроходнѣйшихъ судовъ, который погнался за ними.

Два греческихъ судна были настигнуты и взяты, при чемъ одно изъ нихъ, эгинское, оказало очень упорное сопротивленіе. Третье, аѳинское, было посажено на мель въ устьѣ Пенея, откуда команда пробралась на родину. Три персидскихъ корабля прошли къ Скіатосу и воздвигли въ узкомъ

проливѣ между островомъ и материкомъ на Мирмекской (муравьиной) отмели въ видѣ отличительнаго знака каменный столбъ [1] изъ взятаго съ собою матеріала, а затѣмъ присоединились къ флоту.

Послѣдній, усиленный на пути въ Грецію кораблями многихъ покоренныхъ имъ греческихъ острововъ и городовъ и зная фарватеръ, двинулся на югъ, дойдя въ первый же вечеръ до мыса Сепіаса. Этотъ переходъ въ 90 миль былъ сдѣланъ въ среднемъ съ шести узловой скоростью, если принять наибольшую продолжительность дня въ 15 часовъ. Для армады, состоявшей свыше чѣмъ изъ тысячи военныхъ и транспортныхъ судовъ, такой переходъ надо признать удивительнымъ. Затѣмъ флотъ сталъ восемью колоннами на якорь вдоль скалистаго и недоступнаго для него берега. Ночь прошла спокойно, но съ разсвѣтомъ начался штормъ отъ Оста, продолжавшійся три дня и настолько сильный, что ни одинъ изъ якорныхъ канатовъ не выдержалъ. Есть основанія думать, что во время этого шторма было разбито о скалистые берега и погибло свыше 400 военныхъ и транспортныхъ судовъ.

Получивъ съ находившихся на Скіатосѣ наблюдательныхъ постовъ огневые сигналы о приближеніи персидскаго флота, греки настолько испугались, что отступили къ Халкидѣ, думая защитить по крайней мѣрѣ самое узкое мѣсто пролива между Евбеей и материкомъ. Однако преувеличенныя свѣдѣнія о кораблекрушеніи персовъ у мыса Сепіаса, сообщенныя имъ оставленными въ Артемизіи развѣдчиками, быстро подняли ихъ духъ и они вернулись на прежнюю позицію въ Гистіайскую бухту. Въ этомъ сказался *неустанный духъ Өемистокла*, который по прошествіи перваго впечатлѣнія вновь овладѣлъ прежнимъ вліяніемъ.

---

[1]) Этотъ столбъ былъ сложенъ изъ строительнаго камня, взятаго изъ Термъ. Онъ находится среди очень мелкой бухты, діаметромъ около 150 метр., со скалистымъ грунтомъ, поэтому вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ камней сохранились и донынѣ. Имѣя въ виду обычай древнихъ высѣкать на камняхъ надписи, что они дѣлали очень быстро, вполнѣ можно допустить возможность найти теперь тамъ цѣнныя надписи. Подобныя примѣры не разъ встрѣчались на сушѣ.

Когда на четвертый день штормъ утихъ, персидскій флотъ двинулся вдоль берега къ Пагасейскому заливу и вскорѣ, послѣ полудня, сталъ на якорь въ Афетской бухтѣ, имѣвшей глубину около 10 саженъ (73 метра), и окруженной со всѣхъ сторонъ горами, хорошо защищавшими отъ вѣтра и волнъ. Однако скалистые и крутые берега не давали возможности вытащить корабли на берегъ.

Суда грековъ, находившіяся въ бухтѣ и закрытыя высокими горами, не были видны персамъ изъ Трикерійскаго пролива. Персы завидѣли греческій флотъ лишь при входѣ на разстояніи въ семь миль, но находясь въ безпорядочномъ строю, не рѣшились на нападеніе.

На слѣдующій день персидскіе корабли были приведены въ порядокъ, начальниками былъ произведенъ смотръ и состоялся военный совѣтъ. Для того, чтобы отрѣзать грекамъ отступленіе и не выпустить ни одного изъ ихъ судовъ, было рѣшено немедленно послать въ обходъ Евбеи эскадру въ 200 кораблей, причемъ она должна была обойти и островъ Скіатосъ, чтобы не быть замѣченной греками. Произвести нападеніе было рѣшено лишь по полученіи сигнала отъ судовъ, зашедшихъ въ тылъ грекамъ.

Между тѣмъ послѣдніе, видя колоссальныя силы персидскаго флота, который они считали почти непобѣдимымъ, вновь стали помышлять объ отступленіи. Ѳемистоклу пришлось приложить всѣ свои силы и употребить все свое вліяніе, чтобы убѣдить Эврибіада и коринѳянъ удержать прежнюю позицію. По полученіи отъ перебѣжчика извѣстія объ отрядѣ, отправленномъ въ обходъ, былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ послѣ долгихъ колебаній было рѣшено напасть на врага въ тотъ же вечеръ, чтобы ознакомиться съ его пріемами и узнать, насколько онъ умѣетъ совершать маневры, особенно же маневръ прорыва сквозь строй (διέκπλουν).

Лишь только персы замѣтили грековъ, приближавшихся къ нимъ строемъ фронта, они двинулись имъ навстрѣчу также строемъ фронта въ увѣренности, что имъ легко удастся забрать весь греческій флотъ, подвигаясь по принятому у финикійцевъ обыкновенію строемъ въ видѣ полумѣсяца (тотъ же строй фронта, но съ нѣсколько закинутыми впередъ флангами) для болѣе удобнаго обхода и 151. Битвы при Артемизіи. Первый день.

охвата непріятеля. Въ это время [illegible] широкаго Трикирійскаго пролива, [illegible] противъ Ореосъ, и по сигналу рога оттянули свои фланги нѣсколько назадъ такъ, что т[illegible] пришли въ соприкосновеніе съ обоими берегами и закрыли весь выходъ. Такимъ образомъ ихъ боевой строй имѣлъ видъ дуги круга съ выпуклостью, обращенной къ непріятелю, и состоялъ изъ двухъ рядовъ судовъ, обращенныхъ къ непріятелю [illegible]. Выждавъ приближеніе непріятеля, греки по второму сигналу обрушились на него, и въ это же время финикійцы приступили къ попыткамъ прорвать строй греческихъ судовъ. Грекамъ удалось легко справиться съ прорвавшимися въ строй финикійскими судами въ то время, когда они поворачивали, помощью судовъ, цѣлесообразно поставленныхъ по мудрому совѣту Гераклида во второмъ ряду. При этомъ безъ значительныхъ потерь удалось захватить 30 судовъ у непріятеля, ошеломленнаго неожиданнымъ маневромъ. Наступившая вскорѣ темнота положила конецъ бою.

Греки, къ которымъ присоединился еще одинъ [illegible]скій корабль, вернулись на свою безопасную позицію, а персы были принуждены опять становиться на якорь въ глубокихъ водахъ Афетъ. Позднимъ вечеромъ разразилась буря съ грозой и проливнымъ дождемъ, что заставило персовъ провести очень безпокойную ночь. Эта же буря оказалась роковой для обходнаго отряда, который съ ранняго утра выступилъ къ сѣверу Скіатоса для введенія грековъ въ заблужденіе. Онъ былъ выброшенъ на рифы у [illegible]восточныхъ береговъ Евбеи и весь погибъ у ея скалистыхъ береговъ.

На слѣдующій день персы ничего не предприняли, такъ какъ были удручены неудачей предшествовавшаго дня, нуждались въ отдыхѣ послѣ безсонной ночи и должны были исправить поврежденія. Кромѣ того они ожидали сигналовъ отъ обходнаго отряда [1].

---

[1] Такимъ образомъ посылка обходнаго отряда [illegible] для лучшаго *сосредоточенія* силъ (окруженіе грековъ), на самомъ дѣлѣ повела къ пагубному *раздѣленію* силъ, и передала *иниціативу* (изъ-за необходимости выжидать) въ руки *слабѣйшаго*. А этимъ самымъ слабѣйшій получилъ возможность использовать принципъ сосредоточенія силъ. (*Р.*)

У грековъ же, наоборотъ, настроеніе было приподнятое: извѣстіе о гибели обходнаго отряда его еще улучшило, такъ какъ на случай отступленія обратный путь оказывался свободнымъ; кромѣ того къ нимъ подошли еще 53 оконченныхъ постройкой аѳинскихъ корабля. Всего Аѳины выставили на защиту отечества 200 кораблей—всѣ свои наличныя морскія силы; изъ нихъ на 180 команду составляли аѳиняне и дружественные имъ платейцы, а на остальныхъ 20 были—переселившіеся изъ Аѳинъ въ Халкиду клерухи. Такимъ образомъ аѳинскія суда составляли почти $^{2}/_{3}$ всего флота, въ которомъ насчитывалось теперь до 324 кораблей.

Второй день.

Къ вечеру греки опять атаковали персовъ, но встрѣтились только съ нѣсколькими киликійскими кораблями, по всей вѣроятности высланными позднѣе для соединенія съ главными силами персовъ. Они не могли найти персовъ у Афета и приняли грековъ за нихъ и были ими потоплены. Съ наступленіемъ темноты греки опять возвратились на свою удобную стоянку.

Третій день битвы.

Не получивъ и на слѣдующее утро извѣстій отъ обходнаго отряда, персидскіе адмиралы болѣе не рѣшились медлить съ прорывомъ въ Малійскій заливъ, зная что Ксерксъ уже шесть дней тому назадъ прошелъ Алосъ въ Пагасейскомъ заливѣ. Поэтому къ полудню весь флотъ ихъ вышелъ изъ гавани и выстроился въ Трикирійскомъ проливѣ (6.000 метровъ шириною) въ видѣ полумѣсяца, растянувшагося на протяженіи нѣсколькихъ миль противъ входа въ проливъ Ореосъ.

Подготовившись такъ къ рѣшительной битвѣ, персы намѣревались окружить грековъ, но тѣ благоразумно не вышли на открытую воду, а выстроились между Гистіайскимъ заливомъ и островомъ Аргиро и заперли проливъ, суживающійся въ этомъ мѣстѣ до 3.200 мт. Для этого, принимая ширину корабля съ веслами въ 15 метровъ, имъ понадобилось всего 213 кораблей, что при наличіи 324 триремъ оставляло въ ихъ распоряженіи свыше 110 кораблей для аріергарда, или второго ряда, и для защиты узенькаго пролива между маленькимъ островкомъ и материкомъ [1].

[1] Здѣсь средствомъ для примѣненія принципа сосредоточенія силъ явился искусный выборъ мѣстности Ѳемистокломъ. *Ред.*

Персы сначала двинулись въ порядкѣ на врага, но войдя въ проливъ, стали тѣснить другъ друга, ломать весла и привели строй въ безпорядокъ; когда они подошли достаточно близко къ грекамъ, тѣ по сигналу устремились на нихъ, и по всей линіи завязалась жестокая битва, во время которой обѣ стороны сражались одинаково храбро. Въ рядахъ грековъ особенно отличались аѳиняне, среди которыхъ особенно выдѣлился Клиній, отецъ Алкивіада. Но въ силу большого численнаго перевѣса персовъ грекамъ все-таки не удалось одержать рѣшительной побѣды. Тѣмъ не менѣе они удержали позицію, а персы были вынуждены вернуться на свою старую якорную стоянку.

Персидскія потери кораблей и людей превышали греческія, хотя и у грековъ много триремъ было забрано непріятелемъ вмѣстѣ съ командой, и половина аѳинскихъ кораблей имѣла течь или другія аваріи.

Это обстоятельство дѣлало сомнительной цѣлесообразность пребыванія флота у Артемисія, тѣмъ болѣе, что тамъ не имѣлось средствъ для починки судовъ. Къ тому же тріаконтера Аброниха, державшаяся у Ѳермопилъ, вернулась въ Гистіейскій заливъ съ извѣстіемъ о взятіи Ѳермопильскаго прохода и о гибели Леонида съ войскомъ; послѣ этого дальнѣйшее пребываніе флота у Артемисія потеряло всякій смыслъ, и онъ вернулся черезъ Евбейское море въ Сароническій заливъ.

152. Отступленіе греческаго флота.

Ѳемистоклъ взялъ на себя командованіе аріергардомъ и долженъ былъ прикрывать *отступленіе*. На пути онъ дѣлалъ на прибрежныхъ скалахъ узкихъ проливовъ бросавшіяся въ глаза патріотическія надписи, надѣясь путемъ ихъ привлечь на свою сторону мало-азійскихъ грековъ.

Такимъ образомъ и флотъ не имѣлъ существеннаго успѣха; онъ очистилъ врагу путь къ Аѳинамъ, уступивъ островъ Евбею и греческіе берега. Тѣмъ не менѣе дни у Артемисія не прошли безслѣдно для флота: онъ выполнилъ свою задачу, удержавшись на своей позиціи и не допустивъ персовъ къ проливу. Кромѣ того встрѣча съ болѣе сильнымъ врагомъ дала возможность изучить его тактику и провѣрить собственные пріемы до сихъ поръ практиковавшіеся лишь на маневрахъ. Греки отрѣшились отъ робости, свойственной новичкамъ, и пришли къ убѣжденію, что персидскій флотъ

ее такъ уже страшенъ. Все это впослѣдствіи принесло свои плоды въ Саламинской битвѣ.

Өемистоклъ былъ всегда [illegible] и обладалъ рѣдкой способностью быстро освоиваться со всякими условіями и примѣняться къ нимъ. Съ самаго начала войны онъ предложилъ перенести рѣшительныя операціи съ суши на море, и позже въ качествѣ позиціи флота для защиты Өермопильскаго прохода выбралъ мѣсто въ узкомъ проливѣ Гистіайскаго залива, куда и привелъ флотъ, отправившійся съ перваго испуга при появленіи персовъ. 153. Өемистоклъ какъ военачальникъ.

По его иниціативѣ греки, держась въ узкомъ проливѣ и загородивъ его, нѣсколько разъ атаковали персовъ. Онъ же выбралъ моментъ для начала боя по всей линіи, когда наступавшіе персы стѣснились, сталкиваясь другъ съ другомъ. Сраженіе третьяго дня было, какъ бы прологомъ къ Саламинской битвѣ. Наконецъ, Өемистоклъ принялъ на себя прикрытіе отступленія и брался за наиболѣе отвѣтственныя задачи. 154. Тактическія и стратегическія заслуги Өемистокла

Онъ воспротивился возвращенію флота къ Коринѳскому перешейку, какъ на этомъ настаивали спартанцы, и убѣдилъ сосредоточить флотъ близъ Аѳинъ, подвергавшихся большой опасности. Союзный совѣтъ въ Истмѣ не уступилъ просьбамъ жителей Аѳинъ и Аттики дать Ксерксу рѣшительную битву въ Беотіи, собравъ тамъ все греческое войско, и скорѣе склонился къ защитѣ Пелопоннеса, укрѣпивъ перешеекъ и сосредоточивъ тамъ всѣ военныя силы, что оставляло открытой всю среднюю Грецію для персовъ, надвигавшихся прямо на Аттику черезъ Фокиду и Беотію, опустошавшихъ и сжигавшихъ все на пути.

Въ то время, какъ пелопоннесскіе корабли направились къ Саламину, уже заранѣе выбранному Өемистокломъ, какъ мѣсто для предстоящаго сраженія, онъ самъ остался пока съ аѳинскими кораблями въ Фалеронскомъ заливѣ и въ Пиреѣ. Со свойственною ему убѣдительностью, ссылаясь на рѣшеніе оракула, вѣроятно также не лишенное его вліянія, онъ посовѣтовалъ безпокоившимся аѳинянамъ довѣряться „деревяннымъ стѣнамъ“ (вошедшимъ позже въ поговорку — „wooden walls“) и, перейдя вмѣстѣ съ дѣтьми и женами на корабли, покинуть родной городъ.

Послѣ того какъ это было спѣшно сдѣлано и невоенная часть населенія была перевезена въ Трезену, и на о-ва

Эгину и Саламинъ, аѳинскій флотъ подъ начальствомъ Өемистокла соединился съ пелопоннесскимъ. Послѣдній, прибывшій раньше, занялъ мѣсто въ Саламинскомъ проливѣ (Амбелакскій заливъ), аѳинскій же флотъ, прибывшій позже, долженъ былъ, за неимѣніемъ мѣста въ бухтѣ, удовольствоваться песчанымъ берегомъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ города Саламина, вблизи острова Георгія (см. карту № 12). Къ нему присоединились и прочія суда, главнымъ образомъ островныхъ государствъ, находившіяся до тѣхъ поръ по приказанію союзнаго совѣта въ гавани Трезены.

Персидскія войска наводнили Аттику и заняли и опустошили неукрѣпленныя и покинутыя Аѳины. Укрѣпленный Акрополь съ его святынями еще нѣкоторое время защищался жрецами и старыми воинами, пока не былъ взятъ штурмомъ персами, нашедшими потайной ходъ. Всѣ оставшіеся въ живыхъ были убиты, храмы разграблены и сожжены. Торжествующій Ксерксъ отправилъ къ себѣ на родину пословъ съ извѣстіемъ объ успѣшномъ выполненіи задуманной имъ мести Аѳинамъ.

Персидскій флотъ, узнавъ объ оставленіи греками Гистіайи, отправился туда и въ продолженіе трехъ дней разрушилъ и разграбилъ городъ и окрестности, а затѣмъ двинулся въ Фалеронскій заливъ.

155. Өемистоклъ выступаетъ съ защитой плана боя при Саламинѣ.

Извѣстіе объ участи Аѳинъ такъ подѣйствовало на грековъ на Саламинѣ, что начальники стали требовать на военномъ совѣтѣ отступленія къ Коринѳскому перешейку. Несамостоятельный, вѣчно колеблющійся Эврибіадъ навѣрное уступилъ бы, если бы не Өемистоклъ, которому настойчивыми увѣщаніями удалось убѣдить Эврибіада и часть начальниковъ въ преимуществахъ Саламина и недостаткахъ позиціи у перешейка. Тамъ пришлось бы сражаться въ открытомъ морѣ, гдѣ непріятель могъ использовать свои превосходныя силы, а греки не имѣли никакихъ шансовъ побѣдить въ виду большой численности персовъ. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ пришлось бы безъ сопротивленія уступить персамъ кромѣ Саламина еще Эгину, Мегару и Цикладскіе острова и лишиться при этомъ судовъ этихъ государствъ въ союзномъ флотѣ, который пропалъ бы окончательно при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ персидскихъ армій и флота противъ

[illegible]. Словомъ, въ томъ случаѣ погибло бы все дѣло обороны. Въ Саламинѣ же пришлось бы сражаться въ узкомъ мѣстѣ, гдѣ врагу нельзя развернуться и использовать свой многочисленный перевѣсъ: тамъ превосходство грековъ въ абордажномъ бою давало возможность побѣды. Наконецъ, въ случаѣ, если флотъ оставался въ Саламинѣ, онъ защищалъ Аттику и Пелопоннесъ, такъ какъ персы не рѣшились бы напасть на него со стороны моря, пока въ Саламинѣ находился готовый къ бою греческій флотъ. Затѣмъ, оставаясь въ Саламинѣ, онъ охранялъ бы находившихся тамъ аѳинскихъ женщинъ и дѣтей. Словомъ все находилось въ зависимости отъ судьбы соединеннаго *флота*.

На замѣчаніе представителя Коринѳа, что Ѳемистоклъ, потерявшій родину, не имѣетъ права голоса, тотъ возразилъ, что онъ съ 200 [illegible] кораблей, готовыми къ бою, гораздо сильнѣе Коринѳа. Видя, что приведенныхъ имъ тактическихъ и стратегическихъ доводовъ недостаточно для противодѣйствія нерѣшительности греческихъ начальниковъ и отчужденности между ними, Ѳемистоклъ торжественно заявилъ на военномъ совѣтѣ, что онъ посадитъ на свои 200 кораблей аѳинскихъ женщинъ и дѣтей и отправится на дальній западъ, гдѣ отыщетъ новую родину въ Сирисѣ (въ Тарентскомъ заливѣ).

Это подѣйствовало на Эврибіада высказавшагося также за битву при Саламинѣ. Чувство сплоченности и дисциплины было настолько сильно, что возраженій не послѣдовало и всѣ стали готовить свои корабли къ битвѣ, на которую твердо рѣшились. Чтобы дѣйствовать навѣрняка, и не дожидаясь какого либо новаго рѣшенія союзниковъ, Ѳемистоклъ послалъ къ Ксерксу своего вѣрнаго раба съ совѣтомъ напасть немедленно и не упустить грековъ, которые будто бы находятся въ большомъ страхѣ и помышляютъ о бѣгствѣ. Тогда Ксерксъ рѣшилъ дать окончательное сраженіе на морѣ. Въ Фалеронскомъ заливѣ онъ произвелъ смотръ флоту и больше для виду собралъ военный совѣтъ. За сраженіе стояли всѣ, кромѣ Артемизіи, царицы Галикарнасской: по ея мнѣнію не слѣдовало предпринимать дѣйствій на морѣ, такъ какъ греки, какъ моряки, стояли выше персовъ; слѣдовало беречь флотъ и вести нападеніе на Пелопоннесъ съ суши. Это повело бы къ раздѣленію греческихъ морскихъ силъ и сдѣлало бы ихъ безопасными.

Примѣчаніе. Приводимое ниже описаніе Саламинской битвы составлено на основаніи старыхъ источниковъ, главнымъ образомъ Геродота, который по многимъ изслѣдованіямъ оказывается самымъ достовѣрнымъ, освѣдомленнымъ и сознательнымъ историкомъ; объ этой битвѣ онъ писалъ лишь пятьдесятъ пять лѣтъ спустя, точно зная ея мѣсто и основываясь на словахъ ея очевидцевъ. Кромѣ того, авторъ пользовался многими новѣйшими сочиненіями, хотя часто и противорѣчивыми, а также руководствовался результатами точныхъ съемокъ мѣстности, и своимъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтнимъ опытомъ моряка. Не вдаваясь по этому вопросу въ полемику, которая можетъ быть очень продолжительной и скучной, авторъ изъявляетъ готовность идти навстрѣчу всякаго рода *обоснованнымъ* замѣчаніямъ.

Слѣдуя мудрому совѣту Артемизіи, Ксерксъ двинулъ всѣ свои сухопутныя войска къ Пелопоннесу, но одновременно приказалъ и флоту повести наступленіе. Несмотря на поздній часъ, корабли должны были выйти въ море, и начальникамъ было объявлено, что они поплатятся головами, если греческій флотъ ускользнетъ отъ нихъ. Эти слова не были пустой угрозой, и на другое утро финикійскимъ начальникамъ горькимъ путемъ пришлось убѣдиться въ этомъ. Флотъ долженъ былъ быть поставленъ въ три ряда, и Ксерксъ самъ рѣшилъ наблюдать за его дѣйствіями съ берега. Флотъ выстроился, какъ ему было приказано, и двинулся къ Саламинскому проливу, *выбранному Ѳемистокломъ для битвы*.

156. Описаніе мѣста Саламинской битвы. Карта № 12.

Ширина фарватера отъ Пирейскаго полуострова до Саламина почти равна семи километрамъ, такъ что въ строѣ фронта здѣсь могли помѣститься до 390 триремъ, считая, что по ширинѣ каждая занимаетъ 18 метровъ. Къ сѣверу проливъ суживается до 2,5 километровъ, такъ какъ здѣсь сильно вдается въ море полуостровъ Киносура, лежащій противъ мыса Керамеса, и, кромѣ того, островомъ Пситталіей фарватеръ дѣлится на два рукава. Восточный, идущій къ сѣверу и сѣверо-западу вполнѣ доступенъ и достигаетъ ширины 1040 метр.; входъ въ западный рукавъ, и безъ того суживающійся между Пситталіей и Киносурой до 780 метр., сильно затрудненъ Аталантскимъ рифомъ, одноименнымъ маленькимъ островомъ и камнями Пророковъ. Поэтому въ

темное ночное время войти въ него можно лишь съ большими предосторожностями. Сѣвернѣе Пситаліи, Саламинскій проливъ тянется на протяженіи 2¾ миль (5 километровъ) къ западу; [illegible] ширина его достигаетъ 1500 метровъ, поэтому при входѣ судамъ необходимо мѣнять курсъ на 4—8 румбовъ (45—90°). Далѣе проливъ переходитъ на сѣверо-западѣ въ неглубокій Георгіевскій проливъ, обильный мелями, достигающій при входѣ 1400 метр. ширины и суживающійся затѣмъ между островомъ Георгія и лежащими противъ него двухсаженными каменистыми банками до трехъ кабельтововъ (550 метр.). Узкій, мелкій и извилистый фарватеръ канала, идущаго западнѣе острова Георгія, хотя и доступенъ мелкосидящимъ судамъ, каковыми были триремы, но лишь при условіи [illegible] знанія фарватера и хорошей [illegible]; поэтому мѣсто Саламинской битвы надо считать ограничивающимся этимъ каналомъ.

Саламинскій проливъ, за исключеніемъ Торонской бухты, свободный отъ мелей, вполнѣ былъ доступенъ для триремъ; части берега острова къ сѣверу отъ Саламинской бухты изобилуютъ мелями. Для вытаскиванія на берегъ судовъ лишь пригодны находящіеся южнѣе и сѣверо-западнѣе древняго города Саламина песчаные берега и полосы на материкѣ, [illegible] кораблями.

Саламинская битва произошла въ сентябрѣ мѣсяцѣ и всего достовѣрнѣе, что 28 сентября [1]).

Ночь наканунѣ битвы была темной и безлунной, такъ какъ новолуніе наступило 2 октября.

По Геродоту *персидскій флотъ* снова достигъ той-же силы, какъ и у мыса Сепіасъ [2]), всѣ потери были пополнены новыми судами, затребованными отъ островитянъ и государствъ, лежавшихъ на пути персовъ, и другими способами. 157. Силы флотовъ.

По Эсхилу, принимавшему участіе въ Саламинской битвѣ, число персидскихъ судовъ достигало 1207. Во всякомъ случаѣ надо считать, что число персидскихъ кораблей было въ три раза больше, чѣмъ греческихъ. И безъ того недоста-

[1]) Busolt, см. гл. [illegible]

[2]) Herodot, см. гл. VIII, 66.

численный составъ союзнаго флота былъ ослабленъ послѣ [illegible] ухода значительнаго количества судовъ тѣхъ союзниковъ, государства которыхъ были покорены въ это время персами. Суда персидскаго флота были болѣе высокобортными, особенно въ носовой и кормовой частяхъ, чѣмъ греческіе корабли. Число воиновъ на каждомъ кораблѣ доходило до 30-ти человѣкъ.

Число *греческихъ* судовъ подъ Саламиномъ въ разныхъ источникахъ указано различно: Геродотъ (VIII, 43 стр., нѣмецк. изд. и далѣе) опредѣляетъ его въ 366 и 378 кораблей; Эсхилъ („Персы“ стр. 341 и 342 нѣм. изд.) въ 300 и 310; Өукидидъ (I стр. 74 нѣм. изд.) въ 300 и 400. Сравнительно недавно, именно въ 1855 году, въ Константинополѣ былъ найденъ относящійся къ тому времени списокъ участвовавшихъ въ союзномъ флотѣ греческихъ государствъ, посвященный богамъ послѣ Платейской битвы [1]. По этому списку греческій флотъ состоялъ изъ 347 триремъ и 7 пентеконтеръ. 200 триремъ принадлежали Аѳинамъ, команда на 180 была составлена изъ аѳинянъ и на 20 изъ халкидянъ.

150. Боевое построеніе флотовъ.

Поздно вечеромъ 27 сентября персидскій флотъ по приказанію Ксеркса вышелъ изъ Фалеронской бухты и въ самомъ непродолжительномъ времени заперъ фарватеръ между Пирейскимъ полуостровомъ и Саламиномъ. Здѣсь персидскіе флотоводцы получили черезъ посланцевъ Өемистокла предупрежденіе, гласившее, что греки готовятся къ бѣгству. Памятуя угрозы Ксеркса лишить ихъ жизни, персидскіе командиры рѣшили окончательно окружить греческій флотъ, расположенный у города Саламина. Островъ Пситалія, закрывавшій путь отъ Саламина на югъ, былъ занятъ сильнымъ отрядомъ, состоявшимъ преимущественно изъ знатныхъ персовъ, пожелавшихъ наблюдать за всѣмъ боемъ и кромѣ того видѣвшихъ возможность проявить свою дѣятельность въ нападеніяхъ на непріятельскіе корабли, которые будутъ проходить близъ острова или садиться на мель.

Около полуночи правый флангъ флота, состоявшій изъ финикіянъ, выстроился въ три колонны и, обернувъ мягкимъ свои весла, въ полной тишинѣ сталъ пробираться въ

---

[1] См. Frick. Das plataeische Weihgeschenk in Konstantinopel.

Саламинскаго пролива. Остальныя силы преслѣдовали за ними вдоль аттическаго побережья до отмели, ограничивающей проливъ Георгія со стороны материка. Разстояніе до стоянки греческихъ кораблей отъ трехъ миль уменьшилось до одной. Греки въ темнотѣ не могли увидѣть персовъ, а равно услышать ихъ съ разстоянія въ одну милю (1852 метра), такъ какъ обмотанныя весла не производили шума. Затѣмъ флотъ перестроился въ боевой порядокъ, состоявшій изъ трехъ послѣдовательныхъ строевъ фронта, при чемъ Ксерксъ отлично могъ слѣдить за ихъ дѣйствіями изъ своего лагеря у подножія хребта Эгалеосъ.

Разсказъ о томъ, что персы, желая запереть западный выходъ изъ Элевзинской бухты и отрѣзать грекамъ путь къ отступленію, послали ночью вокругъ Саламина 200 египетскихъ триремъ, надо считать неправдоподобнымъ. У Геродота нѣтъ никакихъ указаній на что либо подобное.

Эта версія появилась позднѣе лѣтъ 400—500 спустя и распространялась мало заслуживающимъ довѣрія Діодоромъ вѣроятно по даннымъ Эфора, сочиненія котораго утрачены. Болѣе-же нигдѣ не встрѣчается указаній на эту эскадру. Греки и безъ того были вполнѣ окружены упомянутымъ выше образомъ, поэтому надо признать, что никакого обхода персы не предпринимали.

Шести километровый переходъ персовъ въ темнотѣ при ограниченной ширинѣ пролива, постоянныхъ перемѣнахъ курса, трудности сигнализаціи и при отсутствіи единоличнаго командованія флотомъ, а равно и перестроеніе въ три ряда заняли очень много времени. Нападеніе было рѣшено повести съ утра, поэтому весь персидскій флотъ былъ вынужденъ въ теченіе цѣлой ночи держаться на веслахъ въ то время, какъ греки мирно спали на стоянкахъ своихъ судовъ.

Большое число персидскихъ кораблей при сравнительно маломъ пространствѣ привело къ тому, что персамъ пришлось построить свой флотъ насколько можно тѣснѣе, трирема отъ триремы въ разстояніи всего лишь 12,5 метр., поэтому промежутокъ между веслами двухъ сосѣднихъ судовъ равнялся всего лишь 2,2 метр. По линіи отъ мели канала Георгія до Киносуры, на протяженіи 3330 метровъ, можно было помѣстить лишь 266 судовъ въ рядъ, а слѣдо-

вательно въ трехъ рядахъ можно считать 750 или округлено 800 триремъ. При разстояніи между рядами самое меньшее въ 20 метр., персидскій флотъ въ глубину занималъ около полтораста метровъ.

Правый флангъ составляли финикіяне, лѣвый іоняне. Лѣвый флангъ, находившійся первоначально южнѣе острова Пситталія, двинулся одновременно съ правымъ и центромъ къ Саламину, но сложность фарватера и загроможденія, вызывавшіяся совмѣстнымъ движеніемъ, сильно задерживали его. Тѣмъ не менѣе онъ загородилъ фарватеръ какъ къ востоку, такъ и къ западу отъ острова и отрѣзалъ съ этой стороны возможное отступленіе грековъ. Такимъ образомъ и онъ получилъ возможность принять участіе въ бою, хотя его одного было-бы вполнѣ достаточно для того, чтобы одержать побѣду надъ греками, такъ какъ его силы вдвое превосходили силу послѣднихъ.

Греческіе флотоводцы, не замѣтившіе въ темнотѣ наступленія персовъ, были еще заняты обсужденіемъ во время ожесточенныхъ споровъ на военномъ совѣтѣ Аристидомъ, который только что вернулся изъ Эгины и пробрался на эгинскомъ кораблѣ сквозь линію персидскихъ судовъ. Трирема изъ Теноса, перешедшая на сторону грековъ, окончательно подтвердила это извѣстіе, дополнивъ его сообщеніемъ о занятіи [illegible] Георгія персами.

Теперь уже не оставалось никакого выбора, суда были немедленно спущены и приведены въ боевую готовность. Морскіе солдаты, собранные на берегу съ разсвѣтомъ, были воодушевлены пламенными рѣчами. Къ восходу солнца греки съ пѣніемъ возбуждающихъ военныхъ пѣсенъ поставили свой флотъ въ два ряда въ строй фронта противъ непріятеля, который уже былъ отлично виденъ.

Корабли грековъ вслѣдствіе скалистости берега не всѣ могли быть вытащенными на сушу въ бухтѣ южнѣе города, гдѣ едва хватало мѣста для 200 триремъ, поэтому остальныя прибывшія позднѣе, главнымъ образомъ аѳинскія, расположились къ сѣверу отъ города. Греческія силы, состоявшія изъ 347 триремъ были поставлены въ два ряда въ строѣ фронта и при разстояніи между кораблями въ 15 метровъ, а между рядами въ длину корабля, заняли пространство въ 2600 метровъ по длинѣ и 110 метровъ по глубинѣ, поэтому

спартанцамъ, которымъ было предоставлено почетное мѣсто на правомъ флангѣ, преимущественно во избѣжаніе охвата къ Киносурѣ, пришлось пройти 1½ мили, чтобы занять назначенное мѣсто.

Лѣвый флангъ, состоявшій изъ аѳинянъ, выступалъ за линію перешеечныхъ судовъ въ проливъ Георгія. Вслѣдствіе того, что въ этомъ мѣстѣ выдается Саламинскій полуостровъ съ неглубокими берегами, строй грековъ образовалъ небольшой изгибъ и выступилъ лѣвымъ флангомъ впередъ; аѳинянамъ пришлось пройти подъ веслами около мили прежде, чѣмъ они заняли свое мѣсто.

Въ то время какъ спартанцы и остальные дорійцы: коринѳяне, эгинцы и т. д. занимали спѣшно свое мѣсто на правомъ флангѣ, по всей линіи грековъ, [illegible] единодушія и желанія битвы, раздались боевыя пѣсни. Въ это время персы также съ пѣніемъ двинулись на грековъ. Аѳиняне, уже занявшіе свою выдававшуюся впередъ позицію, немедленно ринулись навстрѣчу персамъ, чтобы прикрыть на время центръ и дать ему возможность хорошенько выстроиться. 159. Битва при Саламинѣ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени аѳинянинъ Аминій, братъ поэта Эсхила, [illegible] выскочилъ со своей триремой впередъ и врѣзался тараномъ въ финикійскій флагманскій корабль, на которомъ находился начальникъ лѣваго фланга персовъ, братъ Ксеркса, Аріабигнъ. Таранъ застрялъ въ правомъ борту триремы послѣдняго. Аріабигнъ храбро перескочилъ на палубу аѳинской триремы, намѣреваясь взять ее на абордажъ, но тутъ-же былъ убитъ тяжело вооруженными морскими солдатами и выброшенъ за бортъ. Такое начало подавляюще подѣйствовало на духъ его эскадры. Въ это-же время на правомъ греческомъ флангѣ одинъ изъ эгинскихъ кораблей, дѣйствуя аналогично, открылъ наступленіе и съ этого момента бой начался по всей линіи.

Несмотря на то, что нѣкоторые корабли временами выходили изъ строя, бой со стороны грековъ велся въ полномъ порядкѣ. Они не только не мѣшали другъ другу, а даже очень умѣло проводили взаимную поддержку [1].

[1]) Принципъ взаимной поддержки. *Ред.*

Лѣвый флангъ и центръ персовъ въ началѣ [illegible] держались очень стойко; правый-же флангъ, подвергнувшійся атакѣ аѳинянъ, скоро пришелъ въ разстройство, и передовые корабли начали обращаться въ бѣгство. Аѳиняне, воодушевленные первымъ успѣхомъ, ожесточенно вели нападеніе, дѣйствуя тараномъ, ломая весла и пытаясь сваливаться на абордажъ. Поворотливость и малая осадка ихъ судовъ, дѣлавшія доступными для нихъ проливъ, Греки имѣли много преимуществъ.

Ксерксъ, наблюдавшій съ берега за боемъ, пришелъ въ такую ярость, что велѣлъ немедленно обезглавить нѣсколькихъ финикійскихъ начальниковъ, триремы которыхъ пристали къ берегу.

Безпорядокъ быстро распространялся по всему правому флангу, перешелъ въ центръ и передавался по всему фронту. Общее разстройство персовъ еще увеличилось тѣмъ, что тѣсно поставленныя суда навалывали другъ на друга, ломали весла и теряли свою подвижность. Всему этому способствовало еще то обстоятельство, что суда второго и третьяго ряда, желая отличиться на глазахъ у Ксеркса, стремились пробраться въ первую линію и встрѣтиться съ врагомъ, при чемъ тѣснили другъ друга и налѣзали на суда перваго ряда. Усилившійся свѣжій вестовый бризъ окончательно лишилъ финикійскія суда возможности управляться; вслѣдствіе своей высокобортности они сильно сносились вѣтромъ. Суда, сталкиваясь между собой, теряли свое направленіе и становились лагомъ къ противнику, что было быстро использовано греками; они умѣло дѣйствовали тараномъ, впервые примѣнивъ планомѣрно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ это наиболѣе дѣйствительное въ бою оружіе того времени. Ихъ поворотливость и скорость, а также знаніе фарватера на лѣвомъ флангѣ, способствовали цѣлесообразному дѣйствію новымъ оружіемъ. За то въ бою на нѣкоторой дистанціи преимущество оказалось на сторонѣ финикійцевъ, высокобортныя суда которыхъ давали возможность успѣшно обстрѣливать съ возвышеній палубы болѣе низкихъ греческихъ триремъ. Но въ бою рукопашномъ персидскіе воины значительно уступали закованнымъ въ латы гоплитамъ.

Отсутствіе общаго руководства и неподготовленность персовъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ послужили, несмотря

не могли оказывать единодушнаго дружнаго отпора, причиною того, что скоро все пришло въ разстройство. Финикійскіе корабли, быстро обращавшіеся въ бѣгство послѣ первыхъ-же приведенныхъ выше неудачъ, усилили общее замѣшательство, перешедшее вскорѣ подъ давленіемъ энергично наступавшихъ грековъ въ панику. Каждый корабль сталъ думать только о своемъ спасеніи и всѣ устремились въ открытое море черезъ узкій проливъ у о-ва Пситталіи. Дѣ большое число стѣснившихся судовъ увеличило и безъ того страшный безпорядокъ; спасавшіеся бѣгствомъ корабли сталкивались, ломали другъ другу весла и т. д.

При этомъ освободился правый флангъ греческаго флота, противъ котораго съ персидской стороны дѣйствовали іонійцы, преимущественно самосцы, сражавшіеся очень храбро. Надвигавшаяся къ Пситталіи масса судовъ заставила отойти персидскіе корабли, занимавшіе оба входа въ проливъ и еще не принимавшіе участія въ бою. Паническій страхъ передался всему персидскому флоту. Эгинянамъ, занимавшимъ правый греческій флангъ, противъ котораго въ проливѣ паника среди персовъ достигла своего апогея, представился удобный случай нанести наибольшій вредъ противнику.

Галикарнасская царица Артемизія спаслась бѣгствомъ только благодаря присутствію духа. Ея трирема, преслѣдуемая аѳинской подъ начальствомъ Аминіаса, встрѣтивъ на пути карійскую трирему (принадлежавшую къ персидскому флоту), не задумываясь ударила ее и посадила на глазахъ Ксеркса на мель, чѣмъ ввела въ заблужденіе какъ его, такъ и преслѣдователя. Первый, считая карійскую трирему за врага, отнесся съ одобреніемъ къ поступку Артемизіи; второй, принявъ ея трирему за дружественную, далъ возможность ей уйти.

Къ концу битвы Аристидъ, наблюдавшій за ней съ берега, при первой-же представившейся возможности, сѣлъ на корабли во главѣ сильнаго отряда, направился къ Пситталіи и овладѣлъ ею, причемъ персидскій отрядъ со всѣми начальниками, находившимися въ близкомъ родствѣ съ Ксерксомъ, былъ перебитъ.

Этимъ и окончилась Саламинская битва. Греки не стали преслѣдовать персовъ въ открытомъ морѣ. Въ то время

когда персы уже удалились въ Фалеронскій заливъ подъ прикрытіе расположенной тамъ арміи, греки собрали свои поврежденные корабли, носившіеся по волѣ по волѣ вѣтра и снова расположились все передъ Саламиномъ; затѣмъ вновь въ полномъ порядкѣ приготовились къ бою, ожидая, что непріятель на слѣдующій день повторитъ нападеніе.

Греки одержали полную побѣду, даже не сознавая, какъ это часто бываетъ, всего значенія своего успѣха, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ трудно охватить сразу всѣ важныя послѣдствія такой побѣды.

160. Потери. Въ матеріальномъ отношеніи ихъ успѣхъ былъ огромный. Персы потеряли 200 кораблей и изъ 40000 человѣкъ ихъ команды спаслось лишь очень немногіе, такъ какъ побѣдители не предпринимали ничего для ихъ спасенія. По имѣющимся свѣдѣніямъ, потери грековъ достигали 40 кораблей; многіе изъ ихъ команды спаслись вплавь благодаря близости берега, и несомнѣнно, что очень большая часть персовъ была убита безпощадными греческими стрѣлками и въ рукопашныхъ схваткахъ.

Тѣмъ не менѣе персы, потерявшіе приблизительно третью часть своего флота, располагали все же большимъ чѣмъ греки количествомъ кораблей, изъ которыхъ значительное число осталось совсѣмъ не поврежденными. При этихъ условіяхъ персы могли бы повторить сраженіе, но полученный ими ударъ и воодушевленіе побѣдоносныхъ грековъ сломили ихъ духъ и сдѣлали ихъ совершенно негодными къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, что и обнаружилось въ слѣдующемъ году.

161. Бѣгство Ксеркса. Греки привели въ еще большій ужасъ самого Ксеркса, положеніе котораго прежде всего требовало полнаго сохраненія присутствія духа, но онъ былъ, повидимому, такъ потрясенъ пораженіемъ флота, что совершенно лишился самообладанія и сталъ думать лишь о спасеніи своей собственной персоны,—черта достаточно указывающая на безхарактерность этого деспота.

Разъяренный своей неудачей, главнымъ виновникомъ которой онъ былъ самъ, онъ, какъ выше упоминалось, велѣлъ попросту казнить нѣсколькихъ финикійскихъ начальниковъ, недостаточно храбро сражавшихся по его мнѣнію [1].

1) Herodot. см. гл. VIII, 90.

Онъ сразу, въ одинъ день, потерялъ довѣріе къ своему флоту, все еще насчитывавшему въ своихъ рядахъ много сотенъ кораблей, и къ своему неисчислимому войску.

Для вида онъ велѣлъ было начать строить дамбу и наводить понтонный мостъ къ Саламину изъ собранныхъ финикійскихъ торговыхъ кораблей, но отказался отъ этого предпріятія, узнавъ о пущенномъ Ѳемистокломъ слухѣ, о намѣреніи греческаго флота итти въ Геллеспонтъ съ цѣлью разрушить наведенные тамъ мосты и отрѣзать этимъ путь къ отступленію. Поэтому онъ немедленно отослалъ туда флотъ и выступилъ самъ съ войскомъ черезъ нѣсколько дней. Въ Ѳессаліи онъ оставилъ по пути 300.000 человѣкъ изъ своихъ лучшихъ войскъ подъ начальствомъ Мардонія для покоренія Греціи слѣдующимъ лѣтомъ.

Въ дальнѣйшемъ спѣшномъ отступленіи онъ потерялъ большую часть людей благодаря голоду, болѣзнямъ и дезертирству и достигъ Геллеспонта съ остатками войска лишь на 45-й день. Мосты оказались разрушенными непогодой. Переправившись съ помощью флота, уже ожидавшаго его тамъ, онъ благополучно вернулся въ Сарды.

162. Ѳемистоклъ стремится къ преслѣдованію.

По полученіи свѣдѣній объ уходѣ персидскаго флота, Ѳемистоклъ сталъ побуждать грековъ къ *преслѣдованію* персовъ. Его планомъ было итти скорѣе къ Геллеспонту, чтобы помѣшать персамъ переправиться, при чемъ онъ разсчитывалъ совершенно уничтожить персидскіе армію и флотъ. Но Эврибіадъ и другіе полководцы, какъ только персы ушли за островъ Андросъ, отказались итти далѣе; поэтому Ѳемистоклъ былъ вынужденъ ограничиться лишь обложеніемъ данью острововъ, примкнувшихъ къ персамъ. Андросъ, отказавшійся отъ дани, былъ подвергнутъ кратковременной осадѣ, но тщетно; Паросъ согласился на уплату дани. Область города Каристоса на Евбеѣ была опустошена, послѣ чего флотъ вернулся въ Саламинъ, а затѣмъ прошелъ къ Коринѳскому перешейку, гдѣ должно было состояться обычное распредѣленіе призовъ между собравшимися начальниками.

Первый призъ оспаривался каждымъ изъ участниковъ, благодаря самомнѣнію и зависти къ другимъ, второй же громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ присужденъ Ѳемистоклу. Затѣмъ Ѳемистоклъ былъ приглашенъ лакеде-

монянами въ Спарту, гдѣ его чествовали прямо небывалымъ до этихъ поръ образомъ. То же самое произошло и на ближайшихъ Олимпійскихъ играхъ, гдѣ его чествовали греки всѣхъ племенъ. Несомнѣнно эти чествованія усилили нерасположеніе и никогда не дремавшую въ Греціи зависть его политическихъ противниковъ, начавшихъ уже открыто и рѣзко выступать и вести агитацію противъ него, въ результатѣ чего Ѳемистоклъ въ 479 г. не былъ избранъ стратегомъ; хотя вполнѣ возможно и то, что онъ и самъ не выставилъ своей кандидатуры изъ высшихъ соображеній на пользу родины.

480 г. закончился вышеупомянутой попыткой Ѳемистокла достигнуть могущества надъ островами помощью флота. Въ этомъ чреватомъ событіями году былъ фактически оконченъ третій персидскій походъ, хотя уничтоженіе Мардонія съ его арміей и произошло лишь на слѣдующій годъ при Платеѣ.

Предполагавшееся Ѳемистокломъ стратегическое преслѣдованіе персовъ при наличіи его геніальности и смѣлости могло имѣть самыя разнообразныя послѣдствія, какъ напримѣръ уничтоженіе персидскаго флота, едва ли еще способнаго къ бою, воспрепятствованіе переходу Ксеркса и его войскъ въ Азію и, наконецъ, завоеваніе греческихъ колоній въ Дарданеллахъ и Босфорѣ и открытіе морского пути въ Понтъ Эвксинскій—что и было достигнуто лишь въ послѣдующіе годы. Однимъ словомъ Аѳины могли укрѣпить свое морское могущество на Архипелагѣ вплоть до Понта.

163. Слѣдствія Саламинской побѣды.

Побѣда при Саламинѣ была одной изъ самыхъ *рѣшительныхъ* морскихъ побѣдъ, опредѣлившей на долгое время судьбу участвовавшихъ въ ней народовъ; она обезпечила грекамъ *морское могущество* и на много лѣтъ отсрочила аггресивную политику персидскихъ царей. Греки, въ особенности аѳиняне, убѣдились въ своемъ морскомъ превосходствѣ, что дало имъ увѣренность и надежду на успѣхъ при встрѣчѣ съ непріятельскимъ флотомъ и обезпечило имъ дальнѣйшія побѣды. О послѣднихъ, имѣвшихъ мѣсто у Микале, при Эвримедонѣ, Саламинѣ и на Кипрѣ, и о томъ какъ Аѳины, благодаря морскому могуществу, пріобрѣли власть, богатство и уваженіе и сдѣлались первымъ государствомъ въ мірѣ, будетъ изложено въ слѣдующей главѣ.

Веденіе морскихъ войнъ, состоявшихъ по 500 годъ до Р. Хр. изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою сраженій, начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторую систему, оставаясь въ продолженіе персидскихъ войнъ все еще очень простымъ. Для войны со скиѳами, не плававшими по морю, Дарій велѣлъ собрать въ подчиненныхъ ему греческихъ колоніяхъ въ Малой Азіи флотъ, которому было поручено сооруженіе и охрана понтоннаго моста черезъ Босфоръ. Затѣмъ флотъ долженъ былъ сопровождать его армію на Истръ (Дунай) и тамъ опять навести и охранять второй *длинный* мостъ. На обратномъ пути флотъ перевезъ армію черезъ Геллеспонтъ у Сестоса. Выполнивъ это, флотъ остался у Ѳракійскаго берега для поддержки персидскаго главнокомандующаго Мегабаза, помогая ему занимать города Ѳракійскаго побережья вплоть до Стримона, а затѣмъ помогъ персу Давризу завоевать милетскія колоніи на азіатскомъ берегу Геллеспонта. Наконецъ во Ѳракійскомъ Херсонесѣ у входа въ Геллеспонтъ была основана для флота база Элея. Польза, принесенная флотомъ уже въ этомъ походѣ, достаточно обнаружилась. **164. Веденіе морскихъ войнъ.**

Для усмиренія возстанія іонянъ, предводительствуемыхъ Аристагоромъ, опиравшимся на іоническія государства и острова, посылавшія свой флотъ въ скиѳскій походъ, Дарій для поддержки арміи собралъ флотъ изъ 600 кораблей, покоренныхъ морскихъ государствъ: Египта, Финикіи, Кипра и Киликіи. Этотъ флотъ, во время подойдя къ Милету, въ битвѣ при Ладе уничтожилъ храбро сражавшійся греческій флотъ, состоявшій первоначально изъ 356 кораблей, но недружный и необученный, и къ тому же уменьшившійся къ моменту битвы, благодаря дезертирству, до 200 кораблей. Послѣ этой битвы персы блокировали Милетъ и привели вскорѣ этотъ многолюдный городъ въ упадокъ.

Флотъ, перезимовавъ у Милета, съ наступленіемъ весны двинулся на сѣверъ и покорилъ Хіосъ, Лесбосъ и Тенедосъ, а затѣмъ греческіе города на европейскомъ берегу Геллеспонта и Босфора до Византіи, обезпечивъ этимъ Дарію контроль надъ важнымъ торговымъ путемъ въ Черное море. Финикійцы, мстившіе за свое изгнаніе изъ этихъ мѣстъ, сожгли повсюду всѣ поселенія и обратили жителей

въ рабство. Наконецъ персидскій флотъ, поддерживая вышеупомянутымъ образомъ дѣйствія войска на побережьѣ, взялъ Ѳракійскій Херсонесъ, откуда Мильтіадъ спасся бѣгствомъ.

Для своего греческаго похода (492 г. до Р. Хр.) Мардоній собралъ многочисленный флотъ, который перевезъ войско черезъ Геллеспонтъ и слѣдовалъ за нимъ вдоль береговъ, взявъ на пути богатый островъ Тасосъ; однако вскорѣ бо́льшая часть флота во время обхода крутыхъ Аѳонскихъ горъ, достигающихъ 1935 мт. высоты, погибла при береговомъ штормѣ, вслѣдствіе неумѣнія слѣдить за измѣненіями погоды и вообще недостато́чнаго знакомства съ морскимъ дѣломъ. Этимъ и окончился походъ, предпринятый въ концѣ лѣта.

Во второмъ походѣ на грековъ подъ начальствомъ Датиса и Артаферна въ 490 г. до Р. Хр. флотъ былъ примѣненъ, правда по совѣту грековъ, весьма раціонально: дѣйствіями его руководилъ изгнанный изъ Аѳинъ тиранъ Гиппій, имѣвшій большое вліяніе на Дарія въ Сузахъ и разчитывавшій, что персы снова посадятъ его властителемъ Аѳинъ. Отъ коренныхъ морскихъ государствъ персы потребовали въ 491 г. до Р. Хр., доставленія въ Алею въ Киликіи триремъ и транспортныхъ судовъ, примѣненныхъ впервые для перевозки конницы.

Съ наступленіемъ лѣта 490 г. въ Алеѣ собрано было 600 судовъ и сильное отборное войско. Конница была посажена на транспортные корабли, а пѣхота на триремы, послѣ чего флотъ направился вдоль южнаго берега Малой Азіи въ Архипелагъ сѣвернѣе Клидоса вплоть до Самоса, чтобы заставить грековъ думать, что войска направляются къ Геллеспонту.

У Самоса сѣверный курсъ былъ измѣненъ на юго-западный, и эскадра направилась съ попутнымъ вѣтромъ къ лежавшему на разстояніи 80 миль отъ Самоса острову Наксосу, уже отбившему однажды при Аристагорѣ нападеніе персовъ. Вѣроятно уже на слѣдующій день флотъ сталъ тамъ на якорь, совершенно неожиданно для обитателей, и взялъ островъ безъ сопротивленія, при чемъ жители бѣжали въ горы. Городъ былъ опустошенъ и подожженъ. Неожиданное появленіе войскъ на корабляхъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Затѣмъ персы двинулись въ близлежащій Делосъ, откуда жители бѣжали подъ впечатлѣніемъ извѣстій о судьбѣ Наксоса. Датисъ, узнавъ объ этомъ, желая сохранить священный греческій островъ, велѣлъ флоту стать на якорь не у его берега, а вблизи Ренеи и предложилъ делосцамъ возвратиться обратно, обѣщая свое благоволеніе, при чемъ принесъ въ жертву храму Аполлона благовоній на сумму въ 300 талантовъ.

Затѣмъ флотъ, идя вдоль греческихъ острововъ, забирая на каждомъ заложниковъ и войска, направился къ Евбеѣ, гдѣ опустошилъ земли города Каристоса, оказавшаго сопротивленіе, до тѣхъ поръ, пока не покорилъ его, послѣ чего сталъ на якорѣ у Эретріи, храбро оборонявшейся въ продолженіе 7 дней, но взятой благодаря измѣнѣ и затѣмъ разрушенной. Жители были порабощены или перебиты.

Послѣ этого успѣха флотъ подъ командой Гиппія сталъ на якорѣ въ удобной Мараѳонской бухтѣ, въ Аттикѣ, всего въ 25 км. отъ Аѳинъ. Берега ея были особенно удобны для высадки и дѣйствій кавалеріи. Здѣсь началась дѣятельность арміи; флотъ въ стратегическомъ отношеніи выполнилъ для войска все, что отъ него требовалось. Войско потерпѣло неудачу въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи, уже описанномъ выше и походъ, благодаря тактической неподготовленности, окончился неудачно.

Свѣдѣнія объ этомъ походѣ гораздо менѣе достовѣрны, чѣмъ о походѣ Ксеркса, имѣвшемъ мѣсто лишь десять лѣтъ спустя. Окончился походъ благополучнымъ возвращеніемъ флота съ арміею въ Азію.

Въ 480 году Ксерксъ вернулся къ пріемамъ Мардонія. Онъ не довѣрялъ морю, да и не имѣлъ возможности перевезти морскимъ путемъ на корабляхъ въ Грецію то несмѣтное войско, съ которымъ онъ собирался дѣйствовать, хотя морская перевозка была несомнѣнно выгоднѣе, потому что избавляла отъ далекаго похода, связаннаго съ потерей времени, многими трудностями и даже потерями, и давала возможность избѣжать битвъ при Артемизіи и Ѳермопилахъ, и неожиданно высадить войско свѣжимъ и неослабленнымъ у самыхъ Аѳинъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ истый персъ, онъ не рѣшился на морской походъ, хотя и собралъ на всякій случай сильный

флотъ, который послѣ пятилѣтнихъ приготовленій вѣроятно по численности былъ вдвое больше флота 490 года. Между прочимъ во флотѣ имѣлся матеріалъ для наведенія двухъ колоссальныхъ понтонныхъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ.

Успѣху похода должно было способствовать прорытіе канала черезъ полуостровъ Акте и сооруженіе цѣлаго ряда провіантскихъ магазиновъ.

Слѣдомъ за арміей по берегу шелъ большой флотъ транспортныхъ судовъ, снабжавшій армію провіантомъ вплоть до Термъ.

Въ стратегическомъ отношеніи флотъ принесъ и здѣсь немалую пользу, которая правда свелась на нѣтъ неудачами при Артемизіи и Саламинѣ, гдѣ персы потерпѣли полное пораженіе благодаря лучшей тактикѣ грековъ. Флотъ, утратившій свою боеспособность при Саламинѣ, все же сыгралъ очень важную роль при переправѣ бѣжавшей арміи Ксеркса черезъ Геллеспонтъ послѣ уничтоженія мостовъ.

165. Морская тактика. Теперь остается упомянуть о *морской тактикѣ* того времени. Здѣсь нужно провести грань между построеніемъ флотовъ передъ боемъ, *боевымъ порядкомъ*, и самимъ способомъ боя—сраженіемъ отдѣльныхъ кораблей, хотя оба предмета имѣютъ довольно тѣсную связь, обусловливая другъ друга.

166. Боевой порядокъ. Съ появленіемъ тарана самымъ удобнымъ было нападать на непріятеля повернувшись къ нему носомъ. Поэтому, какъ можно заключить изъ очень неполныхъ впрочемъ источниковъ, для лучшаго использованія этого сильнаго оружія, наиболѣе распространеннымъ *боевымъ построеніемъ* сталъ строй фронта, въ одинъ или два ряда. Онъ былъ уже примѣненъ въ битвѣ у Ладе, гдѣ милетяне составляли лѣвый, восточный флангъ, а самосцы правый—западный, находившійся въ открытомъ морѣ. У финикійцевъ было въ ходу построеніе въ видѣ полумѣсяца или серпа (тотъ же строй фронта съ выдвинутыми впередъ флангами).

Въ первый день боя при Артемизіи греческій флотъ по общему предположенію всѣхъ нашихъ (нѣмецкихъ) историковъ [1]) былъ выстроенъ *кругомъ*,—это построеніе было при-

---

[1]) За исключеніемъ Эд. Мейера, Исторія древняго времени т. III, стр. 381, Штутгартъ 1901, съ которой я познакомился лишь теперь въ апр. 1906 г. Онъ говоритъ о построеніи въ видѣ полуокружности, стянутой сзади.

мѣнено позднѣе еще разъ, именно въ пелопоннесской войнѣ, однако неопытными моряками съ 39 кораблями при встрѣчѣ съ вдвое меньшимъ, но зато хорошо обученнымъ флотомъ [1]. У Геродота, которому мы обязаны свѣдѣніями о битвѣ при Артемизіи, нѣтъ упоминаній о построеніи въ видѣ круга. Кромѣ того по многимъ причинамъ такое построеніе кажется прямо невѣроятнымъ.

Греческій флотъ въ числѣ 271 корабля двинулся изъ Гистіайи въ проливъ Ореосъ, какъ предполагаютъ, строемъ фронта, съ извѣстнымъ количествомъ кораблей поставленныхъ по совѣту Гераклида изъ Минассы во второмъ ряду [2]), намѣреваясь напасть на вчетверо большій персидскій флотъ, находившійся въ Аѳетской бухтѣ, пока скрытый высокими берегами, и ознакомиться съ его пріемами и способностью маневрировать. При выходѣ изъ узкаго пролива Ореосъ въ Трикирійскій, бывшій втрое шире, греки замѣтили уже на небольшомъ разстояніи отъ себя персовъ, двигавшихся на нихъ поперекъ канала слѣва. Въ этомъ положеніи совершеніе такого сложнаго маневра, какъ построеніе круга изъ 271 корабля заняло бы гораздо больше времени, чѣмъ было въ ихъ распоряженіи. Кромѣ того, флотъ, выстроенный въ кругъ, не закрывалъ бы всего фарватера, а открылъ бы персамъ доступъ въ Маліакскій заливъ (Ѳермопилы), что противорѣчило прямой задачѣ грековъ.

Поэтому можно предположить, что центръ фронта остался на мѣстѣ, или незначительно продвинулся впередъ, а фланги оттянулись назадъ, касаясь береговъ у мысовъ Ставросъ и Кефала; такимъ образомъ строй принялъ форму *полукруга* какъ изображено на картѣ № 11. Всѣ суда были обращены, носами къ непріятелю, приближавшемуся строемъ въ видѣ серпа и, подпустивъ его къ себѣ на близкое разстояніе, напали на него разомъ по данному сигналу. Это предположеніе буквально сходится съ изложеніемъ Геродота (VIII, 11) у котораго говорится, что греческіе корабли были обращены кормами другъ къ другу, а носами къ непріятелю.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, имѣющимся у Геродота, въ послѣднее время получены были, такъ сказать, чудес-

---

1) Thucydides. см. гл. II, 83.

2) Принципъ взаимной поддержки. *Ред.*

нымъ образомъ, еще свѣдѣнія на кускѣ папируса, найденномъ въ Египтѣ. Онъ содержитъ къ сожалѣнію лишь часть сочиненія Созилія, сотрудника и учителя великаго карѳагенянина Ганнибала. Этотъ кусокъ попалъ въ библіотеку Вюрцбургскаго университета, благодаря щедрости одного нѣмецкаго профессора. У. Вилькенъ сдѣлалъ очень удачную обработку отрывковъ этого источника въ одно систематическое цѣлое, перевелъ ихъ и снабдилъ комментаріями, что было напечатано въ журналѣ „Hermes" томъ 41, тетрадь 1, 1906 г. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже.

На второй день боя при Артемизіи греки выстроились въ два ряда [1]) строемъ фронта въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива Ореосъ.

Персы въ продолженіе обоихъ дней примѣняли построеніе въ видѣ *серпа*, тотъ же строй фронта съ выдвинутыми впередъ флангами, вѣроятно по совѣту сидонянъ, бывшихъ для нихъ авторитетомъ въ морскомъ дѣлѣ. Это построеніе было обычнымъ у финикійцевъ, но пригодно было только для нападенія въ открытомъ морѣ. Въ данномъ же случаѣ, при входѣ въ узкій проливъ Ореосъ изъ сравнительно широкаго Трикирійскаго, суда начали наваливать другъ на друга, ломать весла и вообще пришли въ безпорядокъ, что облегчило грекамъ атаку. 271 греческаго корабля на первый день было вполнѣ достаточно для построенія по дугѣ круга при хорошемъ разстояніи кораблей другъ отъ друга, при чемъ удалось еще составить второй рядъ, по крайней мѣрѣ на серединѣ боевой линіи, выгнутой впередъ и подвергавшейся наибольшей опасности. При этомъ всѣ корабли имѣли достаточно мѣста для передвиженія.

При Саламинѣ оба флота выстроились по длинѣ пролива строемъ фронта другъ противъ друга такимъ образомъ, что лѣвый флангъ греческаго флота, состоявшій изъ аѳинянъ, выступалъ за правый персидскій флангъ. Это надо несомнѣнно приписать иниціативѣ Ѳемистокла, который своимъ быстрымъ взглядомъ сразу оцѣнилъ выгодность позиціи вблизи узкаго, трудно проходимаго пролива Георгія [2]), если

---

[1]) Принципъ взаимной поддержки. *Ред.*

[2]) Для сосредоточенія своихъ силъ Ѳемистоклъ воспользовался элементомъ мѣста. *Ред.*

не рѣшилъ использовать это мѣсто еще раньше при выборѣ мѣста для боя.

Какъ греческій, такъ и персидскій флоты подраздѣлялись на отряды по государствамъ и городамъ, ихъ приславшимъ. Исполинскій флотъ Ксеркса былъ, кромѣ того, подраздѣленъ на четыре части, находившіяся подъ командою очень важныхъ, но ничего не смыслившихъ въ морскомъ дѣлѣ персовъ. У греческихъ отрядовъ, напр. у аѳинянъ при Артемизіи и Саламинѣ, кромѣ Ѳемистокла были, вѣроятно, еще начальники отдѣльныхъ частей, но объ ихъ именахъ нигдѣ не упоминается. Отвѣтственнымъ за дѣйствія корабля передъ начальствомъ являлся его командиръ, тріерархъ. 167. Подраздѣленіе флотовъ.

Съ введеніемъ вездѣ триремъ въ это время *способъ сраженія* измѣнился, такъ какъ главнымъ оружіемъ сдѣлался *таранъ*. До этого времени самымъ обычнымъ было становиться бортъ о бортъ съ непріятелемъ и, отказываясь отъ возможности двигаться, рѣшать дѣло абордажнымъ боемъ и рукопашными схватками тяжеловооруженныхъ командъ [1]. Послѣ 500 года, особенно же съ созданіемъ аѳинскаго флота, вступаетъ въ свои права таранъ. 168. Способъ сражаться.

Таранъ былъ изобрѣтенъ не вмѣстѣ съ триремою, а еще двумя вѣками раньше. Фиг. 6 представляетъ собой рисунокъ на ассирійскомъ памятникѣ въ Ниневіи. Довольно неточно изображенное судно съ тараномъ—финикійская бирема, корабль съ двумя рядами веселъ, относящійся къ 700 г. до Р. Хр.

Характерно, что финикійцы, первые мореплаватели древняго міра, уже тогда обратили вниманіе на главныя качества военнаго корабля, отмѣченныя даже на грубомъ рисункѣ: на скорость, о которой свидѣтельствуетъ большое количество гребцовъ и веселъ, и на необходимость наступательнаго оружія—длиннаго и остраго подводнаго бивня, служащаго исключительно для нападенія съ цѣлью продырявить и потопить непріятеля. Нельзя не отмѣтить того, что форма и расположеніе бивня измѣнились впослѣдствіи. По дошедшимъ до насъ изображеніямъ эпохи римской имперіи онъ принялъ форму трезубца и сталъ располагаться выше или у самой ватерлиніи.

---

[1]) Thucydides I. 49.

У грековъ вообще, а у аоинянъ въ частности, таранъ сохранилъ свою первоначальную форму, при чемъ уже въ скоромъ времени тактика тараненія достигла значительнаго развитія.

169. Тактика тараненія.

Въ этой тактикѣ различаются два основныхъ маневра: 1) *прорывъ* (διέκπλους), т. е. прохожденіе между двумя непріятельскими кораблями, съ цѣлью поломать имъ весла, и сдѣлать неспособными управляться, послѣ чего нападавшій поворачивалъ и таранилъ непріятеля въ корму; 2) *обходъ* (περίπλους) вокругъ непріятельскаго корабля на небольшомъ разстояніи, чтобы, сдѣлавъ затѣмъ крутой поворотъ, таранить его въ бортъ или въ раковину.

а) Прорывъ.

Вѣроятно маневръ прорыва сталъ примѣняться еще финикійцами, такъ какъ у нихъ суда обладали большою скоростью и уже въ 700 г. до Р. Хр. были снабжены таранами. Діонисій изъ Фокеи, очень опытный и способный флотоводецъ, зналъ этотъ маневръ и намѣревался обучить ему неумѣлыхъ іоническихъ тріерарховъ передъ битвою при Ладе въ 500 г. до Р. Хр., но это ему не удалось. Послѣ прохода сквозь строй финикійскія суда дѣлали крутой поворотъ и таранили весь рядъ непріятеля въ корму или въ бортъ.

Въ первый день боя при Артемизіи, по словамъ Созилія, бывшій на греческой сторонѣ умный и очень опытный каріецъ Гераклидъ, знавшій тактику финикійцевъ, познакомилъ съ нею грековъ и посовѣтовалъ поставить за боевой линіей второй рядъ судовъ на опредѣленномъ разстояніи для тараненія персидскихъ судовъ послѣ того, какъ они прорвутся и станутъ поворачивать, т. е. въ моментъ очень благопріятный для тараннаго удара.

Маневръ прорыва сквозь строй не слѣдуетъ смѣшивать съ практикующимся очень часто въ морскихъ битвахъ маневромъ прорѣзанія линіи непріятельскихъ судовъ, что обычно раздѣляетъ силы непріятеля, деморализуетъ его и поэтому часто имѣетъ рѣшающее значеніе. Описываемый маневръ слѣдуетъ разсматривать, какъ маневръ отдѣльныхъ кораблей съ цѣлью вывести изъ строя противулежащіе непріятельскіе корабли и имѣетъ скорѣе мѣстное значеніе.

Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать понятіе прорывъ сквозь линію (διέκπλους), съ прорѣзаніемъ линіи.

Обходъ (περίπλους) уже описанъ вкратцѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ приведенъ примѣръ его примѣненія. б) Обходъ.

Обученіе аѳинскаго флота тактикѣ тараненія слѣдуетъ также приписать его создателю и первому командиру Ѳемистоклу. Она съ успѣхомъ была примѣнена уже въ битвѣ при Артемизіи и Саламинѣ, гдѣ разстройство врага благопріятствовало ея примѣненію, такъ какъ можно съ увѣренностью предположить, что персы далеко не всѣ поворачивались къ грекамъ носами.

Тараненіе въ носъ или „штевнемъ къ штевню“ непріятеля греками не практиковалось, въ виду того, что ихъ корабли были очень легкой постройки и съ острымъ образованіемъ, вслѣдствіе чего такой ударъ являлся опаснымъ для своихъ же триремъ. Для нанесенія большаго вреда непріятельскимъ кораблямъ при проходѣ вдоль ихъ бортовъ на носу, на высотѣ привальнаго бруса, съ каждой стороны прикрѣплялись два горизонтальныхъ бревна (προεμβόλιον), назначеніемъ коихъ было разрушать привальный брусъ непріятеля и сразу выводить изъ дѣйствія весла.

Точныхъ примѣровъ дѣйствія этихъ бревенъ къ сожалѣнію не имѣется. Съ замѣной тактикой тараненія тактики абордажа и ея дальнѣйшимъ развитіемъ стало сильно уменьшаться число воиновъ (ἐπίβαται) на корабляхъ.

II. Расцвѣтъ Аѳинской морской силы.

Бѣжавшій Ксерксъ съ остатками своей арміи на 45 день послѣ Саламинской битвы добрался до Геллеспонта. Мосты, выстроенные по его приказанію, весной были разрушены непогодой, но спѣшно пришедшій флотъ поджидалъ его. Съ его помощью Ксерксъ перешелъ на другой берегъ и вернулся въ Сарды, гдѣ въ продолженіе цѣлаго года ожидалъ извѣстій о побѣдѣ отъ Мардонія и отъ флота, зазимовавшаго частью въ Кумахъ въ Лидіи, недалеко отъ Сардъ, частью же на Самосѣ.

Въ началѣ 479 года флотъ, въ количествѣ 300 кораблей, собрался въ Самосѣ, для острастки іоническимъ колоніямъ въ Малой Азіи, склонявшимся сбросить персидское иго. Послѣ понесенныхъ пораженій флотъ болѣе не рѣшался на наступательныя дѣйствія.

Мардоній со своей арміей въ 300.000 человѣкъ зазимовалъ въ Ѳессаліи и Македоніи. Прежде чѣмъ предпринять снова походъ противъ аѳинянъ, только что вернувшихся въ свой городъ, разрушенный персами, онъ попытался привлечь ихъ на свою сторону заманчивыми обѣщаніями, думая воспользоваться ихъ *морскимъ могуществомъ* для покоренія всей Греціи; но аѳиняне остались вѣрными своему національному долгу и отвѣтили посламъ рѣшительнымъ отказомъ, несмотря на то, что лакедемоняне отказались ихъ поддержать и выдвинуть навстрѣчу персамъ греческое войско.

Мардоній двинулся безпрепятственно черезъ Беотію въ Аттику. Лишь только это сдѣлалось извѣстнымъ, аѳиняне вторично покинули свой городъ. Мужчины сѣли на корабли, а женщины и дѣти бѣжали въ Саламинъ; Мардоній опять занялъ Аѳины и вновь послалъ оттуда пословъ въ Саламинъ къ аѳинянамъ, предлагая имъ союзъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Несмотря на стѣсненныя обстоятельства,

аоиняне опять отвергли это предложеніе самымъ рѣшительнымъ образомъ. Здѣсь опять видно вліяніе Ѳемистокла, спасшаго еще разъ Грецію благодаря своему одухотворенному патріотизму и ненависти къ чужому владычеству.

По полученіи отказа Мардоній велѣлъ разрушить сохранившіеся еще до этого времени Аѳины и опустошить всю Аттику. Затѣмъ онъ двинулся въ Мегару, гдѣ также опустошилъ всю страну, послѣ чего, по совѣту ѳиванцевъ, оказывавшихъ ему всяческое содѣйствіе, разбилъ вблизи Ѳивъ въ Беотіи постоянный лагерь.

Лакедемоняне и на этотъ разъ намѣрены были ограничиться лишь защитой Пелопоннеса, для чего отстроили валъ поперекъ перешейка, достаточный для этой цѣли. Наконецъ послѣ долгихъ просьбъ аѳинскихъ пословъ, продолжительное время находившихся въ Спартѣ, они рѣшились выслать къ перешейку войско, состоявшее изъ 5.000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ — спартанцевъ и 35.000 илотовъ (легковооруженныхъ), къ которымъ присоединились еще 5.000 гоплитовъ и 5.000 легковооруженныхъ; въ общей сложности собралось войско въ 50.000 человѣкъ подъ начальствомъ спартанскаго царя Павзанія. На перешейкѣ къ этому войску мало по малу присоединились еще отряды остальныхъ пелопоннесскихъ государствъ.

Съ этимъ войскомъ Павзаній двинулся навстрѣчу персамъ черезъ Мегару до Элевзина, гдѣ къ нему примкнули 8.000 аѳинскихъ гоплитовъ подъ начальствомъ Аристида, пришедшихъ изъ Саламина; послѣ этого Павзаній соединился съ союзнымъ греческимъ войскомъ, превосходившимъ теперь численностью 100.000 человѣкъ, и расположился лагеремъ у сѣвернаго склона хребта Киѳеронъ, вблизи Платеи въ Беотіи на виду большого укрѣпленнаго лагеря персовъ.

Въ концѣ лѣта, послѣ нѣсколькихъ атакъ сильной персидской конницы на лѣвый флангъ грековъ, расположенный на равнинѣ и состоявшій первоначально изъ мегарянъ, смѣненныхъ затѣмъ аѳинянами, произошла *Платейская битва*, въ которой греки одержали полную побѣду надъ персами, войско которыхъ втрое превосходило греческое. **170. Битва при Платеѣ.**

Эту побѣду греки одержали благодаря своему сильному духу, храбрости и лучшему вооруженію, несмотря на плохое знаніе тактики предводителя—Павзанія. Мардоній былъ

убитъ, а его войско, охваченное паникой, бѣжало въ безпорядкѣ. Значительная часть персовъ была перебита, а ихъ укрѣпленный лагерь взятъ штурмомъ, при чемъ въ руки грековъ попала необыкновенно богатая добыча въ небывалыхъ еще размѣрахъ.

171. Морской походъ въ Малую Азію.

Греческій флотъ въ количествѣ 110 триремъ уже ранней весной 479 г. до Р. Хр. собрался около Эгины. Вслѣдствіе притязаній Лакедемоніи общее начальство надъ всѣми силами было поручено спартанскому царю Леотехиду, несмотря на то, что онъ ничего не смыслилъ въ морскомъ дѣлѣ, не имѣлъ понятія о наступательныхъ дѣйствіяхъ и не выработалъ опредѣленнаго плана предстоявшаго похода.

Въ числѣ его подчиненныхъ находился знатный аѳинянинъ Ксантиппъ, командовавшій аѳинскимъ отрядомъ. Будучи политическимъ противникомъ Ѳемистокла, онъ, несмотря на это, какъ и всѣ патріоты и осмотрительные и независимые граждане этого города, былъ исполненъ его духомъ. Фактически онъ руководилъ походомъ.

Едва лишь флотъ собрался, какъ къ нему явилось посольство отъ іонянъ, уже успѣвшее побывать въ Спартѣ, преддверіи Греціи, съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ персидскаго ига. Леотехидъ вначалѣ не хотѣлъ ничего и слышать о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Онъ совершенно не зналъ Архипелага и полагалъ, что Самосъ находится такъ же далеко, какъ Геркулесовы столбы. Наконецъ его удалось уговорить выступить къ дружественному острову Делосу (въ 93 миляхъ отъ Эгины).

Тамъ онъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ, пока не прибыло посольство изъ Самоса съ настойчивой просьбой о помощи противъ персидскаго флота, во всякомъ случаѣ уступавшаго по силѣ греческому. Съ большимъ трудомъ удалось заручиться согласіемъ Леотехида на этотъ походъ.

Лишь только греки подошли къ Самосу и стали на якорѣ, какъ отпустившіе незадолго до этого финикійскій отрядъ, персы изъ боязни греческаго флота обратились въ бѣгство къ предгорію Микале, гдѣ на берегу было сосредоточено сильное войско для подавленія іонянъ. Корабли были вытащены на берегъ и ограждены сильной засѣкой, чтобы въ случаѣ необходимости выдержать осаду.

Греки, разсчитывавшіе на морскую битву, узнавъ объ уходѣ персидскаго флота и присутствіи сильной непріятельской арміи у Микале, были такъ поражены, что думали было возвращаться, но рѣшили все-таки напасть на персовъ. Въ расчетѣ на морской бой они приготовили абордажные мостики. Увидя, что персы повытаскивали корабли на берегъ, Леотехидъ, по примѣру Ѳемистокла при отступленіи изъ Артемизія, пытался переманить грековъ, находившихся въ персидскомъ войскѣ, на свою сторону. Онъ проходилъ на такомъ близкомъ разстояніи, что на грековъ можно было воздѣйствовать при помощи герольдовъ.

Послѣ этого Леотехидъ высадилъ свои боевыя силы нѣсколько восточнѣе непріятельскаго лагеря и сталъ готовиться къ атакѣ на него. Спартанцы заняли почетное мѣсто на правомъ флангѣ, въ глубинѣ страны въ гористой мѣстности, а аѳиняне, коринѳяне и прочіе расположились на лѣвомъ отлогомъ берегу. Благодаря большей легкости передвиженія, они раньше достигли непріятеля. Персы между тѣмъ изъ предосторожности разоружили наименѣе надежныя войска самосцевъ и выслали ихъ изъ Милета подъ благовиднымъ предлогомъ въ горы, якобы для охраны проходовъ.

Сдѣлавъ это, они, сомкнувшись, стали ожидать атаки на лагерь. По мѣрѣ приближенія къ персамъ, среди грековъ очень быстро сталъ распространяться слухъ о побѣдѣ надъ Мардоніемъ при Платеѣ. Это ихъ очень воодушевило. 172. Битва при Микале.

Аѳиняне, поддерживаемые іонянами, находившимися въ персидскихъ рядахъ, успѣшно начали нападеніе и ворвались въ лагерь, сопровождаемые коринѳянами и другими, обративъ всѣхъ въ бѣгство; лишь персы защищались храбро до тѣхъ поръ, пока не были раздавлены подоспѣвшими спартанцами. Большинство ихъ было перебито, лишь жалкіе остатки войска добрались до Сардъ и сообщили Ксерксу, ожидавшему извѣстій о побѣдахъ, объ истребленіи войска и флота.

Греки и тутъ одержали полную побѣду, и въ ихъ руки попала богатая добыча. Персидскіе корабли, а также и засѣка были сожжены.

Послѣ побѣды греки собрались въ Самосѣ для рѣшенія судьбы іонянъ, отпавшихъ изъ подъ власти варваровъ и опасавшихся ихъ мести. Спартанцы стояли за то, чтобы

упразднить іоническія колоніи въ Малой Азіи, а жителей переселить въ европейскую Грецію, въ города, перешедшіе на сторону персовъ. Защищать іонянъ отъ мести персовъ они считали невозможнымъ. Аѳиняне опротестовали въ духѣ Ѳемистокла это предложеніе объ уничтоженіи колоній, основанныхъ Аѳинами и послѣ того, какъ пелопоннесцы уступили, привлекли въ *національный союзъ*, въ качествѣ членовъ острова Самосъ, Хіосъ, Лесбосъ и другіе.

173. Привлеченіе острововъ въ національный союзъ.

Такимъ обрбзомъ первый *наступательный походъ*, несмотря на противодѣйствіе лакедемонянъ, окончился совершенно въ духѣ Ѳемистокла полнымъ уничтоженіемъ персидскаго флота и утвержденіемъ греческаго, точнѣе, аѳинскаго *морского могущества* надъ всѣмъ „Островнымъ моремъ“ (Архипелагомъ) вплоть до Малой Азіи.

Но аѳиняне не удовлетворились этимъ, а сейчасъ же двинулись къ Геллеспонту, находившемуся лишь въ 180 миляхъ отъ Самоса въ сопровожденіи пелопоннесцевъ, при чемъ послѣдніе были увѣрены, что идутъ для уничтоженія мостовъ Ксеркса, а на самомъ дѣлѣ цѣлью похода было полное изгнаніе персовъ и освобожденіе важнаго для грековъ торговаго пути въ Понтъ Эвксинскій.

Не найдя мостовъ, уже съ годъ какъ разрушенныхъ, Леотехидъ съ пелопоннесцами отправился домой, такъ какъ уже наступила осень, а Ксантиппъ съ аѳинянами приступилъ къ осадѣ Сестоса, самой сильной крѣпости въ Геллеспонтѣ, въ которой укрылось много окрестныхъ жителей и персовъ. Аѳиняне не могли взять города штурмомъ и потому осада затянулась. Непривычные къ зимнимъ холодамъ аѳиняне начали роптать; но и въ Сестосѣ не были готовы къ осадѣ и къ концу года тамъ начался сильный голодъ.

Наконецъ персидскіе командиры ночью бѣжали изъ города, послѣ чего онъ сдался аѳинянамъ, забравшимъ и здѣсь богатую добычу, между прочимъ матеріалъ для мостовъ Ксеркса. Ранней весной 478 г. до Р. Хр. аѳиняне отправились со своей добычей на родину.

174. Переходъ гегемоніи на морѣ къ Аѳинамъ.

Руководящая роль (гегемонія) *на морѣ*, такъ же какъ и на сушѣ, съ общаго согласія принадлежала лакедемонянамъ вплоть до 479 г., когда Леотехидъ, убѣдившись вѣроятно въ своей личной непригодности, отъ нея отказался, и тогда она перешла къ аѳинянамъ.

Слѣдующій почти 50-тилѣтній періодъ греческой исторіи, часто называемый у нѣмецкихъ историковъ „*Пентеконтэтіей*", продолжавшійся отъ Саламинской битвы до начала пелопоннесской войны, почему то былъ не въ милости у греческихъ писателей, несмотря на то, что его значеніе ничуть не меньше другихъ періодовъ. Онъ содержитъ въ себѣ почти непрекращающіяся важныя войны, десятилѣтнюю войну между Спартою и Аѳинами, много сраженій, особенно морскихъ, образованіе и усиленіе аѳинскаго морского союза и т. д. Сочиненіе Геродота оканчивается взятіемъ Сестоса въ началѣ 478 г. до Р. Хр. У Ѳукидида обработана лишь пелопоннесская война и лишь приведенъ краткій обзоръ событій за эти 50 лѣтъ, какъ будто въ теченіе ихъ ничего не произошло. Послѣдовательность событій этой эпохи не извѣстна намъ вполнѣ опредѣленно, и позднѣйшія изслѣдованія многихъ ученыхъ не дали положительныхъ результатовъ. 175. Пентеконтэтія.

Несмотря на это, постараемся разсмотрѣть этотъ періодъ въ виду его значенія въ исторіи морскихъ войнъ.

Создателемъ греческаго, точнѣе *аѳинскаго морского могущества* слѣдуетъ считать Ѳемистокла. Забракованный близорукими современниками его грандіозный планъ похода въ погоню за персами и противъ острововъ, бывшихъ на сторонѣ персовъ, въ случаѣ благопріятнаго исхода утвердилъ бы это морское могущество уже въ 480 г. 176. Начало аѳинскаго морского могущества.

Несмотря на то, что Ѳемистоклъ не принималъ *личнаго* участія въ походахъ 479 г. до Р. Хр. и не былъ ни въ битвѣ при Микале, ни при Платеѣ, его вліяніе было еще неограниченнѣе на родинѣ, такъ какъ аѳиняне несомнѣнно обязаны лишь ему тѣмъ, что держались національнаго долга, не соблазнились заманчивыми предложеніями Мардонія, и еще разъ покинули городъ и страну. Послѣ отступленія персовъ изъ Аѳинъ, аѳиняне тотчасъ же вернулись обратно и начали реставрировать городъ.

По совѣту предусмотрительнаго Ѳемистокла, думавшаго и о будущемъ, они это стали дѣлать не въ обычномъ порядкѣ, а начали съ сооруженія *прочныхъ городскихъ стѣнъ*, обхватывавшихъ гораздо большую площадь, чѣмъ прежде. Аѳины должны были стать неприступною крѣпостью, для чего по тогдашнему состоянію военнаго дѣла вполнѣ доста- 177. Укрѣпленіе Аѳинъ.

14

точно было высокой стѣны. Въ случаѣ надобности городскія стѣны должны были укрыть въ себѣ жителей Аттики. Событія 480 и 479 г. до Р. Хр. показали необходимость стѣнъ.

Очевидное стремленіе Аѳинъ къ самостоятельности и самооборонѣ возбудило безпокойство и зависть у сосѣднихъ морскихъ державъ—Эгины, Коринѳа и Мегары, флоты которыхъ были давно превзойдены аѳинскимъ. Эта зависть впослѣдствіи перешла въ ненависть.

Государства эти пожаловались на постройку стѣнъ спартанцамъ, имѣвшимъ гегемонію. Спартанцы приняли эту жалобу очень близко къ сердцу, такъ какъ сочли постройку стѣнъ оскорбительной для себя, считая Пелопоннесъ единственнымъ покровителемъ всей Грецiи. Спартанское правительство запретило аѳинянамъ укрѣплять городъ, и лишь благодаря уму и ловкости Ѳемистокла, удалось обойти это препятствіе.

Онъ началъ съ того, что отправился въ Спарту одинъ въ качествѣ посла и заложника одновременно. Пользуясь своимъ большимъ уваженіемъ въ Спартѣ, пріобрѣтеннымъ Саламинской битвой, а можетъ быть и взятками, бывшими тогда въ большимъ ходу, онъ оттягивалъ рѣшеніе спартанскихъ властей до тѣхъ поръ, пока стѣны, спѣшно сооружавшіеся во время его отсутствія, не были окончены.

Лишь когда прибыли еще два аѳинскихъ посла и сообщили объ окончаніи стѣнъ, и для повѣрки этого извѣстія въ Аѳины было послано спартанское посольство, задержанное тамъ, онъ открыто заявилъ о цѣляхъ аѳинской политики.

Спартанцы были этимъ очень удручены, но сдержали свои чувства, такъ какъ фактъ совершился и дѣло измѣнить можно было лишь войной. Ѳемистоклу и двумъ другимъ посламъ они не причинили зла, а отпустили, но ихъ уваженіе къ нему смѣнилось въ жестокую ненависть, которую они впослѣдствіи и дали ему почувствовать.

178. Укрѣпленіе военныхъ гаваней. Карта № 12.

Покончивъ съ укрѣпленіемъ самаго города, Ѳемистоклъ приступилъ къ укрѣпленію *гавани*, которую изъ за флота онъ считалъ важнѣе города и поэтому и защищалъ гораздо сильнѣе. Какъ уже упоминалось, (см. § 147) онъ окружилъ весь Пирейскій полуостровъ, включая три гавани—Мунихію Зею и нынѣшній Пирей, громадной стѣной 11,5 км. длиною,

9,25 мт. вышиной при толщинѣ на трудно доступныхъ обрывистыхъ берегахъ 3—3,6 мт. и на ровныхъ мѣстахъ до 8 мт. Стѣна была сложена главнымъ образомъ изъ громадныхъ кубическихъ камней на желѣзныхъ связяхъ, и имѣла 51 башни, выступавшія на 4—6 мт.

Для болѣе полной защиты гаваней съ обѣихъ сторонъ входовъ были построены громадные каменные молы 130—190 мт. длиною, бывшіе какъ бы продолженіемъ крѣпостныхъ стѣнъ. Ширина входа дѣлалась 37—96 мт. такъ, что его можно было заградить цѣпью или чѣмъ либо другимъ. На концахъ моловъ выстроены были башни, на которыхъ ночью горѣли огни для обозначенія входовъ.

Въ каждомъ порту—Мунихіи, Зеѣ и Кантаросѣ имѣлось по верфи, на огороженномъ участкѣ. Во главѣ верфей стоялъ стратегъ съ 10 начальниками верфей. Зея, несмотря на меньшую величину, считалась главной гаванью. Къ ней была приписана почти половина флота, а къ остальнымъ лишь по четверти. Разоруженные корабли сохранялись на верфяхъ на сушѣ въ крытыхъ сараяхъ, построенныхъ другъ около друга, длиною 35—40 мт. и шириною 6,25—6,54 мт. съ каменными путями для вытаскиванія. Въ Зеѣ сараи, частью двойные, были выстроены по радіусамъ вокругъ круглаго бассейна. Снаряженіе (инвентарь) раздѣляли на два рода—„деревянное", куда входили мачты, реи и т. п., и „висячее" т. е. паруса, тросы, такелажъ и т. д. „Деревянное" снаряженіе хранилось въ сараяхъ при корабляхъ, а „висячее" въ особомъ цейхгаузѣ въ Зеѣ (инвентарный магазинъ).

Вслѣдствіе недостатка мѣста въ Зеѣ для вооруженнаго флота Пирей вскорѣ пріобрѣлъ большее значеніе. Торговый портъ Эмпоріонъ (Emporion), занимавшій весь заливъ, за исключеніемъ Кантароса, еще сильнѣе увеличилъ его значеніе.

Примѣрно на разстояніи одного километра отъ входа въ портъ на берегу было поставлено два столба для маячныхъ огней. Кругомъ всего порта была сдѣлана каменная набережная, также и выдававшіеся въ море каменные молы. **179. Пирей въ качествѣ торговаго порта.**

Для погрузки и выгрузки грузовъ изъ торговыхъ кораблей имѣлись удобныя пристани, обширные пакгаузы и склады, изъ которыхъ одинъ былъ отведенъ спеціально подъ образцы товаровъ и въ немъ велась торговля, такъ что онъ представ-

лялъ нѣкоторое подобіе биржи. Кромѣ того имѣлся обширный базаръ.

Надзоръ надъ торговымъ портомъ и движеніемъ въ немъ былъ порученъ также 10 чиновникамъ. Въ качествѣ единственной вольной гавани и вообще коммерческаго порта, обслуживавшаго Аѳины и всю Аттику, Пирей, благодаря своей организованности и защитѣ всегда находившагося по близости военнаго флота, скоро выросъ въ *величайшій* міровой рынокъ, въ который стекались отовсюду массы кораблей съ разнообразными грузами. Много приходило и финикійцевъ.

Къ гавани примыкалъ новый городъ, Пирей, очень быстро развившійся, благодаря торговлѣ, до такой степени, что началъ соперничать съ Аѳинами.

Ѳемистоклъ самымъ ревностнымъ образомъ заботился о постройкѣ стѣнъ и гаваней. По его плану весь полуостровъ долженъ былъ быть такъ сильно укрѣпленъ, чтобы для его защиты было достаточно немногихъ людей, неспособныхъ къ морской службѣ. Все остальное мужское населеніе должно было нести службу на судахъ флота.

Онъ любилъ говорить своимъ соплеменникамъ, что, *имѣя такой портъ, можно покорить своимъ флотомъ весь міръ* [1]). Но исполненіе этихъ грандіозныхъ плановъ потребовало немало времени, и при Ѳемистоклѣ стѣны были возведены лишь на высоту 9,25 мт. вмѣсто предполагавшихся 18,5.

180. Измѣненія въ военномъ дѣлѣ въ Аттикѣ. Естественно, что съ созданіемъ большого флота *въ организаціи военнаго дѣла* въ Аттикѣ произошли крупныя перемѣны. Избиравшіеся ежегодно 10 стратеговъ, командовавшіе прежде полками, составленными изъ гражданъ 10 филъ, получили въ командованіе и управленіе и сухопутныя и морскія силы. Ихъ прежнее мѣсто, полковыхъ командировъ, заняли 10 таксіарховъ. Стратеги ежегодно назначали для всѣхъ наличныхъ кораблей тріерарховъ (командировъ триремъ) изъ гражданъ высшаго цензоваго класса.

181. Организація флота. На эту службу смотрѣли, какъ на трудъ на пользу государства. Она обходилась отъ 50 до 60 минъ (3.929—4.715 марокъ) въ годъ. Самая служба на суднѣ могла быть отправ-

---

[1]) Thucydides, см. гл. I, 93.

ляема замѣстителемъ. Тріерархъ, получивъ отъ правительства невооруженный корабль съ командой и нѣкоторымъ инвентаремъ, какъ напримѣръ съ мачтою и парусами (въ четвертомъ столѣтіи съ полнымъ инвентаремъ), приводилъ судно въ боевую готовность и долженъ былъ сдать по истеченіи срока своей службы въ исправномъ видѣ правительству. Вопросъ о возмѣщеніи недостававшаго рѣшалъ судъ изъ 10 начальниковъ верфей.

Команда набиралась изъ опредѣленныхъ округовъ (триттій) каждой изъ 10 филъ. Гребцами (ἐρέται)[1]) были переселившіеся въ Аѳины чужестранцы, обязанные по прошествіи извѣстнаго времени принимать участіе въ защитѣ страны (метеки), рабы и въ рѣдкихъ случаяхъ граждане 4-го класса; позже, съ увеличеніемъ потребности, гребцовъ стали, кромѣ того, нанимать. Низшіе или такъ называемые палубные офицеры, какъ кормчій, начальникъ гребцовъ и т. д. были изъ числа аѳинскихъ гражданъ. 10 тяжело вооруженныхъ солдатъ, бывшихъ на каждомъ кораблѣ, набирались изъ ѳетовъ. Каждый человѣкъ сперва получалъ вознагражденія и денегъ на прокормленіе 4 обола=52 пф., а позднѣе 1 драхму=79 пф. въ день [2]). Лишь на триремахъ „Саламинія“ и „Паралосъ“, весь годъ вооруженныхъ и служившихъ для особенныхъ надобностей государства, вся команда состояла исключительно изъ аѳинскихъ гражданъ, получавшихъ по драхмѣ въ сутки каждый. При перевозкѣ войскъ на каждую трирему сажалось до 50 гоплитовъ.

Съ введеніемъ этихъ новыхъ порядковъ прекратили свое существованіе старыя наукраріи. Чтобы обезпечить составъ флота на будущее время, Ѳемистоклъ провелъ въ 478 году законъ, по которому, принимая долговѣчность корабля минимумъ въ 10 лѣтъ, ежегодно должны были отстраиваться 20 новыхъ триремъ.

182. Измѣненіе конституціи. Превращеніе Аѳинъ въ крупную морскую державу и событія 480 и 479 г. до Р. Хр. повлекли за собою *въ конституціи* значительныя *перемѣны* въ демократическую сторону, которымъ, какъ это ни было странно, содѣйствовалъ Аристидъ. Изгнаніе, жизнь за границею и, наконецъ, послѣдніе

---

[1]) Busolt, см. гл. III, 55.

[2]) Schömann. Verfassungsgeschichte Athens 485.

крупные успѣхи флота измѣнили взгляды этого человѣка, бывшаго до этого консерваторомъ. Онъ убѣдился въ правильности стремленій Ѳемистокла, которому онъ раньше противодѣйствовалъ изо всѣхъ силъ, и пошелъ съ нимъ рука объ руку въ дальнѣйшихъ заботахъ о созданіи и примѣненіи флота, а также и въ остальныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики.

Уравненію имущественныхъ и родовыхъ отличій между аѳинянами способствовало, повторявшееся нѣсколько разъ оставленіе жителями своихъ домовъ и имущества при приближеніи непріятеля, а также самоотверженное выступленіе всѣхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ гражданъ для защиты отечества и ихъ совмѣстное участіе въ сраженіяхъ, особенно при Саламинѣ.

Благодаря возросшей потребности въ командахъ для флота и въ рабочихъ для сооруженія громадныхъ стѣнъ и другихъ построекъ сильно возросло количество гражданъ четвертаго класса, и было-бы несправедливымъ лишать ихъ участія въ управленіи. Поэтому въ 478 году до Р. Хр. по предложенію Аристида [1]) былъ проведенъ законъ, по которому доходы съ движимаго имущества стали давать права одинаковыя съ доходами съ помѣстій. Этимъ уничтожилась послѣдняя привилегія владѣльцевъ земель и высшаго сословія, и *каждый* гражданинъ получилъ право быть избраннымъ въ совѣтъ 500, въ архонты, а, слѣдовательно, затѣмъ и въ ареопагъ.

Важныя реформы, которыми задался Ѳемистоклъ на родинѣ, не могли быть проведены безъ его личнаго участія, поэтому онъ, несомнѣнно, и отказался въ 479 году отъ главнаго командованія аѳинскимъ флотомъ. Онъ имѣлъ полное право на это, такъ какъ своимъ геніальнымъ созданіемъ и руководствомъ флота привлекъ на свою сторону и сдѣлалъ сторонниками наступательной морской политики, создававшей величіе Аѳинъ, не только одного Аристида, но всѣхъ сознательныхъ людей.

Его вліяніе не ограничивалось предѣлами однѣхъ Аѳинъ, но распространилось на весь истмійскій союзъ, который вначалѣ не раздѣлялъ мысли о необходимости полнаго уни-

---

[1]) Schömann, см. стр. 356; Busolt, Staatsalt., 122.

чтоженія персидскаго флота и вообще отказался отъ веденія морской войны, но затѣмъ уже весною 478 г. до Р. Хр. сосредоточилъ у острова Эгины флотъ изъ ста почти кораблей. Пелопоннесскій отрядъ состоялъ всего изъ 20 кораблей правда подъ начальствомъ самого царя Павзанія, аѳинскій—изъ 30 кораблей подъ начальствомъ Аристида и Кимона, сына Мильтіада; остальныя 50 судовъ принадлежали остальнымъ союзникамъ.

183. Наступательная война на морѣ.

Павзаній, стяжавшій всеобщее уваженіе, какъ начальникъ войскъ во время Платейской битвы, безъ возраженій и претензій со стороны аѳинянъ получилъ общее командованіе флотомъ. Это былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ Леотехидъ; онъ отличался энергіей и выдающимся умомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень самолюбивымъ и лукавымъ человѣкомъ. Онъ немедленно началъ наступательныя дѣйствія, но не противъ Малой Азіи, а противъ имѣвшаго, благодаря своему положенію съ края Архипелага, важное стратегическое значеніе Крита. Населеніе послѣдняго состояло частью изъ грековъ, но принадлежалъ онъ персамъ.

Несмотря на свою значительную величину, островъ былъ завоеванъ въ очень короткій срокъ, и флотъ для открытія свободнаго пути къ Понту двинулся на сѣверъ, по прошлогоднему пути аѳинянъ, черезъ Геллеспонтъ и Босфоръ до Византіи, ставшей благодаря своему исключительному благопріятному мѣстоположенію цвѣтущимъ торговымъ городомъ и важнѣйшею крѣпостью персовъ со времени ихъ похода въ Скиѳію. Появленіе у Византіи греческаго флота было настолько неожиданнымъ для персовъ, что греки уже лѣтомъ 478 г. до Р. Хр. овладѣли городомъ, несмотря на его сильныя укрѣпленія, взявъ при этомъ кромѣ богатой добычи много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ оказались близкіе родственники персидскаго царя.

Этотъ новый громадный успѣхъ былъ погибельнымъ для Павзанія, такъ какъ его высокомѣріе прямо обратилось въ манію величія. Еще богатая добыча Платейской битвы до того вскружила голову этому спартанцу, воспитанному въ строгости и простотѣ, что онъ началъ считать себя выше всѣхъ союзниковъ и вести разнузданную жизнь.

184. Заговоръ Павзанія.

Какъ завоеватель Крита и Византіи онъ возомнилъ о себѣ еще больше. Получивъ несмѣтную добычу и вошедши

слишкомъ во вкусъ къ восточной роскоши, онъ уже былъ не въ состоянiи вернуться къ стѣснительнымъ и скромнымъ условiямъ жизни своей родины. Во время стоянки флота въ Византiи у него созрѣлъ планъ сдѣлаться повелителемъ всей Грецiи при содѣйствiи персовъ. Для этого онъ при посредствѣ знатныхъ персидскихъ плѣнниковъ, отпущенныхъ имъ на свободу, вошелъ въ сношенiе съ находившимся въ Сардахъ Ксерксомъ.

Одновременно съ этимъ онъ измѣнилъ свое обращенiе съ подчиненными, и давъ волю своему властолюбiю началъ расправляться съ ними по персидскому обычаю плетью, какъ будто они были его рабами. Своихъ спартанцевъ онъ разумѣется щадилъ, но остальныхъ грековъ онъ третировалъ и налагалъ жестокiя дисциплинарныя наказанiя, такъ напримѣръ онъ заставлялъ людей стоять въ продолженiе цѣлаго дня, имѣя на плечахъ тяжелый желѣзный якорь. Когда Аристидъ пришелъ къ нему объясниться по этому поводу, то онъ не захотѣлъ его даже слушать.

Слѣдствiемъ всего этого было всеобщее недовольство дошедшее наконецъ до того, что iоняне отказались повиноваться и едва не пустили ко дну корабль Павзанiя вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Греки обратились къ Аристиду и Кимону, стяжавшимъ симпатiи своимъ мягкимъ и ласковымъ обращенiемъ, съ просьбой о защитѣ и предложили имъ принять главное начальствованiе (гегемонiю) и заключить новый союзъ.

185 Делосско-аттическiй союзъ.

Тѣ согласились, и весною 477 г. до Р. Хр. возникъ новый морской союзъ извѣстный подъ именемъ делосско-аттическаго потому, что маленькiй, но священный островокъ Делосъ, бывшiй нѣкогда центромъ старой морской амфиктiонiи, имѣлъ у грековъ особенное значенiе, а потому и былъ выбранъ центромъ новаго союза.

Одновременно съ этимъ Павзанiй, на котораго въ Спарту поступило много жалобъ, былъ отозванъ эфорами при помощи пелопоннесской эскадры, посланной для этой цѣли. Онъ повиновался, т. к. къ открытому выступленiю еще не все было готово, и предоставилъ главное начальство надъ Византiей, а вѣроятно и Сестосомъ, своему вполнѣ надежному единомышленнику (Гонгилу). Въ Спартѣ не могли доказать измѣнническихъ замысловъ Павзанiя, но тѣмъ не

менѣе онъ былъ лишенъ своего поста и вмѣсто него былъ посланъ въ Византію нѣкій Доркисъ съ маленькой эскадрой для принятія командованія. Но союзники по его прибытіи рѣшительно воспротивились ему подчиняться и онъ принужденъ былъ вернутся со своими кораблями обратно.

Спартѣ-же наскучило вести войну съ персами, перенесенную теперь на море, стоившую большихъ денегъ и угрожавшую еще новыми потерями людей и, кромѣ того, содѣйствовавшую деморализаціи строгихъ спартанскихъ нравовъ, воспитанныхъ въ духѣ Ликургова законодательства. Поэтому Спарта отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ этой войнѣ, предоставивъ ея веденіе Аѳинамъ. 186. Спарта отказывается отъ веденія морской войны.

Такимъ образомъ *морская гегемонія* перешла къ Аѳинамъ безъ борьбы и безъ нарушенія союза, заключеннаго въ 480 году въ Истмѣ. Цѣль Ѳемистокла была осуществлена: Аѳины достигли неоспоримаго *превосходства на морѣ*. 187. Морская гегемонія Аѳинъ.

Фактически Аѳины обладали всѣми данными для полученія морской гегемоніи еще при заключеніи истмійскаго союза (см. § 149) въ 481 году до Р. Хр., но Ѳемистоклъ рѣшилъ оставить пока притязанія на нее, несмотря на подавляющій перевѣсъ аѳинскихъ кораблей надъ спартанскими, ради того, чтобы не нарушать согласія въ дѣлѣ національной обороны.

Аѳинскіе командиры въ Византіи несомнѣнно приняли очень охотно предложеніе союзниковъ взять на себя главное командованіе и немедленно приступили къ заключенію морского союза, въ который подъ главнымъ руководствомъ Аѳинъ могли вступать въ качествѣ равноправныхъ членовъ, не теряя своей независимости, всѣ греческія государства. Цѣлями союза были отраженіе нападеній персовъ и защита отъ нихъ всѣхъ членовъ союза, охрана свободы моря и морскихъ сношеній и торговли, особенно въ Понтѣ; наконецъ нападеніе на персидскіе берега и грабежъ ихъ для возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ союзниками во время персидскихъ нашествій. Словомъ, союзъ преслѣдовалъ только военныя цѣли, тѣмъ болѣе, что часть греческихъ прибрежныхъ городовъ еще находилась въ персидскихъ рукахъ.

Одновременно было постановлено, что каждый членъ союза обязывался вносить извѣстную лепту на веденіе войны,

какъ платили раньше спартанцамъ при веденіи сухопутной войны. Государства, обладавшія военными кораблями должны были предоставить ихъ съ командами союзу и содержать на свой счетъ; тѣ же, которые не имѣли кораблей, облагались денежнымъ налогомъ (φόρος матрикулярными взносами). Аѳины, какъ первенствующая держава, имѣли главное командованіе надъ флотомъ, распоряжались деньгами, имѣли предсѣдательское мѣсто на союзномъ собраніи и обладали правомъ его созыва.

Союзный совѣтъ собирался и засѣдалъ въ храмѣ Аполлона на островѣ Делосѣ, въ этомъ же храмѣ хранились всѣ цѣнности союза, для управленія которыми имѣлись особые союзные казначеи (Ἑλληνοταμίαι). Каждый членъ союза имѣлъ право голоса и всѣ вопросы, какъ то о войнѣ и мирѣ и пр., рѣшались голосованіемъ.

Распредѣленіе налоговъ союзники единогласно поручили Аристиду, который своимъ незапятнаннымъ безкорыстіемъ и самоотверженностью, а также своимъ доброжелательнымъ отношеніемъ къ людямъ, заслужилъ всеобщія симпатіи и любовь. Онъ принялъ это трудное порученіе и, объѣхавъ всѣхъ союзниковъ, немедленно выполнилъ его ко всеобщему удовлетворенію. Его распредѣленіе налоговъ даже въ слѣдующемъ поколѣніи считалось образцовымъ.

Матрикулярные взносы взимались черезъ каждые четыре года. Предположенія, что сумма этихъ взносовъ достигла съ самаго начала 460 талантовъ, слѣдуетъ признать ошибочными. Въ первые годы она достигла лишь величины въ 154 таланта и лишь черезъ десять лѣтъ съ присоединеніемъ новыхъ членовъ союза достигла первой цифры, и даже превысила ее.

Для упрощенія дѣлопроизводства всѣ члены союза первоначально были раздѣлены на три округа: геллеспонтскій, къ которому принадлежали города у Геллеспонта и Босфора, за исключеніемъ Ѳракійскаго Херсонеса, а также острова Тенедосъ, Проконнесъ и Безбикъ (въ Пропонтидѣ); іоническій,—къ которому принадлежали острова у мало-азійскаго побережья отъ Лесбоса до Самоса, а также вступившіе въ союзъ іоническіе и эолическіе города; наконецъ, островной округъ, который составляли Делосъ и Цикладскіе острова кромѣ Андроса, и Евбея безъ Каристоса; въ этотъ

округъ не вошли однако мелкіе острова, лежащіе сѣвернѣе Евбеи вдоль греческаго побережья вплоть до Ѳракіи.

Переходъ гегемоніи морского союза къ аѳинянамъ измѣнилъ замыслы Павзанія, которому удалось оправдаться отъ возведенныхъ на него обвиненій въ Спартѣ, гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и обладалъ большими связями. На триремѣ, предоставленной ему заимообразно городомъ Герміономъ въ Арголидѣ, онъ слѣдующимъ же лѣтомъ (477 г. до Р. Хр.) вернулся въ Византію, при чемъ предпринялъ это не по чьему либо порученію, а на свой страхъ. Тѣмъ не менѣе Гонгилъ сдалъ ему тотчасъ Византію; Сестосъ также попалъ въ его руки, и такимъ образомъ проходъ въ Понтъ снова очутился подъ его контролемъ. Онъ сталъ вести пышную жизнь въ восточномъ вкусѣ и властвовать на подобіе персидскихъ сатраповъ.

Лакедемоняне не имѣли ничего противъ дѣйствій Павзанія, но аѳиняне рѣшились выступить противъ него съ вооруженными силами. Главное начальство въ этой экспедиціи они поручили, несмотря на молодость, Кимону, начавшему этимъ свою блестящую военную карьеру. Онъ взялъ Сестосъ и осадилъ Византію, которую и принудилъ къ сдачѣ въ 476 г. до Р. Хр.

Павзаній отправился въ Колоппу въ Троадѣ, откуда сталъ продолжать свои сношенія съ Ксерксомъ, подарившимъ его довѣренному Гонгилу въ этой мѣстности большія помѣстья. Можно предполагать, что персы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ намѣренно удерживали тамъ Павзанія, не давая развернуться его пылкому честолюбію, пока онъ опять не былъ вытребованъ на родину, гдѣ были получены достовѣрныя извѣстія объ его поступкахъ.

Онъ отправился на зовъ, все еще надѣясь, какъ это ни удивительно, на свое вліяніе на родинѣ. По прибытіи онъ былъ немедленно арестованъ по обвиненію въ заговорѣ, но потомъ опять отпущенъ за недостаткомъ уликъ. Наконецъ въ 472 г. до Р. Хр. одному изъ эфоровъ, враждовавшему съ нимъ, удалось найти доказательство объ его сношеніяхъ съ Ксерксомъ и подготовкѣ возстанія илотовъ. Павзаній былъ замурованъ въ одномъ изъ храмовъ, куда онъ укрылся. Близкій къ смерти, онъ былъ выпущенъ на свободу и вскорѣ умеръ.

Послѣ покоренія Сестоса и Византіи и присоединенія ихъ къ морскому союзу Кимонъ предпринялъ завоеваніе ѳракійскихъ городовъ, находившихся еще въ персидскихъ рукахъ. Онъ началъ съ Эйіона, занимавшаго важное положеніе у устья рѣки Стримона. Разбивъ войско города, онъ окружилъ послѣдній, намѣреваясь взять его голодомъ. Но храбрый комендантъ города Богисъ, не желая сдаться, сжегъ, когда всѣ припасы иссякли, всѣхъ оставшихся въ живыхъ, всѣ сокровища и наконецъ самого себя на спеціально приготовленномъ кострѣ. Аѳиняне рѣшили навсегда удержать за собой этотъ важный пунктъ и выслали туда 10.000 поселенцевъ (клеруховъ), перебитыхъ впослѣдствіи ѳракійцами во время похода вглубь страны.

Вслѣдъ за завоеваніемъ Эйіона, осенью 476 г. въ руки Кимона вскорѣ перешли и прочіе города на Ѳракійскомъ побережьѣ и Ѳракійскомъ Херсонесѣ вплоть до оборонявшагося такъ-же храбро, какъ Эйіонъ, Дорискоса. Персы продержались въ немъ еще цѣлыхъ десять лѣтъ. Затѣмъ Кимонъ взялъ скалистый островъ Скиросъ, населенный коренными его жителями—долоперзами, занимавшимися морскимъ разбоемъ. Они были проданы въ рабство, а островъ заселенъ аѳинскими колонистами.

Изъ Скироса Кимонъ вывезъ въ Аѳины найденныя тамъ останки эпическаго героя Тезея, которому приписывалось соединеніе разрозненныхъ аттическихъ племенъ въ одно государство со столицею Аѳинами. Этимъ поступкомъ онъ вызвалъ большую радость у аѳинянъ и окончательно расположилъ ихъ къ себѣ. Изъ греческихъ городовъ Ѳракійскаго побережья и лежащихъ передъ нимъ острововъ Тасоса и Самотраки, а также изъ острововъ Скироса, Папаретоса, Скіатоса и другихъ, лежащихъ вблизи мыса Сепіаса, образованъ былъ четвертый отдѣлъ морского союза, ѳракійскій, простиравшійся отъ Метоны въ Пагасейскомъ заливѣ до Эноса въ устьѣ Гебра (Марица).

Благодаря созданію морского союза, увеличенію сферы его дѣйствія и усиленію его мощи, Аристидъ и Кимонъ въ качествѣ людей дѣла стали самыми вліятельными и уважаемыми въ Аѳинахъ, тогда какъ вліяніе Ѳемистокла стало уменьшаться.

Послѣ учрежденія морского союза лакедомоняне стали стремиться къ образованію противовѣса быстро ростущей

мощи Аѳинъ, для чего сдѣлали попытку распространить свое вліяніе на сѣверную Грецію. Они намѣревались завоевать, обитавшее въ Ларисеѣ въ Ѳессаліи, племя алеуадовъ, которое призвало Ксеркса къ походу на грековъ и вслѣдствіе этого стало измѣнникомъ по отношенію къ нимъ (стр. 165).

Весною 476 года Спарта послала черезъ Пагасейскій заливъ морскимъ путемъ, освобожденнымъ, благодаря морскому могуществу Аѳинъ, свои войска въ Пагасею подъ предводительствомъ царя Леотехида. Изъ Пагасеи войска прошли по совершенно плоской мѣстности вплоть до Ларисеы, изгнали тамошняго тирана и могли бы покорить всю Ѳессалію, если бы Леотехида не подкупили алеуады, послѣ чего онъ вернулся обратно. Его уличили въ подкупѣ, судили, и ему удалось избѣжать казни лишь благодаря бѣгству.

Войско слѣдующимъ лѣтомъ вернулось на корабляхъ обратно въ Пелопоннесъ. Походъ оказался безрезультатнымъ, хотя лакедемоняне старались использовать его по крайней мѣрѣ для пріобрѣтенія руководящей роли въ дельфійской амфиктіоніи что могло дать имъ перевѣсъ надъ средней Греціей.

Имъ почти удалось достичь этого путемъ внесенія предложенія объ исключеніи изъ амфиктіоніи ѳессалійцевъ, ѳиванцевъ и другихъ племенъ, дружественныхъ персамъ, но дальновидный Ѳемистоклъ, бывшій представителемъ Аѳинъ, увидѣлъ въ этомъ предложеніи вредъ для своей страны и постарался, чтобы оно не было принято. Это несомнѣнно еще болѣе увеличило ненависть Спарты къ Ѳемистоклу, наизлѣйшему ея врагу, и она приложила всѣ усилія для того, чтобы повредить ему и, къ несчастью, нашла въ этомъ поддержку въ Аѳинахъ.

Созданіе могущественнаго флота, требовало постоянно большихъ денегъ и повлекло за собою полное измѣненіе формъ правленія въ демократическую сторону. Блестящіе успѣхи Ѳемистокла, не имѣвшаго связей среди аристократіи, а въ особенности же Саламинская побѣда создали ему массу враговъ и завистниковъ среди этой аристократіи, тяготѣвшей къ Лакедемону.

Обладая дальновидностью, Ѳемистоклъ давно уже понималъ, что Спарта—соперникъ, и что Аѳинамъ придется

вести съ нею рѣшительную борьбу за гегемонію въ Греціи. Родовая же аристократія склонялась къ Спартѣ, съ ея аристократическимъ образомъ правленія, содѣйствовавшей распространенію олигархіи во всей Греціи и ведшей явную борьбу съ демократіей. Во главѣ этой партіи очутился любимецъ толпы—Кимонъ, герой побѣдоносной войны съ персами. Какъ аристократъ, онъ симпатизировалъ Спартѣ и уже много лѣтъ являлся желаннымъ гостемъ этого государства.

Кимонъ, считавшійся въ молодости неспособнымъ, вопреки ожиданіямъ выказалъ себя выдающимся полководцемъ, хотя не былъ столь геніальнымъ человѣкомъ, какъ Ѳемистоклъ; у него не было того ума и дальновидности, съ которыми Ѳемистоклъ велъ запутанныя политическія дѣла аѳинскаго государства. Онъ открыто выступилъ противъ Ѳемистокла и приложилъ все свое вліяніе для отправленія его въ изгнаніе. Этого ему удалось добиться въ 473 г. до Р. Хр., когда на судѣ черепковъ между Ѳемистокломъ и Кимономъ партія послѣдняго восторжествовала, и Ѳемистоклу пришлось отправиться въ изгнаніе.

Онъ удалился въ Аргосъ, враждовавшій издавна со Спартою. Пріобрѣтя тамъ вскорѣ всеобщее уваженіе и вліяніе, онъ его использовалъ, какъ тамъ, такъ и въ Аркадіи, и Элидѣ, противъ Спарты, на пользу своей родины. Отчасти подъ вліяніемъ Ѳемистокла въ слѣдующіе годы произошли войны Спарты съ Аргосомъ и Тегеей. Спартанцы, обладавшіе лучшей военной подготовкой, побѣдили въ кровопролитныхъ бояхъ при Тегеѣ (472 г. до Р. Хр.) и Дипайѣ (471 г. до Р. Хр.). Они использовали этотъ успѣхъ для упроченія своего положенія въ пелопоннесскомъ союзѣ, лишивъ союзныя войска самостоятельности, подчинивъ ихъ своей власти и поставивъ во главѣ ихъ спартанскихъ начальниковъ (ξεναγοί).

Къ этому времени относится осужденіе и смерть Павзанія, при чемъ стала извѣстной его переписка съ персами. Спартанцы воспользовались этимъ, какъ предлогомъ для того, чтобы повредить ненавистному имъ Ѳемистоклу, который и въ изгнаніи являлся для нихъ опаснымъ врагомъ. Они отправили въ Аѳины посольство, обвиняя Ѳемистокла въ соучастіи въ преступленіи Павзанія и требуя его наказанія за измѣну.

Партія Кимона, изгнавшая его, повѣрила этой клеветѣ, не смотря на отсутствіе доказательствъ и совмѣстно со спартанцами отправила сыщиковъ для его ареста. Ѳемистоклъ бѣжалъ на о. Корциру, но такъ какъ тамъ не рѣшились его пріютить послѣ его изгнанія и конфискаціи имущества, онъ проѣхалъ далѣе въ Эпиръ къ молосскому царю Адмету, но и тамъ онъ не былъ въ безопасности отъ враговъ. Поэтому онъ отправился сухимъ путемъ въ гавань Пидну въ Македоніи, гдѣ сѣлъ на торговый корабль, отправлявшійся въ Малую Азію. По пути корабль прибило къ острову Наксосу и Ѳемистоклъ подвергался опасности попасть въ руки аѳинянъ, блокировавшихъ этотъ островъ.

По прибытіи въ Малую Азію онъ тайно проѣхалъ въ персидскую столицу, гдѣ предоставилъ себя милости персидскаго царя. Артаксерксъ вступившій лишь недавно на престолъ послѣ смерти Ксеркса, великодушно принялъ Ѳемистокла, несмотря на то, что онъ принесъ его отцу и государству болѣе вреда, чѣмъ кто-либо другой. Онъ далъ ему даже въ ленное владѣніе города Магнезію и Міусъ (оба на Меандрѣ, см. карту № 10) и Лампсакузы (въ Геллеспонтѣ). Въ первомъ изъ этихъ городовъ Ѳемистоклъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, вплоть до 465 г., пользуясь уваженіемъ и занимаясь благотворительностью; преданіе гласитъ, что онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, когда Артаксерксъ потребовалъ его участія въ войнѣ противъ Греціи. Если это и выдумка, то покоящаяся на убѣжденіи въ его искреннемъ и глубокомъ патріотизмѣ.

Ѳемистоклъ былъ одаренъ большими способностями и обладалъ громадной отвагой и силой воли. Онъ происходилъ изъ незнатнаго рода, и не имѣя ни семейныхъ, ни какихъ либо иныхъ связей самъ вышелъ въ люди. Не обладая военно-морскимъ образованіемъ онъ понялъ истинный путь къ величію своего государства. Для достиженія этого величія онъ приложилъ всю свою отвагу, настойчивость и выдержку, не останавливаясь передъ препятствіями. Помощью своего пламеннаго краснорѣчія онъ сумѣлъ убѣдить, совершенно чуждый моря и морского дѣла, народъ, что его будущность лежитъ на морѣ и склонить его къ тяжелой морской службѣ. 188. Ѳемистоклъ.

Понимая, что только флотъ можетъ защитить Грецію отъ угрожавшихъ ей персовъ, онъ проводитъ *законъ о флотѣ*, о постройкѣ 200 триремъ, и изыскиваетъ средства для его постройки и при отсутствіи свободной наличности, убѣждаетъ гражданъ отказаться отъ доходовъ съ Лавріонскихъ рудниковъ. Какъ разъ ко времени появленія персовъ флотъ былъ готовъ, и Ѳемистоклъ принялъ на себя командованіе имъ. Основательно обучивъ команду греблѣ и маневрированію, а также употребленію *новаго оружія—тарана*, Ѳемистоклъ выступилъ противъ персовъ.

Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій онъ создалъ истмійскій союзъ, имѣвшій цѣлью національную оборону. Безъ этого союза Греція навѣрное погибла бы, при наличіи трудно объяснимой разрозненности, близорукости и отсутствія національнаго чувства у отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, городовъ и островов, число которыхъ превышало сотню.

Несмотря на свое превосходство и вполнѣ понятную увѣренность въ себѣ, Ѳемистоклъ уступилъ совершенно неосновательнымъ притязаніямъ Спарты на гегемонію на морѣ и допустилъ назначеніе командующимъ морскими силами совершенно негоднаго для этой цѣли и нерѣшительнаго Эврибіада, но и ставши его подчиненнымъ, онъ всегда умѣлъ побудить его къ правильнымъ въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніи дѣйствіямъ.

Въ минуту опасности онъ проявилъ рѣдкое великодушіе, простивъ и вызвавъ изъ изгнанія своего злѣйшаго врага Аристида.

Не имѣя боевого опыта, Ѳемистоклъ въ 480 г. до Р. Хр. выступилъ впервые въ качествѣ флотоводца и выказалъ свои блестящія способности, выбравъ очень удачно мѣсто расположенія своихъ силъ и одержалъ побѣду при Саламинѣ атакою съ фланговъ, поборовъ въ самомъ началѣ нежеланіе подчиненныхъ итти въ бой.

Въ этомъ отношеніи онъ оказался выше всѣхъ своихъ современниковъ, несмотря на то, что занималъ лишь второстепенное мѣсто; его дальновидность и осмотрительность при выборѣ гаваней, ихъ устройствѣ, а также при распланировкѣ укрѣпленій, обезпечивавшихъ отъ нападеній съ суши Аѳины и Пирей заслуживаетъ удивленія.

Онъ преодолѣлъ завистливое сопротивленіе Спарты, не считаясь съ тѣмъ, что пріобрѣлъ въ лицѣ этого могущественнаго государства опаснаго врага. Съ подобнымъ же самоотверженіемъ и любовью заботился онъ о благѣ и величіи своей родины.

Въ Ѳемистоклѣ надо видѣть духовнаго отца морского союза,—онъ создалъ морское могущество Аѳинъ и, стоя на истинномъ пути, достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Благодаря своей проницательности, онъ сразу увидѣлъ въ Спартѣ главнаго врага своей родины, съ вліяніемъ котораго надо было бороться, собравши всѣ силы, и сумѣлъ это сдѣлать въ противоположность Кимону и слѣдующимъ руководителямъ Аѳинъ, нарушившимъ единство морского союза угнетеніемъ отдѣльныхъ членовъ и растратившимъ его могущество на ненужныя авантюры.

Послѣднимъ политическимъ успѣхомъ Ѳемистокла было противодѣйствіе спартанскому вліянію въ средней и сѣверной Греціи, достигнутое имъ благодаря его дипломатической ловкости. Онъ успѣлъ выполнить это раньше, чѣмъ его, самаго значительнаго изъ гражданъ, успѣли узнать близорукіе противники, ослѣпленные подстрекательствомъ его злѣйшихъ враговъ. Съ нимъ вмѣстѣ изъ Аѳинъ ушелъ хорошій духъ, и начался упадокъ который впослѣдствіи привелъ эту сильнѣйшую морскую державу къ паденію.

Въ непродолжительномъ времени, послѣ ссылки Ѳемистокла, умеръ Аристидъ и руководящимъ лицомъ въ Аѳинахъ сталъ Кимонъ. Вскорѣ онъ предпринялъ походъ противъ Каристоса, единственнаго города на Евбеѣ, не принадлежащаго къ морскому союзу, подчинилъ его и принудилъ вступить въ союзъ, при чемъ величина вступительнаго взноса была назначена аѳинянами. Есть основаніе предполагать, что тоже самое было сдѣлано съ островомъ Андросомъ. **189. Кимонъ.**

Этотъ пріемъ, противный основамъ морского союза, сдѣлался обычнымъ въ Аѳинахъ, превратившихся изъ перваго среди членовъ делосско-аттическаго союза въ *повелительницу Аттики*, при чемъ естественно среди членовъ союза, ревниво оберегавшихъ свою независимость, возникло недовольство перешедшее вскорѣ въ ненависть. Первымъ проявленіемъ ея былъ выходъ изъ союза острова Наксоса, рискнувшаго на такой шагъ, несмотря на то что онъ былъ одинъ;

аѳиняне его блокировали и покорили, совершивъ первое насиліе надъ членомъ союза.

Въ 468 г. Кимонъ съ союзнымъ флотомъ въ количествѣ 200 кораблей предпринялъ походъ противъ персовъ, такъ какъ Ксерксъ по всѣмъ вѣроятіямъ подготовлялъ въ Памфиліи армію и флотъ для новаго нападенія на Грецію. Для этого похода Кимонъ велѣлъ отстроить триремы шире обыкновеннаго и со сплошной верхней палубой для того, чтобы можно было взять на судно больше гоплитовъ. Повидимому онъ предполагалъ отступить отъ введенной Ѳемистокломъ тактики тараненія и вернуться къ абордажному бою, чѣмъ и проявилъ свое незнаніе морского дѣла.

Онъ началъ дѣйствія въ юго-западномъ углу Малой Азіи у Тропейскаго преддверья Карійскаго Херсонеса и оттуда подвинулся вдоль Карійскаго и Ликійскаго побережья до Ѳазелиса (см. карта № 6). Прибрежные греческіе города безъ сопротивленія переходили на его сторону, остальные города пришлось покорять. Ѳазелисъ, жители котораго доряне выказали сперва упорную защиту, уступилъ довольно скоро подъ вліяніемъ переговоровъ. Всѣ города принуждены были вступить въ морской союзъ и изъ нихъ и прибрежныхъ острововъ, включая Родосъ, былъ образованъ *пятый отдѣлъ союза*, карійскій, насчитывавшій по крайней мѣрѣ 66 членовъ. Благодаря этому сумма матрикулярныхъ взносовъ возросла свыше 500 талантовъ (2.357.500 марокъ).

Во время заключенія договора съ Ѳазелисомъ персидская армія находилась въ лагерѣ у устья рѣки Эвримедона въ Памфиліи. Эвримедонъ тогда былъ судоходенъ для плоскодонныхъ триремъ на протяженіи 60 стадій (10,7 килом.) вплоть до Аспендоса. Передъ устьемъ и въ самомъ устьѣ находился флотъ, составленный изъ флотовъ ленныхъ государствъ, состоявшій по крайней мѣрѣ изъ 20 триремъ преимущественно финикійскимъ; кромѣ того съ Кипра поджидались еще 80 финикійскихъ триремъ. Не дожидаясь ихъ прихода и соединенія съ флотомъ, Кимонъ тотчасъ послѣ заключенія договора съ Ѳазелисомъ напалъ неожиданно на стоявшіе у устья Эвримедона корабли и уничтожилъ ихъ всѣ совершенно. Ободренный этимъ легкимъ успѣхомъ, Кимонъ высадилъ войско, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, и штурмовалъ персидскій лагерь. Послѣ этого онъ опять

190. Битва при Эвримедонѣ въ 468 г. до Р. Хр.

спѣшно посадилъ войско на корабли, чтобы встрѣтить шедшую отъ Кипра эскадру раньше, чѣмъ ей будетъ извѣстно о пораженіи персовъ при Эвримедонѣ. Это ему удалось, и эскадра, на которую онъ такъ же неожиданно напалъ, восточнѣе Эвримедона, у Сида, была захвачена цѣликомъ вмѣстѣ съ командою.

Послѣ этого грандіознаго успѣха, послѣ котораго не могло быть и рѣчи о новомъ нашествіи персовъ и о появленіи въ греческихъ водахъ непріятельскаго флота, делосско-аттическій *морской союзъ* достигъ *кульминаціоннаго пункта* своего развитія. Его пять отдѣловъ насчитывали свыше 200 членовъ, обитавшихъ отъ Ликіи до Аттики и отъ Понта по всему Архипелагу. Его прямые доходы были очень велики, а кромѣ того большую прибыль приносила свободная торговля. Особенно возвысились Аѳины, начавшіе мнить себя не только руководительницею союза, но его повелительницей. 191. Расцвѣтъ морского союза.

Члены союза тяготились военными повинностями и налогами и часто бывали неаккуратными въ уплатѣ послѣднихъ; но это стоило имъ независимости, такъ какъ лица стоявшіе во главѣ отдѣловъ къ несчастью не обладали умѣренностью основателей союза и обращались съ членами не какъ съ равными, а какъ съ подчинеными. Матрикулярные взносы стали взыскиваться очень строго, даже при помощи насилія и члены союза одинъ за другимъ подобно Наксосу стали переводиться изъ категоріи союзниковъ въ подчиненныхъ, при чемъ величина взноса стала опредѣляться благоусмотрѣніемъ аѳинянъ. Самъ Кимонъ въ подобныхъ случаяхъ проявлялъ еще нѣкоторую мягкость, удовлетворяясь доставленіемъ судовъ безъ командъ и денежнымъ взносомъ.

Такимъ образомъ аѳинскій флотъ постепенно увеличивался и, находясь все время въ дѣйствіи, становился все болѣе и болѣе могущественнымъ, и наконецъ уже не имѣлъ противниковъ, съ которыми не могъ бы справиться; все это увеличивало увѣренность лицъ руководившихъ аѳинской политикой. Совѣщанія союзниковъ въ Делосѣ стали созываться все рѣже и рѣже, несмотря на то что у Аѳинъ увеличивалось число голосовъ, и наконецъ созывъ ихъ совсѣмъ прекратился.

*

Въ 454 г. до Р. Хр. послѣ пораженія понесеннаго въ Египтѣ, союзная казна подъ предлогомъ опасности возможной при нападеніи на Делосъ непріятельскаго флота была переведена изъ Делосскаго храма Аполлона въ храмъ Аѳины Паллады въ Акрополь въ Аѳинахъ, и поступила въ распоряженіе хозяевъ союза. Этимъ окончился фактически *морской союзъ* и образовалось единое *государство*, управляемое аѳинскимъ народомъ или, вѣрнѣе, руководящими имъ государственными людьми.

192. Перемѣны въ Аѳинахъ. Этому перевороту способствовали крупныя перемѣны, происшедшія въ Аѳинахъ. Благодаря тому, что бывшіе союзники мало-по-малу отказались отъ содержанія собственныхъ флотовъ, послѣдніе перешли къ Аѳинамъ, увеличивъ ихъ флотъ, ставшій сильнѣе всѣхъ существовавшихъ флотовъ. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ команда была очень опытна и была всегда готова къ бою, тогда какъ союзныя государства не имѣли больше боевого опыта и ихъ жители отвыкли отъ тяжелой морской службы. Государственная казна пополнялась высокими матрикулярными взносами. Какъ и предполагалъ Ѳемистоклъ, Пирей благодаря морскому могуществу Аѳинъ сталъ вскорѣ торговымъ центромъ всего греческаго міра на востокѣ, и его оживленная торговля дала заработокъ массѣ людей, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ.

Каждый чужестранецъ переселявшійся въ Аѳины, по истеченіи извѣстнаго срока, долженъ былъ принять участіе въ защитѣ страны (μετοίκος — метекъ) и сдѣлать соотвѣтствующій взносъ. Часть метековъ сдѣлана была гоплитами, другая—гребцами; въ 431 г. ихъ число превысило 10.000. Выслужившіеся метеки получали права аѳинскихъ гражданъ.

193. Порча нравовъ. Въ городѣ скопились большія богатства и отъ простой греческой жизни вскорѣ не осталось и слѣда, вѣроятно благодаря сношеніямъ съ азіатами, любившими роскошь. Стремленіе къ наслажденіямъ, безнравственность и желаніе хорошо пожить, не трудясь совсѣмъ или очень мало, стали всеобщими. Непомѣрно развились высокомѣріе, стремленіе къ власти и преувеличенно высокое мнѣніе о могуществѣ государства, но забывалась та мысль, что *флотъ*,—отъ котораго зависѣло могущество, благо, да и само существованіе госу-

дарства,—слѣдовало беречь и примѣнять съ большой осторожностью. Честолюбіе до того овладѣло нѣкоторыми, что они стали мечтать о завоеваніи Сициліи, южной Италіи и Египта, Кароагена и всего побережья Африки.

Все это сдѣлалось фатальнымъ для Аоинъ, которыя нуждались въ самоотверженныхъ и безкорыстныхъ людяхъ, обладавшихъ достаточнымъ умомъ и осмотрительностью для того, чтобы держать государство и гражданъ на высотѣ положенія и все время превосходить своимъ *флотомъ* непріятеля.

Долгомъ мудраго государственнаго дѣятеля было заставить народъ оплачивать свой хлѣбъ трудомъ, подобно тому какъ Өемистоклу удалось убѣдить гражданъ отказаться отъ получавшихся безъ труда доходовъ съ Лавріонскихъ рудниковъ и посвятить себя тяжелой службѣ на корабляхъ. Затѣмъ на обязанности руководящаго государствомъ человѣка было правильное распознаніе враговъ государства и наблюденіе за ними. Надо было стремиться не оказывать имъ поддержки, а наоборотъ, ослаблять и изолировать ихъ, не раздѣлять своихъ силъ, а наоборотъ держать ихъ вмѣстѣ: необходимо было заботиться о поддержаніи рѣшающаго перевѣса и гегемоніи на морѣ и заинтересовать въ этомъ гражданъ.

Ни одна изъ отраслей государственнаго управленія не требуетъ такого умѣлаго, непрерывнаго и тщательнаго ухода какъ флотъ для того, чтобы онъ находился на высотѣ своего положенія и служилъ рѣшительнымъ оружіемъ.

Оба создателя морского союза, положившаго начало морскому могуществу Аөинъ, Өемистоклъ — его инициаторъ и Аристидъ—проведшій его въ жизнь, умерли почти въ одно время, незадолго до битвы при Эвримедонѣ. Къ этому времени относится появленіе личности, имя которой пользовалось въ эпоху расцвѣта Аөинъ почтеніемъ большимъ чѣмъ чье либо другое, но его носитель на ряду съ заслугами въ области искусства, памятники котораго вызываютъ и въ настоящее время заслуженное удивленіе всего міра, принесъ своей родинѣ болѣе вреда, чѣмъ кто либо другой изъ гражданъ. Это *Периклъ*.

Онъ происходилъ изъ благороднаго рода Алкмеонидовъ 194. **Периклъ.**
и былъ сыномъ Ксантиппа, командира въ первой наступа-

тельной войнѣ, завершившейся побѣдой при Микале и завоеваніемъ Сестоса. По рожденію и по духу это былъ аристократъ. Благодаря состоятельности своихъ родителей онъ получилъ великолѣпное образованіе, будучи богато одареннымъ отъ природы. Пріученный съ молодости къ строгому образу жизни, онъ сохранилъ его до зрѣлаго возраста. Онъ былъ свободенъ отъ господствовавшихъ суевѣрій, такъ какъ былъ ученикомъ выдающагося философа Анаксагора, который впослѣдствіи часто давалъ въ затруднительныхъ случаяхъ совѣты своему ученику.

Благодаря необыкновенной убѣдительности своего краснорѣчія, которымъ онъ умѣлъ очаровать народъ, онъ достигъ руководящаго положенія въ Аѳинахъ, при чемъ его неограниченное честолюбіе сдѣлало его очень неразборчивымъ въ средствахъ для того, чтобы выдвинуться на первое мѣсто. Аристократъ по рожденію и всей своей натурѣ онъ съ самаго начала сталъ во главѣ революціонной демократіи, такъ какъ понималъ, что будущее принадлежитъ демосу, а не олигархіи, вождь которой хотя и достигъ уваженія, благодаря своимъ военнымъ успѣхамъ, но, не обладая осмотрительностью и дальновидностью, не могъ разсчитывать на успѣхи въ политикѣ.

Периклъ избѣгалъ насколько возможно выступать публично, стараясь использовать для этого случая подходящихъ сторонниковъ, въ первое время чаще всего Эфіальта, честнаго аѳинскаго гражданина, съ которымъ онъ былъ въ политической дружбѣ. Безкорыстіе Эфіальта было исключительнымъ, но онъ былъ крайнимъ демократомъ; его рѣчи имѣли на народъ очень большое вліяніе, которое онъ сначала употребилъ для свержения Кимона, а затѣмъ и ареопага.

195. Возстаніе острова Тасоса.

Послѣ побѣды при Эвримедонѣ, Кимонъ лѣтомъ 466 года изгналъ послѣднихъ персовъ, державшихся еще у Эгейскаго моря, именно изъ Ѳракійскаго Херсонеса и изъ Дориског, долго и упорно сопротивлявшагося. Покончивъ съ ними, онъ двинулся на островъ Тасосъ, возставшій на собственный рискъ противъ Аѳинъ, вслѣдствіе спора о гаваняхъ и доходныхъ рудникахъ, лежавшихъ напротивъ него на ѳракійскомъ побережьѣ, не считаясь съ тѣмъ, что какъ Аѳины, такъ и морской союзъ, были въ расцвѣтѣ своихъ силъ и могущества.

Кимонъ разбилъ тасосцевъ на морѣ и, высадившись на островъ, осадилъ и блокировалъ городъ, все еще упорно сопротивлявшійся. Тасосцы стали просить спартанцевъ напасть на Аттику, на что тѣ соглашались, готовые нарушить существовавшій миръ, но имъ помѣшало землетрясеніе, разрушившее совершенно Спарту, и возстаніе илотовъ (мессенцевъ, по имени которыхъ и названа война третьей мессенской), подготовленное въ свое время еще Павзаніемъ. Возставшіе сначала имѣли успѣхъ въ долинѣ, но потомъ принуждены были отступить въ горную крѣпость Итому, высотою въ 800 мт., гдѣ имъ приходилось и раньше держаться въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, такъ какъ спартанцамъ, не умѣвшимъ вести осаду, не удавалось ихъ захватить.

Въ 463 году, послѣ двухлѣтней блокады, Кимонъ взялъ Тасосъ. Побѣжденные были вынуждены выдать свои суда, уничтожить укрѣпленія, отказаться отъ владѣній на ѳракійскомъ побережьѣ, уплатить военныя издержки и высокую контрибуцію. 196. Кимонъ беретъ Тасосъ.

По возвращеніи въ Аѳины Кимонъ, глава олигархической партіи, былъ обвиненъ Эфіальтомъ и Перикломъ въ подкупѣ македонскимъ царемъ Александромъ, съ которымъ имѣлъ возможность справиться, имѣя въ своемъ распоряженіи сильное аѳинское войско. Хотя Кимону удалось оправдаться, но уваженіе народа и популярность были почти потеряны имъ. 197. Обвиненіе и оправданіе Кимона.

Лакедемоняне, не будучи въ состояніи овладѣть Итомой, обратились за помощью не только къ пелопоннесскимъ государствамъ, но и къ своей ненавистной соперницѣ— Аттикѣ. Кимонъ, явный сторонникъ Спарты, несмотря на нежеланіе демократіи, разрѣшилъ оказать помощь, что доказываетъ недостатокъ у него политическаго такта и ума; ему удалось добиться этого, вѣроятно не безъ коварной поддержки своихъ личныхъ враговъ, и въ 462 году онъ самъ былъ посланъ въ Итому во главѣ 4.000 гоплитовъ.

Но и онъ не могъ ничего подѣлать съ недоступными высотами; къ тому-же спартанцы, услышавъ, что аѳинская демократія симпатизируетъ мессенцамъ, отнеслись къ Кимону съ большимъ подозрѣніемъ и попросту попросили его уйти обратно. На обратномъ пути черезъ Истмъ, коринѳяне обошлись съ нимъ очень высокомѣрно.

198. Паденіе ареопага.

Все это уязвило аѳинское самолюбіе и еще болѣе повредило популярности Кимона. Между тѣмъ Эфіальтъ и Периклъ использовали отсутствіе Кимона для нанесенія удара ареопагу, этому краеугольному камню Солоновской конституціи (см. стр. 132).

Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они неоднократно обвиняли членовъ этого высокаго собранія въ злоупотребленіи властью (взяточничество) и добивались ихъ наказанія, что понятно дискредитировало ареопагъ. Теперь имъ удалось привлечь народъ, необходимый для совершенія переворота, путемъ подкупа судей, раздачи за счетъ государства билетовъ на зрѣлища, а также путемъ, многочисленныхъ наймовъ служащихъ, особенно низшихъ (напр. 500 сторожей на верфи и 50 въ крѣпости); не ограничиваясь этимъ они подкупили войско, всадниковъ, стрѣлковъ, какъ конныхъ такъ и пѣшихъ, морскихъ солдатъ, команду 20-ти сторожевыхъ кораблей и двухтысячные гарнизоны въ союзныхъ городахъ.

Низшіе слои населенія стали стремиться къ занятію мѣстъ судей и присяжныхъ, такъ какъ съ непомѣрнымъ увеличеніемъ числа процессовъ росло и число судовъ. Вскорѣ дѣло дошло до того, что все низшее населеніе стало жить на счетъ казны, что только и нужно было Периклу. У ареопага, совѣсти государства, отнимались права одно за другимъ. Судебныя функціи были переданы частью совѣту 500, частью народному собранію, такъ что отъ Солоновскаго учрежденія осталась лишь одна тѣнь.

199. Изгнаніе Кимона, убійство Эфіальта; Периклъ — руководитель аѳинской политики.

Когда Кимонъ по своемъ возвращеніи задумалъ возстановить ареопагъ въ своихъ правахъ, Периклу удалось съ помощью суда черепковъ добиться его изгнанія.

Въ это же время Эфіальтъ, возбудившій сильную ненависть, палъ отъ руки убійцы, и Периклъ остался одинъ во главѣ руководящей демократической партіи. Партія отказалась отъ истмійскаго союза, въ которомъ до сихъ поръ номинально участвовали лакедемоняне, и заключила союзъ съ ихъ врагами Аргосомъ и Ѳессаліей, такъ что образовался союзъ сухопутныхъ государствъ, враждебныхъ Спартѣ подъ гегемоніей Аѳинъ.

Къ счастью для Спарты мессенская война вскорѣ окончилась, такъ какъ мессенцы подъ условіемъ свободнаго пропуска согласились очистить Итомскія высоты. Аѳиняне

поселили ихъ въ Наупактѣ въ Коринѳскомъ заливѣ. Этотъ городъ, взятый ими незадолго до этого у локрійцевъ, былъ очень важенъ въ случаѣ морской войны, такъ какъ давалъ возможность запереть Коринѳскій заливъ. Коринѳянамъ было это обстоятельство довольно непріятно, но еще непріятнѣе было другое: Мегара, бывшая съ ними въ постоянной враждѣ, не получая помощи отъ спартанцевъ, вышла изъ пелопоннесскаго союза и примкнула въ 459 г. къ Аѳинамъ, которыя заняли Мегару и ея гавани Пагаю въ Коринѳскомъ и Низаю въ Сароническомъ заливахъ, выстроили длинныя стѣны отъ Мегары до Низаи, чѣмъ отрѣзали коринѳянамъ путь въ Беотію и Аттику: словомъ, закрыли доступъ изъ Пелопоннеса въ среднюю Грецію. Это сдѣлало неизбѣжной войну между Аѳинами и Коринѳомъ, а слѣдовательно, и главою пелопоннесскаго союза—Спартою.

При этомъ угрожающемъ положеніи обязанностью аѳинскаго правительства было содержаніе всѣхъ боевыхъ силъ вмѣстѣ въ полной готовности къ рѣшительной битвѣ со Спартой и враждебными пелопоннесскими морскими державами Коринѳомъ и Эгиной. Периклъ послѣ смерти Эфіальта сталъ единственнымъ руководителемъ господствующей въ Аѳинахъ демократической партіи, а слѣдовательно и всего аѳинскаго государства.

Въ это время къ Аѳинамъ обратился за помощью ливійскій князь Инаръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ подготовилъ къ возстанію тяготившійся персидскимъ игомъ Египетъ, покоренный еще въ 485 г. до Р. Хр. Камбизомъ. Заручившись готовностью и согласіемъ Египта, Инаръ, однако, чувствовалъ себя не настолько сильнымъ, чтобы потягаться съ персами.

Рискованныя операціи въ отдаленномъ Египтѣ нисколько не затрагивали непосредственныхъ интересовъ Аѳинъ, тѣмъ не менѣе въ концѣ лѣта 459 г. по распоряженію Перикла или, по крайней мѣрѣ, съ его вѣдома и согласія союзный флотъ изъ 200 триремъ (т. е. съ командными составомъ около 40.000 человѣкъ), предпринимавшій походъ на Кипръ, отплылъ въ Египетъ.

Трудно сказать, что послужило причиной столь легкаго согласія Перикла на походъ; было ли это желаніемъ угодить жаждавшему героическихъ дѣяній демосу, корыстолюбію и

жаждѣ наслажденій котораго онъ потворствовалъ и раньше ради личныхъ интересовъ, или же онъ просто не представлялъ себѣ всѣхъ опасностей предпріятія,—тѣмъ не менѣе въ концѣ лѣта 459 г. до Р. Хр. флотъ вышелъ изъ Греціи и прибылъ въ Египетъ какъ разъ въ то время, когда возставшіе совершенно разбили въ дельтѣ Нила у Папремиса персидское войско подъ начальствомъ брата Ксеркса, Ахаймена, павшаго въ бою.

Послѣ этого началась осада главнаго города, Мемфиса, частью котораго еще владѣли персы. Результатомъ осады было занятіе всего города, за исключеніемъ Бѣлаго укрѣпленія. Союзный флотъ, вошедшій осенью въ Нилъ, уничтожилъ находившуюся у Мемфиса персидскую эскадру въ 80 кораблей и овладѣлъ рѣкой. Тѣмъ не менѣе осада города затянулась: Артаксерксъ собралъ новое большое войско и флотъ изъ 300 кораблей, подъ начальствомъ Мегабаза и двинулъ ихъ въ началѣ 456 г. до Р. Хр. изъ Киликіи въ Египетъ.

Предварительно онъ отправилъ въ Спарту пословъ съ большими деньгами, съ цѣлью побудить спартанцевъ за деньги напасть на аѳинянъ, но это не удалось. Египетское войско и аѳиняне были разбиты персами въ рѣшительной битвѣ и изгнаны изъ Мемфиса, при чемъ былъ убитъ аѳинскій полководецъ Хармантидъ, а оставшееся войско вмѣстѣ съ флотомъ было загнано, неподалеку отъ Мемфиса, въ Канопскій рукавъ Нила въ вершинѣ дельты и окружено у острова Просопитиса, гдѣ подверглось 18-ти мѣсячной блокадѣ.

Когда обмелѣла рѣка, Мегабазъ отвелъ каналомъ воду изъ рукава, аѳинскіе корабли очутились на сушѣ, и персы могли свободно перебраться на островъ и ихъ забрать. Аѳиняне сожгли свои корабли и сдались, выговоривъ себѣ право свободнаго ухода; уцѣлѣло ихъ только 6.000 человѣкъ. Въ 454 г. до Р. Хр. они прошли черезъ Ливію въ Кирену, совершивъ путь около 460 морскихъ миль длиною. Во время перехода число ихъ еще уменьшилось, и на родину вернулись лишь небольшіе остатки. Въ то же время аѳинская эскадра въ 50 кораблей, посланная на смѣну въ Египетъ, не зная о происшедшемъ, подверглась при входѣ въ одинъ изъ нильскихъ рукавовъ нападенію превосходныхъ силъ

персовъ, и лишь нѣсколькимъ триремамъ удалось выбраться обратно въ море и вернуться на родину.

Такъ кончилось это необдуманно начатое предпріятіе, поглотившее свыше 200 триремъ и почти всѣ обученныя команды, т. е. боевыя силы, которыя могли бы быть примѣнены съ гораздо большой пользой въ войнѣ, опять начавшейся въ Греціи.

Эта война между Кориноомъ и Аоинами началась одновременно съ отсылкою флота къ Кипру и въ Египетъ (въ 459 г. до Р. Хр.). Аоины стремились обосноваться въ Галіейѣ, маленькой гавани на южной оконечности полуострова Арголиды, овладѣніе которымъ могло принести значительную пользу въ случаѣ дѣйствій въ лаконійскихъ и пелопоннесскихъ водахъ. Въ сраженіи съ кориноскими и эпидаврскими войсками аоиняне вышли побѣдителями, но предпріятіе было начато съ недостаточными силами, поэтому въ дальнѣйшемъ оно не имѣло успѣха. Вслѣдъ за тѣмъ пелопоннесскія морскія государства стянули противъ аоинянъ всѣ свои флоты. Но Аоинамъ, находившимся въ расцвѣтѣ своего могущества и еще располагавшимъ, несмотря на отправку своихъ главныхъ морскихъ силъ въ Египетъ, достаточно сильной эскадрой, удалось разбить пелопоннесцевъ около острова Кекрифалейя, приблизительно на 4 мили западнѣе о-ва Эгины, который лишь послѣ того вмѣшался въ войну. 200. Битва при Галіейѣ. 201. Морская битва при Кекрифалейѣ.

Эгиняне, издавна сильные на морѣ, уже въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій считали Аоины своимъ самымъ опаснымъ врагомъ. Флотъ эгинянъ, соединившись съ кориноскимъ и эпидаврскимъ, встрѣтился въ 458 г. до Р. Хр. съ усиленнымъ союзниками аоинскимъ флотомъ, находившимся подъ главнымъ начальствомъ Леократа, и былъ совершенно разбитъ. Аоиняне забрали не менѣе 70 кораблей въ плѣнъ, высадились на островѣ Эгинѣ и осадили городъ. Пелопоннесцы поспѣшили на помощь. Спартанцамъ удалось перебросить въ городъ 300 гоплитовъ и это затянуло осаду. Кориняне, воспользовавшись тѣмъ, что Аоины, занятые Эгиною, не могли вполнѣ располагать своимъ флотомъ, напали на союзную съ Аоинами Мегару для отвлеченія ихъ отъ осады Эгины. Послѣднее однако не удалось; не отзывая отъ Эгины своихъ войскъ, аоиняне на скорую руку собрали 202. Сраженіе у о. Эгины.

войско изъ оставшихся въ городѣ стариковъ и молодежи и двинули его противъ коринөянъ. Первая битва окончилась въ ничью, но въ слѣдующей, вскорѣ послѣдовавшей, аөиняне побѣдили и нанесли врагу при отступленіи большой уронъ.

203. Аөиняне разбиваютъ коринөянъ.

204. Сооруженіе длинныхъ стѣнъ.

Въ это же время, т. е. въ 458 г. до Р. Хр., аөиняне, несмотря на вызванное военными операціями напряженіе всѣхъ силъ, начали постройку задуманныхъ еще Өемистокломъ *длинныхъ стѣнъ* отъ города къ гаванямъ. Несомнѣнно это предпринято было въ ожиданіи нападенія пелопоннесцевъ. Одна изъ этихъ стѣнъ тянулась на протяженіи 7,1 килом. отъ города до Пирея, а другая на протяженіи 6,8 килом. до оконечности мыса, ограничивающаго Фалеронскій заливъ, служившій гаванью. Обѣ стѣны были настолько толсты и высоки, что могли противустоять любой осадѣ и дѣлали Аөины съ гаванями неприступною крѣпостью. Площадь, ограниченная этими стѣнами, была настолько обширна, что могла легко вмѣстить населеніе всей Аттики.

Лишь въ 457 г. до Р. Хр. въ войнѣ приняли серьезное участіе спартанцы, ослабленные землетрясеніемъ и мессенской войной. Въ началѣ этого года, фокейцы напали и стали угрожать Доридѣ—родному городу лакедемонянъ; послѣдніе, собравъ для его защиты сильное войско, въ которомъ однихъ гоплитовъ насчитывалось до 11.500 человѣкъ, переправили его, какъ можно думать, черезъ Коринөскій заливъ. Это, разумѣется, очень ускорило результатъ операцій, но возвращенію войска морскимъ путемъ помѣшало появленіе аөинянъ въ Коринөскомъ заливѣ. Возвращеніе сухимъ путемъ было также отрѣзано: аөиняне держали въ своихъ рукахъ Мегару, Пагайю и Геранейскіе проходы, и такимъ образомъ доступъ на перешеекъ былъ закрытъ. Поэтому пелопоннесское войско осталось въ Беотіи, расположившись лагеремъ у Танагры, на разстояніи лишь одного дневного перехода отъ Аөинъ.

Спартанцы, имѣя цѣлью свергнуть демократическое правительство въ Аөинахъ и помѣшать сооруженію длинныхъ стѣнъ, завели предательскія сношенія съ олигархической партіей, которой прежде руководилъ Кимонъ. Затѣмъ въ противовѣсъ Аөинамъ они возстановили во всей области гегемонію Өивъ.

Почувствовавъ угрожавшую опасность, аѳиняне выступили имъ навстрѣчу со всѣми своими сухопутными силами и союзниками, всего въ количествѣ 14.000 человѣкъ. Кимонъ, вернувшійся изъ изгнанія, просилъ разрѣшенія принять участіе въ войнѣ съ лакедемонянами, и этимъ путемъ доказать свой патріотизмъ, но его услуги были отвергнуты. Въ послѣдовавшей жестокой и кровопролитной битвѣ при Танагрѣ сторонники Кимона были перебиты до послѣдняго человѣка. Въ концѣ концовъ аѳиняне были побѣждены после чего на сторону непріятеля перешла бывшая съ ними въ союзѣ ѳессалійская конница. Пелопоннесская армія, понесшая большія потери въ бою, не воспользовалась побѣдой, а лишь прошла безпрепятственно черезъ перешеекъ на родину, опустошивъ по пути Мегару. 205. Битва при Танагрѣ. Іюль 457 г. до Р. Хр.

Сознавая всю опасность сосѣдства Беотіи и Ѳивъ, Периклъ рѣшилъ заключить миръ со Спартой. Вызванный по его предложенію изъ изгнанія Кимонъ былъ посланъ въ качествѣ посредника въ Спарту, но ему удалось добиться лишь выгоднаго для спартанцевъ четырехмѣсячнаго перемирія. Вслѣдствіе этого аѳинское войско подъ начальствомъ Миронида выступило уже черезъ два мѣсяца въ походъ и совершенно разбило беотійцевъ при Эноѳитѣ, близъ Танагры: стѣны города были срыты до основанія. Аѳиняне завладѣли Беотіей, за исключеніемъ Ѳивъ, Фокидой и опунтійской Локридой; послѣ чего они закончили постройку длинныхъ стѣнъ, чѣмъ обезопасили свой городъ отъ внезапнаго вторженія. 206. Осень 457 г. битва при Эноѳитѣ.

Къ концу года Эгина была вынуждена сдаться, выдать свой флотъ, срыть стѣны и обязалась платить дань. Вѣроятно уже слѣдующею весною въ 456 г. аѳиняне взяли Трезену въ Арголидѣ и затѣмъ въ союзѣ съ аргосцами побѣдили спартанцевъ при Ойноѣ; но это не имѣло послѣдствій. 207. Капитуляція Эгины. Зима 457—6 г. до Р. Хр.

Пораженіе и большія потери при Танагрѣ и въ другихъ бояхъ и неудачныя операціи флота въ Египтѣ въ 459 году не помѣшали Аѳинамъ послать лѣтомъ 455 г. до Р. Хр. флотъ съ сильными десантными войсками подъ общимъ командованіемъ Толмида въ большой походъ вокругъ Пелопоннеса. Толмидъ обложилъ данью островъ Цитеру (теперь Цериго), овладѣлъ лакедемонскимъ военнымъ портомъ Гитеумомъ и сжегъ верфь, послѣ чего направился въ Коринѳскій

заливъ, гдѣ взялъ основанную коринѳянами гавань Халкиду, расположенную противъ Патраса и, наконецъ, высадился вблизи Сикіона и разбилъ въ сраженіи сикіонцевъ, а затѣмъ, какъ можно предполагать, онъ возвратился въ Аѳины.

Помимо этого, въ 454 г. до Р. Хр. аѳиняне предприняли еще одинъ походъ, но не въ Спарту, а въ отдаленную Ѳессалію для того, чтобы вернуть тронъ изгнанному оттуда царю и пріобрѣсти тамъ вліяніе. Они пробились до Фарсала, но не смогли взять городъ, и принуждены были вернуться, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ періодъ отъ пораженія при Танагрѣ и до этой послѣдней неудачи аѳиняне одержали нѣсколько частью даже крупныхъ, хотя и не нанесшихъ значительнаго ущерба Спартѣ и ее не ослабившихъ побѣдъ.

Не такъ обстояло дѣло съ отправленнымъ въ Египетъ флотомъ. Походъ окончился его полнымъ уничтоженіемъ вмѣстѣ почти со всей командой. Въ Аѳинахъ были до такой степени мало освѣдомлены о происходившемъ въ Египтѣ, что не зная о томъ, что все потеряно, рѣшили послать новый отрядъ изъ 50 кораблей, который былъ также уничтоженъ (стр. 234). Извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи произвело самое удручающее впечатлѣніе въ Аѳинахъ, гдѣ стали опасаться возможности скораго персидскаго нашествія на томъ основаніи, что въ Египтѣ освободились большія боевыя силы персовъ.

Аѳиняне прежде всего позаботились о безопасности *сокровищъ союза*, находившихся на островѣ Делосѣ, хотя возможно, что это было лишь предлогомъ для овладѣнія сокровищами.

208. Сокровища союза перевозятся изъ Делоса въ Аѳины.

Такъ или иначе, въ концѣ 454 г. до Р. Хр. аѳиняне перевезли эти сокровища изъ Делоса къ себѣ и помѣстили ихъ въ храмѣ Аѳины Паллады въ Акрополѣ.

Такимъ образомъ свелось на нѣтъ основное положеніе *аттическаго союза*, превратившагося теперь въ *аѳинскую имперію*. Этимъ еще болѣе увеличилась прежняя ненависть союзниковъ къ Аѳинамъ, тѣмъ болѣе, что правительство, забравъ въ свои руки средства союза, еще настойчивѣе стало диктовать законы. Только немногіе союзники, какъ Самосъ, Хіосъ и Лесбосъ, выставлявшіе по требованію Аѳинъ вооруженные корабли, сохранили свою олигархическую форму правленія, несмотря на благоволеніе Аѳинъ къ демократіи.

Въ остальныхъ союзныхъ городахъ форма правленія устанавливалась аѳинянами; въ нѣкоторыхъ городахъ даже были расположены аѳинскіе гарнизоны съ аѳинскими начальниками, становившимися фактическим правителями, хотя наряду съ ними имѣлись „наблюдающіе“ изъ числа граждан. Процессы между членами союза, и вообще всѣ крупныя тяжбы стали представляться на рѣшеніе аѳинскаго суда, чѣмъ уничтожилось *равенство всѣхъ членовъ передъ закономъ.* Несмотря на угрожавшую опасность рѣшительной борьбы между Аѳинами и Спартою, въ союзѣ не было ни внутренней спайки, ни силы. Одушевленное единеніе всѣхъ силъ, осуществленіе котораго удалось Ѳемистоклу въ 480 г. до Р. Хр. путемъ основанія истмійскаго союза для борьбы съ персидскою опасностью, отошло въ область преданій.

Опасенія появленія персидскаго флота въ греческихъ водахъ оказались совершенно неосновательными. Несмотря на это, аѳиняне бездѣйствовали и не предпринимали ничего противъ другого врага, болѣе близкаго и болѣе опаснаго. Лишь черезъ годъ, въ концѣ лѣта 453 г. до Р. Хр. Периклъ лично во главѣ флота и десантныхъ войскъ предпринялъ морской походъ изъ порта Пагаи въ Мегарѣ въ Коринѳскій заливъ, хотя этотъ походъ не могъ имѣть большого значенія. Высадившись у Сикіона, Периклъ разбилъ выступившихъ навстрѣчу сикіонцевъ, послѣ чего быстро посадилъ союзныя ахейскія войска на корабли и направился къ берегу Акарнаніи, лежавшей наискось, гдѣ осадилъ важный торговый городъ Ойніаду, расположенный у болотистаго устья рѣки Ахелоя. Осада была безрезультатной, и къ осени онъ вернулся обратно въ Аѳины, не имѣя ни одного крупнаго успѣха.

209. Морской походъ Перикла въ 453 г. до Р. Хр.

Свѣдѣній о значительныхъ операціяхъ за время отъ 452 до 450 года до Р. Хр. не имѣется; вѣроятнѣе всего, что военныя дѣйствія временно прекратились по причинѣ обоюднаго утомленія. Въ 450 году значительно уменьшились размѣры взносовъ большей части членовъ союза; затѣмъ Периклъ занялся другими болѣе дальновидными замыслами, и поэтому въ началѣ 449 г. до Р. Хр. опять при посредствѣ Кимона было заключено со Спартой *пятилѣтнее перемиріе*, продолжившееся не дольше трехъ лишь лѣтъ. Одновременно съ этимъ Спарта заключила миръ на 30 лѣтъ со своимъ

210. Пятилѣтнее перемиріе со Спартой въ 449 г. до Р. Хр.

старымъ врагомъ Аргосомъ, бывшимъ въ союзѣ съ Аѳинами, поэтому послѣдніе оказались изолированными.

Въ это время *персы* настолько оправились послѣ вторичнаго завоеванія Египта, что выступили изъ Киликіи и начали угрожать соединенными финикійскимъ и киликійскимъ флотами острову Кипру, среди жителей котораго было много грековъ и было сильно греческое вліяніе. Несмотря на то, что удержаніе греческаго владычества на этомъ островѣ было національнымъ общегреческимъ дѣломъ, Спарта не приняла участія, предоставивъ дѣйствовать одной своей сопернице, которая опасалась, что, съ переходомъ острова къ персамъ, послѣдніе начнутъ угрожать союзникамъ Аѳинъ въ Малой Азіи и на островахъ и положатъ конецъ свободѣ мореплаванія.

211. Походъ Кимона къ Кипру 449 г. до Р. Хр.

Печальный опытъ послѣдней войны съ персами не остановилъ аѳинянъ и они снарядили флотъ въ 200 кораблей, не считая союзныхъ. Начальство было поручено старому врагу персовъ Кимону, который съ флотомъ уже лѣтомъ 449 г. до Р. Хр. пошелъ къ Кипру. Несмотря на опасность онъ отдѣлилъ 60 кораблей для посылки въ Египетъ для поддержанія Амиртіая, продолжавшаго возстаніе въ болотистой мѣстности дельты Нила. Съ остальными силами Кимонъ прежде всего взялъ одинъ изъ городовъ на западномъ побережьѣ Кипра, послѣ чего приступилъ къ осадѣ Китіона, расположеннаго на южномъ побережьѣ и находившагося подъ властью одного финикійскаго князька. Во время осады, которая затянулась, Кимонъ умеръ, приказавъ, чтобы его смерть скрыли, а трупъ оставили на суднѣ. Вскорѣ послѣ его смерти флотъ, у котораго истощились запасы провіанта, снялъ осаду и имѣя трупъ Кимона на одномъ изъ судовъ, направился къ городу С а л а м и н у на восточномъ побережьѣ.

212. Двойная битва при Саламинѣ на Кипрѣ въ 449 г. до Р. Хр.

Произошла встрѣча съ соединеннымъ финикійско-киликійскимъ флотомъ, и греки, разбивъ его сначала на морѣ, а затѣмъ и успѣвшихъ высадиться на берегу персовъ, одержали побѣду подобную одержанной 19 лѣтъ назадъ Кимономъ при Эвримедонѣ. Послѣ этого флотъ съ присоединившейся къ нему эскадрой, пришедшей изъ Египта, вернулся на родину.

Послѣ смерти Кимона главою олигархической партіи, дружественной лаконійцамъ, сдѣлался его родственникъ Ѳу-

кидидъ (не историкъ), строгій аристократъ изъ хорошей семьи, горячо любившій родину, признанный всѣми за одного изъ лучшихъ граждапъ Аѳинъ. Добившись своей популярности умѣніемъ убѣждать рѣчами народъ, онъ выступилъ какъ политическій противникъ Перикла и проявилъ это добившись изгнанія его стараго друга и учителя философа Анаксагора, ученіе котораго казалось опаснымъ. Ѳукидидъ очень успѣшно боролся противъ нѣкоторыхъ гибельныхъ для государства ультра-демократическихъ идей, но тѣмъ не менѣе по своему вліянію на народъ онъ никогда не могъ подняться до Перикла.

Во время перемирія между Спартой и Аѳинами начались никѣмъ болѣе не сдерживаемыя раздоры и войны между отдѣльными греческими государствами. Фокейцы, бывшіе въ союзѣ съ Аѳинами, и ѳивяоиты завладѣли въ началѣ 448 г. до Р. Хр. важной греческой святыней—Дельфами, откуда и названіе этой войны—*священная;* спартанцы, желая доказать свою гегемонію и укрѣпиться въ средней Греціи послали туда войско, взяли городъ и возвратили его дельфійцамъ, сдѣлавъ его независимымъ, послѣ чего вернулись обратно. Это выступленіе являлось вмѣшательствомъ въ сферу вліянія Аѳинъ. Периклъ собралъ армію, но не желая нарушать перемирія, не началъ дѣйствій противъ спартанцевъ, а направился немедленно послѣ ихъ ухода (лѣтомъ 448 г. до Р. Хр.) въ Дельфы и возвратилъ ихъ обратно фокейцамъ. 213. Священная война 448 г. до Р. Хр.

Послѣ этого онъ приступилъ къ приведенію въ исполненіе своихъ крупныхъ плановъ, повидимому уже давно задуманныхъ.

Первымъ изъ нихъ былъ планъ образованія изъ всѣхъ греческихъ городовъ и государствъ Эллинскаго союза,—мысль утонченная при требовательности и упорной враждебности спартанцевъ; союзъ имѣлъ цѣлью возстановленіе уничтоженныхъ персами въ 480 г. до Р. Хр. святынь, а также охрану безопасности мореплаванія. По предложенію Перикла для приглашеній на совѣщаніе по этому поводу, были разосланы, впрочемъ безъ успѣха, 20 пословъ во всѣ греческіе города аѳинскаго государства, среднюю Грецію, Пелопоннесъ и Азію. 214. Эллинскій союзъ.

Второй планъ состоялъ въ возстановленіи святынь, разрушенныхъ въ Аѳинахъ и другихъ городахъ. Еще Ѳемисто- 215. Постройки храмовъ.

кломъ былъ заложенъ фундаментъ храма Аѳины Палладѣ въ Акрополѣ, но храмъ не былъ достроенъ. По инииціативѣ Перикла и былъ оконченъ этотъ храмъ, названный *Парѳенономъ*, выстроенъ другой и возведены многія колоссальныя постройки, какъ напримѣръ Пропилеи въ Акрополѣ, храмъ Тезею у его подножія и т. д., при чемъ Периклъ привлекъ къ этому дѣлу лучшихъ художниковъ Греціи, какъ напримѣръ Фидія и не жалѣлъ денежныхъ затратъ.

Въ сравнительно короткое время ему удалось создать грандіозныя, замѣчательно красивыя постройки, остатки которыхъ теперь, спустя болѣе чѣмъ два тысячелѣтія, еще возбуждаютъ всеобщее удивленіе и считаются до сихъ поръ не превзойденными. Эти художественныя сооруженія еще болѣе увеличили популярность Перикла. Постройки эти стоили такихъ громадныхъ денегъ, что врядъ ли какое иное государство могло бы ихъ возвести. Одни Пропилеи стоили бѣшенныхъ денегъ. Эти расходы не могли быть покрыты средствами государства, хотя они и были очень большими, благодаря широкому развитію торговли. Заработная плата, установленная Перикломъ, привлекала гражданъ низшихъ классовъ и число ихъ росло благодаря наплыву чужихъ рабочихъ, торговцевъ, матросовъ и т. п.

Чтобы ограничить это увеличеніе Периклъ еще раньше издалъ законъ, по которому полное аѳинское гражданство могли получать лишь тѣ лица, у коихъ и отецъ и мать были ко-
216. Основаніе колоній. ренными аѳинянами. Кромѣ того онъ сталъ поощрять выселеніе цѣлыхъ тысячъ гражданъ бѣднѣйшихъ классовъ клерухами въ чужіе края. Ихъ колоніи становились базами для аѳинскаго флота и торговли, содѣйствуя такимъ образомъ поднятію престижа Аѳинъ, который началъ падать послѣ неудачъ въ Египтѣ, потери Кипра и при отсутствіи другихъ крупныхъ успѣховъ.

Въ 447 году до Р. Хр. Периклъ самъ отвезъ 100 клеруховъ въ Ѳракійскій Херсонесъ, чтобы защитить этотъ важный полуостровъ лежащій на пути въ Понтъ, отъ разбойничьихъ нападеній. Для этой цѣли онъ возстановилъ сооруженную Мильтіадомъ стѣну въ Булаирѣ, и одновременно свелъ до минимума дань Аѳинамъ, которую платили города полуострова, чѣмъ заслужилъ отъ нихъ названіе спасителя. На островахъ Лемносѣ и Имбросѣ, лишь слабо заселен-

лялъ Мильтіадомъ, онъ завелъ самостоятельныя аѳинскія общины. Одновременно съ нимъ Толмидъ привелъ 1000 аѳинскихъ клеруховъ на островъ Евбею, гдѣ онъ высадилъ ихъ около Гистіи (см. карту № 11), жителей которой изгналъ оттуда за убійство команды аѳинскаго торговаго корабля; новое поселеніе получило названіе Ореосъ, почему и проливъ получилъ то-же самое названіе Орейскаго. Кромѣ того Толмидъ увеличилъ число аѳинянъ въ Халкидѣ и Эретріи въ противовѣсъ олигархической партіи. Вскорѣ послѣ этого были поселены 500 клеруховъ на островѣ Наксосѣ и 250 на Андросѣ; наконецъ въ 446 году до Р. Хр. была образована новая колонія Брея у устья Стримона. Всѣ города должны были предоставить аѳинскимъ клерухамъ безвозмездно землю, за что имъ была уменьшена дань.

Расходы по сооруженію храмовъ были настолько велики, что доходы Аѳинъ шли почти цѣликомъ на уплату рабочимъ. Несмотря на всѣ протесты Ѳукидида Периклъ взялъ деньги изъ *союзныхъ суммъ*, нарушивъ сдѣланное при заключеніи аттическаго союза постановленіе, по которому эти деньги предназначались на военные расходы; Периклъ смотрѣлъ на Аѳины, какъ на столицу греческаго государства и считалъ, что постройки являются достояніемъ всей Греціи.

Наряду съ этимъ Периклъ заботился о возсозданіи ослабленнаго неудачными войнами флота и сооруженіи достаточнаго количества сараевъ для судовъ, а также и объ устройствѣ гаваней, особенно Пирея, ставшаго міровымъ портомъ; начата была вторая толстая стѣна отъ Аѳинъ къ Пирею, параллельно на разстояніи 180 мт. отъ старой. Обѣ параллельныя стѣны образовали вполнѣ безопасный путь отъ Пирея въ Аѳины, благодаря чему Ѳалеронъ, въ которомъ подъ прикрытіемъ сильнаго непріятельскаго флота можно было высадить армію внѣ стѣнъ, потерялъ свое значеніе, какъ торговый портъ.

Миръ со Спартой поддерживался только внѣшне: уже въ 447 году до Р. Хр. въ Беотіи началось опасное олигархическое движеніе противъ Аѳинъ, которое необходимо было быстро подавить. Вслѣдствіе этого Толмидъ лѣтомъ 447 года до Р. Хр. вступилъ въ Беотію, но къ сожалѣнію лишь съ небольшимъ войскомъ. Онъ взялъ Херонею и пробился до Орхомена (у западнаго конца озера Копаиды).

*

217. Битва при Коронеѣ.

При обратномъ слѣдованіи путь оказался отрѣзаннымъ, войско подверглось нападенію у Коронеи и было совершенно уничтожено, всѣ оставшіеся въ живыхъ попали въ плѣнъ, въ томъ числѣ много знатныхъ аѳинянъ. Этому пораженію Аѳины обязаны потерей Беотіи; повсюду кромѣ Платеи восторжествовала враждебная олигархическая партія; сообщеніе Аттики съ Фокидой и Локридой было отрѣзано.

218. Возстаніе Евбеи и Мегары лѣтомъ 446 г. до Р. Хр.

Вслѣдъ за этимъ, лѣтомъ 446 года до Р. Хр. поднялась противъ Аѳинъ Евбея, а за ней при поддержкѣ Коринѳа Сикіона и Мегара, гдѣ были перебиты аѳинскіе гарнизоны. Лишь гавани Пагая и Низая остались за Аѳинами.

Лакедемоняне использовали это затруднительное положеніе аѳинянъ для возобновленія *открытой* войны съ ними. Лѣтомъ 446 года до Р. Хр. они отправили въ Аттику сильное войско подъ начальствомъ молодого царя Плейстонакса. Периклъ, переправившійся на Евбею съ войскомъ для подавленія тамъ возстанія, спѣшно вернулся и тѣмъ предотвратилъ нападеніе на Аѳины, тогда какъ Аттика была уже занята и опустошена вплоть до горы Эйгалеи. До битвы, однако, не дошло, такъ какъ имѣются свѣдѣнія, что Периклу удалось побудить Плейстонакса къ отступленію путемъ подкупа. Насколько это достовѣрно сказать трудно, однако спартанское войско вернулось въ Пелопоннесъ, гдѣ Плейстонакса и его ментора (руководителя) обвинили во взяточничествѣ, послѣ чего оба отправились въ изгнаніе. Периклъ, вернувшись на Евбею, быстро подчинилъ островъ, и обошелся съ городами очень круто.

Уже послѣ пораженія Толмида при Коронеѣ Периклъ понялъ необходимость отказаться отъ видовъ на гегемонію въ средней Греціи, получивъ вмѣсто нея обратно своихъ плѣнныхъ. Вообще вліяніе Перикла сильно уменьшилось; карійскіе и ликійскіе государства аттическаго союза, а также часть іоническихъ государствъ въ глубинѣ Малой Азіи отказались отъ участія въ союзѣ. Другія стали подумывать о возстаніи. Благодаря этому величину дани пришлось сильно уменьшить, и Периклъ въ 446 году до Р. Хр. сложившимися обстоятельствами принужденъ былъ добиваться тридцатилѣтняго мира.

Въ концѣ войны, длившейся 15 лѣтъ, Аѳины, не имѣвшіе успѣховъ въ Египтѣ, должны были отказаться отъ всѣхъ

своихъ пріобрѣтеній въ Пелопоннесѣ: Низан, Пагаи, Трезены и Ахаіи, вновь признать самостоятельность Эгины и предоставить каждому греческому городу право присоединяться по желанію къ пелопоннесскому или аттическому союзу.

Аѳины во главѣ аттическаго морского союза достигли расцвѣта своего могущества, когда началась эта война, которую каждый вдумчивый греческій государственный дѣятель считалъ рѣшительной борьбою между двумя руководящими державами. Располагая морскимъ могуществомъ аѳиняне вполнѣ владѣли морями и были вездѣ неуязвимыми кромѣ Египта и внутри страны; всѣ ихъ выступленія на морѣ были побѣдоносны и аѳинская торговля господствовала вездѣ. Поневолѣ напрашивается вопросъ, *естественнымъ*-ли былъ такой неблагопріятный для руководящей морской державы исходъ рѣшительной борьбы между нею и руководящей-же сухопутной?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе для міровой исторіи и именно ему обязана исторія, что уже съ отдаленныхъ временъ, вплоть до нашихъ дней историки удѣляютъ много времени предмету *веденія войны*. За послѣднее двадцатипятилѣтіе мы имѣемъ два самостоятельныхъ труда по данному вопросу: 219. **Веденіе войны.**

1) „Периклъ въ качествѣ полководца“ профессора доктора фонъ Пфлугъ-Гартунгъ [1]), и

2) „Стратегія Перикла“ профессора доктора Ганса Дельбрюка [2]), которые дополняютъ еще изслѣдованія фонъ Бернгарди (Bernhardi), фонъ Шерфа (Scherff), Кеммерера (Caemmerer) и другихъ.

Профессоръ Дельбрюкъ въ своихъ остроумныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ чувствуется основательное знаніе авторомъ исторіи, становится на точку зрѣнія генерала фонъ Клаузевица, трудъ котораго „О войнѣ“ и теперь, черезъ 80 лѣтъ, считается образцовымъ.

До тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о поясненіи понятія „война“, съ нимъ можно согласиться, такъ какъ это понятіе

---

[1]) «Perikles als Feldherr» von Professor Dr. von Pflugk-Harttung. Stuttgart, 1884.

[2]) «Die Strategie des Perikles» von Professor Dr. Hans Delbrück, Berlin, 1890.

опредѣляетъ какъ сухопутную, такъ и морскую войну. Лишь только же онъ переходитъ къ ученію о *веденіи войны*, то сразу вступаетъ на зыбкую почву, такъ какъ ученіе о веденіи *сухопутной* войны совершенно различно съ таковымъ же *морской*. Театръ сухопутной войны обычно бываетъ ограниченъ прилежащими къ нападающей сторонѣ областями противника и лишь позже расширяется. Въ войнѣ морской театромъ войны сразу становятся всѣ моря, на которыхъ у враждующихъ сторонъ есть интересы. Слѣдовательно, у сухопутной и морской войны основанія, по которымъ передвигаются боевыя силы, совершенно различны и кромѣ того *потребности* въ боевыхъ силахъ для каждаго изъ двухъ родовъ войны рѣзко различаются со стороны объема и содержанія.

Это отнюдь не должно приниматься за упрекъ прекрасному труду фонъ Клаузевица. Во время своей служебной дѣятельности генералъ не имѣлъ ни разу случая ознакомиться практически съ морской войной, ознакомиться же съ ея теоріей онъ не могъ потому, что 80—100 лѣтъ тому назадъ не было ни одного труда по теоріи морской войны; мало того, можно сказать, что и въ настоящее время нѣтъ ни одного мало-мальски годнаго сочиненія по этому вопросу, такъ какъ заниматься теоріей морской войны начали лишь двадцать лѣтъ тому назадъ.

Теоретической же обработки морской войны авторы до сихъ поръ избѣгали: такъ напримѣръ существуетъ „Исторія военнаго дѣла грековъ съ древнихъ временъ до Пирра“, написанная Кехли (Köchly) и Рюстовомъ (Rüstow, Аарау 1852), очень обстоятельно обработанная по древнимъ источникамъ. Въ началѣ предисловія авторы пишутъ, что книга должна дать *солдату* сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательное и полное представленіе объ исторіи военнаго искусства въ древнее время въ освѣщеніи, соотвѣтствующемъ состоянію современной военной науки, *филологу* она должна служить необходимымъ пособіемъ для правильнаго полнаго пониманія тѣхъ греческихъ писателей, которые писали о войнахъ своего народа и т. д. Наконецъ, на страницѣ VIII предисловія авторы оговариваются, что разборъ *морскихъ войнъ исключенъ* по незнакомству практически съ морскимъ дѣломъ, безъ чего ихъ изслѣдованіе было бы не болѣе цѣннымъ, чѣмъ ничего не значущія замѣтки о древностяхъ.

И члены нашего рейхстага, рѣшающіе судьбу нашего флота, неоднократно оказывались совершенно незнакомы съ теоріей морского дѣла.

Рамки настоящаго сочиненія не позволяютъ мнѣ изложить здѣсь теорію морской войны; поэтому мнѣ только остается напомнить читателю о нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ ея, приведенныхъ много выше въ введеніи. Можетъ быть, если Господь Богъ дастъ мнѣ силу, мнѣ удастся заняться отдѣльно этой теоріею. Какъ ни велика разница въ способахъ веденія войны *на морѣ и на сушѣ*, тѣмъ не менѣе существуетъ нѣсколько основныхъ положеній, одинаково приложимыхъ къ обѣимъ войнамъ, какъ напримѣръ: „стараться быть возможно сильнѣе и поэтому стягивать свои силы вмѣстѣ“.

Руководители аѳинской политики въ началѣ *рѣшительной* войны, отъ исхода которой зависѣла судьба ихъ государства, согрѣшили противъ этого положенія, пославъ главное ядро своего флота, 200 триремъ съ командою въ 40.000 человѣкъ въ отдаленный Египетъ, имѣвшій для Аѳинъ большое, но не рѣшающее значеніе. Тамъ этотъ флотъ вмѣстѣ съ подкрѣпленіями въ 50 триремъ почти весь погибъ и въ рѣшающей войнѣ со Спартою морская мощь Аѳинъ не играла сколько-нибудь значительной роли.

Лишь черезъ пять лѣтъ послѣ начала войны аѳиняне предприняли противъ своего главнаго врага морской походъ къ лакедемонскимъ берегамъ съ небольшимъ флотомъ подъ начальствомъ Толмида, при чемъ они уничтожили верфь и базу Гитеумъ, вынудили островъ Цитеру платить дань, разорили и обезпокоили берега. На крупный успѣхъ они не разсчитывали и его не имѣли.

Это согласуется съ замѣчаніемъ профессора Дельбрюка (страница 86 его труда), что аѳиняне въ войнѣ имѣли не положительную цѣль — подчинить врага, а отрицательную — отразить врага и отбить у него охоту къ нападенію, — что и указываетъ на недостатокъ правильныхъ понятій *о веденіи морской войны.*

А между тѣмъ Кимонъ еще въ 465—463 г. до Р. Хр. подчинилъ возставшій островъ Тасосъ, разбивъ сперва его флотъ и подвергнувъ его затѣмъ двухлѣтней блокадѣ, преслѣдовавшей положительную цѣль — овладѣть Тасосомъ. Это

же повторили аөиняне въ 458—456 г.г. до Р. Хр. въ войнѣ подъ начальствомъ Перикла съ островомъ Эгиной, и наконецъ самъ Периклъ подъ своимъ личнымъ начальствомъ въ 440—439 году до Р. Хр. въ войнѣ съ Самосомъ.

И въ болѣе поздніе времена *сильный флотъ* во всѣхъ рѣшительныхъ войнахъ добивался желательнаго исхода преслѣдуя положительную цѣль.

Но аөиняне этого не придерживались. Во время пелопоннесской войны (см. ниже они послали маленькую эскадру подъ командою Форміо въ Ріонскій проливъ, чтобы подорвать торговлю и помѣшать движенію спартанскихъ войскъ на западѣ лишь на третій годъ тогда какъ съ этого слѣдовало начать и дѣлать все время.

Флотъ этотъ одержалъ побѣду надъ флотомъ непріятеля, вдвое превосходившимъ его, послѣ чего Форміо было послано лишь небольшое подкрѣпленіе, которое, впрочемъ, подошло слишкомъ поздно, такъ какъ до его прибытія Форміо уже удалось одержать еще одну побѣду надъ спартанскимъ флотомъ, превосходившимъ его вчетверо.

По заключеніи такъ называемаго тридцатилѣтняго мира враждебныя выступленія спартанцевъ и аөинянъ прекратились однако не на весь указанный періодъ, не на всѣ тридцать лѣтъ. На взаимоотношенія отдѣльныхъ греческихъ государствъ миръ не имѣлъ почти никакого вліянія, хотя въ мирномъ договорѣ и были затронуты общегреческіе вопросы. Соперничество и споры на почвѣ торговли бывшіе всегда наиболѣе острыми продолжались какъ и прежде. Эта эпоха не имѣетъ ничего интереснаго для исторіи морскихъ войнъ, такъ какъ морскія государства не имѣли столкновеній на морѣ.

Периклъ, чтобы удержаться во главѣ государства, привлекалъ народъ на свою сторону играми и общественными работами. Наряду съ политическими дѣлами сооруженіе грандіозныхъ художественныхъ построекъ заняло цѣлый рядъ лѣтъ. Онъ поощрялъ кромѣ того основаніе новыхъ колоній, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе, напримѣръ: Новый Сибарисъ и Фуріи въ южной Италіи (445—443 г. до Р. Хр.). На художественныя постройки онъ тратилъ такія громадныя суммы, что на покрытіе ихъ далеко не хватало доходовъ государства—одни Пропилеи обошлись свыше 2.000 талантовъ.

Для покрытія этихъ расходовъ онъ самовольно тратилъ государственныя суммы, предназначенныя для совершенно иныхъ цѣлей. За это онъ не разъ подвергался нападкамъ со стороны Ѳукидида и олигархической партіи, причинявшихъ ему много хлопотъ. Въ 442 году до Р. Хр. Ѳукидида удалось удалить путемъ остракизма и послѣ этого Периклъ продержался болѣе десяти лѣтъ съ властью тирана, пользуясь своимъ вліяніемъ на народное собраніе и другія учрежденія. 220. Изгнаніе Ѳукидида.

Наряду съ крупными постройками Периклъ не переставалъ заботиться о безопасности государства со стороны моря и о флотѣ. Для того, чтобы обезопасить Аѳины отъ высадки непріятеля въ Фалеронскомъ заливѣ, онъ велѣлъ построить параллельно со стѣнами, шедшими отъ города къ Пирею, еще третью стѣну на разстояніи 180 мт. отъ старой, что совершенно обезпечивало сообщеніе между городомъ и Пиреемъ. Онъ увеличилъ число кораблей, а также и сараевъ для ихъ храненія въ военныхъ портахъ и отстроилъ громадный складъ для инвентаря (скенотеку). Наконецъ, въ продолженіе круглаго года онъ содержалъ практическую эскадру изъ 60 учебныхъ судовъ съ командой около 10.000 человѣкъ, получавшихъ жалованье.

Организація торговыхъ портовъ была въ отношеніяхъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ административномъ, доведена до такого совершенства, что удовлетворяла самымъ строгимъ требованіямъ, поэтому естественно, что торговля процвѣтала. Съ развитіемъ торговли и богатства появилась роскошь, притокъ иностранцевъ и порча нравовъ, чему способствовало то, что самъ Периклъ, отличавшійся въ молодости строгой нравственностью, въ 445 г. до Р. Хр., будучи уже 50 лѣтъ, развелся со своей законной женой и взялъ себѣ въ домъ въ качествѣ наложницы красивую и умную, но предосудительную милетянку Аспазію, чѣмъ нарушилъ миръ въ своей собственной семьѣ и подалъ скверный примѣръ народу.

Порча нравовъ стала наблюдаться мало по малу и среди низшихъ слоевъ населенія, благодаря работѣ по найму отучившихся работать на собственный рискъ и для себя, привыкшихъ къ невиданнымъ прежде удовольствіямъ на безплатныхъ зрѣлищахъ. Вообще порчѣ нравовъ въ городѣ содѣй-

ствовала роскошь, легко доступныя чувственныя наслажденія, и шедшее на ряду съ этимъ разрушеніе прежнихъ твердыхъ принциповъ, а также развитіе эгоизма, преобладаніе личныхъ интересовъ и притупленіе чувства справедливости. О самомъ Периклѣ, который въ молодости былъ образцомъ выдержанности и воспитанности, передаютъ, что съ увеличеніемъ власти онъ сталъ грубымъ, какъ это уже было видно изъ обращенія его съ союзниками. Естественно, что поколебались чувства патріотизма и сплоченность.

Ранѣе всего это проявилось въ такихъ правильныхъ организаціяхъ государства, какъ флотъ, стоявшій на высотѣ до этого времени, т. к. во главѣ его стояли выдающіеся люди старой школы. Съ началомъ же общаго развала флотъ началъ быстро деморализоваться хотя онъ и находился въ расцвѣтѣ своей мощи и боеспособности въ первое время правленія Перикла.

Въ 440 году до Р. Хр. началась открытая война малоазійскаго города Милета съ близлежащимъ островомъ Самосомъ за обладаніе городомъ Пріеномъ на Меандрѣ: милетяне, потерпѣвъ пораженіе, попросили у аѳинянъ помощи противъ самосцевъ. Периклъ использовалъ эту просьбу для немедленной отправки къ Самосу эскадры въ 40 кораблей постояннаго состава, которые быстро завладѣли островомъ и вопреки обычаямъ аттическаго союза замѣнили тамъ олигархическое правленіе демократическимъ и свезли на Лемносъ 100 самосскихъ заложниковъ, а затѣмъ, оставивъ на Самосѣ аѳинскій гарнизонъ, вернулись обратно.

Самосскіе олигархи вошли въ сношеніе съ персидскимъ сатрапомъ въ Сардахъ Писсутномъ и при его поддержкѣ вторглись на Самосъ, захватили аѳинскій гарнизонъ съ начальниками въ плѣнъ и передали ихъ персамъ, послѣ чего вернули съ Лемноса своихъ заложниковъ. Заключивъ затѣмъ союзъ съ византійцами и объявивъ себя и ихъ отдѣлившимися отъ морского союза они снарядили походъ противъ Милета.

Периклъ по полученіи извѣстій объ этомъ немедленно отплылъ на Самосъ съ эскадрой въ 60 кораблей—вѣроятно изъ постояннаго состава, но не дойдя до острова, отослалъ 16 кораблей частью на развѣдки ожидавшагося карійцами финикійскаго флота, частью же за помощью въ Хіосъ и Лесбосъ.

Съ оставшимися 44 кораблями онъ встрѣтилъ у острова Трагія (см. карту № 10) возвращавшійся изъ Милета самосскій флотъ, насчитывавшій вмѣстѣ съ 20 транспортами 70 кораблей, и разбилъ его. По прибытіи подкрѣпленій изъ Аѳинъ (40 кораблей), отъ Хіоса и Лесбоса (25 кораблей) Периклъ высадился на Самосѣ, разбилъ самосцевъ, окружилъ городъ тремя валами и блокировалъ его съ моря. 221. Битва при Трагіи.

Воспользовавшись уходомъ Перикла съ 65 кораблями въ Карію, самосцы напали на блокировавшую эскадру, разбили ее и на 14 дней освободили море, чѣмъ и воспользовались для подвоза провіанта. По возвращеніи Перикла они опять подверглись сильной блокадѣ флота, усиленнаго 90 кораблями пришедшими изъ Аѳинъ и другихъ городовъ.

Самосцы оказались не въ состояніи противостоять Аѳинамъ на морѣ и поэтому черезъ 9 мѣсяцевъ принуждены были сдаться (439 г. до Р. Хр.). При этомъ они были вынуждены выдать свой флотъ, срыть укрѣпленія, дать заложниковъ и уплатить контрибуцію. Подобнымъ же образомъ были подчинены и византійцы.

Такое грубое обращеніе аѳинянъ съ союзными государствами возмутило остальныхъ грековъ и послужило поводомъ къ началу пелопонесской войны. Лакедемоняне созвали общегреческое совѣщаніе для обсужденія, воевать или нѣтъ; большинство участниковъ совѣщанія по примѣру коринѳянъ высказалось за войну, но необходимо было время къ ней подготовиться.

Все увеличивающаяся ненависть къ аѳинянамъ за ихъ агрессивную политику и жестокое обращеніе съ союзниками, а также, идущее въ разрѣзъ съ обезпечивавшимъ безусловную свободу торговли договоромъ нейтральныхъ государствъ, стремленіе Перикла расширить поле торговой дѣятельности Аѳинъ путемъ основанія новыхъ торговыхъ факторій — все это приблизило начало рѣшительной войны.

Первый шагъ къ ней сдѣлалъ Коринѳъ, союзникамъ котораго угрожали Аѳины. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Самоса и Византіи (436 г.) Периклъ предпринялъ большой походъ въ Черное море и основалъ колоніи въ Синопѣ и другихъ мѣстахъ, входившихъ въ сферу интересовъ мегарянъ. Въ 437 году до Р. Хр. то же самое было повторено на западѣ въ Амвракійскомъ заливѣ и лежащихъ сѣвер-

нѣе его эпирскихъ и иллирійскихъ берегахъ, въ ущербъ Коринѳу, считавшему себя заинтересованнымъ въ этихъ областяхъ.

Въ 630 году до Р. Хр. коринѳяне заняли островъ Корциру (теперь Корфу), а въ 625 году до Р. Хр. вмѣстѣ съ корцирянами основали на иллирійскомъ побережьѣ городъ Эпидамнъ, обыкновенно называемый Дирраxіумомъ. Обѣ колоніи, благодаря своему исключительно благопріятному положенію для морской торговли вообще и въ Адріатическомъ морѣ въ частности, очень быстро развились и имѣли большое значеніе для морской торговли и военнаго флота. Корцира окрѣпла до такой степени, что вскорѣ не захотѣла подчиняться своей метрополіи, для которой она представляла большую цѣнность, какъ база на Адріатическомъ морѣ при сношеніяхъ съ южной Италіей и Сициліей. По своимъ силамъ, состоявшимъ изъ флота въ 120 кораблей Корцира уступала лишь Аѳинамъ и Сиракузамъ.

Въ 438 году до Р. Хр. эпидамнійцы изгнали своихъ правителей, которые вступивши въ союзъ съ близживущими иллирійцами затѣмъ вскорѣ стали имъ угрожать. Тогда первые обратились за помощью къ корцирянамъ, которые все болѣе и болѣе распространяли свое вліяніе на Амвракію, Аполлонію, Эпидамнъ, Левкосъ, Анакторіонъ, Аргосъ и другія коринѳскія поселенія по Амвракійскому побережью, съ цѣлью завладѣть ими. Кромѣ того амфилохійскіе аргейцы съ сосѣдями оморнанцами обратились за помощью къ Аѳинамъ, которыя въ 437 году до Р. Хр. заключили съ ними союзъ, имѣя конечною цѣлью пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ. Аѳиняне послали эскадру изъ 30 кораблей, подъ командой выдающагося флотоводца Форміо, который завоевалъ амфилохійскій Аргосъ. Это было достаточною причиною для столкновенія Аѳинъ съ Коринѳомъ.

Не получивъ помощи въ Аѳинахъ, эпидамнійцы отправились за таковой въ Коринѳъ, принявшій въ нихъ участіе и пославшій сухимъ путемъ для большей безопасности отъ корцирянъ войско, состоявшее изъ коринѳянъ и союзниковъ. Корциряне узнали объ этомъ лишь позднѣе, послѣ чего они немедленно послали 25 кораблей въ Эпидамнъ, а вслѣдъ за ними еще 15 и потребовали ухода коринѳянъ. Когда тѣ отказались, они вмѣстѣ съ изгнанными эпидамнійцами и илли-

рійцами начали осаду города. Коринѳяне начали снаряжаться и вербовать союзниковъ, при чемъ набрали 40 кораблей и много денегъ; сами они выставили 30 кораблей и 3.000 гоплитовъ. Корциряне предложили избѣжать войны, прибѣгнувъ къ третейскому суду, но коринѳяне отклонили это, объявили лѣтомъ 435 года до Р. Хр. формально войну корцирянамъ и послали свои силы—75 кораблей и 2.000 гоплитовъ подъ начальствомъ двухъ командировъ морскими силами и двухъ полководцевъ моремъ въ Эпидамнъ.

Корциряне тѣмъ временемъ привели свой флотъ въ порядокъ и еще увеличили его. По полученіи сигнала (кострами) о приближеніи непріятеля они посадили команду на 80 кораблей (остальные 40 блокировали Эпидамнъ) и, вышедши въ море, выстроились, напали на коринѳянъ у предгорья Левкиме у южной оконечности Корциры и одержали рѣшительную побѣду, при чемъ забрали 15 коринѳскихъ кораблей. 222. Битва при Левкиме.
Команду они перебили изъ ненависти за исключеніемъ коринѳянъ, которыхъ, какъ цѣнныхъ заложниковъ, заковали въ цѣпи.

Уже въ самый день битвы Эпидамнъ сдался, при чемъ коринѳяне были взяты въ качествѣ плѣнниковъ, а остальные жители проданы въ рабство. Побѣжденный коринѳскій флотъ вернулся на родину, а корциряне, сдѣлавшись хозяевами на морѣ, опустошили коринѳскую колонію Левкосъ, сожгли военную гавань Киллену въ Элидѣ, выставившую коринѳянамъ корабли и служившую имъ базой, и стали наносить всякій ущербъ союзникамъ Коринѳа на морѣ.

Для защиты отъ нихъ Коринѳъ къ осени сосредоточилъ въ Акціумѣ (у входа въ Амвракійскій заливъ) и сѣвернѣе въ Хеймеріонѣ, находившемся нѣсколько сѣвернѣе въ Ѳеспротіи свой флотъ, въ отвѣтъ на что корциряне сосредоточили къ зимѣ свой флотъ напротивъ у Левкиме и стали выжидать.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ коринѳяне усердно продолжали готовиться къ войнѣ. Они собрали флотъ въ 90 кораблей, гребцовъ на которые за недостаткомъ своихъ стали вербовать во всей Греціи. Корциряне, узнавъ объ этомъ, отправили пословъ въ Аѳины съ просьбой о помощи. Несмотря на напряженное состояніе, Аѳины по побужденію Перикла заключили съ корцирянами оборонительный союзъ,

послѣ чего, однако, сдѣлался неизбѣжнымъ разрывъ со Спартой.

Вслѣдъ за тѣмъ они послали въ августѣ 433 года до Р. Хр. къ Корциру маленькую эскадру, всего изъ 10 кораблей, съ тремя начальниками, получившими приказаніе оказать помощь корцирянамъ лишь въ случаѣ нападенія на нихъ коринѳянъ. Немедленно послѣ прибытія туда этой эскадры, къ Корцирѣ двинулся коринѳскій флотъ, изъ 150 кораблей (къ 90 коринѳскимъ триремамъ присоединились еще 22 полигенейскихъ и 38 изъ Амбракіи и другихъ мѣстъ), имѣвшій во главѣ коринѳянина Ксенеклейда и еще четырехъ начальниковъ. Флотъ сталъ на якорь въ Хеймеріонѣ и расположился лагеремъ вмѣстѣ съ союзными иллирійцами.

Флотъ Корциры изъ 110 кораблей вмѣстѣ съ 10 аѳинскими расположился по діагонали отъ Левкиме у маленькихъ скалистыхъ островковъ Сибота вблизи Эпирскаго побережья [1]).

223. Бой при о. Сибота. Сентябрь 439 г. до Р. Хр.

Съ разсвѣтомъ коринѳяне двинулись на непріятеля съ несомнѣннымъ намѣреніемъ напасть врасплохъ, но застали его уже въ морѣ въ полной готовности. Послѣдовавшій бой надо считать *самымъ крупнымъ морскимъ сраженіемъ* изъ всѣхъ имѣвшихъ до сихъ поръ мѣсто битвъ между греческими флотами. Это первый бой, о которомъ у Ѳукидида имѣются сколько-нибудь подробныя свѣдѣнія.

Оба флота по приближеніи другъ къ другу выстроились въ боевой строй фронта. Правое, находившееся ближе къ морю, западное крыло надвигавшагося съ сѣвера коринѳскаго флота, состояло по численности и по качеству изъ самыхъ сильныхъ коринѳскихъ собственно кораблей, исключительно новыхъ. Болѣе слабые пелопоннесскіе и другіе союзные корабли находились въ серединѣ и на лѣвомъ флангѣ, ближе къ берегу. У корцирянъ сильнѣйшимъ было тоже западное крыло, выступавшее въ море, т. е. лѣвое, усиленное присутствіемъ тамъ аѳинской эскадры. Оба флота были совершенно чужды тактики тараннаго боя, выработанной Ѳемистокломъ и примѣненной аѳинянами еще въ битвѣ при Артемизіи (480 г. до Р. Хр.). Обѣ стороны намѣревались вести исклю-

---

[1]) Имѣющаяся тамъ гавань и донынѣ носитъ названіе Николо ди Сибота.

чительно рукопашный бой безъ маневрированія и поэтому на палубахъ съ обоихъ бортовъ были тѣсно выстроены сухопутные воины. Попытокъ прорыва непріятельской линіи не было ни одной: суда, шедшія борть о бортъ, останавливались и начинались абордажные бои.

Со стороны своего сильнаго праваго фланга коринѳяне одержали безусловную побѣду, хотя аѳинская эскадра, почти не принимавшая первоначально активнаго участія, все же сдерживала ихъ натиски. Но въ самомъ концѣ боя, когда корцирянамъ грозило полное пораженіе, она начала дѣятельно сражаться. Корциряне зато одержали побѣду своимъ сильнымъ правымъ крыломъ у острововъ Сибота. Они разбили находившихся тамъ мегарянъ и другихъ и преслѣдовали ихъ вдоль берега вплоть до Хеймеріона, гдѣ высадились и сожгли коринѳскій лагерь, вмѣсто того, чтобы оказать помощь своему лѣвому крылу [1]).

Коринѳяне не забирали захваченныхъ кораблей, число коихъ было не меньше 70, на буксиръ, а съ яростью бросались отъ одного къ другому, избивая команду и щадя лишь знатныхъ корцирянъ. Къ концу боя они вернулись къ о. Сибота и въ надеждѣ повторить еще разъ нападеніе, къ вечеру снова построились въ боевой порядокъ, чѣмъ создали большую панику среди корцирянъ. Но въ самомъ началѣ этой вторичной атаки они замѣтили приближавшуюся съ юга эскадру, еще не принимавшую участія въ бою, которую правильно сочли за непріятельскую, поэтому повернули обратно къ великому изумленію корцирянъ, которые однако вскорѣ узнали, что приближавшаяся эскадра была второй аѳинской, состоявшая изъ 20 кораблей подъ начальствомъ Главкона.

Эта эскадра была послана черезъ нѣсколько недѣль послѣ первой Перикломъ, рѣшившимъ, что первая эскадра изъ 10 кораблей слишкомъ слаба. Главконъ согласно приказанія Перикла объявилъ, что будетъ нейтраленъ до тѣхъ поръ, пока на него не нападутъ коринѳяне, чѣмъ и положилъ конецъ бою. Коринѳяне воздвигли на берегу противъ Сиботы знакъ побѣды, то же самое сдѣлали и корцирянe на Сиботѣ. Затѣмъ коринѳская эскадра вернулась домой, по пути взяла хитростью городъ Анакторіумъ и образовала тамъ колонію.

---

[1]) Отсутствіе примѣненія принципа взаимной поддержки. *Ред.*

Добычу и около 1.000 плѣнныхъ коринѳяне забрали съ собой. Большинство плѣнныхъ было продано въ рабство, лишь наиболѣе знатные граждане оставлены въ качествѣ заложниковъ. Обѣ аѳинскія эскадры также вернулись домой.

Это событіе подняло престижъ аѳинской морской мощи на западѣ, результатомъ чего было усиленіе вліянія Аѳинъ на Коркиру и заключеніе союза съ островомъ Кефалоніей, имѣвшимъ большое значеніе, какъ станція для торговыхъ сношеній на западномъ морѣ, именно съ Италіей и Сициліей. Однако военный успѣхъ всей экспедиціи былъ практически совершенно незначителенъ. Пожалуй даже она сослужила плохую службу, обративъ вниманіе аѳинянъ на отдаленныя страны, въ то время, когда имъ угрожала опасность со стороны Пелопоннеса и близко было начало рѣшительной войны, и когда Коринѳъ, интересы котораго были сильно затронуты, прилагалъ всѣ усилія, чтобы Аѳины начали войну со Спартой. Въ Аѳинахъ отлично видѣли надвигавшуюся грозу, но ничего не предпринимали для ея отвращенія и не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ въ угрожавшей войнѣ.

Не ограничиваясь указаннымъ поводомъ къ войнѣ, Аѳины подали еще нѣсколько подобныхъ же. Во время возстанія Самоса нѣкоторые изъ городовъ аттическаго союза во Ѳракіи и на полуостровѣ Халкидикѣ отказались повиноваться, за что и были наказаны. Для поддержанія тамъ своей власти Аѳины основали въ важномъ какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи мѣстѣ, именно въ устьѣ рѣки

224. Основаніе Амфиполя. 436 г. до Р.Хр.

Стримона, городъ *Амфиполь* и этимъ еще болѣе возстановили противъ себя туземные народы въ Халкидикѣ и Македоніи. Особенно недоволенъ этимъ остался коринѳскій городъ Потидея, принадлежавшій къ аттическому союзу. Расположенный на одномъ изъ трехъ полуострововъ, образующихъ Халкидику, именно на юго-западномъ—Паллене—въ самомъ узкомъ мѣстѣ недалеко отъ материка, онъ закрывалъ доступъ на Паллене съ суши.

Въ 433—432 г. до Р. Хр. аѳиняне потребовали отъ этого, враждебно настроеннаго къ нимъ, города, чтобы онъ уничтожилъ южную стѣнку, защищавшую городъ со стороны полуострова Паллене, что должно было открыть городъ для находившагося на полуостровѣ аѳинскаго гарнизона. Потидейцы напрасно

тестовали противъ этого въ Аѳинахъ и, наконецъ, обратились къ Коринѳу и Спартѣ за помощью, которая и была имъ обѣщана.

Дальнѣйшія осложненія въ Македоніи, именно споръ царя Пердикка съ братьями побудили Перикла послать въ Халкидику эскадру въ 30 кораблей подъ командою своего друга Архестрата для предотвращенія возстаній въ городахъ, но ближайшей цѣлью было уничтожить спорную стѣну и забрать изъ Потидеи заложниковъ. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Потидеи, тамъ немедленно вспыхнуло возстаніе, распространившееся на всѣ города Халкидики и Македоніи.

Спарта заставила подождать своей помощи, а зато дѣятельный Коринѳъ, формально находившійся въ мирѣ съ Аѳинами, еще до прибытія ихъ морскихъ силъ прислалъ спеціально завербованный для этого вспомогательный отрядъ въ 2.000 человѣкъ подъ командою Аристея. Послѣ этого аѳиняне немедленно снарядили вторую эскадру въ 40 триремъ. Черезъ мѣсяцъ, лѣтомъ 432 года до Р. Хр., она отплыла съ 2.000 гоплитовъ подъ начальствомъ Катія и еще четырехъ стратеговъ. По непонятнымъ причинамъ она отправилась не къ мѣсту своего назначенія, въ Потидею, а западнѣе, въ Македонію на помощь первой эскадрѣ подъ начальствомъ Архестрата, взявшей Термы (Салоники), а теперь осаждавшей Пидну.

Въ іюнѣ 432 года до Р. Хр. произошелъ при Потидеѣ бой между обѣими арміями; на одномъ флангѣ побѣдили аѳиняне, а на другомъ коринѳяне; въ этой борьбѣ Сократъ спасъ жизнь Алкивіаду. Послѣ битвы аѳиняне заперли городъ съ сѣвера, построивъ стѣну. Но у нихъ не хватило силъ для того, чтобы запереть городъ съ юга, поэтому осенью 432 года до Р. Хр. изъ Аѳинъ пришли подкрѣпленія подъ начальствомъ Форміо въ количествѣ 1.000 гоплитовъ. Высадившись на Паллене они выстроили осадную стѣну съ юга и такъ дѣйствительно *блокировали городъ*, что онъ оказался совсѣмъ отрѣзаннымъ. Попытки коринѳянина Аристея подвезти *моремъ* подкрѣпленія изъ Халкидики или изъ Греціи окончились неудачей.

225. Закрытіе торговли Мегары въ 432 г. до Р. Хр.

Одновременно съ нападеніемъ на Потидею Периклъ добился согласія народа на *закрытіе торговли Мегары*, которая еще въ 446 году истребила аѳинскій гарнизонъ и держала себя все время очень враждебно по отношенію къ Аѳи-

намъ, а теперь предоставила коринѳянамъ свои корабли для войны съ корцирянами, бывшими въ союзѣ съ Аѳинами, т. е. обнаружила открытую вражду. Принятыми мѣрами удалось подорвать торговлю Мегары, но этотъ результатъ не имѣлъ стратегическаго значенія, и поэтому затѣю надо считать по меньшей мѣрѣ несвоевременной, такъ какъ она только раздражила коринѳянъ и спартанцевъ.

226. Процессы противъ сторонниковъ Перикла въ 433—432 г.г. до Р. Хр.

Неправильность политики Перикла передъ рѣшительной войной понемногу стала сознаваться въ Аѳинахъ, и его противники все смѣлѣе и смѣлѣе начали свои нападки, вначалѣ не на него самого, а на его друзей: на философа Анаксагора за его вредное ученіе (лишь большое вліяніе Перикла спасло его отъ казни), затѣмъ на великаго скульптора Фидія за растрату государственныхъ денегъ (онъ былъ осужденъ безъ защиты Перикла и, полагаютъ, умеръ въ тюрьмѣ); наконецъ, на Аспазію, которую Периклу удалось спасти лишь благодаря своей замѣчательной убѣдительности. Семейныя непріятности стали отравлять до такой степени жизнь Периклу, что это стало отражаться на управленіи государствомъ.

Получивъ извѣстія о тѣсной блокадѣ Потидеи, коринѳяне въ 432 году до Р. Хр. созвали всѣ государства пелопоннесскаго союза въ Спарту на совѣщаніе о войнѣ. Послѣ долгихъ дебатовъ большинство участниковъ совѣщанія подъ вліяніемъ коринѳянъ высказались за войну, медлили лишь спартанцы, военныя приготовленія которыхъ еще не были закончены.

Вѣроятно для того, чтобы выиграть время, объявленіе войны послѣдовало не тотчасъ же послѣ совѣщанія; лакедемоняне осенью созвали у себя въ Спартѣ еще одно совѣщаніе и начало войны было отложено на слѣдующій годъ. Это рѣшеніе было вызвано главнымъ образомъ коринѳскими ораторами, подчеркнувшими, что *аѳинскій флотъ* силенъ и что имъ (пелопоннесцамъ) тоже слѣдуетъ создать себѣ сильный флотъ; деньги для этого можно было достать отчасти взносами отдѣльныхъ государствъ, отчасти же изъ сокровищницъ дельфійскаго и олимпійскаго храма; моряковъ можно было переманить отъ Аѳинъ, предложивъ имъ большое жалованье; *одна* морская побѣда, по мнѣнію коринѳянъ, могла рѣшить всю войну въ ихъ пользу; если бы даже она не имѣла такого значенія, то несомнѣнно она послужила бы прекрасной

тренировкой гражданъ, храбрость которыхъ была извѣстна и среди которыхъ нашлось бы много гребцовъ. Это было довольно страннымъ мнѣніемъ въ устахъ людей, руководящихъ въ морскомъ государствѣ, какимъ былъ Коринѳъ, и ранѣе вполнѣ справедливо утверждавшихъ, что аѳинскіе моряки, особенно начальствующія лица выше всѣхъ другихъ и что сравняться съ ними невозможно.

Остатокъ мирнаго времени спартанцы использовали для отправленія въ Аѳины посольствъ съ требованіями: прекратить осаду Потидеи, вернуть независимость Эгинѣ, открыть торговлю Мегарѣ и отказаться отъ власти надъ другими греческими государствами. На все это Периклъ отвѣтилъ отказомъ. Послѣ этого въ началѣ 431 года до Р. Хр. переговоры были прерваны и начались серьезныя приготовленія къ войнѣ.

Лакедемоняне вмѣстѣ съ союзными съ ними пелопоннесскими государствами, кромѣ Аргоса, заключили союзъ съ Беотіей, Фокидой и Локридой, начавшими по вступленіи въ пелопоннесскій союзъ угрожать Аттикѣ съ сѣвера; затѣмъ съ коринѳскими колоніями Амвракіей, Левкадой и другими западными въ Италіи и Сициліи (Сиракузы и т. д.). Пелопоннесскій союзъ могъ выставить до 35.000 гоплитовъ, Спарта 4.500, Беотія 10.000 и т. д. Флотъ былъ незначителенъ, такъ какъ для его созданія не было ни денегъ, ни людей. Спарта вообще была бѣдна, она не имѣла ни государственныхъ сокровищъ, ни поступленій отъ налоговъ, кромѣ того лакедемоняне не были способны къ морской службѣ; Коринѳъ и Мегара къ этому времени обѣднѣли и у нихъ тоже не хватило личнаго состава для флота: у Коринѳа послѣ Сиботы осталось всего 60 триремъ; Мегарѣ некѣмъ было укомплектовать свои; Элида, Левкадія и др. располагали только людьми.

Противъ этихъ силъ Аѳины располагали флотомъ въ 300 триремъ (считая въ томъ числѣ транспортныя суда), прекрасно спаяннымъ и организованнымъ. Острова Хіосъ и Лесбосъ, второклассныя морскія державы на Архипелагѣ, оба не утратившіе еще самостоятельности члены аттическаго союза, могли по требованію Аѳинъ выставить каждый еще по 25 триремъ. Весь флотъ былъ прекрасно обученъ въ духѣ Ѳемистокла—тактикѣ тараненія, не такъ давно не нашедшей

примѣненія въ битвѣ при Сиботѣ. Все могущество Аѳинъ зиждилось на господствѣ флота на морѣ, и подъ угрозой войны, особенно же войны рѣшительной, имъ необходимо было сосредоточить всѣ свои силы и внезапнымъ сильнымъ ударомъ своихъ морскихъ силъ заставить противника быть уступчивымъ.

Но въ Аѳинахъ не только не предпринимали ничего въ этомъ направленіи, но продолжали осаду Потидеи.

Лакедемоняне для пополненія явнаго недостатка флота искали военныя суда въ итальянскихъ и сицилійскихъ городахъ и въ Персіи, но первое время безъ успѣха.

Для скорѣйшаго окончанія войны въ Потидеѣ осенью 431 года до Р. Хр. туда былъ посланъ изъ Аѳинъ талантливый полководецъ Форміо съ эскадрой и войсками. Онъ высадился на Паллене и окружилъ городъ и съ юга валомъ. Съ оставшимися свободными войсками онъ предпринялъ походъ за добычей на Халкидику, лежавшую западнѣе.

227. Пелопонесская война 431—404 г. до Р. Хр. Въ это напряженное время олигархическая партія въ Ѳивахъ весной 431 года до Р. Хр. предательски напала ночью на дружественный Аѳинамъ городокъ Платею и при помощи тамошнихъ олигарховъ взяла городъ, но принуждена была утромъ его очистить. Платейцы казнили забранныхъ при этомъ плѣнниковъ, что придало начавшейся засимъ войнѣ особенно кровавый характеръ. Это и послужило предлогомъ для начала этой важной войны; собственно началомъ ея считаютъ первое нападеніе на Аттику сильнаго пелопоннесскаго войска, отдѣльныя части котораго собрались въ маѣ въ Истмъ и поступили подъ команду лакедемонскаго царя Архидама. Периклъ распорядился совершенно очистить низменную Аттику и укрыть всѣхъ жителей въ Аѳинахъ и Піреѣ, вслѣдствіе чего тамъ образовалась страшная тѣснота, недостатокъ жилищъ и припасовъ; начавшаяся вскорѣ ужасная чума скосила много народу.

Подробный ходъ этой важной продолжительной войны нѣтъ необходимости излагать даже и такъ кратко, какъ была изложена война 461—445 г. до Р. Хр.; слабость пелопоннесскихъ государствъ на морѣ послужила причиной того, что дѣйствія на сушѣ сыграли первенствующую роль. Замѣтимъ лишь вкратцѣ, что Спарта съ союзниками, имѣя превосходныя силы на сушѣ, безуспѣшно пыталась побѣдить Аѳины

опустошеніемъ ихъ земель и нанесеніемъ имъ всяческаго ущерба. Съ другой стороны Аѳины совершенно отказались съ самаго начала отъ мысли использовать для побѣды надъ врагомъ свое *превосходство на морѣ*, а по предложенію Перикла рѣшили ограничиться „тактикой утомленія противника", какъ выразился профессоръ Дельбрюкъ. Поэтому аѳиняне, несмотря на свою большую численность, не вступали въ открытый бой съ пелопоннесцами, а сидѣли за своими неприступными стѣнами и охраняли ихъ. Они не предприняли и большого похода флота въ Лакедемонъ съ сильными десантными войсками, подобнаго Крымской кампаніи союза западно-европейскихъ державъ въ 1854 году, что несомнѣнно имѣло бы въ конечномъ итогѣ полное пораженіе непріятеля, а лишь выжидали дальнѣйшаго хода событій, заботясь лишь о сохраненіи сферы своего вліянія, свободы морскихъ путей и морского могущества.

Предательское нападеніе на Платею нашло живой откликъ во всей Греціи и ускорило начало враждебныхъ дѣйствій. Спартанскій царь Архидамъ, обычно очень осторожный, немедленно послѣ этого сосредоточилъ союзные отряды своего войска, составлявшіе почти $^2/_3$ всѣхъ силъ въ Истмѣ и въ маѣ 431 года до Р. Хр. медленно двинулся съ ними (около 35.000 гоплитовъ), не встрѣчая сопротивленія къ Аттикѣ, дошелъ до укрѣпленнаго мѣста Эное и осадилъ его. Когда изсякъ провіантъ, онъ двинулся дальше вплоть до Акарнаніи, опустошая по пути страну и вызывая Перикла на бой, но послѣдній къ большому неудовольствію своего войска не согласился. Жители Аттики были крайне недовольны оставленіемъ своихъ жилищъ и владѣній и переселеніемъ въ городъ, гдѣ они страдали отъ недостатка въ жилищахъ, продовольствіи и вынужденнаго бездѣйствія, все это создавало крайне неблагопріятныя гигіеническія условія; но тѣмъ не менѣе нисколько не вліяло на Перикла въ смыслѣ измѣненія намѣченнаго имъ плана войны.

Разоривъ и опустошивъ окрестности Акарнаніи, Архидамъ въ концѣ іюля двинулся обратно, очищая Аттику.

Это время Периклъ счелъ подходящимъ для *начала наступленія*. Въ первыхъ числахъ іюля эскадра въ 100 триремъ съ десантнымъ отрядомъ состоявшимъ изъ 1.000 гоплитовъ и 400 стрѣлковъ изъ лука, подъ начальствомъ Со-

крата двинулась въ Пелопоннесъ. По пути къ ней присоединились 50 корцирскихъ триремъ, а также нѣсколько мессенскихъ, акарнанскихъ и другихъ.

Аѳины, располагавшія громадными морскими силами, имѣли полную возможность увеличить вдвое посылаемую эскадру и посадить на нее во много разъ большее количество сухопутнаго войска и возложить на нихъ болѣе крупную задачу, успѣшное выполненіе которой имѣло бы рѣшающее значеніе. Но военный совѣтъ Перикла ограничился планомъ опустошенія пелопоннесскихъ береговъ. Но это удалось лишь отчасти и впечатлѣніе отъ экспедиціи получилось совсѣмъ незначительное. Нападеніе на маленькій городокъ Метону въ Мессеніи, который могъ бы послужить базой для дальнѣйшей блокады побережья и также сдѣлаться очагомъ возстанія въ Мессеніи было совершено съ такими незначительными силами, что ихъ смогъ отразить быстро прибывшій туда спартанскій отрядъ, состоявшій всего лишь изъ 100 человѣкъ подъ командой Бразида. Будь это нападеніе сдѣлано съ достаточными силами, результаты его были бы очень чувствительны для спартанцевъ.

Вслѣдъ за симъ послѣдовало опустошеніе городка Ѳеія въ Элидѣ, но по прибытіи войскъ этого государства аѳиняне двинулись немедленно дальше въ Акарнанію мимо острова Кефалоніи еще не бывшаго тогда опредѣленно ни на чьей сторонѣ. Взявъ въ Акарнаніи два мѣстечка, они привлекли на свою сторону Кефалонію и двинулись обратно, не причинивъ непріятелю замѣтнаго ущерба и не осуществивъ блокады пелопоннесскихъ береговъ. Осенью на обратномъ пути Сократъ дойдя до Эгины, узналъ, что Периклъ отправился изъ Аѳинъ въ одинъ изъ предполагавшихся набѣговъ на Мегару, пошелъ туда и помогъ опустошить страну, послѣ чего вернулся въ Аѳины.

Въ началѣ зимы 431 года до Р. Хр. коринѳяне въ противовѣсъ первому выступленію аѳинскаго флота послали отрядъ изъ 40 триремъ въ Акарнанію, гдѣ возстановили прежній строй. Слѣдующій ихъ набѣгъ на Кефалонію не увѣнчался успѣхомъ.

Вскорѣ послѣ первой экспедиціи Сократа, Периклъ послалъ отрядъ въ 30 кораблей подъ командою Клеопомпа къ берегамъ Локриды въ Евбейскомъ морѣ, чтобы прекратить

распространившееся тамъ каперство. Клеопомпъ овладѣлъ приморскимъ городкомъ Троніономъ, разбилъ локридянъ при Алопѣ и, наконецъ, укрѣпивъ маленькій островокъ Аталанту въ Опунтскомъ заливѣ, оставилъ тамъ гарнизонъ. Это былъ единственный замѣтный результатъ предпріятія! Послѣ этого отрядъ вернулся.

По возвращеніи изъ Мегары, Периклъ распорядился изгнать съ острова Эгины его беззащитныхъ обитателей, которые благодаря географическому положенію острова являлись опасными для аѳинскаго судоходства, и замѣнилъ ихъ колонистами изъ Аттики.

Аѳинскій флотъ въ первый годъ войны не оставался такимъ образомъ безъ дѣйствія, а совершилъ нѣсколько мелкихъ походовъ, но не сдѣлалъ ничего крупнаго соотвѣтствовавшаго его мощи, и не нанесъ непріятелю ни одного пораженія, послѣ котораго тотъ принужденъ былъ бы просить мира. То обстоятельство, что не имѣвшій себѣ на морѣ равныхъ флотъ, какимъ и былъ аѳинскій, не воспрепятствовалъ непріятельской эскадрѣ всего лишь въ 40 кораблей немедленно отнять всѣ его завоеванія въ Акарнаніи и другихъ мѣстахъ или сдѣлать ихъ спорными,—является достаточнымъ показателемъ неудовлетворительной постановки у аѳинянъ службы связи и неиспользованности всѣхъ наличныхъ силъ.

Успѣхи перваго года войны были крайне незначительны: положительными слѣдуетъ считать присоединеніе къ аттическому союзу о-ва Кефалоніи и пріобрѣтеніе маленькаго островка Аталанты въ качествѣ базы въ отдаленной мѣстности; отрицательными—опустошеніе лакедемонскаго, элійскаго и локрійскаго береговъ, при чемъ не было сдѣлано ничего такого, что бы побудило непріятеля къ прекращенію военныхъ дѣйствій. Неудача съ Метоной и крейсерованіе пелопоннесской эскадры въ западныхъ водахъ сводило къ нулю всѣ удачи.

Осенью 431 года до Р. Хр. Периклу наконецъ удалось заручиться обѣщаніями двухъ царьковъ, Ситалка Одрисскаго и Пердикка Македонскаго, присоединить къ аѳинскимъ владѣніямъ часть Халкидики западнѣе Потидеи, съ которой не могъ справиться Форміо со своимъ отрядомъ въ 1.600 человѣкъ. Позднею осенью 431 года Форміо со своими войсками былъ отозванъ, но обѣщанія не были сдержаны.

Несмотря на неудачи 431 года до Р. Хр. аѳинскій народъ возобновилъ свое довѣріе къ Периклу и передалъ ему верховную власть и на 430 годъ.

Лѣтомъ 430 года до Р. Хр. пелопоннесцы съ большимъ войскомъ подъ начальствомъ Архидама повторили нашествіе на Аттику и, обойдя кругомъ Аѳинъ, опустошили на этотъ разъ всю страну. Въ то же время среди населенія, которымъ былъ набитъ биткомъ городъ, вспыхнула, вѣроятно занесенная моремъ изъ Африки, страшная эпидемія, унесшая много жертвъ и нагнавшая большую панику.

Въ концѣ іюня 430 года до Р. Хр. Периклъ самъ сталъ во главѣ новаго похода; силы его состояли изъ 100 триремъ, съ 4.000 гоплитами и 300 всадниками (здѣсь впервые были примѣнены суда для перевозки конницы). Къ этому присоединились еще 50 хіосскихъ и лесбосскихъ триремъ, поэтому можно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій. Среди подчиненныхъ Периклу находились Гагнонъ и Клеопомпъ.

Флотъ сначала двинулся къ важной гавани въ Арголидѣ, Эпидавру, однако наступленіе не было совершено неожиданно,— что необходимо дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ это дастъ преимущество при нападеніи въ морѣ,— поэтому успѣха не послѣдовало. Тогда Периклъ ограничился лишь опустошеніемъ области, что сдѣлалъ также въ Трезенѣ, Галіейѣ и Герміонѣ въ Арголидѣ, послѣ чего взялъ и разрушилъ городокъ Празіаю, лежавшій на противоположномъ лакедемонскомъ берегу, и вернулся еще въ половинѣ іюля 430 года до Р. Хр. обратно, не сдѣлавъ ничего значительнаго.

Результатомъ этого явилось общее недовольство въ Аѳинахъ; тогда Периклъ самъ остался въ городѣ, а флотъ немедленно былъ посланъ подъ командою Гагнона въ Потидею для завоеванія этого упорно державшагося города. Экспедиція не удалась, и флотъ, потерявъ болѣе четверти десантнаго отряда отъ эпидеміи, безъ всякаго успѣха вернулся въ началѣ сентября 430 г. до Р. Хр. назадъ, что дало возможность собравшемуся лѣтомъ пелопоннесскому флоту въ 100 кораблей безпрепятственно напасть на Закинтосъ.

Ненависть народа къ Периклу, имѣвшему къ тому же несчастье потерять отъ эпидеміи своихъ двухъ сыновей и своихъ родныхъ, но сохранившему полное присутствіе духа.

достигла своей высшей точки. Государственный курсъ въ Аѳинахъ видимо измѣнился, что можно заключить изъ того, что въ Спарту было отправлено посольство съ просьбой о мирѣ, успѣха не имѣвшее. Въ то же время Периклъ былъ смѣщенъ и противъ него были выставлены крупныя обвиненія: отъ него потребовали отчета за его 15-ти лѣтнее правленіе, отъ чего онъ до сихъ поръ высокомѣрно уклонялся. Осенью 430 года до Р. Хр. онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ, правда, не къ смертной казни, а къ высокому денежному штрафу и умеръ черезъ годъ (осенью 429 года до Р. Хр.).

Аѳиняне настолько плохо слѣдили за происходившимъ на морѣ, особенно въ непріятельскихъ водахъ, что какъ уже упоминалось, лѣтомъ 430 года до Р. Хр. дали возможность составленному изъ отдѣльныхъ отрядовъ непріятельскому флоту въ 100 кораблей съ 1.000 гоплитовъ собраться въ западномъ морѣ. Этотъ флотъ подъ начальствомъ спартанца Кнемоса напалъ на островъ Закинтосъ, бывшій на сторонѣ Аѳинъ и сильно опустошилъ его, не будучи въ состояніи овладѣть имъ. Совершивъ это, флотъ раздѣлился на составлявшіе его отряды, которые спокойно вернулись въ свои города.

Такое, ужъ слишкомъ замѣтное, явленіе напомнило, наконецъ, аѳинянамъ о необходимости удержать за собой морское владычество. Поэтому въ концѣ 430 года до Р. Хр. они послали Форміо въ Наупакту для того, чтобы заперевъ достигающій между отрогами Ріонскихъ горъ и Антиріономъ, всего нѣсколькихъ морскихъ миль шириною, входъ въ Коринѳскій заливъ, закрыть его для пелопоннесскаго судоходства и защитить союзныя съ аѳинянами государства въ Акарнаніи отъ набѣговъ непріятеля. — Къ этой мѣрѣ слѣдовало прибѣгнуть съ самаго начала военныхъ дѣйствій, но только слѣдовало отправить не маленькій отрядъ въ двадцать триремъ во главѣ котораго былъ посланъ Форміо, а флотъ настолько сильный, чтобы онъ съ полной надеждою на успѣхъ могъ встрѣтиться съ соединеннымъ пелопоннесскимъ флотомъ Кнемоса, состоявшимъ изъ 100 кораблей.

Зимою 430—429 г. до Р. Хр. Потидея послѣ двухъ съ половиной лѣтней осады и полуторагодовой строгой блокады принуждена была сдаться. Аѳинскіе полководцы предоставили свободный выходъ храброму гарнизону и

228. Потидея сдается. Зима 430 — 429 г. до Р. Хр.

жителямъ, за что подверглись подозрѣнію со стороны строгихъ аѳинскихъ правителей, но имъ удалось избѣжать наказанія, хотя въ Аѳинахъ у власти стояло ультра-демократическое правительство, очень строго относившееся къ подобнымъ проступкамъ. Черезъ нѣкоторое время Потидея, хорошо защищеная своимъ мѣстоположеніемъ, была заселена аѳинскими колонистами и стала сильнѣйшею базою Аѳинъ на Ѳракійскомъ побережьѣ.

229. Периклъ опять избирается правителемъ. Весна 429 г. до Р. Хр.

Въ теченіе зимы 430—429 г. до Р. Хр. непостоянные аѳиняне опять измѣнили свое мнѣніе относительно Перикла, не найдя ни одного государственнаго дѣятеля, который бы могъ съ нимъ сравниться. Поэтому весной 429 г. до Р. Хр. онъ былъ опять выбранъ правителемъ и получилъ большія полномочія. Однако онъ не выступалъ больше въ качествѣ вождя, и активная морская политика, которую онъ всегда рекомендовалъ въ умѣренномъ количествѣ, пріостановилась съ 429 года до Р. Хр., и аѳиняне этимъ лѣтомъ даже не вооружали наступательнаго флота. Какъ уже упоминалось умеръ Периклъ осенью этого же года.

230. Осада Платеи.

Пелопоннесцы же опять послали въ Истмъ подъ начальствомъ Архидама большое войско, которое на этотъ разъ не ограничилось тѣмъ что прошло черезъ и безъ того уже совершенно разоренную Аттику, а осадило маленькую, но храбрую Платею, которую спартанцы ненавидѣли за то, что она мѣшала сообщаться съ Беотіей. Платея отважно оборонялась и побѣдоносно отразила нападеніе произведенное непріятелемъ при участіи стѣнобитныхъ машинъ, впервые здѣсь примѣненныхъ. Платея не сдалась даже и тогда, когда спартанцы въ концѣ лѣта окружили городъ двойной стѣной и такимъ образомъ цѣликомъ отрѣзали отъ внѣшняго міра городъ, жители котораго все еще полагались на обѣщанія аѳинянъ оказать имъ помощь.

231. Планъ спартанцевъ лишить аѳинянъ ихъ базъ

Спартанцы [1] на слѣдующее лѣто составили крупные планы относительно Наупакты. Амвракійцы при помощи эпирскихъ варваровъ и подкрѣпленій изъ Македоніи намѣ-

[1] Здѣсь начинается часть написанная послѣ смерти автора на основаніи найденныхъ болѣе раннихъ рукописей.

Р. Дитмаръ (см. предисловіе), написавшій эту часть, не ставилъ боковыхъ заголовковъ. Чтобы не нарушать цѣльности характера изложенія Штенцеля въ русскомъ переводѣ эти заголовки проставлены. *Ред.*

ровались завоевать Акарнанію, бывшую на сторонѣ Аѳинъ, острова Кефалонію и Закинтосъ, а въ благопріятномъ случаѣ и Наупакту, чѣмъ лишили бы аѳинянъ всѣхъ ихъ базъ на западномъ морѣ. Осуществить это было можно лишь при условіи поддержки со стороны спартанскаго флота и арміи. Спарта изъявила свою готовность на эту поддержку и весной съ запада (изъ Киллены) въ Амвракійскій заливъ направился спартанскій отрядъ въ 1.000 гоплитовъ. Сильная эскадра съ подкрѣпленіями должна была немедленно по вооруженіи выйти изъ Коринѳа и Сикіона на о. Левкадію, при чемъ всѣ эти намѣренія были хорошо скрыты отъ Форміо. на западномъ побережьѣ Греціи. Карта № 13.

232. Морское сраженіе при м. Ріумъ (при Патрасѣ) въ 428 г. до Р.Хр. Планъ № 14.

Когда спартанцы съ союзниками напали на Акарнанію съ сѣвера, жители ея послали за помощью къ Форміо, но тотъ не могъ ее оказать, такъ какъ уже приближался непріятельскій флотъ. Онъ состоялъ изъ 47 кораблей, то есть былъ вдвое сильнѣе аѳинскаго, но это не особенно безпокоило Форміо; для него было лишь важнымъ встрѣтиться въ *открытомъ морѣ*. Поэтому онъ не остался въ Наупактѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ залива, а двинулся назадъ на западъ, къ Ріонскому проходу, гдѣ заливъ достигалъ ширины въ 10 морскихъ миль, и тамъ сталъ поджидать спартанцевъ, которые, вѣря въ свое превосходство, и не подозрѣвали, что аѳиняне окажутъ какое либо сопротивленіе. Не дождавшись непріятеля, Форміо двинулся дальше и, идя вдоль берега Ахаіи, прошелъ Патрасъ и не найдя врага, повернулъ и проложилъ курсъ на берегъ Акарнаніи.

Расчетъ Форміо оказался правильнымъ. Навстрѣчу ему въ серединѣ залива показались спартанцы, шедшіе полнымъ ходомъ. Ихъ флотоводецъ испугался отъ неожиданности, но у него не было выбора и надо было начинать бой. Несмотря на свой численный перевѣсъ, онъ отказался отъ нападенія [1]) и, заботясь о транспортахъ, началъ сложное, но тогда часто примѣнявшееся построеніе. 42 корабля построились по окружности носами врозь и кормами къ центру, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы весла кораблей не задѣвали сосѣднихъ, но и чтобы непріятельскіе корабли не могли

---

[1]) Этимъ онъ передалъ иниціативу болѣе слабому (численно) и такимъ образомъ далъ возможность Форміо примѣнить принципъ сосредоточенія силъ вмѣсто того чтобы сдѣлать это самому. *Ред.*

пройти сквозь ихъ строй. Внутри круга онъ помѣстилъ пять своихъ быстроходныхъ кораблей, бывшихъ наготовѣ выскочить при надобности [1]). Тамъ же находились и транспортныя суда.

Форміо, не теряя ни минуты, приближался полнымъ ходомъ въ кильватерной колоннѣ. Онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: слѣдовать движенію адмирала и не нападать безъ приказанія. Затѣмъ онъ обошелъ кругомъ непріятеля настолько близко, что почти касался носовъ его кораблей, и сжалъ такимъ образомъ кругъ. Посвѣжѣвшій въ это время ежедневно дующій тамъ бризъ отъ NO вполнѣ благопріятствовалъ ему и произвелъ безпорядокъ въ построеніи спартанцевъ; ихъ корабли стали наваливать другъ на друга и ломать весла. Командиры стали кричать, поднялся шумъ, заглушавшій приказанія.

Этого только и ждалъ Форміо [2]). Когда его эскадра оказалась съ навѣтра, онъ далъ сигналъ къ нападенію. Корабли, сдѣлавъ крутой поворотъ на 8 румбовъ, устремились къ центру непріятеля, идя по вѣтру. Одинъ изъ спартанскихъ флагманскихъ кораблей немедленно пошелъ ко дну, многіе другіе были сразу сильно повреждены. Весь спартанскій флотъ обратился въ безпорядочное бѣгство по разнымъ направленіямъ, одни въ Патрасъ, другіе въ Диму. Преслѣдовавшимъ аѳинянамъ удалось захватить еще 12 спартанскихъ триремъ.

Умѣлое управленіе эскадрой и боевая готовность судовъ дали аѳинянамъ возможность одержать полную побѣду надъ болѣе чѣмъ вдвое сильнымъ флотомъ и помѣшать грандіозному предпріятію отъ котораго спартанцы ожидали очень многаго. Форміо по возвращеніи къ м. Ріумъ поставилъ тамъ памятникъ въ честь своей побѣды и отправилъ одинъ изъ забранныхъ спартанскихъ кораблей вмѣстѣ съ добычей въ Аѳины, самъ же остался на старомъ мѣстѣ.

---

[1]) Намѣреніе примѣнить принципъ взаимной поддержки особенно важный при оборонѣ. *Ред.*

[2]) Для примѣненія принципа сосредоточенія силъ противъ части непріятеля Форміо здѣсь использовалъ элементъ времени (*ежедневно* въ это *время* задувающій бризъ, нарушившій строй противника и возможность его судамъ *поддерживать* другъ друга). *Ред.*

Спартанскія суда вновь собрались послѣ сраженія, но, не считая себя въ безопасности по близости отъ аѳинянъ, ушли въ торговый портъ Киллену въ Элидѣ. Туда же вскорѣ прибылъ Кнемосъ, походъ котораго въ Акарнанію не увѣнчался успѣхомъ. Съ нимъ прибылъ и флотъ, перевозившій его съ войсками въ Амвракійскій заливъ.

Въ Спартѣ были очень раздражены этимъ первымъ для нихъ на морѣ пораженіемъ, нанесеннымъ слабымъ противникомъ. Не зная тактическаго превосходства аѳинянъ, тамъ склонны были обвинить полководцевъ въ трусости, считая пораженіе ея результататомъ. По этой причинѣ Кнемосъ получилъ приказаніе еще разъ напасть на слабаго непріятеля и *разбить* его. При этомъ Кнемосу былъ данъ въ помощники еще другой выдѣлившійся въ этой войнѣ полководецъ — Бразидъ. Поврежденные корабли были исправлены въ Киллenѣ. Морскимъ государствамъ пелопоннесскаго союза было предписано доставить въ кратчайшій срокъ всѣ наличные корабли. Спартанцы серьезно готовили свои силы къ бою. **233. Подготовка сторонъ для возобновленія морского боя.**

Узнавъ объ этомъ, Форміо послалъ въ Аѳины докладъ съ просьбой о быстрой высылкѣ возможно большаго подкрѣпленія. Его просьба была вполнѣ справедливо уважена и была выслана эскадра изъ 20 триремъ, которая могла бы въ нѣсколько дней достигнуть Наупакты. Но эта эскадра по какимъ то *частнымъ* соображеніямъ получила довольно непонятное приказаніе сначала зайти на Критъ для дѣйствія противъ Кидоніи. Послѣдовавъ этому приказу, эскадра опустошила область Кидоніи, послѣ чего была задержана непогодой и пришла лишь тогда, когда дѣло въ проливѣ у Ріума было окончательно рѣшено.

Въ Киллenѣ спартанцы увеличили свой флотъ до 77 судовъ, раздѣлили его на отряды и обучили, затѣмъ двинулись къ Наупактѣ, но не вошли въ проливъ, а расположились около маленькаго городка Панормы. Тамъ же собрались ихъ сухопутныя силы, предназначенныя для акарнанской экспедиціи. У Форміо же оставались тѣ-же 20 кораблей, съ которыми онъ одержалъ побѣду въ первой битвѣ. **234. Морское сраженіе при Наупактѣ. Карта № 15.**

И на этотъ разъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, который теперь былъ почти вчетверо сильнѣе, онъ немедленно идетъ навстрѣчу черезъ проливъ. Какъ и въ предшествующій разъ, онъ не желая сражаться въ узкомъ мѣстѣ, предпочи-

таетъ встрѣтиться въ открытомъ морѣ, чего избѣгаютъ и на этотъ разъ спартанцы, несмотря на свой перевѣсъ. Форміо встрѣтилъ спартанцовъ у Панормы, гдѣ они расположились лагеромъ, вытащивъ свои корабли на сушу. За невозможностью вызвать ихъ въ море, Форміо занялъ выжидательную позицію на разстояніи 3 морскихъ миль отъ нихъ *западнѣе* Антиріума у Моликріи. Сильный отрядъ мессенскихъ гоплитовъ изъ Наупакты охранялъ берегъ отъ высадки непріятеля.

Форміо настолько владѣлъ своимъ маленькимъ флотомъ, настолько былъ увѣренъ въ своемъ личномъ составѣ, что чувствовалъ себя готовымъ сразиться *съ любымъ числомъ непріятельскихъ кораблей*. Онъ зналъ, что отъ каждаго подчиненнаго можно было потребовать полнаго напряженія и быть при этомъ увѣреннымъ, что это будетъ исполнено.

Онъ не хотѣлъ драться въ узкомъ фарватерѣ, гдѣ это было неблагопріятно для его хорошо обученныхъ кораблей и для употребленія главнаго оружія—тарана; его отряду необходимо было свободное пространство для маневрированія, для разбѣга, необходимаго для тараннаго удара, а также для прорѣзанія непріятельскаго строя, порчи веселъ противника и нападенія съ тыла. При сраженіи въ узкомъ фарватерѣ дѣло скоро дошло бы до абордажнаго боя, похожаго на сухопутный, что было благопріятнѣе для спартанцевъ, у которыхъ главную роль играла численность. Этого какъ разъ хочетъ избѣжать Форміо. Передъ боемъ онъ еще разъ внушаетъ своимъ командирамъ, чтобы они въ точности исполняли его приказанія, и сохраняли тишину и порядокъ. Это было образчикомъ короткаго, энергичнаго обращенія къ офицерамъ и командѣ, преисполненнаго чувствомъ собственнаго достоинства и довѣрія къ подчиненнымъ.

Оба флота простояли 6—7 дней другъ противъ друга, выжидая благопріятнаго момента для своихъ плановъ [1]). Но дольше Кнемосъ не могъ ждать, такъ какъ онъ зналъ о приближеніи аѳинскихъ подкрѣпленій. Для того, чтобы все-таки сразиться въ узкомъ мѣстѣ, онъ (собственно Бразидъ) придумываетъ слѣдующій маневръ.

---

[1]) Выжиданіе было выгодно Форміо, такъ какъ онъ съ часа на часъ ожидалъ прибытія подкрѣпленій (см. выше § 233),—этого требовали въ данномъ случаѣ принципы сосредоточенія силъ и взаимной поддержки. *Ред.*

Спустивъ еще до разсвѣта свои суда на воду и посадивъ на нихъ команду, онъ раздѣлилъ всѣ корабли на 4 колонны, изъ 19—20 кораблей каждая, и помѣстилъ 20 быстроходнѣйшихъ кораблей во главѣ. Съ разсвѣтомъ онъ двинулся этимъ строемъ въ проливъ, достигавшій въ этомъ мѣстѣ лишь одной мили въ ширину, дѣлая видъ, что собирается напасть на Наупакту. Замѣтивъ это, Форміо, въ заботѣ о городѣ [1]), быстро собралъ свои корабли и повелъ ихъ полнымъ ходомъ туда же параллельнымъ курсомъ съ непріятелемъ на небольшомъ разстояніи отъ него и берега. Мессенцы слѣдовали за эскадрой берегомъ, готовые ее поддержать

Этого только и ожидалъ Бразидъ; по данному сигналу флотъ спартанцевъ сдѣлалъ крутой поворотъ на 8 румбовъ влѣво и пошелъ на аѳинскую колонну, имѣвшую одинаковую длину съ непріятельской, тѣсня ее къ берегу. Но это удалось ему лишь отчасти съ послѣдними 9 кораблями. Переднимъ 11 кораблямъ удалось еще выскользнуть. За ними погнались 20 быстроходнѣйшихъ головныхъ кораблей, предусмотрительно назначенныхъ для погони, которую англичане называютъ „general chase", подразумѣвая подъ этимъ преслѣдованіе на полномъ ходу, не считаясь съ порядкомъ въ строю,—лишь бы достичь врага.

Въ это время оставшіяся 67 спартанскихъ триремъ были заняты боемъ съ 9 аѳинскими [2]). Одну изъ нихъ имъ удалось забрать въ плѣнъ съ командою раньше, чѣмъ она была посажена на мель. Съ остальныхъ, выскочившихъ съ полнаго хода на берегъ, команда, считая суда погибшими, спаслась бѣгствомъ на сушу. На нѣкоторыя изъ нихъ спартанцы посадили свои команды и взяли ихъ на буксиръ,

---

[1]) Наупакта была его единственной базой на этомъ театрѣ. *Ред.*

[2]) Такимъ образомъ спартанцамъ посредствомъ угрозы базѣ, удалось *сосредоточить* превосходныя свои силы противъ *части* непріятеля (принципъ сосредоточенія силъ) и притомъ поставить свои корабли въ наиболѣе для нихъ благопріятную обстановку для боя—абордажную схватку, въ которой большое значеніе имѣла большая численность воиновъ, и уклониться отъ тараннаго боя, въ которомъ спартанцы были слабы (принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой). Однимъ изъ средствъ достиженія такого результата явилась также внезапность задуманнаго маневра—поворотъ къ берегу, чтобы прижать къ нему аѳинянъ (принципъ внезапности). *Ред.*

чтобы увести подальше отъ берега; но на остальныя подоспѣли вбродъ съ берега мессенцы и забравшись на ихъ высокіе носы, начали ихъ оборонять [1]).

Между тѣмъ Форміо съ 10 изъ 11 ушедшихъ кораблей добрался до Наупакты (разстояніе въ 3 мили). Тамъ онъ поворачиваетъ и выстраивается (въ строй фронта), чтобы напасть на преслѣдователей. Одиннадцатая трирема Форміо немного отстала и ее настигла, передняя изъ 19-ти, спартанская трирема, далеко выскочившая впередъ. Командиръ аѳинской триремы предпринялъ дерзкій маневръ, воспользовавшись стоявшимъ на рейдѣ на якорѣ торговымъ кораблемъ. Онъ круто обошелъ кругомъ послѣдняго, при чемъ разсчиталъ маневръ такимъ образомъ, что описавъ окружность, ударилъ тараномъ въ бортъ своего преслѣдователя и *однимъ* ударомъ пустилъ его ко дну. Это такъ подѣйствовало на остальныя 19 спартанскихъ кораблей, что передніе изъ нихъ остановились, нѣкоторые стали на мель, тянувшуюся вдоль берега, весь порядокъ нарушился. Поэтому, когда Форміо подалъ сигналъ къ наступленію и двинулся со своими кораблями въ порядкѣ, спартанцы скоро обратились въ бѣгство, во время котораго потеряли 6 судовъ. Остальная часть спартанскаго флота, занятая стаскиваніемъ съ мели и нападеніемъ на приткнувшіеся къ берегу аѳинскіе триремы, при извѣстіи о неожиданномъ исходѣ боя окончательно растерялась и не только не вступила въ бой съ приближавшимся правильнымъ строемъ аѳинскимъ флотомъ, но предпочла укрыться въ Панорму, бросивъ забранные аѳинскіе корабли.

Такимъ образомъ вторая встрѣча маленькой аѳинской эскадры съ непріятелемъ, численностью превосходившимъ ее вчетверо, оказалась для нея побѣдоносною, что надо приписать правильно продуманному плану дѣйствій въ бою. Аѳиняне потеряли лишь одинъ корабль, спартанцы же лишились семи и были вынуждены вернуться на то мѣсто, съ котораго вышли. Понесенныя спартанцами пораженія были настолько дѣйствительны, что составленный лишь весною

---

[1]) Движеніе мессенцевъ вдоль берега вмѣстѣ съ флотомъ было пріемомъ Форміо парализовать попытку противника вступить въ абордажный бой—пріемъ для усиленія въ нужный моментъ своей слабой стороны—многочисленности абордажныхъ партій. *Ред.*

и впередъ продуманный планъ войны былъ забракованъ. Потерпѣвшій пораженіе флотъ пока направился въ Коринѳъ.

Разсматривая эти два боя съ точки зрѣнія тактики можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ: **235. Разборъ сраженій при Ріумѣ и Наупактѣ.**

Боевыя силы. Что касается ихъ, то можно принять *корабли* обѣихъ сторонъ равноцѣнными со стороны ихъ тактическихъ свойствъ, такъ какъ коринѳяне славились, какъ лучшіе кораблестроители; трирема, выдѣлившаяся во второмъ бою своею скоростью, была изъ Левкадіи. *Оружіе* можно также принять равнымъ. Разница была въ *личномъ составѣ и въ веденіи боя.*

Аѳинскія триремы имѣли *команды*, хорошо знавшія свое дѣло и привыкшія къ нему. Онѝ уже побывали и на морѣ и въ бояхъ, поэтому послѣдніе, не будучи новыми, ихъ не пугали и они могли оставаться болѣе хладнокровными. Между командами и начальниками имѣлась тѣсная связь; команды вполнѣ довѣряли тріерархамъ съ полной увѣренностью, что они умѣютъ обращаться съ судами, и понимая, что каждое ихъ приказаніе необходимо, и всякое дѣйствіе цѣлесообразно, а не пропадаетъ даромъ. Поэтому команды повиновались, какъ *одинъ* человѣкъ, и напрягали въ случаѣ надобности *всѣ свои силы.*

Съ такимъ же полнымъ довѣріемъ относились и командиры судовъ къ начальнику эскадры. Они настолько знали его намѣренія, что ни одинъ изъ его сигналовъ не былъ для нихъ неожиданнымъ, они знали, что требуемыя отъ нихъ дѣйствія не будутъ безцѣльными, и сознавали, что все сдѣланное эскадрою послужитъ къ вящшей чести флага и будетъ содѣйствовать славѣ и могуществу ихъ родины. Поэтому они всегда немедленно исполняли его приказанія, но исполняли не слѣпо, а въ сознаніи, что отвѣтственность за непосредственныя дѣйствія ихъ корабля лежитъ на нихъ. Въ то же время они сознавали, что исполненіе приказаній флотоводца обезпечиваетъ дружное совмѣстное дѣйствіе всѣхъ силъ, ведущее къ *побѣдѣ.* Можно сказать, что они вполнѣ *довѣряли* своимъ начальникамъ и носили въ своихъ сердцахъ сигналъ Тегетгофа при Лиссѣ: „Необходимо побѣдить“, и поэтому съ полнымъ довѣріемъ и сознательно повиновались флотоводцу.

Весь личный составъ, команда и офицеры, былъ преисполненъ истиннымъ *воинскимъ духомъ*, не знающимъ опасностей, и былъ посвященъ во всѣ тонкости своего искусства. Они цѣликомъ отдались своему призванію, и честь флага была для нихъ идеальной цѣлью.

Этихъ качествъ нельзя было ожидать отъ новичка, они могли лишь выработаться у стараго служаки съ большой выучкой, а полностью развиться лишь у людей, закаленныхъ въ бояхъ. Поэтому вообще былъ бы желателенъ продолжительный срокъ военной службы у всѣхъ воюющихъ народовъ. Для флота это имѣетъ особенно важное значеніе по причинѣ разнообразія условій службы въ немъ. Продолжительность службы орудійной, башенной и т. п. прислуги, исполняющей очень важныя функціи на кораблѣ, является необходимой, такъ какъ она обезпечиваетъ хорошее выполненіе этихъ функцій.

Таковъ и былъ личный составъ у Форміо. Съ такими судами Форміо могъ дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ фигурами маэстро шахматной игры на доскѣ. Онъ все время былъ увѣренъ, что его командиры и команды сдѣлаютъ всегда все, на что они только способны, даже въ томъ случаѣ, если бой приметъ *непредвидѣнный* оборотъ.

Но такое полное подчиненіе себѣ команды доступно лишь человѣку съ выдающимся характеромъ и большимъ обаяніемъ,—безъ послѣдняго даже изъ самаго геніальнаго офицера никогда не выйдетъ хорошаго полководца.

Неяснымъ остается, почему Форміо, выбирая *мѣсто для боя*, избѣгалъ узкихъ мѣстъ, а стремился встрѣчаться съ непріятелемъ въ *открытомъ морѣ*. Это является какъ бы прямою противоположностью Ѳемистоклу при Саламинѣ, хотя слѣдуетъ признать, что въ данномъ случаѣ условія были совсѣмъ иными.

Наиболѣе узкое мѣсто Ріумскаго пролива было въ одну морскую милю шириною (1852 мт.), что было вполнѣ достаточно, чтобы спартанцы могли при наступленіи выстроить всѣ 47 кораблей строемъ фронта или какъ либо иначе. Въ Саламинѣ же нападать могла сразу лишь *часть* персидскихъ силъ, противъ которой греки могли выставить относительное или абсолютное большинство. Этимъ обстоятельствомъ руководился Ѳемистоклъ при выборѣ мѣста для боя. Кромѣ

того въ Саламинѣ греческіе гоплиты превосходили персовъ въ абордажномъ бою, а здѣсь имѣло мѣсто обратное и слѣдовало избѣгать схватокъ.

Форміо не отрицаетъ тактики Ѳемистокла, онъ лишь временно примѣняетъ противоположную, и то лишь изъ желанія использовать преимущества своихъ судовъ, заключавшіяся въ большей поворотливости и умѣніи маневрировать, чѣмъ можно было вполнѣ воспользоваться лишь въ открытомъ морѣ. Ему очень удачно удалось примѣнить свою тактику въ новыхъ условіяхъ, совсѣмъ отличныхъ отъ саламинскихъ.

Нападеніе въ битвѣ при Ріумѣ на эскадру въ 47 кораблей всего лишь съ 20-тью и въ открытомъ морѣ, гдѣ *невозможно* использовать условія мѣстности, то есть въ совершенно одинаковомъ съ противникомъ положеніи, можно считать или безумной отвагой или необдуманнымъ рискомъ. Но это далеко не было безуміемъ: дѣйствія Форміо основывались на указанномъ выше, кажущемся удивительнымъ со стороны, превосходствѣ аѳинскихъ командъ, а слѣдовательно и кораблей надъ непріятельскими. Успѣхъ предпріятія вполнѣ подтверждаетъ правильность его дѣйствій [1]).

Спартанцы и ихъ союзники были не менѣе храбрыми и опытными воинами, но имъ недоставало опыта въ морскомъ

---

[1]) Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ (при Саламинѣ и въ Коринѳскомъ заливѣ) Ѳемистоклъ и Форміо *одинаково* стремились къ примѣненію все *тѣхъ-же* принциповъ сосредоточенія силъ и взаимной поддержки, и къ нарушенію возможности использовать эти принципы противнику. Но *средства*, которыми они пользовались для достиженія этой цѣли, и *формы*, въ которыя выливаются использованія этихъ средствъ, самыя *различныя* и *вполнѣ зависятъ отъ обстановки.* Для достиженія этой цѣли Ѳемистоклъ использовалъ при Саламинѣ элементъ мѣстности (узкость позиціи, близкій и удобный берегъ сзади для спасенія людей съ разбитыхъ судовъ), а Форміо при Ріумѣ—элементъ времени (въ опредѣленный часъ задувающій бризъ). Чтобы заставить противника итти на эти выгодныя условія, Ѳемистоклъ не остановился даже передъ сношеніемъ съ Ксерксомъ, давъ ему по существу *не ложное*, а *вѣрное* извѣстіе о настроеніи грековъ, у которыхъ большинство было склонно къ отступленію. Этимъ путемъ онъ *заставилъ* и грековъ сражаться въ выгодныхъ для нихъ мѣстныхъ условіяхъ, дававшихъ возможность примѣненія принципа сосредоточенія силъ. Форміо для этой-же цѣли использовалъ страхъ противника передъ тактическимъ искусствомъ аѳинянъ въ тараненіи. *Формы-же* получились совершенно различныя: выжидательное расположеніе на мѣстѣ—въ узкомъ проливѣ у Ѳемистокла, и выходъ изъ

дѣлѣ и морскихъ бояхъ. Особенно страдалъ этимъ начальникъ эскадры. Имя его неизвѣстно, но безъ сомнѣній онъ былъ спартанцемъ, которому чужды были и море и морская война. На суднѣ онъ себя чувствовалъ не въ своей обстановкѣ и поэтому его выступленія были неувѣренны.

Съ самаго начала онъ предположилъ, что аѳиняне не вступятъ въ бой съ настолько превосходящимъ ихъ непріятелемъ—предположеніе само по себѣ очень правдоподобное, но свидѣтельствующее о неправильной оцѣнкѣ непріятеля, являющейся *грубой* для полководца ошибкой. Онъ убѣждается въ правильности своего предположенія пройдя Наупакту и Ріумъ, не встрѣчая противника, и начинаетъ думать, что тотъ бѣжалъ. Поэтому внезапное наступленіе Форміо полнымъ ходомъ показалось ему еще неожиданнѣе. Его увѣренность исчезаетъ и, несмотря на *превосходство* своихъ силъ, онъ отказывается отъ нападенія и ограничивается *пассивной* защитой. Къ этому его впрочемъ побуждали и транспортныя суда. Однимъ словомъ онъ выстроился, какъ описано выше, по окружности имѣя транспорты и пять быстрѣйшихъ триремъ внутри.

Все выдаетъ *сухопутнаго офицера*, не могущаго защитить отъ подвижного врага свой обозъ иначе, чѣмъ сдѣлавъ укрѣпленіе изъ составляющихъ его возовъ. Для *морского* боя этотъ пріемъ—грубѣйшая ошибка.

1) Этимъ пріемомъ онъ предоставилъ слабому противнику выборъ времени и мѣста для *нападенія* въ любомъ порядкѣ при использованіи принципа внезапности и особыхъ условій, какъ напримѣръ вѣтра въ данномъ случаѣ.

узкаго пролива, и смѣлое нападеніе у Форміо; въ первомъ случаѣ — неподвижный строй фронта—въ другомъ—движущійся, обволакивающій болѣе многочисленнаго противника, строй кильватера.

Вотъ въ этомъ смыслѣ и говорятъ, что *принципы неизмѣнны*. Къ осуществленію ихъ надо стремиться *всегда*, при *всякой обстановкѣ*. Но вотъ средства для ихъ осуществленія, и формы, въ которыя выливаются эти осуществленія — безконечно разнообразны, и зависятъ *исключительно* отъ обстановки. И только въ этомъ смыслѣ изреченія, что *на войнѣ обстановка повелѣваетъ*. И это изреченіе ни въ коемъ случаѣ не противорѣчитъ неизмѣнности принциповъ, а напротивъ—вполнѣ гармонируетъ съ этой неизмѣнностью. И это не болѣе какъ глубокое невѣжество въ теоріи военнаго дѣла—*противопоставлять* эти положенія другъ другу. *Ред.*

2) Лишилъ защищавшихся возможности *передвиженія*, главнѣйшаго жизненнаго условія тактики, особенно на морѣ, гдѣ таранъ былъ рѣшающимъ оружіемъ, то есть заставилъ свои силы, стоя неподвижно, ожидать *натиска* противника.

3) *Лишилъ храбрости* свою команду, показавъ этимъ маневромъ, что, несмотря на свою бо́льшую численность, онъ боится непріятеля.

Стоитъ обратить вниманіе на то, что быстроходнѣйшія корабли были поставлены во второмъ ряду, въ качествѣ *резерва* [1]).

Здѣсь мы наталкиваемся еще на одно различіе между сухопутной и морской войной. Въ морскомъ бою не слѣдуетъ оставлять неиспользованныхъ силъ. На морѣ не случается, какъ на сушѣ, что въ линіи, способной выдержать напоръ врага, одна часть ослабѣваетъ, такъ что требуется резервъ для ея подкрѣпленія, безразлично наступленіе это или оборона. На морѣ всѣ силы сразу находятся въ дѣйствіи, дабы *какъ можно скорѣе* повліять на исходъ боя, находясь все время въ движеніи.

Оставленіе одной части флота въ качествѣ резерва только облегчаетъ непріятелю успѣшное выполненіе, одну изъ важ-

---

[1]) Здѣсь это не былъ *резервъ*. Разъ спартанцы рѣшились на оборону—и въ этомъ была ихъ грубая ошибка—имъ уже было необходимо *уменьшить* длину своего фронта (въ данномъ случаѣ окружность круга), и вмѣстѣ съ тѣмъ принять наилучшія мѣры для противодѣйствія *прорыву* этого фронта. Эта задача и была возложена на быстроходнѣйшія суда, которыя должны были имѣть возможность изнутри круга быстро поспѣть къ той части его окружности, на которую нападетъ Форміо, которому спартанцы ошибочно передали иниціативу. Это было лишь примѣненіемъ принципа взаимной поддержки, ведшемъ къ сосредоточенію силъ въ томъ пунктѣ, который будетъ атакованъ противникомъ.

Такимъ образомъ спартанцы совершили грубѣйшую ошибку, передавъ иниціативу болѣе слабому численно, чѣмъ передали въ его руки возможность примѣнить принципы сосредоточенія силъ (на любую часть ихъ фронта) и внезапности (въ любое время). Но разъ эта ошибка уже была совершена, единственной возможностью смягчить эту ошибку—было обезпечить возможность быстрой поддержки атакованной части окружности изнутри круга. Это они и сдѣлали, но искусный выборъ Форміо времени для осуществленія его внезапнаго и сосредоточеннаго нападенія (бризъ, который нарушилъ правильность сложнаго расположенія спартанцевъ и сбилъ въ кучу ихъ корабли) отнялъ отъ спартанцевъ и это средство для осуществленія ими принципа взаимной поддержки. *Ред.*

нѣйшихъ задачъ всякой тактики: уничтожить одну часть боевыхъ силъ противника, прежде чѣмъ другая часть подоспѣетъ на помощь.

Выше было описано, что Форміо своевременно замѣтилъ неправильность построенія спартанцевъ и сумѣлъ имъ воспользоваться съ отчаянной на первый взглядъ отвагою, пройдя почти передъ самымъ носомъ противника, симулируя намѣреніе его таранить и такъ далѣе и, наконецъ, собравъ свои силы и воспользовавшись вѣтромъ, то есть случайностью, возможно конечно, что и учтенною раньше; онъ нанесъ *одинъ* сконцентрированный ударъ, являющійся наилучшимъ способомъ нападенія при всѣхъ обстоятельствахъ.

Результатомъ была полная побѣда надъ болѣе чѣмъ вдвое сильнымъ непріятелемъ, который потерялъ при этомъ болѣе четверти своихъ силъ (28%), тогда какъ у нападавшихъ не было совсѣмъ потерь и даже сколько нибудь значительныхъ поврежденныхъ кораблей. Это почти единственный случай въ исторіи войнъ.

Передъ *второй* битвой спартанцы усилились до такой степени, что численно почти вчетверо превосходили аѳинскую эскадру, но гораздо важнѣе усиленія флота на 43 корабля для нихъ было назначеніе командиромъ Бразида.

Бразидъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ положеніе вещей и намѣтилъ совершенно иной планъ.

1) Онъ не былъ намѣренъ ограничиться пассивной защитой, а думалъ вести *наступленіе.*

2) Онъ учитывалъ однако, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи команду недостаточно привыкшую къ морю и не имѣвшую боевого опыта, къ тому же находящуюся подъ впечатлѣніемъ послѣдней неудачи. Это заставляло его быть *осторожнымъ* и избѣгать сложныхъ построеній, а ограничиваться простѣйшими маневрами.

3) Онъ хотѣлъ не дать непріятелю возможности выбрать мѣсто для боя въ открытомъ морѣ, а намѣревался *самъ* принудить его сразиться въ узкомъ мѣстѣ у берега, гдѣ аѳиняне не могли использовать своего умѣнія искусно маневрировать, а *спартанцы* наоборотъ чувствовали себя гораздо увѣреннѣе. Для этой цѣли онъ прибѣгъ къ хитрости, о которой уже упоминалось выше: раздѣливъ флотъ на четыре отряда, онъ двинулся черезъ Ріумскій проливъ къ Наупактѣ.

Выборъ времени нападенія—ранняго утра—обезпечивалъ его неожиданность.

Это была очень обдуманная тактика молодого флота, не имѣвшаго къ тому же боевого опыта.

Форміо, несмотря на усиленіе непріятеля, непоколебимо остался на своемъ посту и всталъ на защиту пролива такъ же отважно, какъ и Леонидъ при Ѳермопиллахъ съ тою только разницею, что вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ Леонидъ со своимъ отрядомъ, онъ, исключительно благодаря умѣнію пользоваться своими силами, побѣдилъ вчетверо сильнѣйшаго врага.

Какъ и раньше, онъ хотѣлъ встрѣтиться съ врагомъ, подошедшимъ уже къ Панормѣ, въ открытомъ морѣ, но тщетно побуждалъ его къ этому. Онъ сталъ на якорь противъ врага на разстояніи $2^1/_2$—3 миль отъ него и выжидалъ цѣлую недѣлю, пока тотъ двинется, что конечно не способствовало увеличенію уваженія аѳинянъ съ спартанцамъ. Во всякомъ случаѣ это служило къ ослабленію вниманія обѣихъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, хорошо обдуманный планъ Бразида при своей простотѣ былъ правильно выполненъ и почти вполнѣ удался. Лишь немного запоздалъ сигналъ поворота всѣхъ судовъ на 8 румбовъ налѣво, вслѣдствіе чего ускользнуло благодаря своей скорости большее число аѳинскихъ кораблей, чѣмъ предполагали. Спартанцы оттѣснили меньшую половину непріятельской эскадры къ берегу и имѣли ее въ своихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ они съ большимъ успѣхомъ выполнили этотъ маневръ. Такого мнѣнія былъ начальникъ ихъ эскадры, бросившійся преслѣдовать убѣгавшихъ аѳинянъ, не заботясь о порядкѣ; такого же мнѣнія были и остальные спартанскіе командиры; въ противномъ случаѣ они не оставили бы 57 кораблей для овладѣнія посаженными на мель девятью аѳинскими триремами.

Но они не знали своего противника. Форміо, потерявъ почти половину своей небольшой эскадры, отважился продолжать бой съ 11-ю кораблями противъ 77, то есть при отношеніи силъ 1 : 7 (кто бы подумалъ при такихъ условіяхъ о продолженіи боя). Но Форміо, обладавшій великимъ свойствомъ полководцевъ: „mens aequa in arduis". сохранилъ въ этомъ труднѣйшемъ положеніи полное душевное

равновѣсіе и проявилъ свою геніальность. Бѣглымъ взглядомъ онъ сразу замѣтилъ ошибку безпорядочнаго преслѣдованія, которую могъ сдѣлать лишь деморализовавшійся противникъ. Воспользовавшись тѣмъ, что силы непріятеля растянулись [1]), онъ поворачиваетъ и, построившись во фронтъ, переходитъ въ нападеніе.

То же самое проявилъ и командиръ отставшей триремы. Вдумайтесь въ положеніе: половина эскадры забрана, другая спасается бѣгствомъ, преслѣдуемая вдвое большимъ противникомъ; одинъ изъ кораблей отстаетъ и врагъ его настигаетъ; о чемъ бы, казалось, и думать всякому среднему офицеру, какъ не о спасеніи. Но этотъ тріерархъ только и думалъ о томъ, чтобы при первой возможности перейти въ наступленіе, что ему и удается послѣ искуснаго рискованнаго маневра [2]), выполненнаго блестяще вокругъ торговаго корабля, послужившаго прикрытіемъ.

Можно себѣ представить, какъ ободряюще подѣйствовалъ этотъ маневръ на аѳинянъ и какъ онъ ошеломилъ преслѣдовавшихъ.

Форміо переходитъ со своими 11-ю кораблями въ наступленіе и обращаетъ въ бѣгство сначала спартанскій авангардъ, а затѣмъ и ядро флота, состоявшее изъ 57 кораблей, то есть силы, превосходившія аѳинянъ въ 7 разъ.

Интересно прослѣдить душевное состояніе опьяненныхъ побѣдой спартанцевъ въ тотъ моментъ, когда они увидѣли, что на нихъ наступаютъ въ полномъ порядкѣ тѣ, которыхъ они считали уничтоженными. Благодаря этому наступленію, Форміо удалось освободить, или правильнѣе отбить, девять своихъ потерянныхъ кораблей за исключеніемъ одного, уже отведеннаго въ безопасное мѣсто. Эта побѣда грековъ надъ греками же единственная и не имѣетъ себѣ равныхъ.

Оба эти боя не имѣли вліянія на исходъ всей войны, хотя и возстановили аѳинское морское могущество въ западныхъ водахъ; но ихъ главное значеніе въ томъ, что они *показали какъ высоко стояло развитіе морского дѣла у аѳинянъ.*

---

[1]) Т. е. силы противника *раздѣлились*, другими словами онъ пренебрегъ принципомъ взаимной поддержки, который обезпечивалъ осуществленіе принципа сосредоточенія силъ, и тѣмъ передалъ эту возможность противнику (Форміо). *Ред.*

[2]) Онъ блестяще здѣсь осуществилъ принципъ внезапности. *Ред.*

При такихъ условіяхъ можно считать правильными какъ настойчивость, такъ и тактику Форміо, примѣненную имъ въ такомъ неравномъ бою. Самъ успѣхъ подтверждаетъ правильность тактики.

Форміо былъ серьезнымъ, строгимъ и несловоохотливымъ человѣкомъ, былъ образцомъ умѣренности и добронравія. Едва ли нужно еще что писать о его качествахъ флотоводца; объ одномъ развѣ я упомянулъ бы еще, объ *отчаянности* его тактики.

Конечно ее нельзя рекомендовать для непосредственнаго подражанія, такъ какъ она требуетъ геніальнаго флотоводца и достойныхъ его офицеровъ и команды.

Слѣдуетъ лишь твердо помнить одинъ выводъ, который можно сдѣлать изъ описаннаго: нашъ флотъ никогда не достигнетъ величія, если будетъ развиваться за загородкой, какъ это рекомендовали старые адмиралы. Флотъ можетъ воспитаться только при условіи постоянныхъ стычекъ съ непріятелемъ. Успѣхъ создаютъ не число кораблей, а качества его командъ и геній руководителя. Мы удивляемся *отчаянности* атакъ каждаго изъ выдающихся адмираловъ,— Блэка, Сюффрена, напоминающихъ атаки Форміо. Одно лицо, въ совершенно другихъ условіяхъ выразилось, что требуются три вещи: „*трижды отчаянность*“. Она особенно важна въ морскомъ дѣлѣ.

Чѣмъ же былъ *вознагражденъ* этотъ несравненный начальникъ, который, выполнивъ въ 429 году до Р. Хр. успѣшно операцію въ Акарнаніи, остался до весны на своемъ посту, а весной 428 года вернулся въ Аѳины. Какова была его судьба? **236. Справедливость и демагоги.**

Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи трудно найти подходящій примѣръ дѣйствій подобныхъ дѣйствіямъ Форміо при Ріумѣ, съ нимъ развѣ только можетъ сравниться защита Аруэ генераломъ фонъ Вердеромъ въ 1871 году. Когда фонъ Вердеръ отбилъ атаку Бурбаки, у котораго силы были почти вдвое больше, покойный императоръ Вильгельмъ оказалъ ему высшія почести. И это было такъ же справедливо, какъ и умно; справедливая оцѣнка заслугъ передъ отечествомъ есть главнѣйшая добродѣтель прусскихъ королей, которая является залогомъ безопасности государства. Справедливость необходима для удовлетворенія людей; но еще болѣе она

нужна для *пріобрѣтенія людей, для склоненія ихъ на свою сторону*, необходима справедливость, исходящая не изъ разсудка, а изъ сердца.

Награжденіе командира имѣетъ глубокое моральное значеніе прежде всего для его подчиненныхъ, чувствующихъ себя тоже награжденными, а затѣмъ и для всѣхъ боевыхъ силъ государства, получающихъ основаніе гордиться своимъ талантливымъ начальникомъ и храбрыми товарищами. Награда поощряетъ къ новымъ стараніямъ и подражаніямъ. Когда къ этому присоединяется еще благожелательность, то создается теплое чувство, вдохновляющее на *великія* дѣянія и подвиги.

Въ Аѳинахъ, находившихся подъ властью демагоговъ, случилось обратное. Форміо былъ обвиненъ за свое командованіе, которое затемняло всѣ бывшія до сихъ поръ побѣды, и былъ присужденъ къ штрафу въ 10.000 драхмъ (8.000 марокъ). Онъ не обладалъ состояніемъ, хотя и имѣлъ полную возможность набрать большія сокровища въ бытность свою въ продолженіе многихъ лѣтъ командующимъ на войнѣ. Но, будучи строго нравственнымъ, онъ презиралъ маммону и остался такимъ же бѣднымъ, какимъ былъ до командованія. Вслѣдствіе того, что онъ не смогъ уплатить вышеупомянутой суммы, его *лишили правъ гражданина*; это на него такъ подѣйствовало, что онъ вскорѣ умеръ. Онъ оставилъ по себѣ въ Акарнаніи настолько хорошую память, что вскорѣ въ Аѳины прибыло оттуда посольство, приглашавшее его сына въ предводители.

Какъ должна была подѣйствовать такая злостная несправедливость на всѣхъ порядочныхъ людей и главнымъ образомъ *на флотъ?* Несомнѣнно въ высшей степени деморализирующе: лучшія чувства, бывшія основаніемъ воинскаго духа, ведущаго къ побѣдѣ, были втоптаны въ грязь. Меньше чѣмъ въ 15 лѣтъ аѳинскій флотъ, бывшій въ эпоху Форміо въ расцвѣтѣ своей дѣятельности, пришелъ въ упадокъ. Хорошія *суда* продолжали строить и вооружать, но хорошій *духъ* среди командъ, безъ котораго не имѣетъ никакой цѣнности и самый лучшій въ матеріальномъ отношеніи флотъ, былъ уничтоженъ демагогіей съ презрѣніемъ относившейся ко всему хорошему и благородному.

III. Упадокъ Аѳинъ.

Къ концу жизни Перикла, когда онъ уже началъ старѣть и терять то личное обаяніе, которое на ряду съ его способностями такъ полно воздѣйствовало на аѳинянъ, сильное вліяніе на народъ пріобрѣли отдѣльные демагоги. Послѣдніе неоднократно возводили различныя обвиненія на Перикла и въ одномъ случаѣ даже добились его обвиненія; такъ выразилась благодарность страны, управленію которой онъ отдалъ свои силы. 237. Паденіе нравовъ въ Аѳинахъ.

Лишь начавшаяся большая война снова поставила на прежнее мѣсто этого человѣка, не имѣвшаго себѣ равныхъ въ Аѳинахъ. Но послѣ смерти Перикла (429 г. до Р. Хр.) вліяніе демагоговъ, болѣе никѣмъ не ограничиваемое, начало усиливаться больше и больше. Первой ихъ жертвой сталъ Форміо.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ упадкомъ политическимъ находился упадокъ религіозный и нравственный, при чемъ въ сущности послѣдній и послужилъ причиной перваго. Все возроставшая роскошь, явившаяся результатомъ необычайно быстраго расцвѣта Аѳинъ послѣ созданія делосскаго морского союза, вытѣснила прежнюю простоту жизни, замѣнившуюся чисто восточной пышностью и изнѣженностью; ареопагъ, — этотъ блюститель религіи и добрыхъ нравовъ, былъ лишенъ своихъ правъ аѳинянами, не терпѣвшими больше никакого надзора за собой; свободомысліе и нравственная испорченность, ничѣмъ больше не сдерживаемыя, имѣли слѣдствіемъ противуестественные пороки, въ особенности же педерастію; послѣдніе факторы, усилившіеся съ началомъ войны, сосредоточившей въ городѣ около полумилліона людей, привели къ тому, что общественная совѣсть и разумъ

людей во всѣхъ классахъ Аѳинъ сильно поколебались; личный произволъ и своекорыстіе открыто выступили впередъ. Словомъ, идеалы сложившіеся въ сердцѣ народа были разрушены и вмѣстѣ съ этимъ исчезла и безкорыстная любовь къ государству. Слѣдствіемъ всего этого явился упадокъ аѳинскаго государства и аѳинскаго флота.

Всякое важное рѣшеніе исходило попрежнему отъ общаго собранія аѳинянъ, однако сами собранія проходили уже не подъ руководствомъ уважаемыхъ гражданъ изъ старыхъ фамилій или же лицъ, обладавшихъ выдающимися въ государственномъ смыслѣ способностями, удовлетворявшихъ этимъ путемъ лишь свое честолюбіе и дѣйствовавшихъ всегда въ интересахъ государства,—вліяніемъ начали пользоваться отдѣльныя лица низшихъ сословій, съ узкимъ кругозоромъ и не совсѣмъ чистыми намѣреніями, рабы страстей, имѣвшіе лишь талантъ народныхъ ораторовъ, — нагляднымъ представителемъ этихъ людей можетъ служить Клеонъ. Справедливость была утеряна и мѣсто ея заняли злоба и жестокость.

Планомѣрное веденіе войны прекратилось, денежная наличность оказалась растраченной и для полученія новыхъ средствъ было усиленное давленіе на членовъ союза, носившихъ это названіе лишь номинально, что вызвало среди послѣднихъ сильнѣйшее ожесточеніе. Въ нѣсколько лѣтъ годовой членскій взносъ, достигавшій въ началѣ войны 600 талантовъ былъ увеличенъ болѣе чѣмъ вдвое.

238. Усмиреніе возстанія на о. Лесбосѣ.

Это побудило еще въ 428 году островъ Лесбосъ (Митилена) выйти изъ делосскаго союза и вступить въ пелопоннесскій. Въ отвѣтъ на это Аѳины, морскія силы которыхъ достигли высшей ступени своего могущества, выставили 200 кораблей для защиты береговъ, выслали 100 кораблей для веденія войны съ Пелопоннесомъ, эскадру въ 51 корабль для продолженія войны въ Халкидикѣ и отрядъ въ 40 кораблей противъ Лесбоса.

Послѣ упораго сопротивленія Митилена была вынуждена голодомъ къ сдачѣ въ 427 году до Р. Хр. На помощь имъ изъ Пелопоннеса была отправлена эскадра въ 42 корабля, но подъ спартанскимъ командованіемъ, слѣдовательно не дѣеспособная; она пришла слишкомъ поздно и не только не произвела внезапнаго нападенія на занятую Аѳинами Митилену.

но даже не остановилась у острова Лесбоса, и вернулась въ свои воды, ровно ничего не сдѣлавъ.

Тѣмъ не менѣе самый фактъ ея посылки являлся нѣкоторымъ грознымъ знакомъ, такъ какъ въ первый разъ за все существованіе союза, то есть за 50 лѣтъ, пелопоннесскія военныя суда осмѣлились появиться въ Архипелагѣ сѣвернѣе Пелопоннеса.

Но на это предостереженіе Аѳины не обратили вниманія. Далѣе послѣдовала кровавая расправа съ митиленцами. Аѳиняне рѣшили умертвить всѣхъ мужчинъ и обратить въ рабство женщинъ и дѣтей, но на слѣдующій день у нихъ проснулась еще не совсѣмъ утерянная совѣсть; было вынесено новое рѣшеніе, противоположное первому и второй триремѣ, спѣшно посланной въ догонку отправленной наканунѣ, удалось (во время перехода гребцы ѣли, не оставляя веселъ) прійти въ Митилену раньше, чѣмъ первое рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе было убито уже болѣе 1.000 лесбосцевъ. Такая ужасная жестокость является показателемъ одичанія, проявившагося среди общаго огрубѣнія нравовъ.

239. Дѣйствія въ колоніяхъ.

Къ указанному времени война стала охватывать все большую и большую площадь. Въ томъ же 427 году до Р. Хр. аѳиняне послали эскадру къ Сициліи, гдѣ іоническія и дорическія колоніи постоянно вели войны между собой и съ варварами, какъ то съ кароагенянами. Съ этого времени эскадру стали посылать туда ежегодно. Кромѣ того Аѳины перенесли военныя дѣйствія и въ Понтъ. Съ своей стороны спартанцы, постоянно предпринимавшіе то тутъ, то тамъ опустошительные набѣги на Аттику, послали подъ начальствомъ Бразида *сухимъ путемъ* черезъ Ѳессалію и Халкидику войско съ тѣмъ, чтобы захватить тамошнія аѳинскія колоніи (Амфиполь) и заставить ихъ отпасть отъ союза.

240. Занятіе Пилоса.

Слѣдуетъ упомянуть одно событіе, имѣвшее важное значеніе для войны. Въ 425 году до Р. Хр. аѳинская эскадра въ 40 кораблей отправлялась изъ Аѳинъ черезъ Корциру въ Сицилію. Одному изъ предводителей, преемнику Форміо при Наупактѣ, Демосѳену, за годъ до этого сражавшемуся неудачно на сушѣ въ Этоліи и находившемуся безъ всякаго дѣла на родинѣ, было разрѣшено предпринять *что-нибудь* противъ пелопоннесскихъ береговъ. Онъ составилъ весьма

разумный планъ, но не сообщилъ его никому въ Аѳинахъ. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы овладѣть въ Мессеніи высокой подымающейся на 150 метровъ изъ моря и окруженной со всѣхъ сторонъ водою скалистой горой, гдѣ раньше былъ расположенъ древній Пилосъ (у сѣвернаго входа въ Наваринскую бухту).

Занятіе этой горы нужно было для того, чтобы: а) обладать прочнымъ опорнымъ пунктомъ съ превосходной гаванью на непріятельской территоріи; в) опустошать, исходя изъ этого пункта, страну; с) пробудить мессенцевъ къ возстанію противъ Спарты, что было бы весьма для нея чувствительно.

Въ пути Демосѳенъ подѣлился своимъ планомъ съ остальными начальствующими и приступилъ къ его обсужденію, но послѣдніе отнеслись къ плану отрицательно. Но *случайность* благопріятствовала Демосѳену. Дурная погода привела флотъ въ Пилосскую гавань и продержала его тамъ цѣлую недѣлю. Личный составъ скучалъ отъ бездѣлья и частью отъ этого, частью же шутки ради оказалъ Демосѳену помощь въ укрѣпленіи возвышенности. Когда погода улучшилась флотъ двинулся дальше, а Демосѳенъ остался здѣсь со своими пятью лишь кораблями.

Свѣдѣнія объ этомъ, дошедшія до спартанцевъ привели послѣднихъ въ безпокойство; они отозвали сухопутное войско изъ Аттики и флотъ, насчитывавшій 60 кораблей, изъ Корциры (война съ которой тянулась уже нѣсколько лѣтъ). Они рѣшили запереть выходы изъ гаваней Пилоса, достигающіе одинъ 1.170, другой—90 метровъ ширины, расположивъ поперекъ нихъ корабли; кромѣ того на примыкающій къ бухтѣ необитаемый сплошь заросшій лѣсомъ островъ Сфактерію (около 2,5 миль длиною и 460—1.000 мт. шириною), представляющій собою хребетъ въ 100 мт. высотою, достигающій въ сѣверной оконечности 160 метровъ, спартанцы высадили сильный отрядъ изъ 420 гоплитовъ съ соотвѣтствующимъ числомъ илотовъ (всего около 3.000 человѣкъ, считая по 7 илотовъ на каждаго гоплита).

Вслѣдъ за этимъ они одновременно повели нападеніе на новое укрѣпленіе какъ съ суши, такъ и съ моря (въ продолженіе двухъ дней), при чемъ при попыткѣ десанта былъ раненъ Бразидъ.

Къ этому времени подоспѣла аѳинская помощь въ видѣ 50 триремъ, которыя ворвались черезъ оба незагражденныхъ входа въ гавань и атаковали пелопоннесскую эскадру; при этомъ вывели совершенно изъ строя много спартанскихъ кораблей и захватили пять; этимъ пока и ограничился успѣхъ аѳинянъ, такъ какъ спартанскія сухопутныя войска защитили остальныя триремы. Но съ этого момента Аѳины овладѣли моремъ и спартанцы на островѣ Сфактеріи были совершенно отрѣзаны, и оказались въ очень тяжеломъ положеніи, такъ какъ на островѣ не оказалось ничего для пропитанія ихъ, они едва могли достать необходимую для жизни прѣсную воду.

Аѳиняне блокировали островъ самымъ тщательнымъ образомъ; днемъ двѣ триремы безостановочно обходили островъ держась на контракурсахъ; ночью же всѣ суда отряда становились вокругъ острова на якорь, оставляя лишь въ случаѣ бурной погоды открытой обращенную къ морю сторону. Спартанцы приложили всѣ усилія къ тому, чтобы снабдить своихъ людей припасами; они послали ночью за высокое вознагражденіе людей въ маленькихъ челнокахъ которымъ приходилось описать большую дугу въ открытомъ морѣ, чтобы пристать съ морской стороны къ острову, совершенно неприступному съ восточной стороны. Когда послѣднимъ не удалось пробраться, были посланы черезъ проливъ пловцы, имѣвшіе при себѣ по мѣшку съ провизіей. Тѣмъ не менѣе люди на островѣ очутились въ самой острой нуждѣ; тогда прибывшіе эфоры путемъ цѣлаго ряда уступокъ добились перемирія на время посылки въ Аѳины уполномоченныхъ для веденія переговоровъ, впредь до прекращенія которыхъ спартанцы обязались сдать свои корабли и даже уполномоченные должны были отправиться въ Аѳины на аѳинской триремѣ; взамѣнъ того спартанцамъ было разрѣшено доставлять на островъ ежедневно подъ аѳинскимъ надзоромъ точно, по числу блокируемыхъ, измѣренное количество провіанта.

Посольство прибыло въ Аѳины и просило о мирѣ на выгодныхъ для Аѳинъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе на общемъ собраніи гражданъ кожевнику Клеону удалось добиться отклоненія спартанскихъ предложеній. Поэтому продолжавшееся 20 дней перемиріе было нарушено, при чемъ аѳиняне,

воспользовавшись первой попавшейся отговоркой, не только не вернули спартанцамъ ихъ 60-ти кораблей, но послали еще 20 своихъ къ острову и тогда повели нападеніе на него. Они произвели внезапную высадку, превосходя численно непріятеля, при чемъ ихъ легковооруженные воины съ метательнымъ оружіемъ имѣли на скалистой почвѣ значительное преимущество передъ гоплитами; спартанцамъ съ большими потерями удалось стянуться къ высокому утесу, на которомъ было устроено укрѣпленіе. Но легковооруженные аѳиняне окружили этотъ утесъ, и одновременно съ атакой, ведшейся съ фронта, вскарабкались на возвышенность съ тыловой стороны, и послѣ того, какъ 128 гоплитовъ были убиты, оставшіеся въ живыхъ 292 сдались въ плѣнъ,—событіе еще ни разу не имѣвшее мѣста у спартанцевъ и прямо противоположное героизму Леонида.

Съ момента внезапнаго появленія аѳинскаго флота въ гавани и морской битвы до окончательнаго сраженія на Сфактеріи прошло 72 дня. Плѣнные были отправлены въ Аѳины и содержались въ качествѣ заложниковъ на случай вторженія спартанцевъ въ Аттику. Пилосъ остался укрѣпленіемъ аѳинянъ, и опираясь на него, они опустошили весь округъ, многіе изъ илотовъ перебѣжали на ихъ сторону. Это послѣднее обстоятельство оказалось самымъ больнымъ мѣстомъ спартанцевъ. Къ тому же, продолжая предпріятіе Демосѳена, аѳиняне завладѣли въ 424 году до Р. Хр. островомъ Киѳерой (или Цитерой) и оттуда стали производить опустошительные набѣги по всему побережью Лакедемоніи. Въ дѣйствительности это былъ самый правильный образъ дѣйствій для государства владѣющаго моремъ.

241. Миръ Никіаса.

Спартанцы много разъ отправляли пословъ съ просьбой о мирѣ, но имъ ничего не удавалось сдѣлать до тѣхъ поръ пока, въ битвѣ при Амфиполѣ въ 422 году по Р. Хр., Клеонъ не былъ разбитъ Бразидомъ и не легъ на полѣ битвы.

Въ апрѣлѣ 421 года до Р. Хр. послѣдовалъ миръ (миръ Никіаса), заключенный на 50-ти лѣтній срокъ. Спартанцы вернули Амфиполь и города въ Халкидикѣ, аѳиняне очистили Пилосъ и нѣкоторыя другія мѣста, занятыя ими въ Пелопоннесѣ и выпустили на свободу плѣненныхъ на Сфактеріи.

Однако этотъ миръ былъ только кажущимся. Члены союза Коринѳъ и Ѳивы остались недовольны его условіями и продолжали войну, въ которой вскорѣ и Аѳины и Спарта оказались замѣшанными, хотя и не дѣйствовали непосредственно другъ противъ друга.

Хотя заключенный Никіасомъ миръ въ періодъ 421—415 г.г. до Р. Хр. оказался мало дѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе Аѳины не вели войнъ въ крупномъ масштабѣ, поэтому государству, благодаря его морскому могуществу и крупнымъ данямъ, быстро удалось сосредоточить въ наличіи 7.000 талантовъ (33 мил. марокъ). Народонаселеніе сильно уменьшившееся вслѣдствіе войны и чумы, также быстро возросло.

Къ тому же времени отношенія между Аѳинами и Спартой становились все напряженнѣе и напряженнѣе, соперничество обоихъ государствъ не прекращалось. Умѣренные круги стояли за миръ, болѣе честолюбивые (шовинисты) сильно мечтали о владычествѣ Аѳинъ. Открытой, прямой войны аѳиняне не хотѣли, но какъ только явилась надежда на завоеваніе крупныхъ заморскихъ областей, увлеченный демагогами народъ не смогъ устоять, имъ овладѣло желаніе завоевать Сицилію, чтобы этимъ путемъ увеличить свое могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ получить и средства для распространенія господства Аѳинъ надъ всей Греціей.

Во главѣ правленія въ это время находились Никіасъ и Алкивіадъ. Никіасъ изъ древняго рода, прекрасно воспитанный, получившій аттическое образованіе не обладалъ выдающимися способностями; скорѣе малодушный и суевѣрный, онъ былъ однако самымъ богатымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ, что и дало ему возможность продвинуться впередъ, къ тому же онъ не былъ плохимъ ораторомъ отъ природы; видя хозяйничанье демагоговъ, преслѣдованіе и осужденіе всѣхъ выдающихся людей, онъ сталъ чрезмѣрно осторожнымъ. Поэтому, въ противоположность Клеону, онъ каждый разъ отклонялъ предлагавшееся ему мѣсто главнокомандующаго во время войны, хотя и обладалъ значительнымъ военнымъ образованіемъ. Къ тому же онъ уже былъ старъ и болѣзненъ. Поэтому онъ былъ сторонникомъ мира и приложилъ немало стараній къ заключенію мира, названнаго по его имени.

Алкивіадъ, напротивъ, въ 415 году до Р. Хр. еще только перешагнувшій черезъ 30-ти лѣтній возрастъ, былъ вполнѣ сыномъ своего времени. Происходя изъ лучшаго рода, обладая блестящими дарованіями и рѣдкой физической красотой, онъ велъ распутный образъ жизни, былъ рабомъ своихъ страстей и былъ чуждъ какихъ либо правилъ. Не приходится сомнѣваться въ томъ, что онъ стремился къ тому, чтобы ввести въ Аѳинахъ самодержавіе и добился бы этого, если бы былъ человѣкомъ съ желѣзною способностью дѣйствовать и обладалъ твердостью Наполеона.—Аѳины за время ужаснаго правленія Клеона и другихъ, ему подобныхъ, дошли до такого состоянія, что такъ же какъ и французская республика въ 1800 году, легко подчинилась бы произволу самодержца.

242. Причины экспедиціи въ Сицилію.

Въ 416 году до Р. Хр. изъ Эгесты (западная Сицилія, см. карту № 16) въ Аѳины прибыло посольство съ просьбой о помощи противъ Селина, при чемъ оно заявило, что городъ обладаетъ большими сокровищами и готовъ пожертвовать ими для цѣлей войны. Это произвело впечатлѣніе на жадный къ стяжанію и наслажденію народъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, въ Эгесту были посланы уполномоченные, которымъ были показаны сокровища храма на горѣ Эриксъ (не принадлежавшаго Эгестѣ). По ихъ возвращеніи и ихъ свидѣтельства аѳинскій народъ подъ вліяніемъ страстной рѣчи Алкивіада и вопреки убѣдительнымъ предостереженіямъ Никіаса рѣшилъ отправить для завоеванія Сициліи крупную экспедицію; нужды нѣтъ, что никто не имѣлъ точнаго представленія о величинѣ и свойствахъ острова и его населенія, что экспедиція требовала *громадныхъ* средствъ, посылки огромнаго войска и флота въ такую даль.

Алкивіадъ надѣялся блестяще отличиться въ большомъ походѣ и расположить къ себѣ войска; его многочисленные враги желали его удаленія изъ Аѳинъ, чтобы за его спиной повредить ему. Характеристикой общаго разлада и отсутствія планомѣрности является то обстоятельство, что командованіе одновременно поручается не *одному*, а тремъ человѣкамъ, именно прежде всего престарѣлому и больному Никіасу, самымъ настойчивымъ образомъ противившемуся этому, затѣмъ Алкивіаду и испытанному мужу Ламаху.

Затѣмъ былъ вооруженъ громадный флотъ и снаряжено такое же войско,—все это было не только лучшимъ, но кромѣ того—въ особенности суда—блистало необычайной пышностью и роскошью (чисто восточное великолѣпіе). Конечно денежныя средства могли бы быть использованы болѣе разумно; во первыхъ на войнѣ всегда нужны деньги, а во вторыхъ все это не соотвѣтствовало серьезному характеру войны, тѣмъ болѣе умѣстна разумная простота, какъ напримѣръ на нашихъ боевыхъ корабляхъ и миноносцахъ. Нравственный упадокъ всегда проявляется и внѣшнимъ образомъ. 243. Составъ экспедиціи въ Сицилію.

Въ серединѣ лѣта 415 года до Р. Хр. флотъ съ праздничной торжественностью отплылъ изъ Аѳинъ къ Корцирѣ, гдѣ было назначено рандеву. Тамъ онъ увеличился судами многочисленныхъ членовъ союза; окончательно флотъ состоялъ изъ 134 триремъ и двухъ родосскихъ 50-ти весельныхъ судовъ (всего 27.000 чел.); войско насчитывало 5.100 гоплитовъ, 1.300 легковооруженныхъ, кромѣ того 30 человѣкъ конныхъ на особомъ транспортномъ суднѣ. Кромѣ того имѣлся громадный обозъ (транспортный отрядъ): 30 судовъ-мастерскихъ, имѣвшихъ на палубѣ мастеровыхъ всѣхъ родовъ, 100 особыхъ кораблей съ провіантомъ и громадное число коммерческихъ кораблей съ товарами всякаго рода для войска, флота и для торговли. Въ общемъ получилось громадное предпріятіе, насчитывавшее всего по крайней мѣрѣ 36.000 человѣкъ. Для управленія флотомъ, онъ былъ раздѣленъ на 3 части.

Экспедиція двинулась къ мысу Леука (Апулія), а затѣмъ прошла въ Тарентъ и дальше въ Регіумъ. Аѳиняне разсчитывали, что къ нимъ присоединятся эти греческія колоніи, но послѣднія боялись и поэтому аѳиняне почти всюду встрѣтили отказъ. 244. Переходъ экспедиціи въ Сицилію.

Въ Регіумѣ экспедиція встрѣтилась съ тремя кораблями, высланными впередъ на развѣдки; они дошли до Эгесты и вернулись къ флоту съ извѣстіемъ, что тамъ вмѣсто обѣщанныхъ богатствъ въ наличіи оказалось лишь 30 талантовъ. И настолько былъ утерянъ въ аѳинскомъ флотѣ военный духъ, что извѣстіе: „денегъ немного"—вызвало уныніе и упадокъ настроенія. Никіасъ былъ противъ того, чтобы продолжать операціи безъ денегъ, Алкивіадъ находилъ необходимымъ привлечь сперва въ число союзниковъ другіе

сицилійскіе города; Ламахъ единственно стоялъ за то, чтобы итти на Сиракузы, наиболѣе сильный городъ непріятеля, и неожиданно напасть на него воспользовавшись тѣмъ, что онъ не приготовленъ къ войнѣ. Но когда съ Ламахомъ никто не согласился, онъ присоединился къ мнѣнію Алкивіада.

Въ этомъ наглядно сказалась дурная сторона наличія трехъ командующихъ одновременно. Единственно правильный совѣтъ—наступать прямо и смѣло—не былъ принятъ. Но этотъ способъ дѣйствій обезпечивалъ успѣхъ.

245. Первыя операціи аѳинянъ въ Сициліи. Карта № 16. Алкивіадъ со своими судами отправляется въ Мессану, но получаетъ отказъ въ поддержкѣ. Тогда, получивъ десять кораблей отъ Наксоса и др. онъ посылаетъ 10 судовъ въ Сиракузскую бухту изслѣдовать мѣсто для высадки и, вернувшись, донести, но это оказывается неосуществленнымъ; весь планъ разстраивается вслѣдствіе того, что Катана неожиданно оказываетъ сопротивленіе; остатокъ флота и войска идетъ туда и начинаетъ осаду.

Вслѣдъ за этимъ флотъ проходитъ мимо Сиракузъ, направляясь кругомъ м. Пахіануса (м. Пассаро) въ Камерунъ, чтобы заручиться согласіемъ этого города, но послѣдній желаетъ остаться нейтральнымъ; тогда флотъ снова идетъ къ Катанѣ, по дорогѣ опустошаетъ Сиракузскую область, при чемъ однако же войска на берегу несутъ потери, которыя наноситъ мѣстная конница.

Въ Сиракузахъ первоначально ничего не знали о крупной авантюристической экспедиціи. Лишь по полученіи точныхъ извѣстій о томъ, что она направляется вдоль итальянскихъ береговъ, въ странѣ обезпокоились и начали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Невѣроятно медлительныя дѣйствія огромныхъ непріятельскихъ силъ и успѣхъ собственной кавалеріи вернули сиракузянамъ мужество.

246. Отозваніе Алкивіада. По прибытіи въ Катану аѳинскій флотъ засталъ тамъ корабль „Саламинія“, присланный изъ Аѳинъ съ тѣмъ, чтобы доставить туда Алкивіада и его товарищей, привлеченныхъ къ суду по обвиненію въ оскорбленіи Гермеса. Передъ уходомъ флота въ Аѳинахъ были разрушены статуи Гермеса и согласно правиламъ элевзинскихъ таинствъ, совершившій это преступленіе долженъ былъ быть наказанъ смертью, и за обнаруженіе преступника полагалось крупное вознагражденіе. Виновные не были найдены, но преступленіе при-

писали Алкивіаду; по отплытіи флота противники Алкивіада обвинили его и его товарищей въ этомъ и добились его отозванія въ Аѳины.

Кого считать правымъ Алкивіада или его противниковъ сказать трудно. Алкивіадъ все же вынужденъ былъ перейти со своими товарищами на „Саламинію" и возвращаться на ней; но въ Турисѣ (Ѳурія) скрылся вмѣстѣ съ ними, такъ какъ зналъ, что ихъ осужденіе предрѣшено. Задержать ихъ не удалось и судно вернулось на родину безъ нихъ.

Наконецъ всѣ силы были собраны вмѣстѣ, вся обстановка выяснена; однако аѳиняне не только не пошли прямо на Сиракузы, но снова армія и флотъ совмѣстно предприняли отдаленный походъ, пройдя Мессинскимъ проливомъ вдоль сѣверныхъ береговъ острова въ поискахъ союзниковъ. Въ Гимерѣ былъ полученъ отказъ; тогда аѳиняне напали на Малую Гиккару и жителей ея продали въ рабство за 120 талантовъ. Къ этому присоединились еще 30 талантовъ изъ Эгесты, такимъ образомъ денегъ стало достаточно. Затѣмъ войско сухимъ путемъ вернулось въ Катану, при чемъ по дорогѣ произвело нападеніе на Гиблу (восточнѣе Сиракузъ, недалеко отъ нихъ), но оно было отбито. **247. Поиски союзниковъ и денегъ.**

Тѣмъ временемъ сиразузяне, пріобрѣвшіе союзниковъ, какъ напримѣръ городъ Селинъ, сильно ободрились и при помощи своей кавалеріи все время безпокоили и тревожили аѳинское войско въ пути. **248. Начало операцій противъ Сиракузъ.**

Тѣмъ временемъ наступила зима, однако аѳиняне все таки рѣшили предпринять что нибудь противъ Сиракузъ, Они вызвали сиракузянъ путемъ ложныхъ извѣстій къ нападенію на свой лагерь у Катаны, но когда тѣ выступили въ походъ, аѳинскія войска сѣли на корабли и направились въ Сиракузскую бухту, высадились на правомъ берегу Анапуса, укрѣпили возвышенность Даскомъ (см. планъ № 17) и устроили стоянку для войска и флота.

Сиракузяне, напуганные этимъ, спѣшно вернулись назадъ, но были разбиты аѳинянами, превосходившими ихъ своимъ вооруженіемъ, и лишь дѣйствія сиракузской конницы спасли ихъ отъ полнаго пораженія. Такимъ образомъ у аѳинянъ оказались существенныя преимущества передъ ихъ противникомъ, но вмѣсто того, чтобы его преслѣдовать, Никіасъ приказалъ аѳинскому войску на слѣдующій же день сѣсть

на корабли, вернуться въ Катану и вновь расположиться тамъ лагеремъ. Причиной къ тому онъ выставилъ то, что 1) наступила зима, 2) у него нѣтъ конницы. Къ слѣдующей веснѣ онъ разсчитывалъ пріобрѣсти союзниковъ, конницу, хлѣбъ и деньги.

249. Изъ за нерѣшительности Никіаса Сиракузы имѣли возможность подготовиться къ оборонѣ.

По минованіи нависшей надъ Сиракузами опасности, жители по совѣту Гермократа начали серьезно и планомѣрно готовиться къ войнѣ; они прекрасно организовали войско позаботились объ оружіи, выстроили стѣну на Эпиполѣ (крутой горѣ, постепенно понижающейся къ Сиракузамъ, см. карту № 20), укрѣпили гору Олимпеіонъ на Анапусѣ и защитили мѣсто высадки рядами забитыхъ свай; наконецъ они отправили посольство въ Спарту и Коринѳъ съ просьбой о помощи.

Послѣдовавшія военныя дѣйствія настолько несущественны, что ихъ можно выпустить. Никіасъ и Ламахъ послали корабль въ Аѳины, чтобы получить конницу и т. д. и кромѣ того—что очень характерно—одинъ корабль въ Карѳагенъ и одинъ къ этрускамъ съ просьбой о помощи.

Сиракузскіе послы прибыли въ Коринѳъ, гдѣ нашли Алкивіада и его товарищей. Онъ добрался изъ Туриса (Ѳурія) до Пелопоннеса на торговомъ суднѣ и прибылъ въ Спарту съ тѣмъ, чтобы всѣми силами побудить ее къ войнѣ съ Аѳинами, при чемъ подалъ совѣты какъ дѣйствовать противъ своего отечества, чтобы нанести ему самый сильный вредъ.

Спартанцы рѣшили дѣйствовать согласно совѣтовъ Алкивіада:

1) возобновить войну противъ Аѳинъ;

2) поддержать Сиракузы.

Однако ограничились они самыми незначительными дѣйствіями. Въ 414 г. до Р. Хр. они даже не вступили въ Аттику, но только поддержали враговъ Аѳинъ на отдаленной Халкидикѣ, а въ Сиракузы не отправили, ни войска, ни флота, а лишь полководца, хотя и самаго лучшаго, котораго имѣли, именно Гилиппа, но, какъ будетъ видно, онъ оказался для Сиракузъ настолько же цѣннымъ, какъ и цѣлое войско.

Весною 414 г. до Р. Хр. Аѳиняне согласно требованій Никіаса отправили въ Катану 250 человѣкъ конницы и де-

негъ. — Теперь, когда тамъ было все необходимое, дѣло должно было подвинуться впередъ.

Въ началѣ лѣта войско на судахъ направилось къ Сиракузамъ, чтобы напасть на городъ, но аѳиняне не вошли въ бухту, какъ ожидали сиракузяне, а высадились по эту сторону города у Лаіона (см. планъ № 20) всего въ 1.200 метрахъ отъ Эпиполеи. Первые высадившіеся воины устремились кверху и овладѣли высотами безъ всякаго сопротивленія, такъ какъ сиракузское войско въ это время находилось на мѣстѣ первой высадки аѳинянъ на берегу бухты къ югу отъ устья Анапуса, т. е. отъ Эпиполеи въ разстояніи въ четыре раза большемъ, чѣмъ непріятель въ моментъ высадки. (Повидимому высадка была произведена очень быстро). Когда же они узнали о высадкѣ, то немедленно бросились на высоты, но, придя въ безпорядокъ, были разбиты и потеряли около 300 человѣкъ. 250. Нападеніе аѳинянъ на Эпиполею.

Аѳиняне немедленно устроили укрѣпленіе на вершинѣ возвышенности у сѣвернаго склона Лабдалона, затѣмъ начали сейчасъ же располагаться лагеремъ. Они рѣшили отрѣзать съ суши городъ, имѣвшій большое народонаселеніе; благодаря своему господству на морѣ, они уже достигли того же со стороны воды; не имѣя подвоза городъ долженъ былъ скоро сдаться. Вблизи отъ Эпиполеи, почти у городской стѣны, они воздвигли крестообразный фортъ и отъ него въ обѣ стороны начали строить стѣны, сперва на сѣверъ по направленію къ морю, а затѣмъ на югъ, къ бухтѣ. Корабли они расположили въ безопасномъ мѣстѣ у полуострова Тапсуса (Магнизи); при чемъ прикрыли укрѣпленіемъ узкій соединительный съ сушей перешеекъ.

Къ этому же времени къ нимъ присоединились 400 всадниковъ отъ Эгесты; поэтому они не только сравнялись съ сиракузянами, превосходившими ихъ до сихъ поръ своею конницей, но и оказались много сильнѣе послѣднихъ.

Сиракузяне, обезкураженные этимъ внезапнымъ энергичнымъ наступленіемъ и успѣхами Аѳинъ, сдѣлали попытку путемъ вылазки помѣшать постройкѣ осадныхъ стѣнъ; но были разбиты и даже въ конномъ бою оказались побѣжденными, и не смогли удержать за собой поля сраженія. Тогда они попробовали помѣшать постройкѣ аѳинянами осадныхъ стѣнъ путемъ поперечныхъ стѣнъ, и, когда это не удалось

на Эпиполеѣ, они перенесли попытку внизъ къ южнымъ стѣнамъ.

Это послужило поводомъ къ битвѣ въ низменности Анапуса, во время которой Ламахъ, слишкомъ выдвинувшійся впередъ, былъ убитъ. Но въ этотъ моментъ аѳинскій флотъ— который, по мѣрѣ того, какъ работы по устройству лагеря подвинулись впередъ, долженъ былъ бы быть переведенъ въ болѣе удобную и болѣе безопасную Сиракузскую бухту— подоспѣлъ изъ Тапсуса и началъ угрожать флангу непріятеля, вслѣдствіе чего послѣдній отступилъ.

Съ потерей Ламаха и за болѣзнью Никіаса аѳиняне оказались совершенно безъ дѣеспособнаго полководца; тѣмъ не менѣе постройка осадныхъ стѣнъ подвигалась впередъ очень дѣятельно (въ этомъ дѣлѣ аѳиняне проявили рѣдкую способность) и уже тогда была близка къ окончанію. Къ тому же аѳиняне прервали городской водопроводъ. Ихъ собственная армія и флотъ были обезпечены подвозомъ изъ Италіи на торговыхъ судахъ, такъ какъ *море было свободно.*

При видѣ крупныхъ успѣховъ аѳинянъ, колебавшіяся до сихъ поръ колоніи примкнули къ нимъ, даже этруски прислали два 50-ти весельныхъ корабля имъ на помощь.

Всѣ эти обстоятельства совершенно лишили сиракузянъ присутствія духа; въ городѣ начались безпорядки; борьба партій кончилась тѣмъ, что демократическая партія, сторонница мира, одержала верхъ, Гермократъ былъ вынужденъ сложить съ себя полномочія предводителя и къ Никіасу были отправлены парламентеры для переговоровъ о сдачѣ. Казалось, что только и остается ожидать жестокаго конца, какъ вдругъ дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ.

251. Прибытіе въ Сицилію Гилиппа совершенно измѣнило положеніе дѣлъ у Сиракузъ.

Гилиппъ въ іюнѣ 414 года до Р. Хр. прибылъ на о. Левкадію и услыхалъ тамъ, такъ какъ скверныя вѣсти всегда доходятъ въ преувеличенномъ видѣ, что Сиракузы уже совершенно отрѣзаны. Въ распоряженіи у него было всего два коринѳскихъ корабля,—спартанцы не дали ни одного своего,— къ нимъ присоединились еще два левкадскихъ. Но несмотря на такія ничтожныя силы и казавшееся безнадежнымъ положеніе, онъ все-таки двинулся въ Италію—онъ хотѣлъ спасти то, что еще можно было спасать. Онъ даже не сталъ дожидаться еще 15 триремъ, еще не законченныхъ вооруженіемъ (опять таки не спартанскихъ),—онѣ должны были слѣдовать

за нимъ позднѣе. По выходѣ изъ Туриса (Θуріи), отказавшей въ помощи, Гилиппъ былъ отнесенъ въ море штормомъ отъ норда, повредилъ свои триремы, но не сбился съ пути, а вернулся въ Тарентъ, исправилъ свои суда и двинулся дальше въ Локры.

Никіасъ слышалъ о приближеніи Гилиппа, но человѣкъ, стоящій во главѣ лишь четырехъ кораблей казался ему не заслуживающимъ особаго вниманія. Когда тотъ двинулся дальше, Никіасъ, чтобы поймать его, отправилъ также всего лишь 4 триремы въ Регіумъ, но онѣ пришли слишкомъ поздно: Гилиппъ уже прошелъ Мессинскій проливъ и направился вдоль сѣвернаго берега, въ Гимеру, дружественную Спартѣ.

Здѣсь онъ, какъ спартанецъ, вытащилъ свои корабли на сушу, вооружилъ ихъ экипажъ, какъ сухопутныхъ воиновъ, и собралъ вспомогательное войско отъ Гимеры, Селина и др.; всего же около 2.000 человѣкъ гоплитовъ, легковооруженныхъ и всадниковъ. Съ ними онъ двинулся въ іюлѣ 414 года до Р. Хр. черезъ островъ къ Сиракузамъ.

Въ концѣ 414 года до Р. Хр. когда Гилиппъ приближался къ городу, который велъ въ это время переговоры о сдачѣ, туда пробралась одна изъ прибывшихъ коринѳскихъ триремъ, находившаяся подъ командой способнаго командира Гонгила (повидимому путь отъ коринѳскаго залива до Сиракузъ былъ сдѣланъ безостановочно). Онъ внушилъ сиракузянамъ мужество и, сообщивъ о приближеніи Гилиппа, побудилъ ихъ одновременно съ его нападеніемъ произвести вылазку. Этимъ удалось отвлечь вниманіе аѳинянъ отъ Гилиппа и тотъ первый же натискъ направилъ на плохо защищенный Лабдалонъ—ему удалось овладѣть возвышенной позиціей, потерять которую можно было лишь, сдѣлавъ оплошность. Затѣмъ онъ вступилъ въ городъ черезъ отверстіе въ не совсѣмъ законченной сѣверной осадной стѣнѣ.

Одновременно съ этимъ сиракузяне добились успѣха, хотя и очень незначительнаго на *морѣ* (Гонгилъ): имъ удалось взять отдѣльно вошедшую въ бухту и неосмотрительно ставшую тамъ на якорь аѳинскую трирему.

Всѣ обстоятельства измѣнились *однимъ* ударомъ; эти успѣхи и вступленіе Гилиппа вдохнули новый духъ въ сира-

кузянъ, духъ наступательнаго мужества, хотя при первой же вылазкѣ и битвѣ они были разбиты; но вина въ этомъ падаетъ на Гилиппа, который такъ неудачно выбралъ мѣсто. что конница не могла быть пущена въ дѣло; но уже во второй битвѣ они побѣдили и выстроили поперечную стѣну на Эпиполеѣ, чѣмъ уничтожили надежду аѳинянъ на возможность совершенно отрѣзать городъ.

Наконецъ прибыли еще 12 коринѳскихъ триремъ; Никіасъ выслалъ противъ нихъ двадцать триремъ, но тѣмъ удалось ускользнуть. При этихъ условіяхъ Никіасъ, считавшій было себя уже близко къ цѣли, отказался отъ надежды завладѣть Сиракузами, нападая съ суши; онъ увидѣлъ, что владычеству Аѳинъ на *морѣ*, отъ котораго зависѣла связь съ родиной, угрожаетъ опасность, и поэтому рѣшилъ перенести центръ тяжести войны на море, на флотъ.

Какъ воздѣйствовать съ моря на Сиракузы, онъ и самъ не представлялъ себѣ ясно; онъ не былъ человѣкомъ способнымъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ, но боялся въ то же время отказаться отъ предпріятія, сознавая, что въ такомъ случаѣ будетъ казненъ въ Аѳинахъ. Поэтому онъ перевелъ суда—которыя до того стояли между Даскономъ и Анапусомъ—южнѣе въ бухту, образованную Племмеріономъ, и защитилъ ихъ съ суши свайнымъ загражденіемъ, а съ моря—рядомъ торговыхъ кораблей, прочно установленныхъ на якоряхъ. Входы въ этомъ загражденіи закрывались тяжелыми подвижными балками (шлагбаумы), на концахъ которыхъ имѣлись „дельфины“, т. е. тяжелые приспособленные для внезапнаго опусканія свинцовые грузы, съ заостренной къ низу стороной, такъ что они могли пробивать непріятельскія суда. Корабли находились за загражденіемъ, но не на берегу, а вопреки обыкновенію на якоряхъ,—хотя это по воззрѣніямъ Никіаса и было неблагопріятно для ихъ содержанія. Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ приближенія сиракузскихъ кораблей быстро можно было посадить на свои триремы людей и изготовиться къ бою. Команды жили на берегу въ лагерѣ.

Въ то же время Никіасъ для защиты входа въ бухту распорядился укрѣпленіемъ Племмеріона тремя фортами, однимъ большимъ и двумя маленькими, въ которыхъ хранилась военная касса и склады провіанта для арміи и флота,

и между прочимъ такелажъ 40 триремъ, который въ данное время былъ ненуженъ на судахъ.

Хотя новое мѣсто имѣло передъ прежнимъ много преимуществъ, оно все-таки имѣло тотъ недостатокъ, что не только прѣсной воды, но и дровъ не имѣлось по близости и ихъ приходилось приносить издалека. Между тѣмъ сиракузская конница, треть которой была расположена въ укрѣпленіи на Олимпеіонѣ, дѣлала окрестности небезопасными и наносила страшный вредъ отдѣльнымъ отрядамъ, отправлявшимся на фуражировку. Вслѣдствіе этого, аѳиняне потеряли многихъ прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, изъ числа гребцовъ *многіе* перешли на непріятельскую сторону, такъ что личный составъ оказался сильно ослабленнымъ.

Одновременно съ этимъ въ Сиракузахъ Гилиппъ, который опытнымъ взглядомъ увидѣлъ, что въ данное время вопросъ войны долженъ былъ рѣшиться *на морѣ*, взялся за возстановленіе морского могущества Сиракузъ съ той энергіей, которую онъ умѣлъ вложить во всякое дѣло. И въ большой и въ малой гаваняхъ были основаны верфи, собранъ строевой лѣсъ, отстроены новыя триремы, исправлены поврежденныя, при чемъ учителями въ судостроеніи явились коринѳяне; ихъ триремы послужили ядромъ флота, который, будучи перевооруженъ и снабженъ командным составомъ, сталъ затѣмъ—и все это на глазахъ аѳинянъ—дѣятельно обучаться. **252. Гилиппъ создалъ морскую силу Сиракузъ.**

Для защиты верфей и якорныхъ стоянокъ кораблей отъ непріятельскаго нападенія сиракузяне устроили *загражденіе изъ свай*, при чемъ сваи были частью вбиты отвѣсно и нѣсколько возвышались надъ водой, частью же были забиты подъ водой наклонно съ тѣмъ, чтобы наскочившее на нихъ судно было бы повреждено съ носа.

Въ теченіе зимы Гилиппъ объѣхалъ Сицилію въ цѣляхъ завербованія союзниковъ, что ему удалось вездѣ за исключеніемъ мелкихъ городовъ, тогда какъ Никіасъ просидѣлъ въ своемъ лагерѣ въ бездѣйствіи.

Къ концу 414 года до Р. Хр. обѣ стороны отправили въ Грецію пословъ съ просьбой о помощи. Никіасъ, не довѣряя своимъ посламъ, отправилъ собственноручное письмо, въ которомъ представилъ положеніе вещей въ самомъ жалкомъ видѣ: аѳиняне оказались окруженными со всѣхъ сто-

ронъ стѣнами и конницей, корабли испорчены, морскихъ офицеровъ слишкомъ мало, командный составъ ослабленъ, порядокъ и точность службы исчезли; вся Сицилія противъ Аѳинъ и къ тому же ожидаются подкрѣпленія отъ Пелопоннеса, — необходимо прислать помощь, иначе послѣдуетъ сдача. Въ концѣ письма онъ настойчиво просилъ о своемъ отозваніи по болѣзни. Въ общемъ получалась печальная картина для предводителя большой военной силы, находящейся въ опасномъ положеніи.

Но Аѳины, вѣрнѣе демагоги въ непонятномъ ослѣпленіи, а можетъ быть руководимые другими чувствами, поступили обратно тому, о чемъ просилъ Никіасъ. Посылка помощи была рѣшена, но отозваніе Никіаса отклонено. Въ концѣ года, т. е. въ серединѣ зимы, въ Сиракузы былъ посланъ Эвримедонъ съ 10 кораблями и 120 талантами; этимъ и ограничилось пока участіе Аѳинъ, гдѣ однако скоро провѣдали о томъ, что коринѳяне готовятъ для Сициліи сильныя войска и флотъ; тогда къ Наупакту, была отправлена эскадра въ 20 судовъ съ тѣмъ, чтобы преградить непріятелю путь въ западное море, до сихъ поръ такъ близоруко оставлявшійся открытымъ. За Эвримедономъ въ январѣ 413 года до Р. Хр. послѣдовалъ во главѣ 65 кораблей и 1.200 гоплитовъ Демосѳенъ, и третья эскадра въ 30 кораблей была отправлена въ Аргосъ. Опасность со стороны Сиракузъ сознавалась настолько мало, что обоимъ начальствующимъ было приказано сперва совмѣстно опустошить берега Пелопоннеса, затѣмъ дальше итти лишь Демосѳену, Харпклу же вернуться обратно.

Но спартанцы, вяло ведшіе войну въ истекшемъ году, теперь, послѣ настойчивыхъ просьбъ со стороны Сиракузъ и другихъ городовъ, усердно начали рядъ выступленій. Весною они напали на Аттику, опустошили Декелейю, кромѣ того отправили изъ Талмарона (Матанинъ) 900 гоплитовъ въ Сицилію; коринѳяне также отправили 700, но изъ Киллены, такъ какъ Ріонскій проливъ былъ запертъ. Ихъ эскадра въ 25 судовъ недалеко отъ Наупакты встрѣтилась съ аѳинской.

Тѣмъ временемъ въ Сиракузахъ Гилиппъ вмѣстѣ съ поставленнымъ, благодаря ему же, на первое мѣсто Гермократомъ, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать

боеспособнымъ сиракузскій флотъ; они предполагали напасть на аѳинскій до прибытія подкрѣпленія изъ Аттики или по крайней мѣрѣ вынудить его къ бою. Оба упорно отстаивали свою точку зрѣнія, основываясь на томъ, что все дѣло можетъ рѣшиться лишь *морскимъ* сраженіемъ, что и аѳиняне, которыхъ такъ всѣ боятся на морѣ, не были прирожденными моряками, но стали таковыми потому, что ихъ вынудили къ этому персы. Наконецъ, въ іюнѣ 413 г. до Р. Хр. все было готово и было рѣшено повести нападеніе одновременно на сушѣ и на морѣ.

253. Битва въ іюнѣ 413 г. до Р. Хр. Планъ № 17.

Гилиппъ повелъ сухопутныя войска ночью на Племмеріонъ окружной дорогой, нисколько не опасаясь, что можетъ быть замѣченнымъ, такъ какъ сиракузская конница господствовала надъ всей областью внѣ аѳинскаго лагеря. Утромъ, съ наступленіемъ разсвѣта, одновременно вышли изъ большой гавани 35 триремъ и изъ малой 45 и устремились на бонъ, составленный изъ судовъ (всего 80 триремъ).

Аѳиняне, зорко слѣдившіе за всѣмъ, быстро посадили людей на 60 триремъ и выслали ихъ на встрѣчу непріятелю: 25 триремъ противъ 35 изъ большой гавани, и 35 противъ 45 сиракузскихъ, вышедшихъ изъ малой гавани. Послѣдняя группа сошлась при входѣ въ бухту, первая посреди бухты (см. планъ № 17) и бой начался. Аѳинское войско собралось на берегу и стало наблюдать за битвой; гарнизонъ фортовъ Племмеріонъ, увидавъ, что бой на морѣ происходитъ совсѣмъ близко отъ него у входа въ гавань, занялся исключительно тѣмъ, что происходитъ на водѣ. Въ это время неожиданно [1]) появился Гилиппъ со своимъ войскомъ и внезапно овладѣлъ большимъ фортомъ, а затѣмъ двумя малыми. Части гарнизона удалось спастись на судахъ или добраться до аѳинскаго лагеря, тѣмъ не менѣе аѳиняне потеряли массу людей и Гилиппу удалось завладѣть военной кассой и всѣми громадными запасами аѳинянъ, сложенными въ фортѣ.

Когда сражавшіяся у входа въ гавань аѳинскія триремы увидѣли взятіе Племмеріона, онѣ, будучи сильно стѣснены численнымъ преимуществомъ сиракузянъ, бросились назадъ къ загражденію; въ это время сиракузяне, еще новички въ морскомъ бою, сдѣлали ошибку слишкомъ горячо принявшись за

[1]) Принципъ внезапности. *Ред.*

преслѣдованіе. Они вскорѣ нарушили порядокъ, многія ихъ суда свалились другъ съ другомъ, поломали весла и получили поврежденія. Этимъ сейчасъ же воспользовались аѳиняне, вернувшіе присутствіе духа; они дружно въ порядкѣ напали на сиракузскія суда, пустили значительное число ихъ ко дну, остальныхъ же обратили въ бѣгство и преслѣдовали вплоть до малой гавани. Передъ большой гаванью битва (какъ кажется) имѣла тотъ же исходъ — побѣда осталась на сторонѣ аѳинянъ, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ и на упадокъ духа, вызванный взятіемъ Племмеріона. Аѳиняне потеряли только три корабля, тогда какъ у сиракузянъ были утоплены 11 судовъ и три взяты.

254. Операціи сиракузскаго флота въ морскомъ тылу аѳинянъ.

Тѣмъ не менѣе выигрышъ сиракузянъ за этотъ день превысилъ потери. Что касается достигнутаго на сушѣ результата, то взятіе Племмеріона можно считать событіемъ крупной важности, такъ какъ съ этого момента въ ихъ владѣніи оказались оба берега у входа въ гавань, достигающаго всего 1.040 метровъ; какъ со стороны города, такъ и около Племмеріона, сиракузяне расположили свои суда, въ цѣляхъ защиты послѣдняго, а также и съ тѣмъ, чтобы отрѣзать аѳинянамъ выходъ въ море. Сиракузскія войска, расположенныя въ укрѣпленіяхъ, изъ которыхъ Гилиппъ уничтожилъ самый маленькій фортъ, а два другихъ укрѣпилъ, являлись не только не совсѣмъ удобными сосѣдями для морского лагеря аѳинянъ, но и постоянной угрозой. И такъ какъ за аѳинскимъ флотомъ, стоявшимъ въ глубинѣ бухты, велось самое точное наблюденіе, сиракузяне почувствовали себя почти хозяевами моря — во всякомъ случаѣ оно было совершенно свободно для нихъ, чѣмъ они и воспользовались немедля, выславъ въ Италію эскадру изъ 11-ти судовъ, чтобы *помѣшать подвозу* аѳинянъ. Она встрѣтилась съ аѳинскимъ транспортнымъ отрядомъ, имѣвшимъ между прочимъ деньги для осаждающихъ, и уничтожила большое число непріятельскихъ транспортовъ; кромѣ того она сожгла значительное количество судостроительнаго лѣса, заготовленнаго въ Колоніи для Аѳинъ. Наконецъ, она встрѣтила транспорты съ тремя стами беотійскихъ гоплитовъ, отправленныхъ весной изъ Тенарума, взяла ихъ въ плѣнъ и доставила на своихъ судахъ въ Сиракузы. Аѳинскому отряду въ 20 кораблей встрѣтившемуся около Мегары (близъ Гапсуса, къ

сѣверо-западу отъ него), удалось захватить лишь одно судно, десять остальныхъ благополучно вернулись въ Сиракузы.

Но все-таки послѣ битвы аѳиняне еще оставались хозяевами бухты; вскорѣ они сдѣлали попытку прорваться сквозь *свайное загражденіе* передъ большой гаванью и уничтожить расположенныя за нимъ суда и т. п. Съ этой цѣлью они устроили на одномъ изъ крупныхъ торговыхъ кораблей башню, на которой установили метательныя машины и снабдили судно горизонтальнымъ брустверомъ (?), т. е. щитомъ для прикрытія на палубѣ людей отъ непріятельскаго метательнаго оружія. Это судно они подвели вплотную къ свайному загражденію и, удерживая метательнымъ оружіемъ непріятеля на значительномъ разстояніи, заложили со шлюпокъ стропы на сваи, торчавшія изъ воды и частью вытащили ихъ изъ грунта помощью шпилей, частью же обломали; наклонныя сваи были спилены водолазами. Имъ удалось, несмотря на дѣйствія непріятеля метательнымъ оружіемъ разрушить большую часть загражденія, однако ночью или въ то время, когда погода помѣшала нападенію, сиракузяне возвели новый рядъ свай; поэтому аѳинянамъ не удалось ничего предпринять противъ кораблей и верфей. **255. Нападеніе на свайное загражденіе. Планъ № 18.**

Въ то же время, т. е. весною 413 года до Р. Хр. назначенная въ помощь Никіасу аѳинская эскадра съ войскомъ подъ командованіемъ Демосѳена собралась около Эгины, а затѣмъ у пелопоннесскихъ береговъ соединилась съ отрядомъ Харикла въ 30 кораблей съ аргивійскими гоплитами. Затѣмъ флотъ двинулся дальше, вдоль лакедемонскаго побережья, опустошая его по пути, при чемъ былъ занятъ одинъ плохо защищенный пунктъ, подобный Пилосу, и тамъ былъ оставленъ гарнизонъ. Хариклъ остался тамъ нѣкоторое время, а затѣмъ вернулся съ аргивійцами домой; Демосѳенъ же двинулся дальше къ Корцирѣ, присоединяя къ себѣ по дорогѣ войска и корабли іоническихъ острововъ. **256. Морское сраженіе у Эринеи въ Коринѳскомъ заливѣ.**

По пути онъ получилъ просьбу о помощи отъ командовавшаго аѳинской эскадрой у Наупакты (Кононъ); располагая лишь 18 кораблями, тотъ просилъ о подкрѣпленіи, такъ какъ коринѳяне выступили противъ него съ 25 кораблями. Демосѳенъ отдѣлилъ ему въ помощь 10 триремъ — далѣе я забѣгу нѣсколько впередъ, чтобы закончить разсказъ объ этомъ. Конона (повидимому) вслѣдъ затѣмъ смѣнилъ другой

начальникъ (Дифилъ), приведшій съ собою еще 5 кораблей. и уже онъ двинулся противъ коринѳянъ, силы которыхъ достигали 30 кораблей. Коринѳяне (подъ начальствомъ Поліанта) расположились на берегу Ахаіи у Еринеи, почти на 2 мили восточнѣе Ріона, въ неглубокой бухтѣ, упираясь въ ея берега флангами, защищенными, такимъ образомъ, сухопутными силами. Сначала ихъ флотоводецъ не былъ расположенъ принять бой, памятуя пораженія въ прежнихъ бояхъ, гдѣ аѳиняне превосходили своими силами, здѣсь же они тоже были сильнѣе. Но потомъ, рѣшившись, онъ въ строѣ фронта двинулъ флотъ на аѳинянъ, ожидавшихъ его передъ бухтой.

Въ этой битвѣ впервые проявило свое дѣйствіе изобрѣтенное коринѳянами нововведеніе въ кораблестроеніи. Въ то время какъ триремы были вообще насколько можно легкой постройки, коринѳяне укрѣпили носъ и установили тамъ далеко выдающіяся впередъ съ сильными крѣпленіями *упорныя балки* въ родѣ имѣвшихся на парусныхъ судахъ кать- и фишъ-балокъ, но только установленныхъ по діаметральной плоскости триремы. Назначеніемъ этихъ балокъ было не дать тарану непріятельскаго судна коснуться своего носа и въ то же время врѣзаться въ носъ непріятеля. Въ этомъ бою аѳинянамъ, примѣнявшимъ тактику тарана, удалось пустить ко дну только 3 триремы коринѳянъ, тогда какъ послѣдніе хотя и не уничтожили ни одного непріятельскаго судна, но зато нанесли семи аѳинскимъ триремамъ — и большей частью помощью упорныхъ балокъ—настолько сильныя поврежденія, что сдѣлали ихъ совершенно небоеспособными.

Затѣмъ флоты раздѣлились: коринѳяне пошли въ бухту, аѳиняне вернулись къ Наупактѣ, поэтому битва не имѣла сколько-нибудь рѣшающаго значенія. Коринѳяне рѣшили, что успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ въ этой битвѣ, въ которой число аѳинскихъ кораблей было весьма значительно, и воздвигли знакъ побѣды,— впрочемъ не безъ основанія, если принять во вниманіе, насколько выросла ихъ боеспособность по сравненію съ боями, бывшими всего шестнадцать лѣтъ тому назадъ при Форміо, когда ихъ флотъ, превосходившій непріятельскій сперва въ два, а затѣмъ и въ семь разъ, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Но свою прямую задачу проводить вспомогательное пелопоннесское войско въ Сиракузы коринѳская эскадра конечно не выполнила.

Изъ Корциры Демосѳенъ, къ которому присоединился вернувшійся изъ Сиракузъ Эврнмедонъ, съ флотомъ направился въ Италію обычнымъ путемъ сперва къ мысу Леука, а затѣмъ вдоль побережья. По пути онъ повсемѣстно собиралъ войска и частью отъ того, частью же потому, что сухопутныя силы двигались по берегу рядомъ съ нимъ, онъ сильно задержался, хотя дошедшее до него извѣстіе о сиракузской битвѣ и говорило о томъ, что положеніе становится опаснымъ. Такимъ образомъ сиракузяне имѣли время привести въ порядокъ свои суда, увеличить ихъ число и достаточно обучить эскадру, чтобы *до прибытія* подкрѣпленія еще разъ вынудить аѳинскій флотъ къ бою. 257. Послѣдствія замедленій въ прибытіи подкрѣпленій къ аѳинскому флоту.

По совѣту коринѳянина Аристона они снабдили свои триремы описанными выше упорными балками, и сдѣлали тараны короче и крѣпче. Вообще говоря, способъ сражаться носомъ къ носу слѣдуетъ конечно считать лишь доказательствомъ незнакомства съ правильнымъ маневрированіемъ—при правильномъ маневрированіи необходимо попадать *въ бортъ* непріятелю; но въ данномъ случаѣ, въ бухтѣ шириною всего 1.900 метровъ, такой способъ сраженія имѣлъ тѣмъ большія преимущества, что здѣсь нельзя было такъ маневрировать, какъ на широкомъ пространствѣ открытаго моря, гдѣ есть мѣсто для поворачиванія и для разбѣга, и гдѣ Форміо, правильно маневрируя, стяжалъ себѣ славу. Здѣсь аѳиняне были принуждены сражаться *въ тѣснотѣ*, и тутъ то выступила ихъ собственная слабость и сила ихъ врага.

Никіасъ совсѣмъ не былъ склоненъ къ тому, чтобы принять новый бой до прибытія Демосѳена; но сиракузяне со дня на день стали вести себя все болѣе и болѣе вызывающе по отношенію къ аѳинянамъ, высмѣивали ихъ, какъ трусовъ, и производили нападенія на загражденіе изъ судовъ. Наконецъ у остальныхъ аѳинскихъ начальниковъ терпѣніе лопнуло и аѳиняне вышли въ бой.

Гилиппъ и на этотъ разъ намѣревался повести нападеніе одновременно съ суши и съ моря; самъ онъ сталъ во главѣ войска, нападавшаго со стороны шедшей къ бухтѣ осадной стѣны, а другой полководецъ со стороны Олимпеіона; въ это же время сиракузскій флотъ, вновь достигшій численностью 80 кораблей (такимъ образомъ 14 потерянныхъ триремъ были замѣнены новыми) двинулся на аѳинскій. Аѳиняне успѣли 258. Второй морской бой въ Сиракузской бухтѣ. Іюль 413 г. до Р.Хр. Планъ № 18.

посадить людей на 75 триремъ (прошлый разъ на 60) и двинулись ему навстрѣчу. Въ этотъ день какъ на сушѣ, такъ и на морѣ все свелось къ результатамъ первой битвы, т. е. больше къ демонстраціи и перестрѣлкѣ, хотя все-таки 1 или 2 корабля у аѳинянъ были потоплены.

Слѣдующій день не внесъ измѣненій въ положеніе обѣихъ сторонъ. Тогда сиракузяне по совѣту Аристона прибѣгли къ хитрости, заготовивъ заранѣе на берегу обѣдъ для всѣхъ судовыхъ командъ (около 16.000 чел.) Предобѣденное время прошло какъ и въ предыдущій день, въ ожиданіи. Съ наступленіемъ обѣденнаго времени сиракузяне вернулись къ себѣ въ гавань, дали командамъ быстро пообѣдать и черезъ короткое время вышли въ полномъ порядкѣ, готовые къ бою [1]). Аѳиняне, только-что приступившіе къ обѣду, были застигнуты врасплохъ быстрымъ непріятельскимъ наступленіемъ. Поспѣшно посадивъ людей на суда, они вышли на встрѣчу врагу, но были атакованы сиракузянами прежде, чѣмъ успѣли выстроиться въ боевой порядокъ. Въ завязавшейся битвѣ послѣднимъ удалось нанести ударъ въ носъ многимъ аѳинскимъ кораблямъ; многочисленные стрѣлки, находившіеся на сиракузскихъ корабляхъ, выбили у аѳинянъ много народу. Еще больше аѳинянъ было выведено изъ строя сиракузскими шлюпками, которыя, окруживъ непріятельскіе корабли, и проходя подъ веслами аѳинскихъ триремъ, копьями наносили раны людямъ, сидѣвшимъ на веслахъ. Такимъ образомъ сиракузяне одержали побѣду и принудили аѳинянъ къ отступленію за загражденіе. Во время преслѣдованія сиракузяне такъ разгорячились, что прорвались въ ворота загражденія; два ихъ корабля были пробиты „дельфинами“ и затонули, а одинъ былъ захваченъ при посредствѣ заградительныхъ балокъ. Этимъ и ограничились потери сиракузянъ, тогда какъ у аѳинянъ было пущено ко дну 7 кораблей и многіе оказались настолько поврежденными, что стали совершенно небоеспособными. Кромѣ того потеря въ людяхъ была у аѳинянъ очень значительна.

259. Побѣда сиракузянъ на морѣ надъ

Такимъ образомъ *аѳиняне были первый разъ побѣждены на морѣ* врагомъ, превосходившимъ ихъ лишь небольшимъ числомъ судовъ.

---

[1]) Примѣнили принципъ внезапности. Форма примѣненія—хитрость и быстрый обѣдъ командъ. *Ред.*

Теперь побѣдители-сиракузяне обладали не только берегомъ по обѣ стороны входа, но и самымъ входомъ, и могли препятствовать подвозу, столь необходимому для аѳинянъ. аѳинянами доставила имъ союзниковъ.

Со стороны суши сиракузяне, благодаря стараніямъ Гилиппа, получили значительныя подкрѣпленія,—съ перемѣной счастья измѣнилось отношеніе къ нимъ большей части городовъ острова; почти всѣ, за исключеніемъ Агригента, пожелавшаго и впредъ остаться нейтральнымъ, послали вспомогательныя войска—гоплитовъ и легковооруженныхъ, или же конницу. Городъ Гела, кромѣ того, прислалъ еще пять триремъ.

Аѳинское войско, запертое въ своемъ лагерѣ, куда сиракузская конница не допускала подвоза припасовъ (а изъ ближайшихъ окрестностей давно уже ничего нельзя было достать), оказалось наравнѣ съ корабельными командами, въ стѣсненномъ положеніи. Кромѣ того, съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, усилилась болотная лихорадка въ болотистой Анапской низменности.

Повторныя неудачи во всѣхъ предпріятіяхъ и длительная бездѣятельность лишили бодрости аѳинское войско, и оно упало духомъ,—словомъ цѣль, къ которой съ большимъ трудомъ и большими жертвами стремились Гилиппъ и сиракузяне, была достигнута.

260. Прибытіе аѳинскихъ подкрѣпленій.

Когда гибель уже казалась аѳинянамъ неизбѣжной, внезапно въ бухту при звонкомъ трубномъ звукѣ безпрепятственно вошелъ уже давно и тщетно ожидавшійся аѳинянами флотъ Демосѳена. Онъ состоялъ изъ 80 блестящихъ триремъ съ войскомъ, насчитывавшимъ до 5.000 однихъ только гоплитовъ, и транспортовъ съ деньгами, оружіемъ, осадными машинами и боевыми припасами всѣхъ родовъ.

Съ приходомъ флота Демосѳена положеніе дѣлъ сразу совершенно измѣнилось. Испуганные сиракузяне стали считать окончаніе войны, казавшееся при прежнемъ положеніи вещей столь близкимъ, теперь отодвинутымъ на долгое время.

Напротивъ того, у аѳинянъ снова поднялся духъ при видѣ свѣжихъ и внушительныхъ боевыхъ силъ. Тѣмъ временемъ Демосѳенъ, какъ только осмотрѣлся, пришелъ къ выводу, что необходимо немедленно рѣшиться на что-нибудь; онъ намѣревался использовать моральное впечатлѣніе, про-

изведенное на обѣ стороны прибытіемъ флота, и энергично напасть на врага. Никіасъ же, обратно, высказывался за выжидательный образъ дѣйствій. Онъ имѣлъ извѣстіе изъ Сиракузъ, что тамъ утомлены войной, что Гилиппъ всѣми ненавидимъ, что средства у сиракузянъ истощены и они отягчены долгами—словомъ и здѣсь вопросъ о *деньгахъ* имѣлъ рѣшающее значеніе.

261. Неудача ночного нападенія аѳинянъ на Эпиполею. Другіе предводители однако присоединились къ мнѣнію Демосѳена, и было произведено нѣсколько небольшихъ вылазокъ, имѣвшихъ цѣлью своего рода упражненіе для войска. Въ этихъ вылазкахъ была произведена попытка разрушить при помощи привезенныхъ осадныхъ машинъ сиракузскія поперечныя стѣны, которыя препятствовали сомкнуть осадныя стѣны съ юго-западной стороны. Но осадныя машины были сожжены сиракузянами и нападеніе аѳинянъ было отбито.

Тогда Демосѳенъ со всѣмъ войскомъ предпринялъ ночное нападеніе на Эпиполею. Въ началѣ оно имѣло успѣхъ, и нѣсколько отрядовъ сиракузянъ было разбито, но при дальнѣйшемъ наступленіи на городъ аѳиняне пришли въ разстройство и беотійскіе гоплиты, нападавшіе сомкнутымъ отрядомъ въ темнотѣ, пришли въ замѣшательство. Аѳиняне уже не отличали враговъ отъ своихъ и были частью сброшены съ крутого обрыва, частью обращены въ бѣгство. Одними только убитыми они потеряли 2.500 человѣкъ.

Этотъ повторный успѣхъ снова вернулъ увѣренность сиракузянамъ, до того не отваживавшимся на нападенія ни съ суши ни съ моря. Неутомимый Гилиппъ снова предпринялъ путешествіе по городамъ острова, чтобы побудить ихъ къ новому набору войскъ (ради уничтоженія чужеземцевъ), и Сиракузы послали даже эскадру въ 15 кораблей подъ начальствомъ Сикана для покоренія Агригента, гдѣ обнаружилась борьба партій.

Аѳиняне же наоборотъ снова пали духомъ, увидѣвъ, что прежнее опасное положеніе не улучшилось, къ тому же усилилась болотная лихорадка (уже наступилъ августъ 413 г., до Р. Хр.).

262. Аѳинянамъ пришлось думать объ Теперь Демосѳенъ рѣшительно настаивалъ на отступленіи, *пока оно еще возможно морскимъ путемъ*: вѣдь гораздо правильнѣе было бы сражаться со спартанцами въ Декелейѣ,

а не изнурять себя бездѣльно здѣсь, вдали отъ родины. По крайней мѣрѣ нужно было поскорѣй выйти изъ теперешняго несчастнаго положенія и выбраться изъ узкой бухты въ Катану или Тапсусъ, гдѣ *флотъ могъ бы сражаться въ открытомъ морѣ.* Поэтому онъ настаивалъ на *скорѣйшемъ* уходѣ. **отступленіи пока не поздно.**

Эвримедонъ присоединился къ этому мнѣнію, но Никіасъ *изъ боязни отвѣтственности* передъ аѳинскимъ народомъ считалъ себя не въ правѣ отступать безъ его согласія. Онъ закрываетъ глаза на все окружающее и не боится открыто высказать, что лучше умереть, сражаясь, чѣмъ быть на родинѣ обвиненнымъ народнымъ собраніемъ, подкупленнымъ правящими демагогами, и быть приговореннымъ къ смерти.

Своими упорными возраженіями Никіасъ вызвалъ вторичное промедленіе и далъ Сикану время вернуться со своей эскадрой изъ Агригента и Гилиппу войти съ новыми многочисленными вспомогательными войсками въ Сиракузы. Въ числѣ этихъ войскъ находились отплывшіе весной изъ Тенарума спартанскіе гоплиты (о беотійскихъ было уже сказано выше), которые сбились съ пути у Ливіи, а потомъ съ помощью греческихъ моряковъ изъ Кирены дошли, идя вдоль берега, до Неаполиса (передъ Карѳагеномъ), тамъ легли на ONO и прибыли въ Селинъ. Съ этими новыми силами можно было ожидать немедленнаго *наступленія съ суши и съ моря.*

Въ виду этихъ обстоятельствъ и все усиливавшейся болотной лихорадки, унесшей во множествѣ людей, Демосѳенъ и Эвримедонъ безъ согласія Никіаса приготовились къ отступленію, котораго настоятельно требовали войско и флотъ.

Когда все уже было готово къ отплытію, люди посажены на суда, вечеромъ 27-го августа 413 г. до Р. Хр. наступило полное лунное затменіе. Оно привело въ ужасъ большую часть совершенно изнервничавшихся аѳинянъ, а больше всѣхъ особенно суевѣрнаго Никіаса, прорицатель котораго незадолго передъ тѣмъ умеръ. Было рѣшено отложить отплытіе еще на „трижды девять дней“, т. е. на мѣсяцъ. Это было равносильно смертному приговору для всей огромной боевой силы, состоявшей по крайней мѣрѣ изъ 50.000 человѣкъ.

Сиракузяне, хорошо освѣдомленные обо всемъ, что происходило въ аѳинскомъ лагерѣ поспѣшили воспользоваться этимъ промедленіемъ, чтобы окончательно погубить врага.

263. 3-я битва 29 (?) авг. 413 г. до Р. Хр. Планъ № 19.

Произведя небольшую вылазку, они, день спустя послѣ нея, напали по обычной манерѣ Гилиппа всѣми силами одновременно съ суши и съ моря на аѳинянъ. Противъ 76 сиракузскихъ кораблей аѳиняне выставили 86, такъ что одинъ аѳинскій флангъ имѣлъ превосходство силъ по сравненію съ противоположнымъ вражескимъ. Эвримедонъ, командовавшій этимъ крыломъ, хотѣлъ фланкировать врага и обойти съ тыла, но, будучи мало знакомъ съ глубинами бухты, сѣлъ на мель съ 7-ью кораблями и оказался отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ. Атакованный сиракузскими кораблями, онъ рѣшилъ искать спасенія на берегу, но тотъ оказался занятымъ сиракузскими войсками и Эвримедонъ палъ въ битвѣ, потерявъ свои семь судовъ и ихъ команды.

Этотъ эпизодъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на сражавшіеся вблизи аѳинскіе корабли; тѣснимые сиракузянами они обратились въ бѣгство. За ними въ полномъ безпорядкѣ послѣдовалъ и остальной флотъ. Но не всѣмъ кораблямъ удалось достичь безопаснаго якорнаго мѣста за загражденіемъ; большинство ихъ было загнано къ берегу на NW отъ загражденія.

Слѣдившій за всѣмъ Гилиппъ поспѣшилъ къ этому мѣсту съ цѣлью напасть съ берега, но навстрѣчу ему бросились тиррентскіе союзники и ему пришлось отступить. Тогда сиракузяне приготовили *брандеръ* изъ стараго купеческаго судна, наполнивъ его смолою, хворостомъ и т. п. горючими матеріалами, зажгли его и пустили по вѣтру на приткнувшіеся къ берегу аѳинскіе корабли. Но пріемъ этотъ не удался; аѳиняне и тутъ выказали себя искусными моряками. Они вышли на шлюпкахъ навстрѣчу брандеру, потушили огонь и отвели брандеръ на буксирѣ въ сторону.

Но все же аѳиняне потеряли 18 кораблей и, кромѣ Эвримедона еще 2.000 человѣкъ, а сиракузяне одержали *блестящую* побѣду надъ сильной дотолѣ морской державою.

264. Поворотный пунктъ въ морскомъ могуществѣ Аѳинъ.

Эта битва была *первой*—и поэтому особенно замѣчательной—битвой, въ которой аѳиняне были не только осилены, но и совершенно разбиты болѣе *слабымъ* по численности врагомъ.

Она была определяющимъ поворотнымъ пунктомъ въ пелопоннесской войнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотнымъ пунктомъ величія аѳинскаго морского могущества, равно какъ и величія самихъ Аѳинъ.

Ближайшимъ естественнымъ слѣдствіемъ этой битвы было у аѳинянъ полное паденіе духа, а у сиракузянъ же обратно—подъемъ и увѣренность въ побѣдѣ. Послѣдніе теперь только и думали объ *уничтоженіи* врага,—цѣль, которую Гилиппъ поставилъ себѣ уже давно, и для достиженія которой онъ уже безъ сомнѣнія давно выработалъ опредѣленный планъ.

Было немедленно приступлено къ *загражденію входа въ бухту*, который имѣлъ отъ южнаго конца Ортигіи до маленькаго скалистаго островка сѣвернѣе Племмеріона въ длину немного болѣе 1.000 метровъ при глубинѣ въ средней части 5—15 саженъ. Поперекъ входа были поставлены на якоряхъ триремы, купеческія суда и шлюпки, соединенныя между собою цѣпями. Для сношенія въ цѣляхъ обороны суда были соединены между собою переходными досками и настилами. Въ три дня было закончено это огромное сооруженіе—*первое загражденіе бухты*, о которомъ упоминается въ исторіи. Сиракузскій флотъ держался съ внутренней стороны загражденія (т. е. въ большой гавани), вполнѣ готовый къ бою на тотъ случай, что врагъ попытается прорвать загражденіе.

265. Сиракузяне заградили для аѳинянъ выходъ изъ бухты.

Однако аѳиняне не сдѣлали ни одной попытки помѣшать постройкѣ загражденія (не потому ли, что очень упали духомъ?), хотя имъ должно было быть ясно, что этой постройкой у нихъ отрѣзанъ послѣдній выходъ. Только тогда, когда началъ ощущаться недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, Никіасъ, вынужденный безвыходнымъ положеніемъ, избралъ для спасенія тотъ путь, отъ котораго такъ упорно отказывался, когда тотъ былъ еще открытъ.

Войско покинуло свой лагерь въ Анапской низменности и скучилось на мѣстѣ стоянки командъ флота, кое-какъ тамъ укрѣпившись.

Пришлось изготовить къ плаванію такое число судовъ, чтобы только принять всѣхъ людей. Изъ имѣвшихся налицо 200 триремъ и множества транспортовъ можно было снарядить только 110 триремъ изъ-за недостатка веселъ. Носовыя части были поспѣшно укрѣплены противъ упорныхъ балокъ

сиракузянъ и снабжены, кромѣ того, крѣпкими желѣзными абордажными крюками. Въ случаѣ удачнаго примѣненія эти крюки крѣпко удерживали тараненный корабль и послѣдній легко могъ быть взятъ на абордажъ. Въ предвидѣніи преимущественно такого боя на триремы посадили много гоплитовъ и стрѣлковъ, при чемъ сдѣлать это пришлось бы все равно, такъ какъ надо было забрать съ собою всѣхъ людей. Если бы удалось прорваться черезъ загражденіе, то корабли должны были немедленно уходить какъ можно дальше; въ противномъ случаѣ рѣшено было сжечь корабли и отступить на сушу.

Сиракузяне въ свою очередь приняли противомѣры. Имѣя свѣдѣнія, какъ и обо всемъ, объ абордажныхъ крюкахъ, они обили носовыя части своихъ судовъ звѣриными шкурами для того, чтобы крюки соскальзывали, не захватывая корабля. Кромѣ своихъ 76-ти триремъ они вооружили много мелкихъ судовъ, годныхъ для боевыхъ цѣлей. Они выстроили свои силы въ одну длинную линію передъ загражденіемъ поперекъ входа, а далѣе по дугѣ вплоть почти до сѣвернаго закругленія бухты.

266. 4-я битва. План № 20. Аѳиняне со своими 110 судами пошли въ бой и полнымъ ходомъ бросились къ оставленному въ загражденіи проходу. Имъ удалось прорвать непріятельскую линію, но они не смогли перескочить черезъ цѣпи, связывавшія два сосѣднихъ корабля въ загражденіи. Тутъ они оказались въ центрѣ всего сиракузскаго флота и принуждены были отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ прорваться черезъ загражденіе. Вскорѣ въ тѣсной бухтѣ по крайней мѣрѣ между 200 кораблями завязался безпорядочный и ожесточенный бой. Обѣ стороны дѣйствовали оружіемъ съ величайшимъ упорствомъ и ожесточеніемъ.

Войска обѣихъ сторонъ слѣдили за боемъ съ берега, жители Сиракузъ наблюдали со стѣнъ города. У обѣихъ сторонъ было потеряно много кораблей, пущенныхъ ко дну таранными ударами, неменьшее число было разбито упорными балками и взято въ абордажномъ бою; неоднократно 3—4 корабля сваливались вмѣстѣ.

Послѣ долгой кровавой битвы аѳинскіе корабли, сражавшіеся подъ стѣнами города, не выдержали, несмотря на свое значительное численное превосходство, и обратились въ

бѣгство. За ними мало-по-малу послѣдовали остальные. Какъ и въ предыдущемъ сраженіи началось безпорядочное бѣгство. Не всѣмъ аѳинскимъ кораблямъ удалось скрыться за своимъ загражденіемъ и многіе изъ нихъ, преслѣдуемые врагомъ, бѣжали къ берегу, гдѣ ихъ команды были спасены сухопутнымъ войскомъ. Аѳиняне потеряли не менѣе 50-ти кораблей, сиракузяне же 26—28. Потери аѳинянъ людьми достигали по меньшей мѣрѣ 8—10.000 человѣкъ.

Глубокое отчаяніе овладѣло аѳинянами, совершенно утратившими дисциплину; никто не давалъ себѣ труда укрыть уцѣлѣвшіе корабли или даже предать землѣ тѣла убитыхъ, что раньше почиталось первой и священной обязанностью. Демосѳенъ настаивалъ на томъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня сдѣлать внезапную попытку снова пройти черезъ загражденіе. Но деморализація аѳинскихъ моряковъ, до сихъ поръ носившихъ названіе „царей моря“ была настолько велика, что они отказывались итти на свои суда.

Въ виду всего этого было рѣшено покинуть *флотъ* и произвести отступленіе на сушѣ и то не сразу, а послѣ нѣкотораго промедленія, оказавшагося впослѣдствіи роковымъ. Корабли должны были быть сожжены, а припасы, какихъ только нельзя взять съ собой, уничтожены. Но къ выполненію всего этого приступили лишь два дня спустя, благодаря чему сиракузянамъ удалось забрать еще 50 триремъ. Больные и раненые были брошены, и наконецъ на третій день послѣ битвы началось отступленіе. Отступало всего 40.000 человѣкъ и къ тому же безъ всякаго обоза. 267. **Аѳиняне уничтожили остатки своего флота и рѣшили прорваться сухимъ путемъ.**

Но благодаря предусмотрительности и энергіи Гилиппа, который хорошо учелъ задержку въ отступленіи, было сдѣлано все для того, чтобы *ни одинъ* человѣкъ не могъ уйти. Аѳиняне повсюду были опережены и путь въ гористой, неровной мѣстности былъ всюду имъ прегражденъ. Теперь они подвергались безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны войскъ Гилиппа. 268. **Гибель экспедиціи.**

Въ началѣ Никіасъ разсчитывалъ пройти въ Катану, обойдя Сиракузы, но, вслѣдствіе принятыхъ Гилиппомъ мѣръ, это оказалось невозможнымъ. Тогда онъ попытался пойти въ южномъ направленіи. Но вскорѣ изъ-за трудности продовольствованія пришлось раздѣлить войско на двѣ части, что облегчило непріятелю задачу задержать дальнѣйшее движе-

ніе.—Черезъ 6 дней, измученные непрерывными сраженіями и лишеніями, потерявъ всякую способность сопротивляться, оба отряда аѳинскаго войска принуждены были наконецъ сдаться на милость побѣдителя, — Никіасу на колѣняхъ пришлось вымаливать у Гилиппа прекращенія убійства его людей.

По Діодору въ эти дни пало 18.000 человѣкъ, по Плутарху еще болѣе Изъ взятыхъ въ плѣнъ Демосѳенъ и Никіасъ были лишены жизни, не аѳиняне были проданы въ рабство, а аѳиняне и около 7.000 союзниковъ изъ Сициліи и Италіи были посажены въ глубокія и холодныя ямы въ каменоломняхъ, гдѣ большая часть ихъ, незащищенная отъ непогоды и лишенная самыхъ элементарныхъ заботъ (выдавалась лишь половина пищи, полагавшейся каждому рабу), погибла отъ голода и грязи.

Такъ окончилось это задуманное въ крупномъ масштабѣ предпріятіе,—величайшее изъ всѣхъ дотолѣ предпринимавшихся цивилизованными націями. Фактъ полнаго уничтоженія, до послѣдняго корабля, до послѣдняго воина всѣхъ аѳинскихъ силъ является единственнымъ въ своемъ родѣ въ военной исторіи. Въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ разрѣшеніе пелопоннесской войны, великой борьбы между Спартой и Аѳинами, между могуществомъ на сушѣ и на морѣ.

Послѣдствія вытекаютъ не изъ матеріальныхъ потерь, такъ какъ, хотя онѣ и были относительно велики, Аѳины все же были въ состояніи быстро выставить сильный флотъ. Но *моральное* впечатлѣніе, созданное уничтоженіемъ аѳинскаго флота подъ Сиракузами послѣ безпрерывныхъ и упорныхъ сраженій, оказало вліяніе и на вновь возстановленныя морскія силы аѳинянъ. *Чары* аѳинскаго морского могущества были разрушены и не могли быть возстановлены больше.

269. Коренныя причины паденія могущества Аѳинъ.

Весьма интересно не только съ исторической, но и съ военной точки зрѣнія разсмотрѣть причины, которыя привели къ тому, что морская сила, незнавшая дотолѣ на морѣ соперничества и смѣло и увѣренно всего лишь 16 лѣтъ тому назадъ вступавшая въ борьбу съ противникомъ, превосходившимъ ее по численности въ два и въ четыре раза, теперь въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ постепенно пришла въ такой упадокъ, что, несмотря на значительное превосходство силъ, была совершенно разгромлена.

Въ чемъ причина того, что тѣ, кто еще недавно считались первыми моряками въ мірѣ, изъ *страха* передъ врагомъ, еще недавно очень незначительнымъ, не только не рѣшались вступить на палубу своихъ кораблей, но даже отказывались повиноваться своимъ начальникамъ?

Коснувшись отдѣльныхъ моментовъ предпріятія частью раньше, частью же при изложеніи самого предпріятія, я хочу подвести краткій итогъ всему.

Главныя причины—неудачи предпріятія лежатъ не во внезапномъ измѣненіи государственнаго строя, а въ постепенной перемѣнѣ формъ землевладѣнія и государственнаго аристократическаго строя Солона, вытѣснявшагося неограниченнымъ народовластіемъ (демократія), что и завершилось безусловнымъ проведеніемъ *принципа равенства* всѣхъ гражданъ.

Въ немъ лежитъ полное непризнаніе того естественнаго положенія, по которому люди созданы природою совершенно различными. Равенство всѣхъ въ государствѣ ведетъ къ господству такихъ, которые, льстя толпѣ, умѣютъ тѣмъ или другимъ способомъ либо подкупить ее (подкупъ при помощи средствъ государства; при Клеонѣ повышеніе жалованья), либо импонировать ей: и исторія учитъ, что люди всегда достигали власти при участіи безпощаднаго эгоизма и произвола.

Самыми худшими тиранами являются достигшіе власти демагоги—право и законъ для нихъ не имѣютъ никакого значенія, гражданъ они подвергаютъ пыткамъ, зрѣлища воспрещаются. Счастье для государства, если такой человѣкъ сумѣетъ сдѣлаться единодержавнымъ, какъ Цезарь, Кромвель, Наполеонъ и др.

Но неизбѣжно приходитъ въ упадокъ то государство, гдѣ не найдется такого человѣка и гдѣ демагогія распоряжается продолжительное время.

Все это особенно поучительно для *флота*. Флотъ есть столь нужное и трудное, постоянно требующее величайшаго и равномѣрнаго попеченія дѣло, что, когда колеблется управленіе государствомъ, прежде всего это отражается на флотѣ. Это весьма убѣдительно показываетъ французская революція; даже геній самого Наполеона былъ не въ состояніи въ 15 лѣтъ привести въ боевую готовность французскій флотъ,

совершенно разстроенный господствомъ террора. Поэтому всякій, имѣющій отношеніе къ флоту, долженъ быть заинтересованъ въ сохраненіи существующаго порядка вещей, въ консервативной политикѣ (не считаясь съ отдѣльными партійными ученіями). Господство демагоговъ дѣйствуетъ деморализующе также и на военныя силы.

Историческіе примѣры показываютъ, какъ невыгодно вліяло господство демагоговъ *на веденіе войны*; напр. депутаты конвента при войскѣ и флотѣ, каковымъ былъ депутатъ Сенъ Жанъ Бонъ Андре (St. Jean Bon André) въ сраженіи 1 іюня 1794 г., точно также Гамбетта при командующемъ Луарской арміей въ 1870—71 г.г.

Но наиболѣе яркимъ примѣромъ является экспедиція въ Сиракузы. Рѣшеніемъ поставить во главѣ ея трехъ, имѣвшихъ одинаковыя полномочія, вождей было не соблюдено простѣйшее условіе для успѣшнаго веденія войны, по которому абсолютно необходимымъ является *единство* руководства всѣми военными начинаніями. Раздѣленіе отвѣтственности вызвало нерѣшительность и полумѣры въ дѣйствіяхъ флота и арміи.

Сказалось вліяніе и того, что командованіе было противъ воли навязано престарѣлому, больному Никіасу и что въ товарищи ему былъ данъ—съ цѣлью удаленія изъ Аѳинъ—безхарактерный Алкивіадъ, пользовавшійся дурной славой и не имѣвшій довѣрія у благоразумной части гражданъ. Имѣлъ значеніе также выборъ самого по себѣ дѣятельнаго, но не обладавшаго, вслѣдствіе бѣдности, вліяніемъ Ламаха, который и занялъ поэтому подчиненное положеніе.

Раздѣленіе власти между тремя лицами ложно по своимъ основаніямъ; выборомъ же *этихъ трехъ* предводителей была предрѣшена неудача всей экспедиціи, конечно, если не считать, что непріятель отъ одного страха могъ сложить оружіе.

Пагубное вліяніе всеобщаго равенства и свободы обнаруживается далѣе въ униженіи всего высокаго и благороднаго, въ паденіи добрыхъ нравовъ, въ грубомъ *матеріализмѣ*, господство котораго проникло въ народъ и было особенно сильно среди такъ называемыхъ „высшихъ 10.000“. Всѣмъ управляетъ всемогущая *маммона* и все вращается вокругъ нея, какъ нѣкогда кружились евреи вокругъ золотого тельца

и какъ это было въ Германіи въ 1870—71 г.г. при уплатѣ французами военной контрибуціи. Яркимъ подтвержденіемъ этого является то обстоятельство, что Никіасъ постоянно просилъ денегъ.

Между тѣмъ:

а) поводъ къ экспедиціи подали мнимыя богатства Эгесты;

б) начальники были окружены пышностью, корабли были вооружены и обставлены роскошно;

в) при снаряженіи экспедиціи встрѣчалось много подлоговъ, фальшивые списки (замѣстительство);

г) когда (въ Регіумѣ) оказалось, что въ Эгестѣ имѣется лишь 30 талантовъ, всѣ пришли въ смятеніе, но не потому, что были выведены этимъ изъ заблужденія, а потому, что ими овладѣло малодушіе; всего охотнѣе они отказались бы теперь отъ экспедиціи и вернулись обратно;

д) Никіасъ до самаго конца разсчитывалъ на сдачу Сиракузъ, основываясь на томъ, что тамъ нѣтъ *денегъ* и т. д.

О высокихъ благородныхъ цѣляхъ у аѳинянъ уже не было рѣчи: *маммона* подавила всѣ идеалы. Характерно то, что такой ничтожный, низкій лишенный всякихъ высокихъ стремленій человѣкъ, какимъ былъ Никіасъ, могъ играть такую роль лишь потому, что былъ *богатъ*.

270. Разборъ сицилійской экспедиціи съ военной стороны.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію военной стороны экспедиціи мы увидимъ, что она распадается на три періода.

1) Съ ухода экспедиціи прошелъ годъ въ теченіе котораго ничего положительнаго не было сдѣлано, лишь непріятель былъ *предупрежденъ*, что побудило его вооружиться.

2) На второй годъ наконецъ начались энергичныя дѣйствія; Ламахъ уже почти былъ близокъ къ цѣли, но тутъ произошла перемѣна въ положеніи, благодаря Гилиппу и коринѳской эскадрѣ. Затѣмъ—пріостановка и приготовленіе Сиракузъ къ крупнымъ дѣйствіямъ.

3) Далѣе начало этихъ дѣйствій; удары безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ до тѣхъ поръ, пока, несмотря на прибытіе сильныхъ аѳинскихъ подкрѣпленій, не наступилъ конецъ,—черезъ три мѣсяца врагъ былъ уничтоженъ.

Первый годъ былъ потерянъ безрезультатно, что указываетъ на *недостаточность правильныхъ воззрѣній на войну*;

война является мѣриломъ силъ; перерывы въ военныхъ дѣйствіяхъ часто бываютъ вызваны непреодолимыми причинами, бываютъ нерѣдко и преднамѣренными (Гилиппъ затратилъ 9 мѣсяцевъ, чтобы укрѣпиться и снарядить флотъ). Но если вполнѣ снаряженная крупная военная сила высылается съ опредѣленною цѣлью, то въ случаяхъ выжидательныхъ дѣйствій она всегда сколько-нибудь да проигрываетъ. При подобныхъ условіяхъ единственно правильнымъ является насколько возможно быстрое устремленіе къ цѣли, безъ потери времени.

Если выдающійся даровитый полководецъ, какимъ былъ Алкивіадъ, къ тому же имѣвшій боевой опытъ, не присоединился къ мнѣнію Ламаха на военномъ совѣтѣ въ Регіумѣ, то вполнѣ можно предположить, что личный интересъ побуждалъ его говорить противъ своей совѣсти—это предположеніе вполнѣ допустимо, такъ какъ Алкивіадъ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ правилъ.

Что непосредственное рѣшительное нападеніе на Сиракузы, пока тамъ еще не успѣли приготовиться, привело бы къ цѣли, показало годомъ позже произведенное нападеніе.

Недостатки въ *тактической* области обнаруживаются въ выборѣ лагернаго мѣста для войска въ Анапской низменности вмѣсто здороваго, неприступнаго Эпиполейскаго плоскогорья; равнымъ образомъ и въ выборѣ стоянки для флота въ бухтѣ, которую слѣдовало бы перемѣнить съ того времени, какъ Сиракузы стали сильны на морѣ, такъ какъ бои въ бухтѣ для аѳинянъ были *неблагопріятны*.

Въ области *морской тактики* особенно замѣчательно коринѳское измѣненіе носа корабля для боя „штевнемъ къ штевню", именно *упорныя балки*, разсчитанныя для сраженій въ узкостяхъ. Удивительна безрезультатность аѳинскихъ тактическихъ пріемовъ, что показываетъ бой Дифила (у Наупакты). Корабли тѣ же самые, матеріалъ наилучшій, но какъ предводитель, такъ и команды совершенно другіе.

271. Новые техническіе пріемы. Въ этой войнѣ были примѣнены *новшества* частью въ береговыхъ бояхъ, частью же въ собственно прибрежной войнѣ. Сюда надо отнести:

1) Поставленныя сиракузянами, частью *подъ водой*, свайныя загражденія, служившія для защиты кораблей и верфи.

2) Устроенныя съ той же цѣлью аѳинянами *суповыя загражденія* съ запирающимися воротами, шлагбаумами и дельфинами.

3) *Абордажные крюки*, употреблявшіеся еще со временъ Перикла. Здѣсь же были примѣнены крюки особаго рода въ видѣ руки съ когтями.

4) *Брандеры*, сохранившіеся до новѣйшаго времени; они могутъ причинить *значительный* вредъ, но присутствіе духа и быстрая, дѣятельная работа атакуемыхъ по большей части дѣлаетъ ихъ безопасными.

5) *Загражденіе бухты* сиракузянами, обычное и въ новѣйшее время при помощи минъ и т. п.,—новое искусство.

Такое разнообразіе боевыхъ и оборонительныхъ средствъ указываетъ на значительные успѣхи техники; особеннаго вниманія заслуживаетъ выполненное въ три дня и вполнѣ достигшее своей цѣли загражденіе бухты длиною въ 1.000 метровъ, указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ на предусмотрительность, смѣлость и способность къ дѣйствіямъ руководителей.

Это загражденіе сдѣлало осаду достопамятной для военно-морской исторіи.

Слѣдуетъ также отмѣтить *силу случая* на войнѣ, какъ напримѣръ это имѣло мѣсто во время полнаго луннаго затменія 27-го августа 410 г. до Р. Хр.; помимо того событіе это является убѣдительнымъ доказательствомъ того, какое вліяніе на войну оказываетъ степень культурности даннаго народа. **272. Значеніе случая.**

Конечно можетъ случиться, въ особенности же съ флотомъ, что штормъ (случай), морское теченіе и т. п. могутъ серьезно помѣшать, принести вредъ, а подчасъ и погубить предпринятое, но здѣсь имѣло мѣсто не *матеріальное* воздѣйствіе, а исключительно нравственное, распространившееся при наличіи суевѣрія на всѣхъ; и то, что событіе произошло при совершенно ясномъ небѣ, ночью и передъ самымъ отплытіемъ аѳинскаго флота, оказало роковое дѣйствіе. Такимъ образомъ *случай* является здѣсь причиною гибели большой военной силы и оказываетъ существенное вліяніе на исходъ достопримѣчательной войны.

Дѣйствительное и рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ также и *моральный* элементъ. **273. Моральный элементъ. Гилиппъ и Никіасъ.**

Что можетъ сдѣлать дѣятельный офицеръ, даже лишенный руководства, показываетъ поступокъ коринѳянина Гон-

гипа, командира первой триремы, которая одна вошла въ Сиракузы въ то время, когда городъ уже готовъ былъ сдаться аѳинянамъ.

Но болѣе всего выдѣляется изъ всѣхъ *Гилиппъ*—предводитель, который можетъ служить для насъ великимъ примѣромъ

Вмѣсто флота и войска Спарта послала его одного на помощь сильно стѣсненнымъ Сиракузамъ. Онъ долженъ былъ отыскать въ Коринѳѣ корабль и, имѣя при себѣ еще другой, безпрепятственно дошелъ до Левкадіи, такъ какъ аѳиняне опоздали заблокировать Ріонскій проходъ. Въ Левкадіи Гилиппъ получилъ свѣдѣнія, что Сиракузы заперты со всѣхъ сторонъ и что положеніе дѣлъ тамъ безнадежно. Онъ однако не допустилъ игру до проигрыша. Не видя возможности спасти Сиракузы, онъ рѣшилъ использовать въ Италіи и Сициліи все, что только могло помочь дѣлу родины.

Сколько нибудь значительныхъ военныхъ силъ у него не было, но къ двумъ коринѳскимъ кораблямъ присоединились еще два левкадійскихъ, и съ этими силами онъ выступилъ противъ очень сильнаго врага. Гилиппа не могли сбить съ толку ложныя извѣстія, равнымъ образомъ не смутилъ и штормъ, повредившій его корабли и отнесшій его изъ Туриса (Θуріи) въ море; онъ твердо шелъ къ своей цѣли.

Слишкомъ осторожный, чтобы итти въ Сиракузы, онъ, учитывая возможность быть пойманнымъ бдительными аѳинянами, прошелъ вдоль сѣвернаго берега, вытащилъ корабли на берегъ, обратилъ корабельныя команды въ сухопутныхъ воиновъ, и съ этимъ маленькимъ войскомъ пошелъ навстрѣчу сильному непріятелю. И ему удалось внезапно напасть на Лабдалонъ, вступить въ городъ и помѣшать аѳинянамъ сомкнуть осадное кольцо. Когда же сиракузяне въ первой же схваткѣ были разбиты, онъ беретъ на себя вину, чтобы не лишить ихъ бодрости духа. Вотъ примѣръ выдающагося ума и самоотверженія.

Принимая во вниманіе положеніе вещей и соотношеніе силъ, должно признать достойной самой высокой оцѣнки исключительную, почти граничащую съ дерзостью, *смѣлость* Гилиппа. И успѣхъ оказался на его сторонѣ, ибо счастье помогаетъ смѣлымъ. Ardentem fortuna juvat!

Лишь только городъ былъ обезопасенъ со стороны суши, онъ прекращаетъ сухопутныя операціи и помышляетъ только о выступленіи противъ врага *на морѣ*, хотя оно и не является его стихіей и хотя руководство морскими операціями не находится въ его рукахъ (знаніе, смѣлость, пренебреженіе своею личностью въ интересахъ дѣла — рѣдкое величіе души).

Не давая себѣ ни на минуту отдыха, онъ пускаетъ въ ходъ все, что только нужно; заботится при участіи коринѳянъ объ устройствѣ верфи и о защитѣ ея отъ вражескихъ нападеній, объ изысканіи денежныхъ средствъ и матеріаловъ для постройки судовъ, равно какъ и о самой ихъ постройкѣ и вооруженіи, объ обученіи судовыхъ командъ.

Все это было приведено въ исполненіе въ 9 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ удерживался отъ военныхъ дѣйствій съ цѣлью настолько собраться съ силами, чтобы сиракузяне увѣренно могли выступить въ бой съ сильнымъ непріятельскимъ флотомъ.

Какъ мы видѣли раньше, сиракузяне, хотя и сражались превосходно, были побѣждены въ этомъ бою, но лишь потому, что слишкомъ горячо принялись за преслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе Гилиппу глубоко продуманнымъ и отлично выполненнымъ взятіемъ Племмеріона удалось уравновѣсить проигрышъ пріобрѣтеніемъ этого форта.

Для лучшей охраны входа въ бухту онъ располагаетъ корабли и съ внѣшней ея стороны, посылаетъ эскадру въ Италію для захвата аѳинскихъ транспортовъ и, снова приведя флотъ въ боевую готовность, наноситъ аѳинянамъ ударъ за ударомъ. Въ каждомъ изъ четырехъ сраженій, происходившихъ на протяженіи слѣдующихъ 3 мѣсяцевъ, успѣхъ выпадаетъ на долю сиракузянъ; наконецъ у непріятеля отступленіе отрѣзано и съ моря и съ суши и это приводитъ его къ окончательной гибели.

Гилиппъ проявляетъ во всѣхъ областяхъ неутомимую дѣятельность, твердость характера, предусмотрительность и энергію, рѣшительность и дерзкую отвагу,—рѣдко встрѣчаемыя въ столь высокой степени. Особенно выдающимися его качествами являются способность овладѣть не только любымъ положеніемъ, но и владѣть самимъ собою, самоотверженіе, подчиненіе своихъ личныхъ интересовъ инте-

ресамъ дѣла; благодаря всему этому, онъ доводитъ каждую поставленную себѣ цѣль до самаго конца.

Такой полководецъ, помимо всего, обладалъ способностью вселять *воинскій духъ* въ своихъ подчиненныхъ. Нравственныя къ тому основанія: твердость въ вѣрѣ и вѣрности, привычка къ дисциплинѣ и порядку, конечно, были уже заложены въ каждомъ человѣкѣ и во всемъ народѣ. Развитіе этихъ качествъ въ солдатахъ мирнаго времени вытекаетъ отсюда, а сознаніе общности военнаго дѣла при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, чувство собственнаго достоинства будитъ гордость своимъ призваніемъ.

Но только путемъ временнаго крайняго напряженія силъ и прежде всего путемъ побѣдоносныхъ дѣйствій этотъ духъ можетъ достичь той наибольшей высоты, при которой войско напрягаетъ всѣ свои силы. И только въ лучшемъ смыслѣ этого слова воодушевленный солдатъ временами *желаетъ* такого напряженія, онъ охотно отдаетъ всѣ свои силы и отдаетъ всего себя на то, чтобы достичь цѣли, къ которой стремится (напр. выполненіе приказанія начальника).

Но онъ въ то же время ожидаетъ и въ правѣ ожидать, что *цѣль* дѣйствительно *заслуживаетъ стремленія*, что его дѣйствія не безцѣльны, что всѣ затраченныя усилія и принесенныя жертвы не напрасны.

Это чувство и этотъ духъ и внушилъ Гилиппъ сиракузянамъ.

Это и дало имъ мужество выступить на морѣ противъ аѳинянъ и побѣдить ихъ, дѣйствуя съ тѣмъ упорствомъ и самоотверженіемъ, какое проявили сиракузяне во всѣхъ четырехъ сраженіяхъ въ бухтѣ.

Какъ уже было сказано, Гилиппъ доходилъ до жестокости и умѣлъ ненавидѣть, но былъ совершенно нелюбостяжателенъ и неподкупенъ.

Рѣзкую и печальную противоположность ему представляетъ собой Никіасъ, знатный, важный и нелишенный способностей человѣкъ, обладавшій личнымъ мужествомъ и военнымъ опытомъ, имѣвшій не мало успѣховъ, но мелочной, суевѣрный, а главное не имѣвшій того *нравственнаго* мужества, которое не боится брать на себя отвѣтственность.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно рѣзкое различіе между обоими полководцами въ области военной: Никіасъ высту-

шаетъ въ походъ съ большими, прекрасно вооруженными и снабженными всѣмъ необходимымъ, силами, и все время проситъ и получаетъ съ родины *сильныя* подкрѣпленія деньгами, кораблями, войскомъ и военными припасами; все это не даетъ ему ни одного положительнаго результата, все предпріятіе въ цѣломъ постыдно погибаетъ—Гилиппъ же наоборотъ *все* (кромѣ 12 коринѳскихъ и др. триремъ и 1.600 посланныхъ вслѣдъ гоплитовъ) дѣлаетъ и достаетъ самъ, и съ этими разнохарактерными, частью импровизированными силами достигаетъ блестящаго успѣха.

Германскій флотъ еще молодъ, хотя вдвое старше японскаго, и пережилъ еще немногое; но въ Никіасахъ—конечно не со стороны военной неудачи, къ которой еще не было повода—у него не было недостатка. Если бы изъ него въ случаѣ надобности, когда начнется война, вышелъ бы Гилиппъ!

Съ уничтоженіемъ Сиракузами аѳинскихъ боевыхъ силъ закончились военныя дѣйствія между Спартой и Аѳинами въ Сициліи, но продолжались еще въ Греціи. **274. Конецъ пелопоннеско войны.**

Узнавъ о пораженіи Аѳинъ, Хіосъ, Самосъ, Византія и другіе союзники отпали отъ нихъ и перешли къ пелопоннесскому союзу. Они уже давно тяготились ярмомъ аѳинской демагогіи и только ждали подходящаго случая. Но самый городъ Аѳины былъ все еще настолько богатъ и могуществен, что вторично могъ выставить новый флотъ,

Вслѣдствіе отпаденія отъ Аѳинъ этихъ союзниковъ, разыгралась война на востокѣ на берегу Малой Азіи отъ Византіи и до Родоса; въ то же время въ Аттикѣ Декелея въ продолженіе долгаго времени все еще оставалась занятой, городъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ сушей, и вся область подверглась сильному опустошенію.

Внутреннія неурядицы въ Греціи привели къ тому, что обѣ стороны домогались благосклонности и золота персидскихъ сатраповъ, которые 50 лѣтъ тому назадъ покорно просили Аѳины о мирѣ. Алкивіадъ, расчеты котораго не оправдались въ Спартѣ, снова перешелъ на сторону аѳинянъ; приговоренный нѣкогда къ смерти, какъ государственный измѣнникъ, этотъ человѣкъ, причинившій Аѳинамъ столько вреда, напр. побудившій ихъ къ занятію Де-

келеи, былъ теперь принятъ съ распростертыми объятіями и поставленъ во главѣ флота; все это является показателемъ безхарактерности какъ самого Алкивіада, такъ и аѳинскаго народа.

Далѣе произошелъ рядъ морскихъ столкновеній—Пелопоннесъ, которому Сицилія прислала въ помощь эскадру, сталъ снова силенъ на морѣ—въ Пропонтидѣ, Геллеспонтѣ и у мало-азійскаго побережья; эти сраженія оканчивались попеременно побѣдой то той, то другой стороны и не содержатъ ничего достойнаго упоминанія.

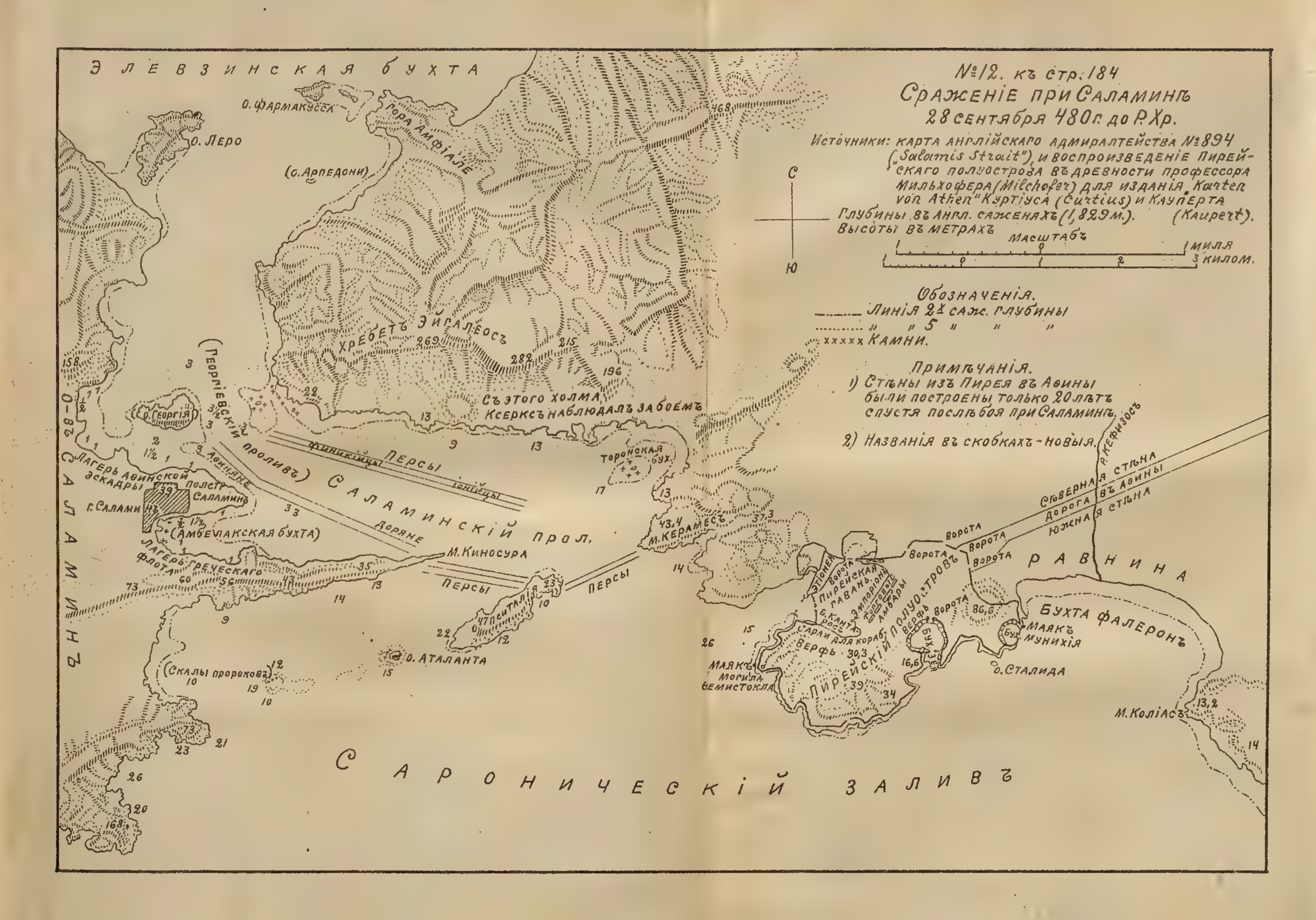
Можно только отмѣтить, что въ Аѳинахъ господство террора зашло настолько далеко, что послѣ побѣдной битвы въ сентябрѣ 406 г. до Р. Хр. у Аргинузъ (между о. Лесбосъ и материкомъ, ближе къ послѣднему)—155 аѳинскихъ кораблей противъ 125 пелопоннесскихъ, изъ которыхъ уцѣлѣло лишь 43—предводители, противъ которыхъ былъ возбужденъ процессъ, сопровождавшійся самымъ низкимъ крючкотворствомъ, были приговорены къ смерти и казнены.

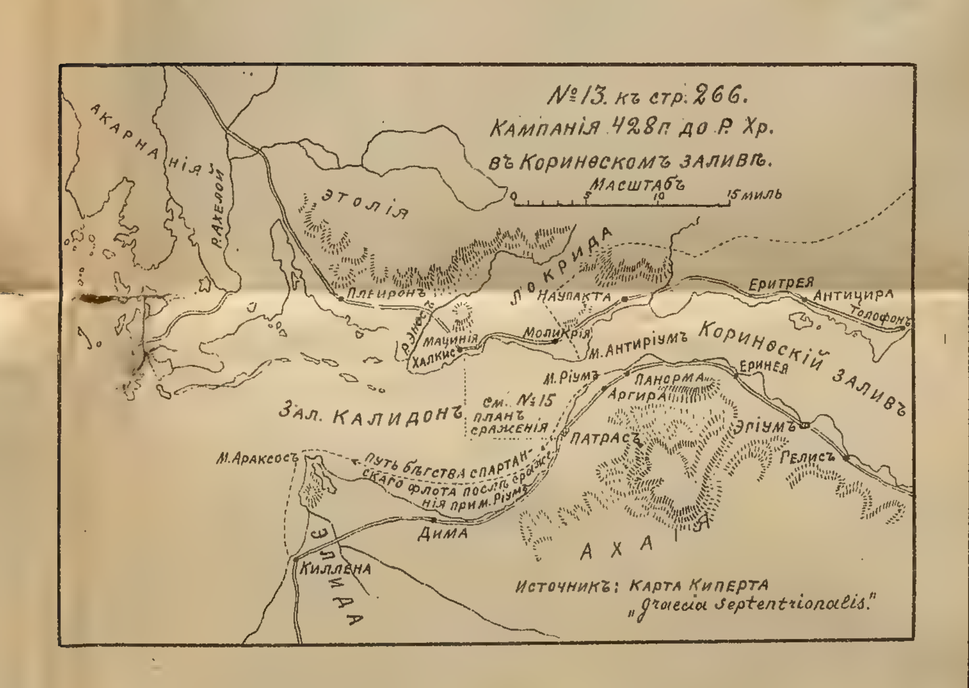
Рѣшительный исходъ имѣла битва при Эгосъ-Потамосѣ (маленькій ручей во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, впадающій въ Дарданеллы). Битва эта, хотя и происходила между флотами, не можетъ однако быть названа морской битвой, такъ какъ здѣсь спартанцу Лизандру, поддерживавшемуся Киромъ младшимъ, удалось внезапно напасть на весь аѳинскій флотъ въ 170 кораблей, стоявшій за исключеніемъ небольшого отряда на якорѣ, и перебить или взять въ плѣнъ весь личный составъ, находившійся на берегу. Удалось спастись всего какому-нибудь десятку кораблей; предводитель Кононъ, памятуя награду предводителямъ въ битвѣ при Аргинузахъ не осмѣлился вернуться въ Аѳины и бѣжалъ на о. Критъ. Плѣнные въ числѣ 3.000 человѣкъ послѣ судбища были убиты вмѣстѣ со всѣми офицерами.

Послѣ этого Аѳины уже не были въ силахъ возсоздать новый флотъ. Осажденные съ суши, они оказались отрѣзанными и съ моря; порты были блокированы, подвозъ, отъ котораго всецѣло зависѣлъ городъ, былъ закрытъ, и Аѳинамъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось подъ воздѣйствіемъ голода согласиться на всѣ требованія Спарты: онѣ должны были выдать всѣ свои корабли и получили право держать только двѣнадцать; онѣ принуждены были

разрушить городскія стѣны и стѣны ведшія къ гавани, и ограничить сферу своего воздѣйствія лишь Аттикою (такимъ образомъ делосскій союзъ прекратился), присоединиться къ пелопонесскому союзу и поставить свои военныя силы въ зависимость отъ Спарты; Спарта ниспровергла аѳинское государственное управленіе (30 тирановъ).

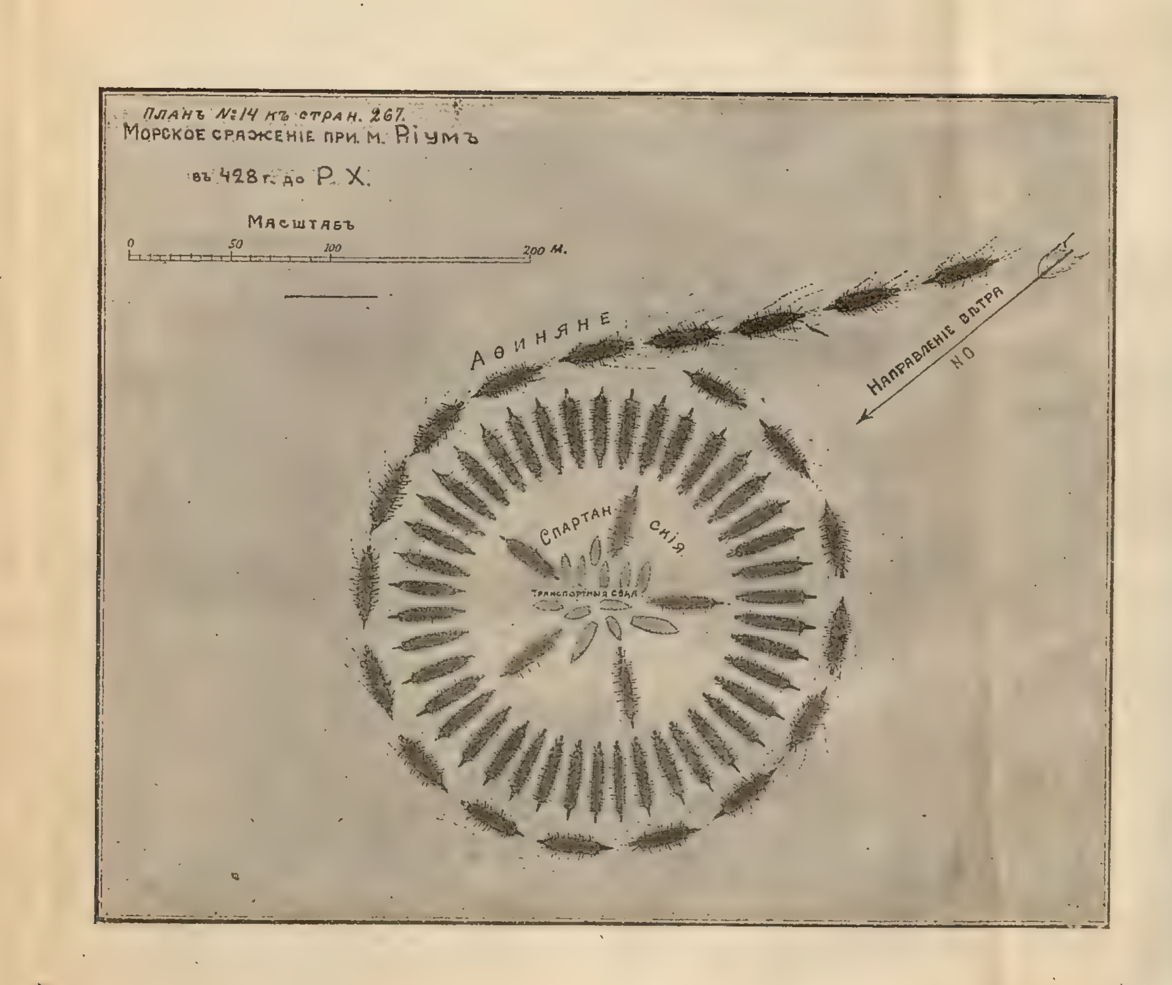
Такъ окончилась война, продолжавшаяся 27 лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось могущество Аѳинъ и значеніе для морской исторіи ихъ морскихъ силъ, хотя въ матеріальномъ отношеніи флотъ Аѳинъ впослѣдствіи достигъ еще большей высоты, чѣмъ прежде.

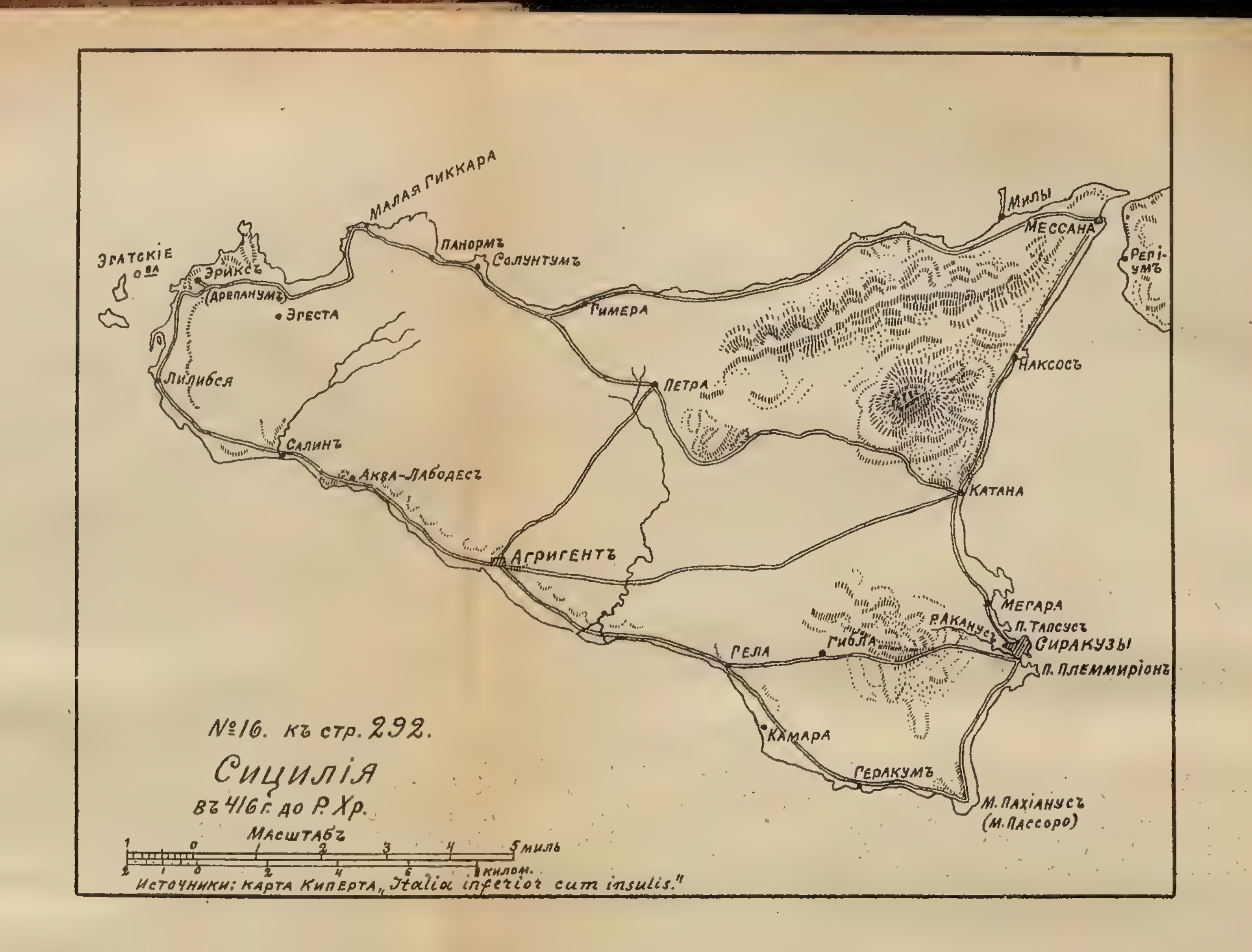

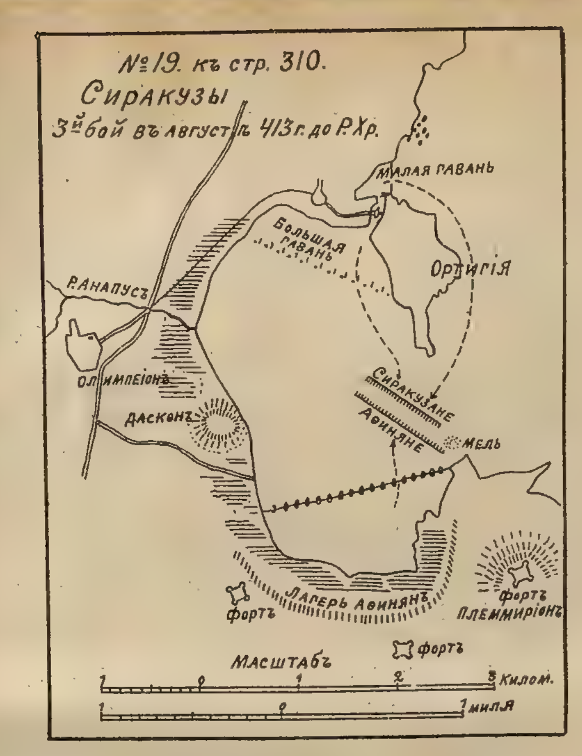

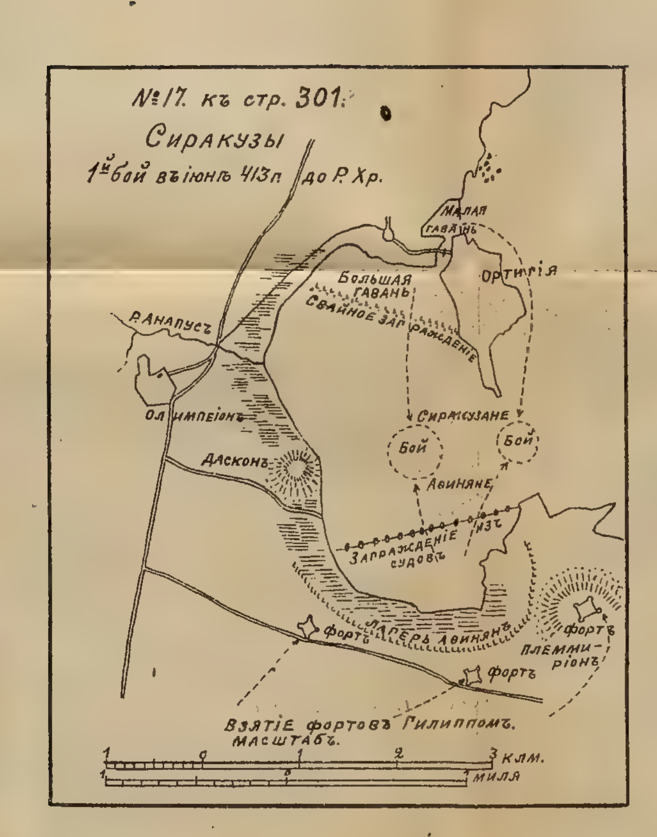

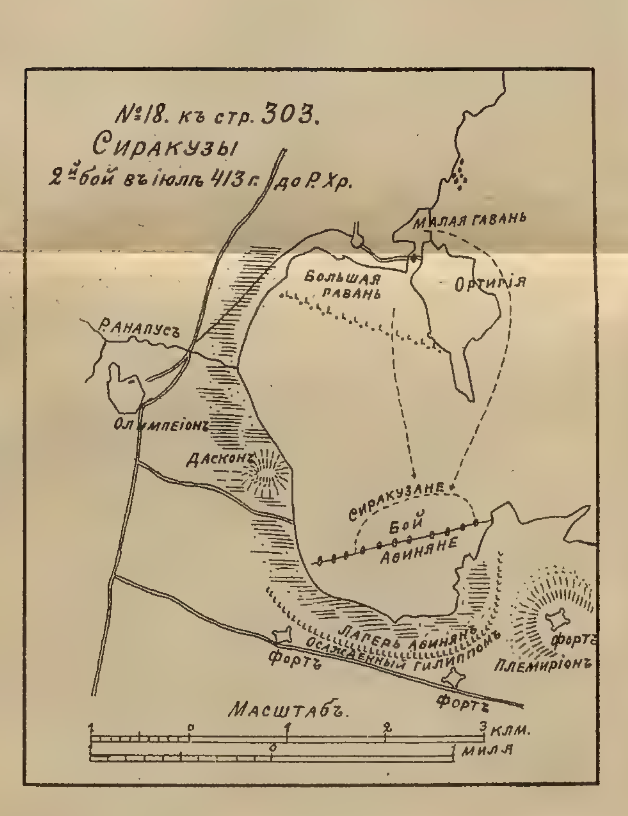
Литографія Козловской (способъ Янова),
Петр. ст., Бол. Зеленина ул., д. 18-а, Телеф. 489-85.

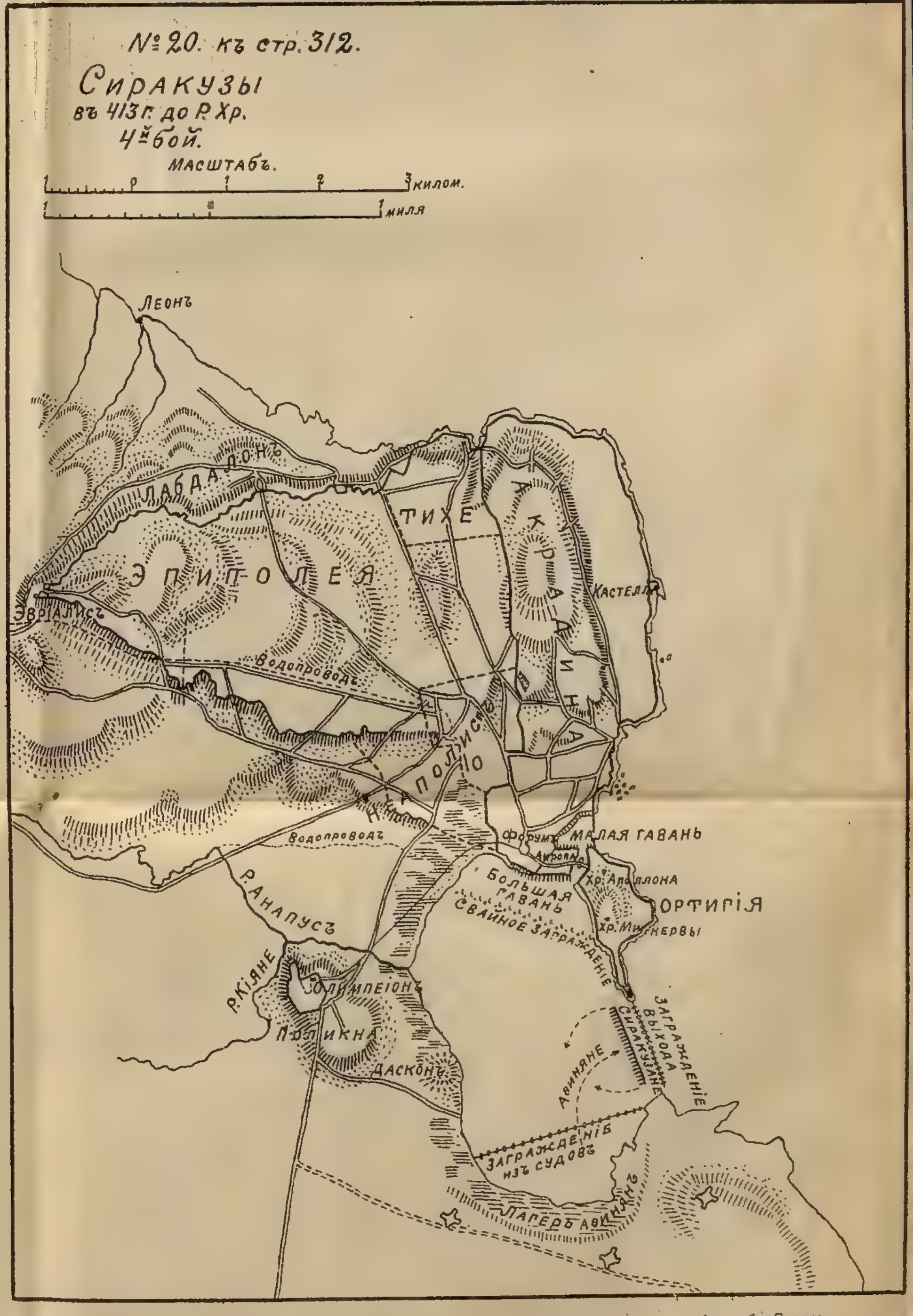

Планъ №14 къ стран. 267.
Морское сраженіе при м. Ріумъ
въ 428 г. до Р. Х.
Масштабъ
0
50
100
200 м.
Аѳиняне
Направленіе вѣтра
NO
Спартанскія
Транспортныя суда

Литографія Козловской (способъ Янова).
Петр. ст., Бол. Зеленина ул., д. 18-а. Телеф. 489-35.

Оглавленіе и краткое содержаніе первой части.

Цифры стоящія передъ заглавіями показываютъ номеръ параграфа.

Штенцель не выполнилъ своего плана. 15. Главныя работы Штенцеля появившіяся въ печати при его жизни

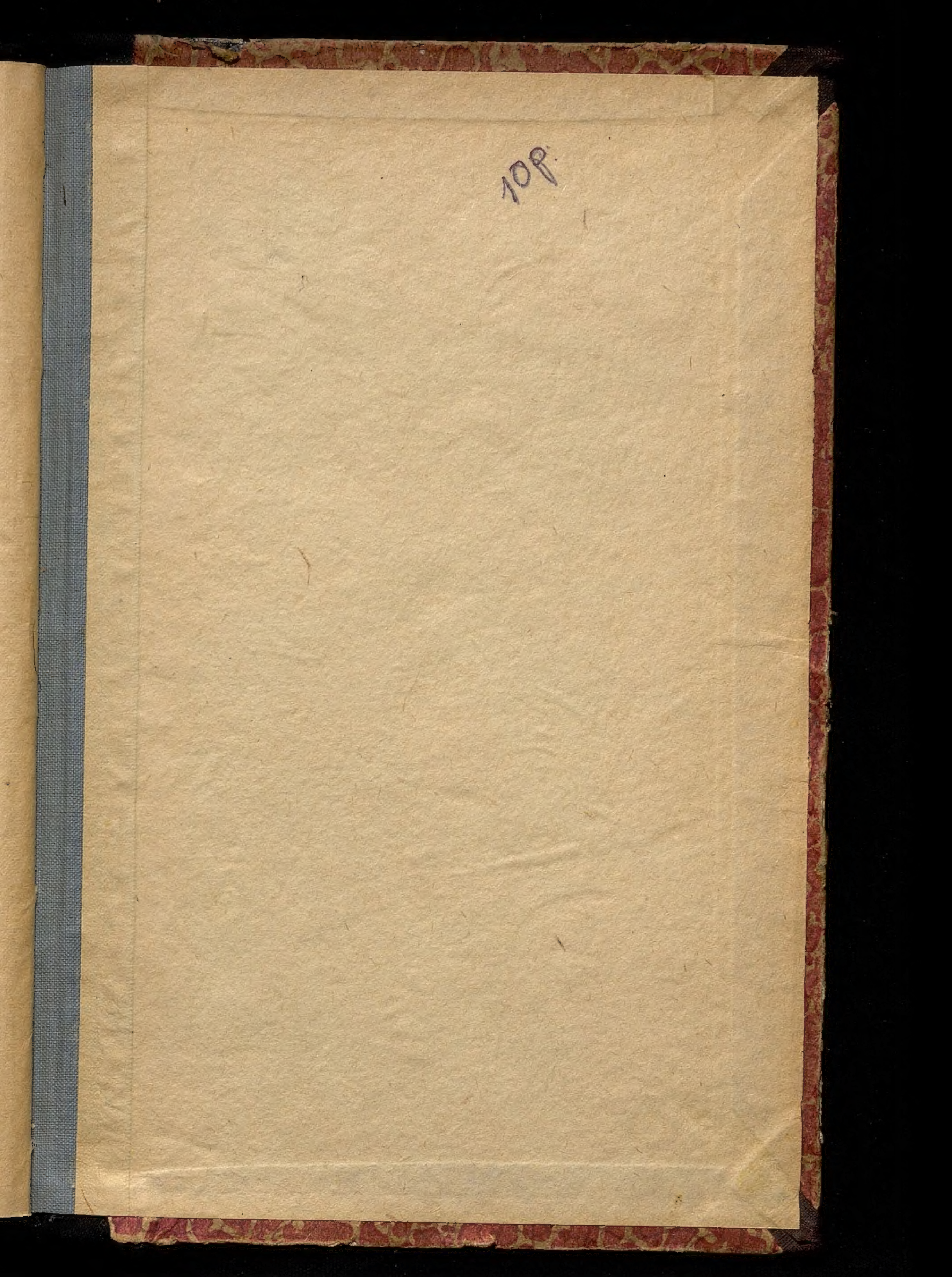
147. Созданіе военныхъ гаваней. 148. Приготовленія персовъ. 149. Ѳемистоклъ призываетъ грековъ къ защитѣ. 150. Сраженіе у Артемизія и Ѳермопилъ. 151. Битвы при Артемизіи. Первый день. Второй день. Третій день битвы. 152. Отступленіе греческаго флота. 153. Ѳемистоклъ какъ военачальникъ. 154. Тактическія и стратегическія заслуги Ѳемистокла. 155. Ѳемистоклъ выступаетъ съ защитой плана боя при Саламинѣ. 156. Описаніе мѣста Саламинской битвы. 157. Силы флотовъ. 158. Боевое построеніе флотовъ. 159. Битва при Саламинѣ. 160. Потери. 161. Бѣгство Ксеркса. 162. Ѳемистоклъ стремится къ преслѣдованію. 163. Слѣдствія Саламинской побѣды. 164. Веденіе морскихъ войнъ. 165. Морская тактика. 166. Боевой порядокъ. 167. Подраздѣленіе флотовъ. 168. Способъ сражаться. 169. Тактика тараненія: а) прорывъ, б) обходъ.

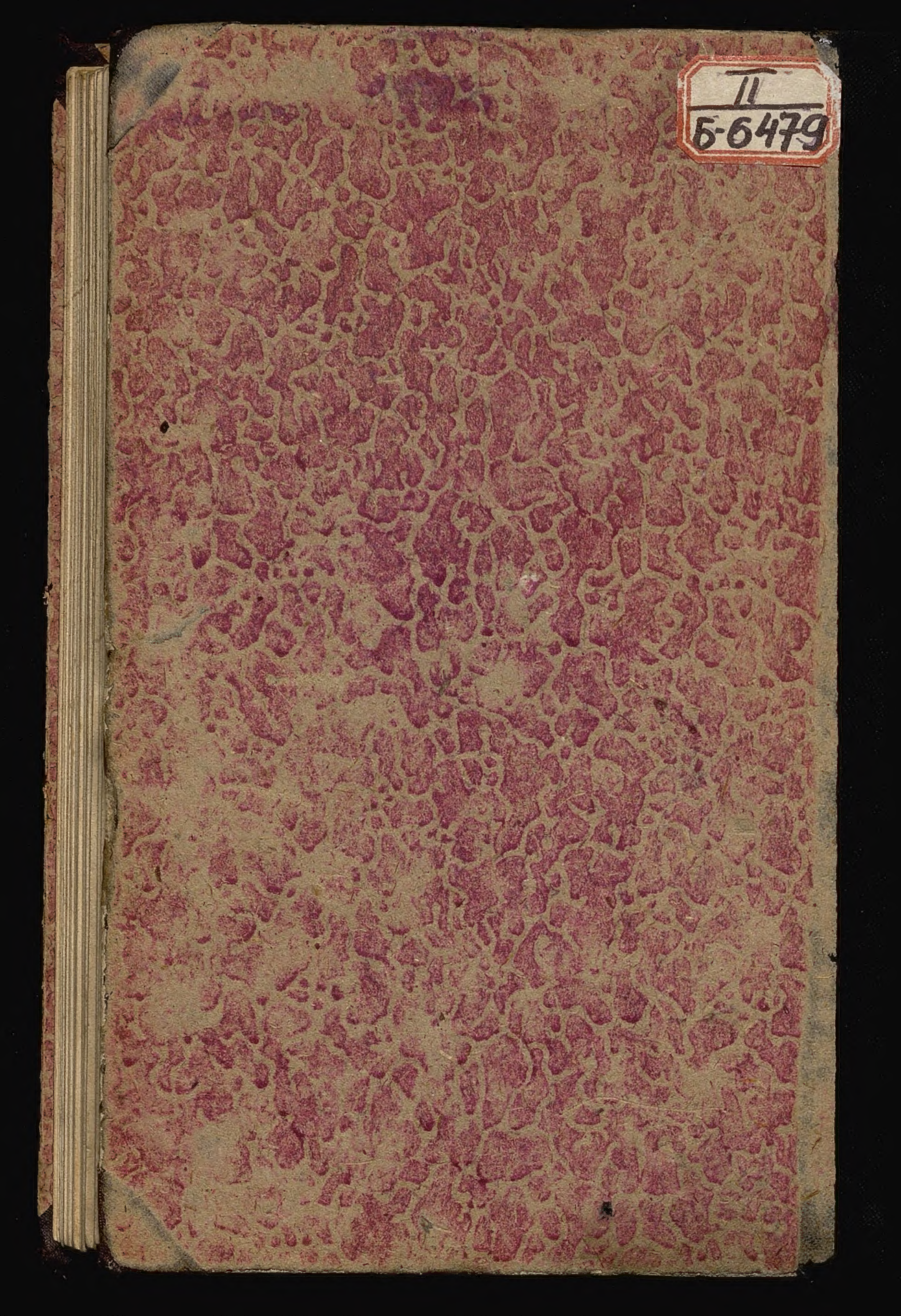
II) Расцвѣтъ Аѳинской морской силы. 170. Битва при Платеѣ. 171. Морской походъ въ Малую Азію. 172. Битва при Микале. 173. Привлеченіе острововъ въ національный союзъ. 174. Переходъ гегемоніи на морѣ къ Аѳинамъ. 175. Пентеконтэтія. 176. Начало аѳинскаго морского могущества. 177. Укрѣпленіе Аѳинъ. 178. Укрѣпленіе военныхъ гаваней. 179. Пирей въ качествѣ торговаго порта. 180. Измѣненія въ военномъ дѣлѣ въ Аттикѣ. 181. Организація флота. 182. Измѣненіе конституціи. 183. Наступательная война на морѣ. 184. Заговоръ Павзанія. 185. Делосско-аттическій союзъ. 186. Спарта отказывается отъ веденія морской войны. 187. Морская гегемонія Аѳинъ. 188. Ѳемистоклъ. 189. Кимонъ. 190. Битва при Эвримедонѣ въ 468 г. до Р. Хр. 191. Расцвѣтъ морского союза. 192. Перемѣны въ Аѳинахъ. 193. Порча нравовъ. 194. Периклъ. 195. Возстаніе острова Тасоса. 196. Кимонъ беретъ Тасосъ. 197. Обвиненіе и оправданіе Кимона. 198. Паденіе ареопага. 199. Изгнаніе Кимона, убійство Эфіальта; Периклъ — руководитель аѳинской политики. 200. Битва при Галіейѣ. 201. Морская битва при Кекрифалейѣ. 202. Сраженіе у о. Эгины. 203. Аѳиняне разбиваютъ коринѳянъ. 204. Сооруженіе длинныхъ стѣнъ. 205. Битва при Танагрѣ. Іюль 457 г. до Р. Хр. 206. Осень 457 г. битва при Эноѳитѣ. 207. Капитуляція Эгины. Зима 457—6 г. до Р. Хр. 208. Сокровища союза перевозятся изъ Делоса въ Аѳины. 209. Морской походъ Перикла въ 453 г. до Р. Хр. 210. Пятилѣтнее перемиріе со Спартой въ 449 г. до Р. Хр. 211. Походъ Кимона къ Кипру 449 г. до Р. Хр. 212. Двойная

битва при Саламинѣ на Кипрѣ въ 449 г. до Р. Хр. 213. Священная война 448 г. до Р. Хр. 214. Эллинскій союзъ. 215. Постройки храмовъ. 216. Основаніе колоній. 217. Битва при Коронеѣ. 218. Возстаніе Евбеи и Мегары лѣтомъ 446 г. до Р. Хр. 219. Веденіе войны. 220. Изгнаніе Оукидида. 221. Битва при Трагіи. 222. Битва при Левкиме. 223. Бой при о. Сибота. Сентябрь 439 г. до Р. Хр. 224. Основаніе Амфиполя. 436 г. до Р. Хр. 225. Закрытіе торговли Мегары въ 432 г. до Р. Хр. 226. Процессы противъ сторонниковъ Перикла въ 433 —432 г.г. до Р. Хр. 227. Пелопоннеская война 431—404 г. до Р. Хр. 228. Потидея сдается. Зима 430—429 г. до Р. Хр. 229. Периклъ опять избирается правителемъ. Весна 429 г. до Р. Хр. 230. Осада Платеи. 231. Планъ спартанцевъ лишить аөинянъ ихъ базы на западномъ побережьѣ Греціи. 232. Морское сраженіе при м. Ріумъ (при Патрасѣ) въ 428 г. до Р. Хр. 233. Подготовка сторонъ для возобновленія морского боя. 234. Морское сраженіе при Наупактѣ. 235. Разборъ сраженій при Ріумѣ и Наупактѣ. 236. Справедливость и демагоги.

III) Упадокъ Аөинъ. 237. Паденіе нравовъ въ Аөинахъ. 238. Усмиреніе возстанія на о. Лесбосѣ. 239. Дѣйствія въ колоніяхъ. 240. Занятіе Пилоса. 241. Миръ Никіаса. 242. Причины экспедиціи въ Сицилію. 243. Составъ экспедиціи въ Сициліи. 244. Переходъ экспедиціи въ Сицилію. 245. Первыя операціи аөинянъ въ Сициліи. 246. Отозваніе Алкивіада. 247. Поиски союзниковъ и денегъ. 248. Начало операцій противъ Сиракузъ. 249. Изъ-за нерѣшительности Никіаса Сиракузы имѣли возможность подготовиться къ оборонѣ. 250. Нападеніе аөинянъ на Эпиполею. 251. Прибытіе въ Сицилію Гилиппа совершенно измѣнило положеніе дѣлъ у Сиракузъ. 252. Гилиппъ создалъ морскую силу Сиракузъ. 253. Битва въ іюнѣ 413 г. до Р. Хр. 254. Операціи сиракузскаго флота въ морскомъ тылу аөинянъ. 255. Нападеніе на свайное загражденіе. 256. Морское сраженіе у Эринеи въ Коринөскомъ заливѣ. 257. Послѣдствія замедленій въ прибытіи подкрѣпленій къ аөинскому флоту. 258. Второй морской бой въ Сиракузской бухтѣ. Іюль 413 г. до Р. Хр. 259. Побѣда сиракузянъ на морѣ надъ аөинянами доставила имъ союзниковъ. 260. Прибытіе аөинскихъ подкрѣпленій. 261. Неудача ночного нападенія аөинянъ на Эпиполею. 262. Аөинянамъ пришлось думать объ отступленіи пока не поздно. 263. 3-я битва 29 (?) авг. 413 г. до Р. Хр. 264. Поворотный пунктъ въ

10p.

II
Б-6479

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
112	3-я снизу	прописывалось	приписывалось
140	14-я сверху	от него	от нее
145	11-я снизу	азовских	в азовских
245	9-я снизу	Особеностью	Особенностью
253	5-я снизу	обстоятельноством	обстоятельством
253	3—2-я снизу	вынужден	вынужден был

Изд. № 4/578. Зак. 846.